

ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ТАЙНЫ КНИГИ ЕЛЕСА

Скрижали
новгородских
волхвов

Тайная Русская
Академия

Возвращение
славянских рун

А.И. АСОВ

А.И. Асов

Тайны «Книги Велеса»

Москва
«Вече»
2008

Отклики на «Книгу Велеса»

Россия:

«Велесова книга», составленная предположительно жрецами славянского бога Велеса в IX веке, — подлинное произведение, принадлежащее восточнославянской народной традиции. Святые идеи восточнославянского братства вдохновляли создателей «Велесовой книги». Драгоценные крупницы духовности, народного мудрования Руси, Украины мы ищем в этом бесценном творении...

Академик, доктор филологических наук России и Болгарии Ю.К. Бегунов, Санкт-Петербург

«Велесова книга» — уникальный памятник истории и культуры древних славян. Наша наука располагает замечательной книгой бога Велеса, созданной предположительно в IX веке новгородскими волхвами.

Кандидат исторических наук, сотрудник ГИМ, В.Д. Кузнецов, Москва

Украина:

«Мы — европейцы, мы в центре Европы, мы — сердце Европы, мы диктовали демократию Европе. Как любят говорить мои друзья: «Когда Европа жила в пещерах, мы, украинцы, трипольцы, жили в белёных домах». У нас была «Велесова книга», поэтому трипольцы — большая мировая цивилизация...»

Виктор Ющенко, президент Украины

Так что же есть «Велесова книга»? Она суть порождение того этнокультурного импульса, который вел славян после падения Трои к сотворению Скифии, она способствовала сотворению русами первого государства Аратты (Арсании и Руси).

И она возродилась из небытия в XX столетии н.э. на сломе эпох... И мы должны поднять и понести это знамя!

Академик, кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Института археологии АН Украины, Ю.А. Шилов, Киев

«Велесова книга» обогатила наши знания об истории Украины, высветила темные века от XII столетия до н.э. по IX век н.э.

«Велесова книга» свидетельствует, что наши далекие пращуры обладали чувством достоинства, национальной гордости, патриотизма, были людьми творческими, высокодуховными, имели высокую мораль и священную любовь к родной земле.

Доктор филологических наук,
профессор Б.И. Яценко, г. Ужгород

Югославия:

«Велесова книга», переведенная на русский язык А.И. Асовым, — это памятник, значимый для культуры и для исторического самосознания славян.

Это древнейший памятник письменности славян, важный источник сведений о языке, культуре, вере предков всех славянских народов.

Декан филологического факультета
Белградского университета,
Радимило Мароевич

И мы все, кто относит себя к славянству и именуется славянином, должны познать тайны «Велесовой книги», дабы мы могли осознать свой «генетический» и религиозный код, свою природу, и свое право наследования от предков древней духовности.

Доктор исторических наук
Радмило Петрович, Белград

«Велесова книга» представляет собой уникальный и бесценный документ славянской письменности, в котором в поэтической форме, от имени Дажьбога, как бога света, смысла и мудрости, говорится о законах мироустройства, о гармонии...

А связь «Велесовой книги» с Дажьбогом, который сам суть бог света и гармонии природы, заставляет нас признать, что сей «свет» неразрывно связан с просвещением, разумом и мудростью.

Профессор Белградского и Миланского
университетов доктор исторических наук
Р. Пешич, Милан-Лондон-Белград

Чехия:

«Велесова книга», переведенная А.И. Асовым, — это Священное писание славян. Она была вырезана на буковых дощечках в Новгороде Великом в IX столетии.

Это текст старейшей европейской традиции, который можно сопоставить с Индийскими Ведами и Авестой...

Перевочик, велесовед
Велемира Железна, Прага.

Русское, украинское и сербское зарубежье:

Мы обязаны необычайному случаю, именно революции, из-за которой «Дощьки» увидели свет. Но также мы обязаны неудачному времени, Второй мировой войне и немецкой оккупации, по причине коих «Дощьки» исчезли. Текст между тем был переписан почти весь.

В основном, текст совпадает с мнением Ломоносова о происхождении Руси и имени Русского народа. Нравится или не нравится гг. «норманистам», но дело Начального периода Русской истории сдвинуто с места...

Ю.П. Миролюбов,
Сан-Франциско

Тексты «Дощечек Изенбека», как я их понимаю, являются величайшим историческим документом и не только для нас, русских, но и для остальных народов белой расы.

Эти документы уже произвели грозную революцию в понимании нашей начальной истории, но они произвели революции и в языковедении, указав, что древнерусский язык является отцом так называемых славянских наречий.

Историк, этимолог, выпускник
историко-филологического факультета
Петроградского университета
А. Куренков, США, Пало-Альто

Интерес к «Влес-книге» — не просто интерес к тому, что когда-то что-то было, а это, по сути, интерес к основам нашего сегодняшнего понимания места в мировой культуре... И это есть основа суждения о будущем нашего великого народа.

Профессор С. Лесной,
Мельбрун-Канберра-Виннипег

«Велесова книга» возвратила отсеченные и утраченные тысячелетия истории славянских народов. Она обогатила славянское языкознание, палеографию, этнографию и археологию. Показала, что славяне имели древние и крепкие корни среди народов Европы...

Археолог, директор Европейского института изучения славянских древностей под патронажем Его Королевского Величества Престола наследника Александра София Давидович-Живанович, Лондон

«Книга Велеса» изменит не только науку истории, но и саму историю. Отречься от «Книги Велеса» — значит отречься от нашего Первородства!..

И тогда только иноземные историки будут нас учить тому, что мы сами отринули...

Профессор Владимир Шаян, выпускник филфака Львовского университета, президент Украинской Свободной АН, Лондон

«Велесова книга» — это великое предание Доисторической Руси. Говорить о поддельности этой дохристианской летописи может только незнакомый с нею. Не было ни одного человека, который обладал бы такой коллосальной суммой знаний, чтобы ее составить, придумав совершенно до сих пор незнакомый науке язык роксолан...

Историк церкви, археолог, протоиерей о. Стефан (Ляшевский), США, Вальрико

Подлинность дощечек «Велесовой книги» несомненна... Это невероятной исторической ценности сокровище. Может быть, самое дорогое по своей уникальности для нас, русских, пришедшее к нам из седых веков...

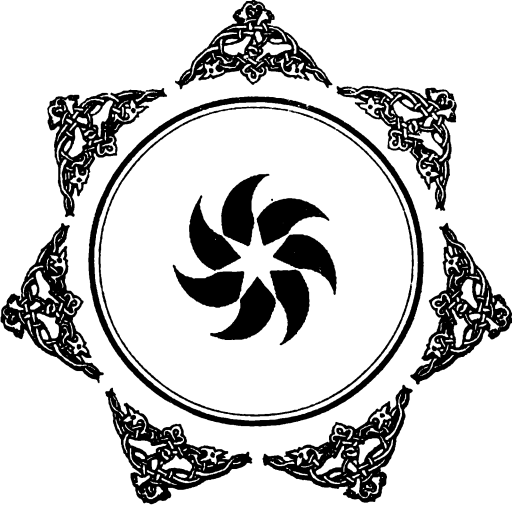
Такое величие! Такая красота! Древняя стихия во всей ее первобытной свежести и нетронутости!

**Историк, поэт, велесовед,
П.Е. Соколов-Панин, Сидней**

Пролог

**«Чтобы свеча
не угасла...»**

Пролог

*Чтобы не оборвалась память о родови-
чах наших и свеча бы наша не угасла...*

Мы желаем знать свою историю.

**Мы желаем припасть к тому таинственному, живому род-
нику, который дает Руси силы жить и превозмогать всё.**

**И мы имеем право на свою историю. И потому мы должны
писать ее сами: дети о своих отцах и дедах. И только так пи-
шется истинная история.**

**Только так мы сможем ощутить свои корни, утвердиться в
вере своих предков и в вере в то, что Свеча Рода не погаснет и
Земля Русская не погибнет.**

**И этому могут и должны помочь открытые в наше время
памятники древнейшей славянской культуры и письменно-
сти: «Книга Велеса», «Боянов гимн», также «Веда славян».
О них, о том как они пришли к нам, и о великих тайнах, со-
крытых в них, и пойдет речь в настоящей книге.**

**Наши предки оставили нам великое наследство, историю,
культуру, землю. Сбережем ли мы это наследство, донесем ли
его потомкам?**

**И нужно понимать, что только сберечь — мало. Рос-
сия сама есть великий мир, и она может существовать и
идти в будущее, только неся и вынашивая в себе великую
идею. Ту идею, которая найдет отклик в сердцах всех
людей. Идею «извечной правды», справедливости, пра-
ведности, православия в его изначальном понимании.
А исток этой идеи — в Ведах и Пра-Ведах, в «Книге Веле-**

са», где говорится о том, как пращурьы наши вели нас «Стезей Прави».

И в этом оправдание бытия России. И этой идеей она жива, ею она окрыляла и окрыляет своих сынов и дочерей.

И даже ныне, когда уже нет той страны, в которой мы родились, осталось главное для всех нас, русских, украинцев, белорусов, для всех думающих и говорящих по-русски — это единство мысли, языка, единство судьбы. Единство стремления жить «по правде», «по православному».

И это единство не ограничено нынешними да и прошлыми пределами нашей страны. Никогда русский не будет считать украинца иностранцем, ибо Киев — был, есть и будет «матерью городов русских». Заграница ли «Белая Русь», Белоруссия? А Казахстан, откуда по «Книге Велеса» вышли русские роды, и где ныне русский язык преобладающий? Да и древнее родство всех славян живо в нас.

Пусть ныне нас разделяют границы, но я верю — пройдет «смутное время». И поручкой тому — великая культура и духовная сила России, мощь русского языка, объединяющего народы.

Причина притягательности русской культуры и духовности в ее древних корнях.

Русский язык — чрезвычайно древен, он близкий родственник санскрита, священного языка индийских Вед. Корни русского языка лежат в глуби общечеловеческой, ведической. Не потому ли и язык русский так притягателен, что люди чувствуют его изначальность, общечеловечность?

И беречь русский язык нужно, дабы сохранить его для будущих поколений. Следует уважать и свою историю, не подлаживая и не переписывая ее в угоду тем, либо иным переходящим обстоятельствам.

И «Книга Велеса» может помочь этому, ибо она — величайший памятник русской исторической мысли, богатейший по языку, наполненный многими величайшими идеями. Она может обогатить и наш язык, а также вернуть верное понимание исторической миссии славян и русов.

«Книга Велеса» может и должна помочь нам в борьбе за верное понимание глубинных истоков русского языка, в

борьбе за возрождение национальной культуры, пробуждение исторической памяти и против искажений и фальсификаций русской истории.

В наш век произошло оскудение всех традиционных культур и не только в России. Люди, соблазненные призраками, выдающими себя за вестников грядущего, отринули прошлое — и оказались в мире, в котором жить становится все трудней. Болезнями — душевными и физическими, преждевременной старостью мы платим за отход от истинного пути («Стези Прави», как сказали бы наши пращурь), от пути созидания, от жизни в согласии с собой и с Природой.

Но есть люди, которые говорят только на русском языке, и при этом отвергают русскую культуру. И причиной тому — душевная пустота, которую они стремятся заполнить тем, что есть под рукой, какими-то обрывками плохо понятой европейской, американской или индийской культуры.

Люди начинают искать причины своих бед, духовного нестроения только вовне. В то время как причина в нас самих, не сохранивших преемственность, отвернувшихся от вековых традиций. И только в обращении к опыту предшествующих поколений наша надежда на Возрождение России.

И потому я говорю: то, что вы не любите здесь — это не Россия, не Русь. Русь нельзя не любить. Русь — Матушка. И мы все ее дети. И потому — возлюбите ее всем сердцем, всеми своими мыслями, всей душою.

У древа русской культуры глубокие корни, раскидистые ветви. Но иные «ревнителы» чистоты той или иной идеи, действуют подобно «безумному садовнику», который решил улучшить сад и потому отрезал от хорошей ветви ствол, а потом пошел и сорвал все цветы в саду, оставив только один, по его мнению лучший. Ведь так можно погубить и весь сад, а оставив ветвь (имеется в виду, например, православное христианство) без ствола и «ведических корней», неизбежно погубишь и саму ветвь.

Конечно, эти страсти подогреваются извне, но мы и сами движемся, как в полусне, толкаем друг друга и не видим истинного пути. Ответственность за совершаемое лежит только на нас. И не пора ли нам прекратить междоусобицу? Нужно осознать, что мы все — жители одного большого дома. И у нас одна Россия!

И ныне следует заниматься созиданием, распространением знаний. Нужно пробуждать спящее сознание нации, начинать по-новому воспитывать людей, будущих творцов великой России. Встав на «Стезю Прави», человек обретет невиданную духовную и нравственную силу, интеллектуальную мощь, которая поможет преодолеть любые грядущие задачи.

Впереди у нас долгий и непростой путь. Нам еще предстоит осмыслить свое прошлое, осознать смысл вести, пришедшей к нам с «Книгой Велеса», иными славянскими ведическими памятниками. Нужно еще донести их до сердца каждого русского человека, сделать их общечеловеческим достоянием.

И это тоже важно. Русская ведическая культура должна и может занять в мировой культуре место не менее почетное, чем индийская ведическая. И тому есть все основания. Мир ждет от России не подражаний современной американской «масскультуре» и не верности образцам угасшей много сотен лет назад византийской культуры (наследников сей культуры они скорее будут искать в самой Греции), а своего, идущего от корней жизни народной, от «праведического изначалия» великого и мощного слова.

И любое проявление сей дремлющей силы в творениях наших художников, музыкантов, писателей находит отклик по всему миру в сердцах людей открытых прекрасному. Впереди нас ждет большая работа для всех художников слова, кисти и нотной строки, кто творит будущий облик нации. И без этого нет Возрождения России, нет будущего.

И в связи с этим особое значение приобретает спасение славянских рунических памятников, несущих в себе идеи прарусской, праведической духовности.

«Камень, отброшенный строителями, должен лечь в основании храма», и это сказано также и о «Книге Велеса», кою в ведической традиции называли «Камнем Веры», ниспешшим с небес. Она была отброшена «каменщиками», но именно она ляжет в основании грядущего храма.

И есть еще иные части той великой «Славянской Веды», иные рунические рукописи, и их нужно спасать. И тогда они в свою очередь спасут нас. И нужно для этого много работать, и для этого ныне нужно решение людей, имеющих власть.

Спасать нужно и саму «Книгу Велеса», ведь по сию пору экземпляры оригинала (переписи 20-х и 30-х годов) единичны. Ни их, ни их копий нет в научных библиотеках, они не изданы полностью. Есть вероятность найти и сами дощечки, но для сего нужны серьезные вложения, организация следственной группы и т.д.

Нужно издавать и толкования, изложения «Книги Велеса», нужно ее представлять на телевидении, в театре и кино. И тогда она войдет в современную культуру, начнет пробуждать сознание, станет учить «Стезе Прави» и так спасет нас.

Но для этого прежде всего нужно разбить ту незримую стену, которая стоит на пути «Книги Велеса». И эта «стена» есть в нашем сознании. Часто и сама «Книга Велеса» устанавливает сию стену, дабы недопустить к мудрости своей людей падших. Она так и говорит: *«идуший ко злу, со злом до конца пребудет»*, и *«он не будет иметь с нами счастья»*, и *«будет ходить как слепой»*. Духовную слепоту насылает она и на людей, распространяющих ложные теории о русской культуре, истории, и именно по этой причине они не могут принять «Книгу Велеса».

И потому нужно вести открытую и честную борьбу с наследием в нашей исторической и филологической науке различных ложных теорий, суть коих сводилась к доказательству бедности и несамостоятельности русской культуры. Да, русские никогда не стыдились учиться у иноземцев и за-

имствовать то, что служило на благо России. Но также и сами были «учителями».

Суть не в том, чтобы отгородиться от инокультурных влияний, а в том, чтобы искать истоки национальной культуры не во вне, а в глубине самой народной жизни. Нужно противостоять и фальсификации нашей истории, разоблачать миф о дикости Древней Руси.

Помочь сей борьбе и призвана «Книга Велеса», являющая людям с открытыми сердцами величественную картину жизни славян в первоначальные времена.

Она открывает перед нами «мир древний, мир дотоле неизвестный, но совершенно точно укладываемый среди фактов нашей истории, чарующий своей древней простотой, своим естественным благородством, глубиной и величием мысли. По поэтичности языка «Велесова книга» не уступает «Слову о полку Игореве», а в чисто историческом значении его превосходит, так как дает сведения, которых нет нигде...» (велесовед П.Е. Соколов-Панин)

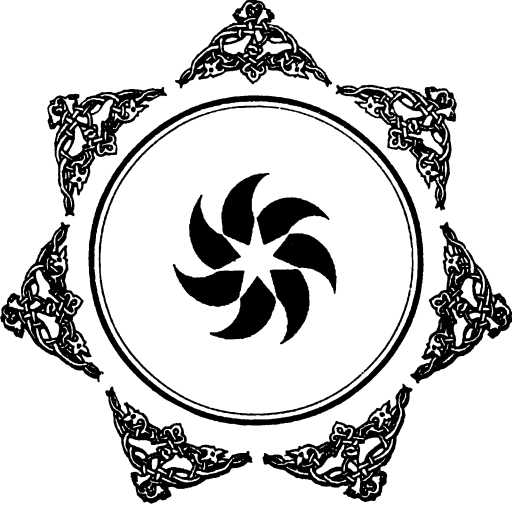
И это наш долг перед нашими предками чтить их память. Благодаря им жива Россия. Они живут в нас и они часть нас. И они могут помочь нам. Они укрепят наш дух, укажут истинный путь, если мы обратимся к ним. И если мы сохраним о них добрую память, передадим ее своим детям, тогда и они примут нас, как своих детей, когда мы окончим наш краткий путь на сей Земле. И это наш долг, и в этом наша «Стезя Прави».

И ныне перед нами стоит задача открыть путь в отечественную культуру для «Книги Велеса», а также спасти иные памятники древней русской мысли. Еще есть возможность многое из русского ведического наследия спасти и тем открыть эпоху Русского Возрождения.

**Создание
«Книги Велеса»**

Кто творец «Книги Велеса»?

Ну что вы! В русской литературе XIX века и делать нечего. Кто написал — известно, что написал — известно, и текст есть. То ли дело у нас, в древнерусской литературе! Кто написал — неизвестно, что написал — неизвестно, и текста нет!

Академик Н.К. Гудзий

Начинать изучать любой древний памятник письма следует с первичного ознакомления с ним. То есть с определения (вначале предположительного) времени и места его создания, выяснения имени автора текста, если он назвал себя сам. То есть мы должны знать: что за памятник перед нами, к какому времени и месту его можно отнести.

И это вполне можно сделать, если необходимые сведения даны в самих текстах, и если их можно прочитать. Все это следует делать еще до детального изучения самой рукописи, до полного перевода ее текстов. До разрешения вопроса о ее подлинности.

Затем можно приступить и к прояснению происхождения памятника. И тогда мы сможем ответить на вопросы: как мог сохраниться тот или иной памятник? Мы можем узнать его путь в веках.

И, наконец, далее, мы можем перейти к ознакомлению с историей нахождения и опубликования памятника. Мы узнаем, какие первые отзывы он получил в научном мире. Со времени нахождения «Книги Велеса» работ на эту тему вышло великое множество. Только переводов «Книги Велеса» на разных языках вышло более трех десятков и

бесчисленное множество исследований крупнейших славистов мира.

Интерес к «Книге Велеса» растет. И следует заметить, что теперь, после первых многотиражных изданий, опасность для памятника пришла с новой стороны, от дилетантов и эпигонов, кои из-за некомпетентности уводят от верного понимания источника.

Следующий этап наступит вскоре, когда в дело вмешаются политики. Политическое значение идей «Книги Велеса» становится все более значимым, потому многие желают использовать ее на пользу своей партии, движения. Так было и в прошлом уже при первом явлении памятника. Нарастают вокруг «Книги Велеса» и разного рода политические мифы, развенчанию коих уже следует уделить внимание. И очевидно, после реакции политиков, подробно высказутся и официальные академические структуры, традиционно выполняющие политический заказ. И тогда истина может надолго уйти на дно от разногласия мнений как бы «авторитетов», прикрывающихся званиями, вне зависимости от того, «за» или «против» им будет суждено высказаться. Об этом также будет в своем месте рассказано.

Но прежде всего, полагаю, пришло время изложить подлинные достижения различных «велесоведческих» школ. Эти достижения — значительны, но малоизвестны, потому каждый новый поверхностный исследователь, полагает, что следует все начинать сначала. Из-за этого делаются одни и те же ошибки, либо совершаются «открытия», сделанные ранее, а бывает, они и присваиваются. Следует уважать работу первопроходцев, особенно почивших, именно потому, что они были первые и им было много труднее. Они положили на алтарь служения отечественной истории свои жизни и работали честно, не полагая быть признанными, а теперь они уже не могут защитить свои работы и открытия.

Также нередко новые «исследователи» следуют мнениям противников подлинности памятника, слепо используя их искаженные и неполные издания текстов. И в этот вопрос также пора внести ясность.

А вначале следует рассказать о самом легендарном творце дощечек «Книги Велеса».

Творец «Книги Велеса» волхв Ягайла Ган

Итак, IX век. Келья волхва, чадят факелы или горит лампада. Седовласый волхв сидит за работой. Перед ним на стол ложатся навощенные дощечки. Только что оструганные, выровненные...

И вот он наносит на них первые буквы, рисует символы, также быков, лисиц и грифонов... Волхв медленно, месяц за месяцем, год за годом выводит острым писалом буквы... «Влес-книгу сию потщемо Богу нашему...»

Кто он? Кто творец «Книги Велеса»? Какое имя он носил? Какую жизнь прожил? Где он писал свою летопись, летопись души русского рода?

Имя творца дощечек

Можно ли ответить на эти вопросы? Идут споры даже о том, был ли один создатель у «Книги Велеса», или, как полагали иные, их было много: и они переписывали и дописывали тексты дощечек из века в век...

Всё так, была и традиция, жреческая, восходящая к самому Бояну, также князьям Бусу и Златогору из рода Белояров. Были и послушники, обучавшиеся в храмах; в знаменитых на весь славянский мир центрах ведического знания, — таких как Руян на Балтике, Сурож и остров Буян (Тамань) на Черном море, святилища Киева Древнего и Новгорода Великого. В этих центрах переписывались древнейшие летописи, сказания. И тогда жили и творили многие волхвы, читавшие проповеди на праздниках поминовения предков.

Но, уверен, был и один волхв, один «создатель». Тот, кто продолжил дело предков и завершил традицию Бояновых и Златогоровых песен. И этот создатель, его единая сильная личность, как бы «витают» над образами «Книги Велеса», она чувствуется в каждой строке, в тексте каждой дощечки.

И он являлся личностью необычайной, обладал воистину божественной мощью слова, широчайшим кругозором, знанием древней русской истории, эпической традиции многих народов, а также он был посвящен в величайшие глубины и таинства славяно-ведической Традиции. Такая личность приходит раз в эпоху и оставляет след в вечности.

Так каково же имя преодолевшего бездну времени творца «Книги Велеса»? Дошло ли оно до нас?

Дошло. Имя его нам известно давно, уже двести лет! Оно, как имя автора текстов «дощечек», указано уже в каталоге известного археографа Александра Ивановича Сулакадзева, того самого, у коего хранились дощечки «Книги Велеса» в начале XIX века, к тому же оно, в сокращенном виде, указано и в самих «дощечках» (а именно в надстрочной записи дощечки № 12, о чем подробнее будет рассказано ниже).

И это имя: «Ягила Ган». В каталоге А.И. Сулакадзева даже указано, что жил он в IX веке, недалеко от Новгорода, «в Ладоге».

Имя волхва «Ягила» вполне обычное, западнославянское по звучанию, известно оно и в виде «Ягайла», «Ягайла», «Ягелло» (могло оно звучать и в древности так или близко, но при передаче «велесовицей» превратилось в «Ягилу»). Известна польская королевская династия XIV — XVI вв. Ягеллонов, основателя коей звали Владислав Ягайла (Ягелло), так его родовое имя передают средствами современной русской азбуки, а по-польски его записывают как «Jagiello». Очевидно, что «велесовицей» сие имя могло (и должно) было записываться так: «ЯГІЛІА», «ЯГІЛІА» (что совпадает с польской транскрипцией), а А.И. Сулакадзев неизбежно должен был это имя передать как «Ягила».

Фамилия или родовое имя «Ган» имеет опять-таки западнославянское звучание: у чехов и украинцев есть имя «Ганка» (такое имя носил известный чешский ученый, работавший с «Краледворской рукописью»). Есть и немецкая фамилия «Ганн», имеющая, полагаю, славяно-

венедские корни, ибо в славянских языках «ган» (а также «бан», «пан», наконец «хан») означает «царь» или «князь». Есть и созвучное слово «кам», означающее «жрец», что вполне подходит для волхва, принадлежащего к жреческому роду.

В связи с этим мы можем предположить, что ладожский или, что более вероятно, новгородский волхв Ягайла Ган был из рода западнославянских (то есть венедо-ободритских) волхвов.

Этим и объясняются очевидные в его речи так называемые «польские» черты, на кои потом указывали многие филологи¹. Да и в толковании Триглава², где он на место старого «словенского» Велеса ставит «венедского» (западнославянского) Святовита, вполне объяснимо западным происхождением волхва Ягайлы.

То есть уже имя его дает нам право говорить о «венедских» корнях его рода, а также о том, откуда сей род пришел в словенские земли.

Волхв с «Книгой Велеса».

Рис. А. Асова

¹ К примеру, «праполяком» автора «дощечек» называла известный полонист Г.С. Белякова. Полеско-польские черты в речи автора «Дощечек» находил и украинский переводчик «Книги Велеса» Борис Яценко и т.д.

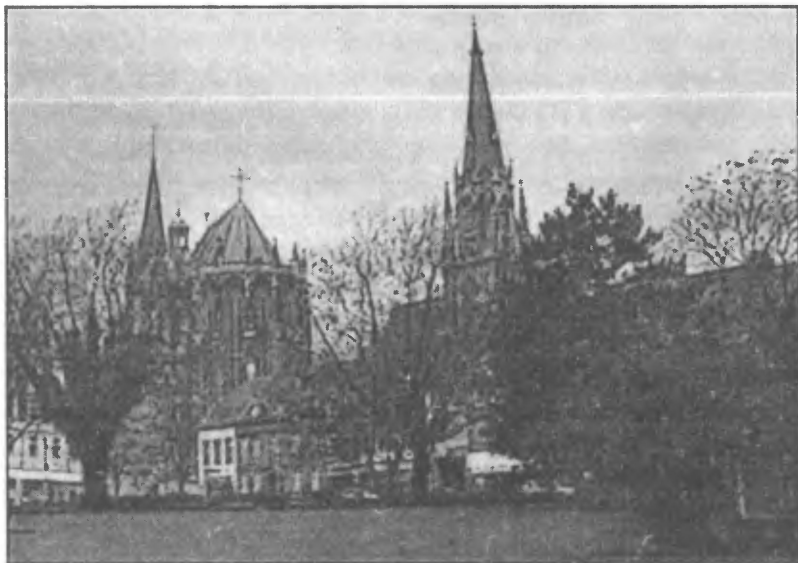
² Триглав — славянская ведическая Троица. В «Книге Велеса» это Сварог-Перун-Велес, также Сварог-Перун-Святовит.

Происхождение рода Ягайлы

Перенесемся в то время, когда род Ягайлы покидал прежнюю родину. Мы можем указать дату, когда это произошло. Это был 790 г. н.э.

Тогда франкский король Карл Великий захватил цитадель вендов-вагров, одну из европейских столиц Старгород. Так он вошел в Франкскую империю, потом был онемечен и переименован в Ольденбург (ныне этот город находится в Германии близ Бремена).

Вот что писал о сем городе Гельмольд в «Славянской хронике»: «Ольденбург, тот, что на славянском языке зовется Стариград, то есть «старый город», расположен в земле вагров, на западной стороне Балтийского моря, и является пределом Славии. Город же этот... некогда населяли храбрейшие мужи, так как, находясь на переднем крае всей Славии, они имели соседями датчан и саксов и все военные столкновения или сами первыми начинали, или, если нападали другие, принимали удар на себя».

Аахенский собор Карла Великого с его гробницей

Святыни вендов (вильцев, ободритов) были разрушены Карлом, язычники крещены либо истреблены, а частью бежали. Столицей Франкской империи Каролингов и резиденцией Карла Великого тогда стал город Аахен (о коем мы еще вспомним в связи с поисками дощечек «Книги Велеса»).

Своей победой Карл Великий был не в последнюю очередь обязан тем, что переманил на свою сторону князя ободритов Витислава и, значит, его внука (либо, по менее достоверной генеалогии, сына) Годлава, у коих были давние распри с вильцами.

Князь Годлав, будущий отец Рюрика Новгородского, потомок Витислава по матери, имел виды на престол вендов-ободритов и вильцев. Также он был из рода короля датчан Гальфдака и воевал за датский трон с другим претендентом Готфридом Датским, но был изгнан из Дании в 780 году.

Поддавшись на посулы, и, очевидно, крестившись, Годлав воевал на стороне Карла, а затем сел на трон ободритов и мечтал расправиться и со своим врагом Готфридом. Однако Карл оставил ему во владении «лен» во Фрисланде, то есть в Нидерландах, бывших в союзе с венедами. Фризы в союзе с ободритами также воевали с датчанами, в 786 году состоялась и знаменитая битва при Бравалле, когда был убит король датчан Гаральд (дед Годлава), в той битве отличился ободритский князь Бравлин I (Буривой), о деяниях коего вспоминал потом и волхв Ягайла Ган.

Годлав и затем, оставаясь верным Карлу Великому, воевал с восставшими язычниками, саксами и сородичами венедами, пока не было заключено перемирие, скрепленное браком

*Карл Великий.
Статуя, VIII век*

Годлава и Умилы, дочери князя венеков Гостомысла. И в 800 году у Годлава в Фрисландии родился сын Рюрик.

Сей Гостомысл был сыном Буривого и внуком Гостивита. У него были братья-соправители Славомир и Дражко, согласно венековским анналам, опубликованным немецкими историками XVIII века Ф. Хэймицем и Э. Вестфалленом. В то время как братья правили в Вендии, сам Гостомысл правил в Новгородской земле, в крупнейшей торговой фактории Вендии и на севере.

Именно туда, под покровительство Буривого (Бравлина I), а затем и Гостомысла после разгрома Старгорода и бежали роды ободритов, в том числе и род волхва Ягайлы Гана, будущего создателя «Книги Велеса». И не удивительно, что потом Ягайло помнил о переходе на сторону Карла отца Рюрика Годлава и восставал против него.

Бежали ободриты от Карла Великого и переселились на берега Ильменя в финские земли, кои к тому времени около столетия осваивались также словенами (те пришли с Кавказа, а затем с Карпат после многих войн).

Причем уходили тогда от войны ближайшие предки Ягайлы. Это мог быть его отец либо дед. Да и он сам в младенчестве вполне мог бы оказаться одним из переселенцев. Правда, для сего ему понадобилось бы потом прожить около восьмидесяти-ста лет, чтобы стать свидетелем всех событий, кои он потом описывает. Но почему бы и нет? Очевидно, что Ягайла жил в согласии с ведической «Стезей Прави», а этот образ жизни дает долголетие. Кончил свои дни он в конце 870-х годов. К тому же он и сам, от первого лица, говорит в дощечках: *«Мы пришли от Старого града к озеру Ильмень и основали Новгород. И отныне мы здесь пребываем. И тут Сварога — Первого Пращура молим, ибо Он также Род-Рожанич и крынь-источник небесный».*

Однако очевидно также, что западнославянские события его мало занимали. Для него это давняя история, к тому же история полная поражений: *«Венды на западе перед врагами землю пашут и шаткую веру имеют»* (Троян III, 3:4), и из-за этой веры, по утверждению Ягайлы, их и побеждают... Исходя из этого утверждения мы даже

Западнославянское святилище. Рисунок XVI в.

можем сделать вывод, что, вряд ли, Ягайлу связывали религиозные узы с венедским храмовым центром Арконы, мимо коего он должен был проехать по пути из Старгорода в Русь Новгородскую.

Но, видимо, он проходил обучение в другом центре, в Полагене, у жемайтов и земеголы. Там же, где ранее проходил обучение и сам Боян, сын Буса Белояра (согласно «Боянову гимну»).

Легенды этого истока упоминаются в «Книге Велеса». Например, Ягайла упоминает жмудские легенды о Дитрихе, жившем во времена Аттилы: «*И это жмудь рассказала нам о готах, имевших Детереха, будто они пришли к северу и там у жмуди повернули на юг*» (Лют II 7:11). Эти эпические легенды эпохи Аттилы он вполне мог слышать во время обучения в храмах Полагена.

Есть и еще одна традиционная датировка его жизни. Она условна, ибо исходит из календарно-астрологических расчетов. И тем не менее, согласно сей традиции, по коей определили и Рождество Христа, раз в 532 года (когда сов-

падают важные лунно-солнечные циклы и картины неба повторяются) в мир приходит один из великих Учителей Мира.

И таковым Учителем мы вправе признать творца «Книги Велеса», пришедшего через пять столетий после Буса. А значит, согласно сей традиции, он (второй после Буса Белояра) в посвящении должен был получить имя следующего после Белояра священного месяца: Ладень. А первое его имя: «Ягелло», и ныне толкуют как славянский вариант имени «Анджелло», то есть «Ангел». Получается: «Ангел Ладень».

Не это ли имя было указано в разрушенной части его имени, кою А.И. Сулакадзев истолковал как имя города «Ладога»? К тому же упоминаний города Ладоги в «дощечках» нет, зато есть описание главной мистерии месяца Ладеня, а именно: мистерии передачи богиней Ладою «священной сурицы», то есть «солнечного меда поэзии», «ведической мудрости» богу Квасуре и прародителю Богумиру, а от них — пращурам русов.

Не эту ли мистирию посвящения в круг «хранителей веры» потом вспоминал волхв Ягайла?

Первые дела и предсказания

Итак, родился Ягайла, как мы предполагаем, в 90-х годах VII века. И родился он в семье жреческой, переселившейся из ободритского Старгорода к озеру Ильмень, где и был основан Новгород.

Спустя двадцать лет мы застаем Ягайлу рядом с Новгородским князем Бравлином II. «Дощечки» сохранили наставление Ягайлы князю и новгородскому вече. Ягайла вспоминал о прошлых битвах, о войнах с готами и греками, призывал сплотиться с союзниками — кельтами, ильмерами (финнами) и жмудью (литвой) для общего похода против причерноморской Грецколани и Готии. И при этом он напомнил князю Бравлину II о славных походах его деда Бравлина I и призвал повторить его деяния.

Вначале объединенные рати славян, ильмеров и жмуди пошли от Ильменя к Днепру и остановились зимою 810 года в Киеве.

И тут произошло событие, позволившее нам датировать текст дощечки III 28 (Лют II, 7: 18–19), описывающей эти события, с предельной астрономической точностью. Это затмение³, произошедшее 30 ноября 810 г. *«тогда Солнце застлала тьма, и это Перун обрушился на воинов вражых, и разметал их, как овец»*. Тогда же было второе знамение: *«у Непры-реки лоза зацвела зимой»*.

Эти знамения Ягайла истолковал так: Боги гневаются на греков и готов, ибо *«они осмеливались забирать и связывать нас в связки и влачить жен и детей наших на торжища, где они продавали нас»*. А цветущая зимой лоза по толкованию Ягайлы, говорила о грядущей победе славян над готами и греками.

Ягайла говорил тогда перед новгородскими ратями:

— И вот Купала указал нам на то знамение — знак победы над врагами!

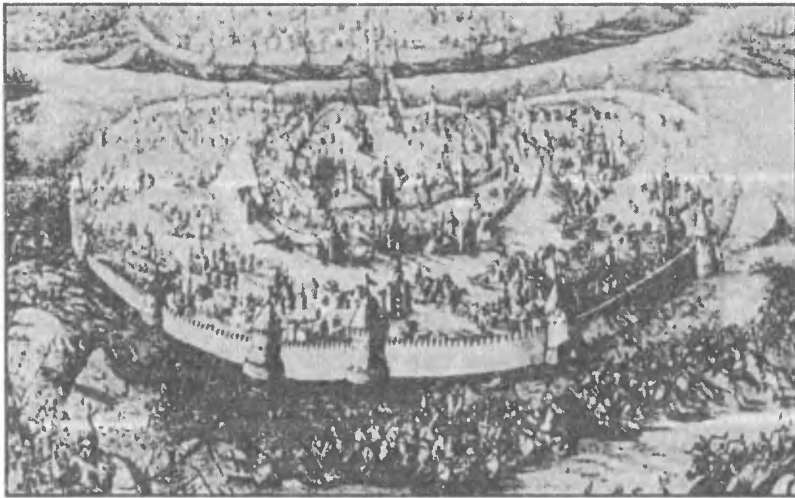
То есть затмение Солнца толковалось Ягайла Ганом, как гнев Бога Солнца и Купалы на врагов, пленивших русов. И так оно расценивалось, как благоприятное, сулившее победу.

И как тут не вспомнить, что спустя триста лет такое же затмение произошло перед печально знаменитым походом Игоря Святославича.

«Тогда Игорь воззрел на светлое Солнце и видит от него тьмою его воины прикрыты»... И далее мы можем прочесть загадочные слова, произнесенные князем Игорем сразу после затмения: *«Лучше ж нам разбиту быть, нежели плену быть! А сядем, братья, на наших борзых коней да позрим синего Дону!»*

Эти слова до ныне казались не имеющими смысла: будто бы Игорь затмение принял за неотвратимую угрозу пленения. Так можно было бы говорить, если бы войска

³ Первым обратил внимание на затмение и датировал его австралийский переводчик «дощечек» П.Е. Соколов-Панин.

Новгород в XII в. Литография XIX в.

Игоря были окружены со всех сторон ворогом и у них оставался только выбор между смертью и пленом. А ведь в то время, перед началом похода, им никто не угрожал, им можно было бы тот поход и отложить из-за неблагоприятного знамения.

Но современники Игоря помнили о затмении времен Бравлина. И о том, что Ягайла связал затмение с гневом Богов на врагов, продающих русичей на торжищах, как раз и напомнил Игорь. Не о своем возможном пленении он говорил, а о страданиях родовичей, угнанных в рабство. Уточнять не имело смысла, это толкование затмения было всем известно. Все знали тексты «Книги Велеса», читаемые на праздниках поминовения предков.

И Игорь, идя в поход против половцев, как бы шел по пути, проложенному князем Бравлином. Не случайно же автор «Слова о полку Игореве» в соседних строках поминал походы русичей в землю Трояню, славные битвы времен антов и т.д.

Так «Книга Велеса» в очередной раз уточнила смысл другого великого древнерусского памятника.

Ягайла во времена Бравлина

Итак, Ягайла принимал участие во всех славных походах князя Бравлина. И первым победоносным походом был поход 811 года на греко-римские колонии Черноморья.

К походу тогда готовилась великая армия. Из Новгорода пришли словене и венды, а также ильмеры. По пути к ратям Бравлина присоединилась жмудь (литовцы). А в Киеве собрались также воины местных родов: поляне, древляне и северяне и т.д.

К тому же Бравлин ждал всю зиму 810–811 годов подкрепления от западных родичей, от вендов. После затмения он говорил так: *«И Бравлин сказал, чтобы мы шли на врагов. И это нам знамение предвещает, что мы должны воевать, так как мы есть венды. И венды же сидят на земле, где Солнце-Сурья спит в ночи на своем золотом ложе (то есть на западе, на прежней родине). И там их земля есть. Об этом Сварог отцам нашим говорил. И они также братья нам из того края. И говорили они, будто притекут к нам в зимнее время и поддержат нас».* (Лют II, 7).

То есть Бравлин и Ягайла надеялись на поддержку родичей, с коими тогда (всего тридцать лет спустя после исхода из Старгорода) сохранялись родственные связи. И помощь пришла: *«И так сила Божеская явилась нам, дабы поддержать нас до конца. И так эти венды до Дона дошли, ибо мы о помощи молили».*

К тому же это было очень удобное время для похода, ибо тогда Византия была вовлечена в войну с болгарским царем Крумом, в коей вскоре (в том же 811 году) пал сам император Никифор и Крум сделал из его позолоченного черепа кубок. Можно даже предположить, что Бравлин II и болгарский хан Крум действовали против Византии согласованно. Потому колонии Византии в Крыму остались без защиты метрополии.

В поход на Сурож воинов воодушевлял волхв Ягайла. Он рассказывал о битвах прошлых столетий с греками и готами в землях Сурожской Руси и о том, как греки приходили

и захватывали Сурож, а русичам не раз приходилось его отвоевывать. Это свершал и Бус Белояр, и Белояр Криворог, и последний раз восстановил древнее богопочитание и вечевую власть дед Бравлина II, князь Бравлин I.

Но вот снова греки стали русичей притеснять, и потому там *«наши боги повержены во прах...»*, ибо в Суроже началась насильственная христианизация. И это значит, что нужно отплатить грекам и готам за поверженные святыни.

Поход Бравлина на Сурож и города Причерноморья был сокрушающим. В «Житии Стефана Сурожского» о сем сказано: *«И пленил (Бравлин) все от Корсуня до Керчи, а затем со многою силою пришел к Сурожу. В течение десяти дней бились между собой (горожане и рать Бравлина), и через десять дней Бравлин, силою взломав железные ворота, подошел к церкви, к святой Софии...»*

Причем, очевидно, что битвы шли и на море, ибо потом воины Бравлина совершили разрушительный морской набег и на южный берег Черного моря, на малоазийскую Амастриду (согласно «Житию Иоанна Амастридского»).

Так Бравлин собрал воедино чуть не все славянские земли. И волхв Ягайла Ган тогда стал идейным вдохновителем создания «Империи Бравлина», раскинувшейся от Балтики до Лабы, также до Дуная, Дона и Волги, а также до Понта (Черного моря).

В те же времена, когда Ягайла вместе с воинами Бравлина был в южных краях, к нему попали летописи Руси Сурожской и Тмутараканской, где хранились также манускрипты Древней Русколани.

Именно тогда в проповеди Ягайлы, читаемые во время празднований Радогоща, стали включаться предания о временах Буса Белояра и более древних. Тогда же, очевидно, он более тесно ознакомился и с традицией хри-

⁴«Житие Стефана Сурожского», а также «Житие Иоанна Амастридского» впервые было найдено и опубликовано А.В. Горским (между прочим, моим прадедом в 5-м колене) в статье: «О походе руссов на Сурож» (Записки Одесского общества любителей истории. — 1844. Т.1). Эти тексты не мог знать А.И. Сулакадзев, умерший ранее, коему напрасно приписывают создание «Велесовой книги». См. подробнее далее.

стианской, в храмах Сурожа, Херсонеса, Феодосии, имевших к тому времени восьмивековую историю.

И тут следует заметить, что т.н. «язычники» выступали против поругания своих святынь, но не рушили чужих. И думаю, именно потому в «дощечках» появляются и несколько выражений, созвучных христианской литургии, а также оригинальная, исходящая из славянской традиции, трактовка некоторых событий, известных также по библейской истории.

И именно в то время Ягайла обратился с призывом к единению всех славянских и союзных славянам родов в мощный союз.

Время Гостомысла и Рюрика

После времени Бравлина мало связанная политически «империя» стала распадаться. В Новгороде власть перешла к Гостомыслу. А в Киеве пришел к власти, опираясь на варяжскую дружину, князь Рус (коего арабский историк Ибн-Руста называл Хакан Рус), правивший до 840-х годов.

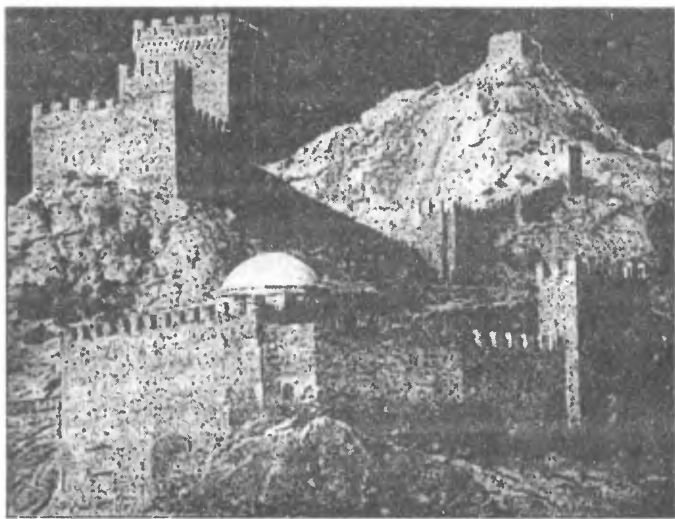
Все эти тридцать лет Ягайла, судя по всему, далек от княжеских хором. Не обращается он ни к Русу, ни к Бури-вому, ни к Гостомыслу.

И есть основания полагать, что он остался служить в храмах Сурожа, единственных, описанных со всей подробностью. Ягайла рассказывает и о религиозной реформе, о включений в литургию ряда молитвенных формул античного пророка Аполлония Тианского и даже появления в храме рядом со Сварогом и Матерью Славой статуи Дыя Патера (иного Перунца), в коей нетрудно узнать Юпитера.

Так, включая в славянскую ведическую службу элементы античного богослужения, Ягайла стремился укрепить древнюю веру среди греко-римской части населения Сурожа, селившихся там с античных времен.

А на проповедях в дни Радогоща Ягайла поминает о более чем тысячелетней истории освоения славянами Причерноморья, о борьбе с греками, гуннами, готами, хазарами.

К тому времени осложняется обстановка в Причерноморских степях. Хазары в 833 году построили на Дону

*Сурожская крепость, IV–XIV вв. н.э.
Планировка двух колец стен I тыс. до н.э.*

крепость Саркел с помощью византийских инженеров. А затем подчиненные хазарам мадьяры (черные угры) стали совершать набеги на славянские земли. Князь Рус правил по крайней мере до 839 года, отражая набеги хазар и мадьяр, и в тот год он послал в послов для переговоров о прекращении империей помощи хазарам. Однако вскоре мадьярский воевода Олом взял приступом Киев и наложил на киевлян дань.

А окончательно правление династии Кия в Киеве прервалось после того, как град взял приступом Дир, или как его называет Ягайла, Дирос Эллинский: «он пришел к нам и побил нас из-за нашего разделения и усобиц». Византийская интрига завершилась успешно.

А в Новгородской Руси в эти же годы погиб после битв с бьярмами на реке Кумене (возможно, в нынешней Вятской области) князь Буривой, и новгородцы избрали посадником его сына Гостомысла.

Гостомысл тогда же стал поддерживать борьбу своих родичей вендов-ободритов против натиска немецких ры-

царей и датчан. В тех сражениях погибли и Годлав в 808, и сын его (брат Рюрика) Харальд в 826 году. Затем, в 844 году, престарелый Гостомysl возглавил поход против Людовика Благочестивого в полабских землях.

Союзником у него был его внук, сын Умилы, Рюрик (согласно анналам Эйнхарда). В том году Гостомysl, а также его сыновья, погибли в битве с Людовиком, потому в Новгороде стали править посадники, уже не принадлежавшие роду Гостомysла.

А право на княжение в Новгороде перешло к внуку, Рюрику. Правда, воспользовался он им не сразу, его более занимала борьба за датский трон.

В тот же 844 год умер и император Людовик, и нидерландские владения Рюрика перешли к новому франкскому императору Лотарю, который лишил дарованного Рюрику «лена» во Фрисланде. Это вызвало со стороны Рюрика лютую ненависть к Франкской империи, против коей, а также против всех их союзников, он стал воевать. Теперь Рюрик мог опираться только на язычников-ободритов и новгородцев, врагов франко-германцев.

Его флот из 315 кораблей напал на побережье Англии, и после сего за бесчинства против церкви он и стал известен всему свету как «язва христианства» (*jel Christianitatis*, согласно английским хроникам). В 845 году Рюрик совершил набег на Францию, воевал и в верховьях Эльбы.

Затем Рюрик захватил отобранные ранее владения во Фрисландии, а император Лотарь после переговоров был вынужден, чтобы вернуть себе этот «лен», отдать Рюрику владения в Ютландии, то есть в Дании, в 854 году. Где-то в то время у Рюрика родилась и дочь Гертруда, между прочим, мать известного по шекспировской пьесе принца Гамлета...

Укрепившись в Дании, Рюрик стал ближе и к союзникам венедам, а также новгородцам, наслышанным о его подвигах.

Но видимо, не все было гладко у Рюрика с правлением в Дании, где ему не на кого уже было опереться. Данию ему пришлось поделить с другим князем, Эриком II, граница их владений проходила тогда по реке Эйдер. У Рюрика также оставался во владении город Дорештадт (совр. Дуурсте-

де) во Фризии, которую связывала прямая торговая дорога по морю с Новгородом Великим.

За годы войн у него накопилось много врагов среди датчан, власть его не раз колебалась. И потому, спустя семь лет, Рюрик принял приглашение из далеких северных владений деда, где с 844 по 861 год не было князя, и так он стал княжить в Новгороде Великом.

Сурожскую Русь, где тогда жил Ягайла, эти события трогали мало. И говорил Ягайла только о постоянно возраставшей хазарской угрозе, рассказывал о том, как в прошлые столетия русичи отбрасывали хазар за Дон, когда их вели в бой князи Скотень и Храбр, воевода Гордыня. Сдержанно отзывается и о Дире, ибо не смотря на то, что тот пришел к власти при поддержке Византии, он не стал разрушать традиционный уклад жизни киевлян и не преследовал за веру.

В 860 году корабли Дира совершили удачное нападение на Константинополь, в отместку за преследования и обращение в рабство русских купцов. Согласно венецианской хронике, «русы возвратились из похода с триумфом». И тогда же обеспокоенный усилением славян византийский двор, а также патриарх Фотий послали к славянам и хазарам двух миссионеров Кирилла и Мефодия, уроженцев греческого города Солуни (Солоники).

Они три года проповедовали в славянских и хазарских землях. В Херсонесе Кирилл изучал даже славянскую письменность у некого русина. Вспомнил о сей миссии и волхв Ягайла, он говорил о Кирилле, «который хотел учить детей наших и должен был прятаться в домах наших, чтобы мы не знали, что он учит наши письмена и то, как приносить жертвы богам нашим...» Ягайла упоминал и о реформе письменности, предпринятой Кириллом, который на самом деле пытался ввести не ту кириллицу, кою мы теперь знаем, а глаголицу. И была сия реформа предпринята для того, чтобы «мы утратили свою письменность» и таким образом была бы отсечена вся древняя литература, народ лишился бы исторической памяти.

И после миссионерской деятельности «солунских братьев» в 864 году Византия предприняла поход в славянские

земли, воспользовавшись также тем, что была чудовищная засуха и голод. Они захватили Болгарию, и патриарх Фотий болгар и самого князя Бориса крестил по византийскому обряду.

Потом, по свидетельству Ягайлы, «Русь была растоптана греками-ромеями, которые шли по морским берегам до Сурожи» (Лют. III, 6).

Итак, в 864 году, на 73 году жизни (как мы полагаем), Ягайла был вынужден покинуть захваченный византийцами Сурож, где он к тому времени прожил уже полвека. Ягайла с семьей возвратился на родину, в Новгород Великий.

Последние годы

Когда Ягайла около 865 года явился в Новгороде, там шла борьба за власть между разными купеческими кланами.

После гибели Гостомысла в 844 году, который не оставил после себя наследника, власть в Новгороде ослабла. Новгород потерпел ряд поражений от варягов, ими была сожжена Старая Ладога.

И когда Ягайла с семьей, а также с другими беженцами из Суροжа, возвратился на родину, как раз и шла такая война: *«мы узрели руку, угрожающую нам, и видели Сурогового Одина, который хотел крови. И мы ее прольем на Землю свою Русскую»* (Троян IV, 1:9).

И в одном из последующих в эти годы сражений погиб сын Ягайлы, о чем он с горечью упомянул в тексте той же дощечки: *«В русских городах камни вопиют нам, и мы решились идти и сражаться до смерти за Землю Русскую... Почтите сына моего, который погиб за нее...»* (Троян IV, 1:11).

В 870 году на вече новгородцы порешили призвать на княжение Рюрика (Рорика Фрисландского), внука Гостомысла, дабы тот прекратил внутриклановые распри. Рюрик пришел вместе с варягами. Он был в очередной раз женат на Эфанде, дочери норвежского конунга Одда (впоследствии на Руси его прозвали Олегом Вещим). С Рюриком

*Рюрик с младенцем Игорем.
Миниатюра Радзивилловской летописи*

пришли его братья: Синеус и Трувор, и часть его дружин возглавлял также воевода Аскольд. И сие вокняжение стало тяжким бременем для новгородцев, потому сразу же стало зреть недовольство новым князем.

И когда Аскольд ушел из Новгорода в Киев, а потом двинулся на болгар, в Новгороде началось восстание против власти Рюрика. Согласно летописям, сие восстание новгородцев во главе с Вадимом произошло в 872 году. А в «Книге Велеса» сохранился призыв волхва Ягайлы к новгородскому вече и Вадиму Храброму: «Отвадьте Рюрика (Эрке) от земель наших, гоните его назад — туда, откуда пришел!».

Восстание было жестоко подавлено и причем только к 874 году, когда Рюрик получил помощь от своих союзников. И потому Ягайле вновь пришлось бежать вместе с другими новгородцами. «Того же лета (874) избежаша от Рюрика в Киев много новгородских мужей», сообщает нам «Никоновская летопись».

И на этот раз Ягайле было уже не менее 83 лет. И это был его последний переезд.

И ко времени его прибытия в Киев, там произошли следующие события. Аскольд после неудачного похода на Константинополь, провел переговоры с императором Византии Василием Македонянином. И тот его убедил, что причина военных неудач Аскольда в том, что от него отвернулись все старые боги и потому он должен принять крещение и веру Христа. Аскольд крестился и его нарекли Николаем.

По возвращении в Киев в 875 году Аскольд убил своего повелителя, князя Дира, и стал разрушать ведические храмы, как цитатели «язычников», бывших в оппозиции к узурпатору.

Тогда Ягайла называет Аскольда «темным воином», коего греки убедили в том, что славяне «варвары», призывает свергнуть власть варягов. Но начинается так называемое «Аскольдово крещение» киевлян, во многом подобное тому, что потом повторил Владимир.

Тогда святилища славян в Киеве были разрушены, праздники поминовения предков запрещены. Потому Ягайла записал, и это были его последние слова: *«Наши праотцы идут по высохшей земле... И так мы не имеем края того и земли нашей. И крещена Русь сегодня».*

О последующих событиях, о смерти Рюрика (879), а также о приходе в Киев Олега Вещего и вокняжении Игоря Рюриковича, тексты «Книги Велеса» уже не знают. Ягайла умер во время преследований приверженцев старой веры Аскольдом после 876 года.

Помянем же волхва Ягайлу Гана, трудами коего был сохранен величественный мир славяно-ведической веры, сама древнейшая история славян.

И пусть его имя стоит рядом с именами великих древних песнопевцев Бояна Вещего, творца «Боянова гимна», также волхва Златогора, творца «Белой книги тризн Буса Белояра». Он продолжил традицию, идущую от тех первых хранителей веры. А затем традицию Ягайлы Гана продолжил и сам гениальный творец «Слова о полку Игореве».

Как было найдено имя автора «Книги Велеса»

Первое упоминание имени

Итак, судя по самой «Книге Велеса», она создавалась в VIII–IX веках нашей эры в Новгородской Руси при князе Бравлине II (790-е годы), а затем при варягах Рюрике и Аскольде (870-е годы).

Очевидно также, что ряд текстов, использованных автором IX века, восходит к рукописям более ранних времен. Он обильно цитирует и пересказывает легенды о прародителях и прародинах славян, о первых царствах, опираясь на книги русколан.

А описания событий, начиная с IV века, приобретают вид документальных хроник, восходящих к письменной, храмовой традиции. И причем явно южнорусской (видимо, сурожской) по происхождению.

Но тем не менее, кажется достоверным, что события древней истории были пересказаны в основном в IX веке, и, вероятнее всего, именно новгородским волхвом, ибо южнорусская история пересказана «со стороны», то есть по древним книгам или «преданиям отцов».

Итак, судя по текстам самих дощечек, волхв, создавший «Книгу Велеса», опирался на традицию празднеств Радогоща, во время коих поминали пращуров и павших воинов.

Как уже было сказано, имя автора «дощечек» было впервые указано в каталоге известного археографа начала XIX века Александра Ивановича Сулакадзева, имевшего дощечки «Книги Велеса». В этом каталоге, в разделе «Книги непризнаваемые, коих ни читать, ни держать в домех не дозволено», упоминается: *«Патриарси. Вся вырезана на букowych досках числом 45. Ягила Гана Смерда в Ладогe IX века, о переселениях варяжских, жрецах и письменах, в Моравию увезено».*

Разумеется, нельзя сразу принимать на веру сие имя (Ягила Ган) и указание на город (Ладога). Сразу возникает сомнение: не мог ли, к примеру, упоминаемый Ягила оказаться копировщиком, либо последним владельцем и т.п. И хоть из самой записи это не следует явно, но судя по соседним пунктам того же каталога, А.И. Сулакадзев так указывал именно «автора» рукописи, ибо когда он указывал также и имя владельца, то оговаривал это особо.

Итак, сам А.И. Сулакадзев полагал, что имя создателя «дощечек», волхва IX века, было Ягила Ган. И, очевидно, что это имя он вычитал в самих дощечках.

И тут же возникает другое сомнение: а правильно ли он прочитал сие имя? В самом деле, если в какой либо дощечке были указаны имя и прозвище, а также город, то это, безусловно, было записано «сплошняком», как и весь текст «Книги Велеса». Например, так:

ЯГИЛАГАНЪМ<РДВЪЛАДЪГ<

Однако, подобную строку можно разбить на слова и прочесть различно. Например: «Ягила Ган умер он в Ладоге», а если учитывать неясность чтения в каталоге буквы «Л» (некоторые ее читают как «П»), и давая другое разбиение «ЯГ ПЯГАН...», получим: «Яг поганый смерд (т.е. «язычник») из Ладоги».

Можно предложить и другие «формально возможные» разбиения и прочтения. Все их нужно иметь в виду, но выбирать наиболее вероятное и осмысленное нужно исходя из контекста.

Остановился же я на варианте наиболее осмысленном, исходя из традиции: «Ягила Ган, именованный Ладень». Правда, для этого нужно признать, что ряд букв в оригинале был иным. Но ведь мы и не знаем точно, как выглядела надпись. Может быть, она имела вид:

ЯГИЛАГАНЪМ<НУВЪЛАДЪН<

А потом А.И. Сулакадзе прочел и истолковал эту строчку по-своему.

Однако указание каталога А.И. Сулакадзева не единственное, дающее имя автора. Оказывается, его можно найти и в самих дощечках.

Имя творца «Книги Велеса» дано в дощечках

Да, след сего имени остался и в дошедшей до нас единственной копии дощечек, по счастью снятой Ю.П. Миролюбовым в 20-х годах XX века, а потом опубликованной ученым-ассирологом А.А. Куренковым в журнале «Жар-птица», издававшемся эмигрантами в 50-х годах в Сан-Франциско, в США.

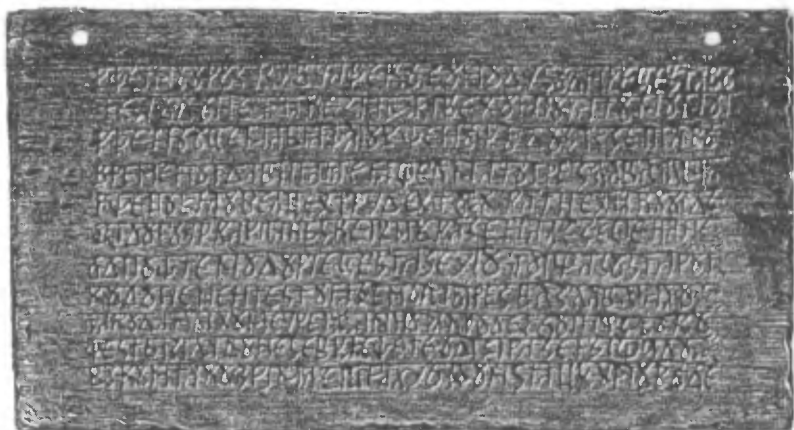
Подробно история нахождения и опубликования текстов «дощечек» будет изложена в следующих главах. Здесь же обратим внимание на надстрочную надпись на дощечке, пронумерованной копировщиками под № 12. И, кстати, это единственная надстрочная запись во всей книге.

Первые исследователи дощечек так и не поняли, что значит эта запись. В комментарии к первой публикации текста этой дощечки («Жар-птица», № 2, 1959) А.А. Куренков писал: *«Дощечка №12 интересна тем, что в самом начале, над строчкой, имеется странное слово или записанный буквами «IA» и «Г» знак. Что этот знак или слово «яг» означает, мы не знаем. Вполне возможно, что это есть слово «яг», вошедшее в наш древний язык от кимров или скифосарматов, например: яг-лаяй (заманивающий стопами)...»*

Следует заметить, что первый публикатор А.Кур имел странные понятия о «научном методе» публикации текстов. Он сокращал непонятные ему слова, даже фрагменты текстов. Так, что не исключено, что он не полностью привел надстрочную надпись. Но, к сожалению, в настоящее время мы, не смотря на все предпринимаемые нами усилия, не имеем первой копии этой дощечки самого Ю.П. Миролюбова (она находится в Библиотеке Конгресса США, и еще не получена нами).

Дощечка из «Велесовой книги», II 16, аверс

Дощечка из «Велесовой книги», II 16, реверс.

Реставрация, сделанная по снимкам, сделанным в 20-30-х годах

*XX века Ф.А. Изенбеком и Ю.П. Миролюбовым
в Брюсселе. Оригиналы фотографий и негативы находятся в
Музее русской культуры (Сан-Франциско, США).*

*Копии-микрофильмы в Государственном архиве РФ г. Москва
(ф. 10143, оп. 80, рул. 16, кадр 296 и др.)*

Первые споры о происхождении «дощечек»

О происхождении текстов дощечек стали задумываться уже первые его исследователи и публикаторы. Высказывалось мнение, что впервые после А.И. Сулакадзева сей памятник попытались оценить еще в 1923 году в Белградском университете, и будто бы уже тогда дощечки были отнесены к известной в XIX веке коллекции А.И. Сулакадзева⁵. Но эти сведения пока не подтверждены строго документально.

Затем в XX веке датировать сей памятник попытался первый его копировщик Ю.П. Миролюбов, не знавший о том, что памятник изучался и до него. И вначале, исходя из дат описываемых в дощечках событий, он отнес время создания памятника приблизительно к V веку.

Такую датировку он давал уже в 1928 году, согласно показанию А. Куренкова (см. ниже), получившего тогда, в Берлине, первые материалы о дощечках.

Затем в письме, отправленном в 1948 году из Бельгии в Русский Музей в Сан-Франциско, Ю.П. Миролюбов сообщал, что в Брюсселе, у художника А. Изенбека, до войны «были „дощечки“ Новгородско-Киевской Руси, чуть ли не 5-го века». Потом он уточнил, что, вероятно, дощечки писались в VI–IX веках.

Тогда же он оспаривал мнение историка П.Е. Ковалевского, автора учебника по истории Средневековой Руси, профессора Сорбонны, доктора историко-филологических наук Парижского университета, высказавшего мнение о возможности относительно позднего происхождения дощечек. Тот посчитал вероятным, что подлинные дощечки были либо созданы, либо переписаны «премудрыми дьяками» в XVI, либо в XVII веках.

Мнение профессора П.Е. Ковалевского было вполне закономерно для осторожного в суждениях представителя старой школы в академической науке. На вероятность

⁵ Первым это утверждал в середине 60-х годов сотрудник «Жар-Птицы» П.Т. Филипьев, читавший белградскую прессу 20-х годов.

ЖАР-ПТАЦА

Редакторъ-Издатель Ю. П. МИРОЛЮБОВЪ

PARIS
LIBRAIRIE DES CINQ CONTINENTS
18, Rue de Lappe (7^e)
P. E. Kovalcvskiy

сего предположения в России потом указывал и академик Ю.К. Бегунов.

Дело в том, что знаток славянских древностей сразу отмечает родство текстов и легенд из «Книги Велеса» с некоторыми рукописями того периода (XVI–XVII веков), например, с изложением славянских легенд в «Мазуринском летописце», в «Иоакимовской летописи», либо в «Хронике Дорофея» и т.п. Но одно дело — излагать старые легенды, оставаясь в рамках христианской ортодоксии, видеть в них только некое «занимательное баснословие» и при сем критиковать «заблуждения язычества», и совсем другое дело — создавать либо даже просто копировать «языческие» проповеди.

Родство есть, и оно обусловлено тем, что дьяки опирались на живую в их время традицию и на неведомые нам древние книги. Однако, по нашему мнению, «Книга Велеса» не опирается, а представляет саму эту традицию, и значит она первична.

И потому Юрий Петрович Миролюбов на суждение профессора П.Е. Ковалевского совершенно справедливо заметил тогда: «Мы не думаем, чтобы дьяки рискнули переписи»

сывать нечто подобное, а не пошли бы в тайный Приказ, чтобы донести на заказчика. «Дощечки», следовательно, написаны раньше, нежели христианство усилилось до такой степени, что переписывание еретических рукописей было равносильно смерти для переписчика. «Дощечки» были написаны явно в языческий, или по крайней мере, ближайший к язычеству период» (из письма к историку и филологу Александру Александровичу Куренкову от 3 октября 1957 г.).

Осторожное отношение в датировке рукописи IX веком было вызвано также тем, что славянских документов того времени сохранилось крайне мало, да и к тому же предполагалось, что дерево за это время должно было разрушиться.

Но это мнение основано на заблуждении. Дерево (тем более специально обработанное) может храниться и более долгий срок, достаточно вспомнить о находимых в земле берестяных грамотах.

К тому же в недавних раскопках (2000-го года) были найдены, и причем впервые именно доски, к тому же X века, но с христианскими текстами.

Впрочем, здесь следует сделать одно уточнение. «Дьяки» вряд ли могли переписывать «дошечки». Но, скажем, еще в начале XVII века, на Руси (особенно на Волге, в Приуралье) еще сохранялись крупные «языческие» области, и потому там могли и переписывать «дошечки».

Каталог А.И. Сулакадзева, кстати, и указывает подобную, либо позднюю компиляцию (уже не на дощечках) в качестве одного из вариантов текста, близкого к «Книге Велеса» (текст «О переселениях старожилых людей и первой вере») и приписывает ее жителю села Чердыни в Пермской губернии Олеху Вишерцу (река Вишера протекает через село Чердыня).

Это селение являлось во времена А.И. Сулакадзева вотчиной Строгановых, промышленников, меценатов и прочая прочая, через коих (а именно через А.С. Строганова, покровителя А.И. Сулакадзева) и была получена сия рукопись.

А.И. Сулакадзе и эту рукопись датирует IX веком (то есть сам Олех был лишь хранителем ее в более поздние времена, в XIX веке?), но мы знаем, что округа сего села, и вообще та область, была одним из крупных центров славянского «язычества» в Приуралье еще в XVII веке.

То есть мнение, высказанное П.Е. Ковалевским, а потом и Ю.К. Бегуновым, о возможных поздних копиях, вполне правомерно. Как для Поволжья и Приуралья в России, так и для Полесья, Прикарпатья (гуцульских земель) на Украине. И, строго говоря, без экспертизы самих дощечек нам остается только верить описаниям Ю.П. Миролюбова (и каталога А.И. Сулакадзе), относящего сами дощечки в IX веку. Для науки такой «веры» недостаточно.

Однако сам вопрос об утраченном «носителе» текстов вторичен. Мы можем принять (чтобы не вызвать излишней полемики) и, скажем, XVII век. К тому же и большинство античных текстов дошли до нас в средневековых копиях. Обычная ситуация! Дело в том, восходят ли сами сии тексты дощечек к традиции IX века. Судя по текстам, по их языку, по изложению, они создавались не позднее IX века. В последующие годы, конечно, могли делаться с дощечек списки, копии (даже на досках, ибо известны старообрядческие берестяные книги XIX века). Но только так. А никак не создаваться новый текст, пусть даже на основании преданий.

И в этом мы не только уверены, тому есть достаточно убедительные доказательства (языковые, источниковедческие, исторические и т.д.). Ныне мы можем с уверенностью сказать, что никаких позднейших «слоев» ни в языке, ни в идеях и сведениях, кои можно было бы отнести к более поздним временам, в самом памятнике нет (а те, что указывались, не подтвердились). Единственный поздний «слой», который удалось выделить, это незначительный слой XX века (описки, ошибки копирования), который явился при публикации текстов Ю.П. Миролюбовым и А. Куренковым. И только.

Сам же памятник создан именно в IX веке, и наиболее вероятно: волхвом Ягайла Ганом.

Первые суждения о происхождении «дощечек» в советской печати

Впервые в советской научной печати на имя возможного древнего автора дощечек указала Лидия Петровна Жуковская (в то время кандидат филологических наук) в своей статье 1960 года, в журнале «Вопросы языкознания», № 2. Она тогда написала следующее:

«(...) Содержание «дощечек», язык и письмо их, а также имя Влес (Волос) позволяют предположить, что указанные «дощечки» являются одной из подделок А.И. Сулукадзева, возможно, именно теми буквыми дощечками, которые уже более ста лет назад исчезли из поля зрения исследователей⁶. В рукописи А.И. Сулукадзева «Книгорек» (т.е. каталог) имеется следующее указание на дощечки, находившиеся в его собрании: «Патриарси на 45 буквых досках Ягипа Гана смерда в Ладоге IX в.».

То есть она процитировала каталог А.И. Сулукадзева «Книгорек», где и было дано имя «Ягилы Гана». Впрочем, она его имя прочитала искаженно, как «Ягипа». Здесь она следовала своим источникам, весьма поверхностной и тенденциозной статье одного мемуариста XIX века А.Н. Пыпина («Подделки рукописей и народных песен», СПб., 1898). Но, скорее всего, это ложное чтение, либо просто опечатка, ибо такого имени не существует. Потом уточнил написание этого имени историк, доктор наук А.Л. Монгайт.

Палеограф и языковед Лидия Петровна Жуковская, выдвигая свою гипотезу о родстве рукописей, приписываемых Ягайле, и дощечек Изенбека-Миролюбова, опиралась на работу академика М.Н. Сперанского, опубли-

⁶ См.: М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулукадзев) // Проблемы источниковедения, V, М., 1956. — Прим. Л. Жуковской. (Фамилия Сулукадзев пишется через «а», ошибка в имени перешла в работы Л.П. Жуковской и А.Л. Монгайта).

кованную незадолго до этого в «Проблемах источниковедения» (вып. V, 1956).

М.Н. Сперанский рассказал об удивительной коллекции древних славянских рунических книг из собрания известного в XIX веке антиквара и ученого А.И. Сулакадзева. И, кстати, если внимательно прочесть работу М.Н. Сперанского, то видно, что его отношение к собранию рунических рукописей А.И. Сулакадзева было вполне уважительным, заинтересованным, ибо он указывал на многие подлинные документы, принадлежащие антиквару. Он только повторил нелепые слухи о А.И. Сулакадзеве, но ничего не утверждал, ибо, не проведя экспертизу того пропавшего собрания, нельзя было делать и определенных выводов.

Прочтя работу М.Н. Сперанского об А.И. Сулакадзеве, Лидия Петровна Жуковская впервые сопоставила указанную в каталоге Сулакадзева рукопись «Патриарси» на 45 буквых дощечках и описанные Миролюбовым «дощьки». Но по неизвестной причине причислила сего ученого к «обвинителям» А.И. Сулакадзева, хотя он был только не в курсе проблемы, о чем и писал в своей статье.

И главное: как можно «заглаза» обвинять в подделке антиквара, не изучив его собрания? Ведь ни Л.П. Жуковская, ни М.Н. Сперанский, ни до него А.Н. Пыпин не изучали руническое собрание А.И. Сулакадзева, а только пересказывали слухи об этом собрании. Однако, с каких пор пересказ слухов заменяет научное исследование?

Такое обвинение по сути и является заведомой фальсификацией. Однако по нашим сведениям, сии строки в отзыве Л.П. Жуковской принадлежат не ей, ее принудили дать такой отзыв «вышестоящие» инстанции, в том числе и редакция журнала «Вопросы языкознания». И на мой взгляд, пора уже не считать подобный «скептицизм» признаком научной добросовестности.

Заслугой же Л.П. Жуковской можно по праву считать обнаружение имени автора «Книги Велеса».

Среди советских ученых эту идею потом подхватил и развил академик, доктор исторических наук, известный

археолог Александр Львович Монгайт. Вначале об этом он сообщил широкой общественности в статье, вышедшей в очень популярном тогда журнале «Наука и жизнь», 1968, № 6. А затем он эти мысли повторил и в своей книжке «Надпись на камне» (М., 1969).

К тому же он опубликовал в тех статьях и фотографию самой «дощечки» из памятника. И потому, не смотря на «разоблачительный» тон его статей, интерес к памятнику стал с тех пор неуклонно расти.

Вот что он писал тогда о А.И. Сулакадзе и его собрании в связи с обнаружением «Книги Велеса».

«Вполне обеспеченный человек, он собирал старину и редкости, был начитан в области истории и археологии. Чаще всего Сулакадзе⁷ не фабриковал рукописи целиком, а сочинял приписки к подлинным старинным рукописям. Суть таких приписок была в том, чтобы снабдить рукописи точной датировкой и при том отнести ее как можно к более древнему периоду. Другая задача — с помощью приписок подтвердить свои псевдонаучные труды⁸...

Деятельность Сулакадзева началась, очевидно, еще в конце XVIII века. Во всяком случае, в первом десятилетии XIX века он был уже известным коллекционером, обладателем целого ряда «редкостей» и большой библиотеки. Его музей осматривали А. Н. Оленин, Г. Р. Державин. Как собиратель он был известен Павлу I и Александру I⁹. В довольно большой библиотеке Сулакадзева хранилось около 290 рукописей, среди которых были и ценные и подлинные.

(...) Среди его подделок наиболее известны две: «Боянова песнь Славену» (иначе «Гимн Бояна») и «Перуна и Велеса вещания». Обе они привлекли внимание Державина, который попытался было перевести их на русский язык. Но дело это оказалось невыполнимым уже хотя бы потому, что они представляли какой-то бессвязный набор слов¹⁰. Один из историков писал

⁷ А.Л. Монгайт везде неправильно пишет Сулакадзе. — А.А.

⁸ Нет ни одного опубликованного труда А.И. Сулакадзева. — А.А.

⁹ Сведения из ст. М. Макаренко, имевшего письма и рукописи А.И. Сулакадзева (все они ныне уничтожены). — А.А.

¹⁰ Теперь этот якобы «бессвязный набор слов» опубликован. См.: А. Асов. Славянские руны и «Боянов гимн». М., 2000. — А.А.

даже, что Сулакадзев употреблял в подделках «неправильный язык по незнанию правильного, иногда очень дикий». И тем не менее это не мешало автору подделки рекомендовать свое произведение — «Боянову песнь», например, — как «предревнее сочинение от I-го или 2-го века».

(...) Как это ни удивительно, но нити сулакадзевских подделок протянулись в наши дни, и спустя полтора века нам явилось его «изделие» или «изделия», до такой степени похожее на то, что делал Сулакадзев, что он, несомненно, является «духовным отцом» этой подделки.

В 1954 году¹¹ в журнале «Жар-Птица», издающемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско, началась публикация статей о вновь найденном письменном документе, касающемся истории Руси VII–VIII веков, то есть на 200–300 лет старшем, чем наиболее древние памятники славянской письменности¹².

(...) Историю этой фальсификации еще предстоит выяснить. Но при том, что известно сейчас, можно предположить следующее: вряд ли подделывателем был Изенбек¹³. Он не был заинтересован в такой подделке и не обладал даже теми минимальными знаниями, которые нужны были фальсификатору.

Вероятнее всего, в его руках были одна или несколько дощечек «работы» Сулакадзева. Все остальное — дело рук Миролюбова, продолжившего начатую Сулакадзевым подделку. Миролюбов еще в 1925 году хотел писать эпическую поэму о «Святославе Хоробре», но не мог найти нужных материалов, а, по его словам, ему нужен был «язык эпохи». Вот он и нашел. Миролюбов пишет: «У меня рукопись не вызывает сомнений в ее подлинности. Другое дело — отношение к тексту «авторитетов». Эти люди всегда подозревают всё».

Может быть, мои подозрения в отношении Миролюбова и несправедливы. Возможно, что к Миролюбову попали подделанные Сулакадзевым буквые дощечки, которые уже более ста лет назад исчезли из поля зрения исследователей.

¹¹ В действительности, в 1953-м. — А. А.

¹² Опять не верно. Документ касается событий тех лет, но составлен в IX веке, а документы сего века известны. — А. А.

¹³ Тот, кто нашел дощечки в 1919 году на Украине (см. об этом подробнее далее). — А. А.

В рукописи А.И. Сулакадзева «Книгорек» (то есть каталог) имеется указание на дощечки, находившиеся в его собрании. «Патриарси. Вся вырезана на буковых досках числом 45 и довольно мелко: Ягила Гана смерда в Ладогe IX века, о переселенцах варяжских и жрецах и письменах, в Моравию увезено».

Предположение А.Л. Монгайта, о том, что его подозрения в отношении Ю.П. Миролюбова «несправедливы» полностью оправдались, хотя бы потому, что за пять лет до того как Миролюбов встретился с Изенбеком и увидел «дощечки», по-видимому, уже были известны в Белграде, изучались они потом и в Брюсселе.

Да и дело даже не в этом: если бы Ю.П. Миролюбов или кто иной из наших современников заявил, что именно он «автор», то ему не следовало бы верить, ибо невозможно «из головы» воссоздать великую культуру, религию, тысячелетнюю историю, наконец, язык и т.д. целого народа, ушедшей цивилизации, для этого должны трудиться поколения величайших мыслителей. И невозможно дважды войти в одну и ту же реку жизни, воскресить ушедшее, даже гению.

И разумеется, подозрения в отношении А.И. Сулакадзева также несостоятельны. Это впоследствии признали даже такие «антивелесоведы», как Л.П. Жуковская и О.В. Творогов. К тому же здесь А.Л. Монгайт повторяет слова академика М.Н. Сперанского о том, что в собрании А.И. Сулакадзева были рукописи «подлинные и ценные» (иных и неизвестно). Другие же замечания мало что стоят, они только вредят имени самого ученого.

Но среди «антивлесоводов» выделяет имя А.Л. Монгайта его безусловная эрудиция, а также то, что он широко обнародовал имя автора «Книги Велеса» Ягилы Гана (и даже уточнил ее написание).

Поразительно, но найдя даже имя древнего автора «Книги Велеса» и не имея под рукой никакого иного материала для изучения, кроме 10 строк из самого памятника и каталога XIX века, эти ученые пускались в туманные рассуждения о происхождении книги, а также безоснова-

тельно утверждали, что сама рукопись поддельна «из общих соображений» (мол, о чем тут рассуждать, и так все знают, что славяне были неграмотны до Кирилла и Мефодия и пр.). Какой известный прием! «Не видел», «не читал», но... «знаю».

Поражает и то, насколько безответственно и поверхностно подошли к сей проблеме первые советские исследователи. Ведь недостаточно сослаться на работы предшественников, которые мало кому известны, на письма, которые никто не читал. Цепочка ссылок на предшественников создает видимость «научности». Но на самом деле именно так и создаются псевдонаучные фальсификации и ложные мнения.

И наиболее вероятно то, что ученые полагали: речь идет всего о 10 сомнительных строчках, ради которых не стоит рисковать репутацией. Они видели в них лишь предлог написать скандальную статью. И, конечно, сделать «нужный» вывод их подталкивали также политическая конъюнктура и цензура. Последнее было да и есть главное для официальной науки, всегда обслуживающей власть предрержащих, либо (теперь) грантодателей.

И тем не менее им, и прежде всего Л.П. Жуковской, принадлежит честь находки имени древнего автора «Книги Велеса». Так что и «отрицательное источниковедение» приносит свои плоды.

Именно они обнародовали имя волхва Ягайлы Гана, первого летописца, философа, писателя и поэта Древней Руси, известного теперь и нам. И теперь его имя по праву стоит рядом с именем Бояна Вещего, творца «Боянова гимна», также собрания тризн о Бусе, Златогоре и сестре их Лебеди. С ним рядом можно поставить и имя князя певца Златогора, учителя Бояна, а также волхва Вездилища, творца сказания о семи князьях из т.н. «Белой Книги» (об этом манускрипте речь впереди).

Ягайла продолжил традицию, идущую от первых хранителей веры. А затем традиция автора «Книги Велеса» была продолжена в «Слове о полку Игореве».

Открытие о. Стефана (Ляшевского)

Первым понял, что имя древнего автора «Книги Велеса» найдено, живший в Балтиморе, затем в Вальрико (США) протоиерей о. Стефан (Ляшевский).

О. Стефан был эмигрантом первой волны, православным публицистом, известным богословом и историком церкви. Его богословские и агиологические труды, написанные и изданные в США в 60-е и 70-е годы, были частично переизданы в 90-е в России в конфессиональных издательствах Русской православной церкви¹⁴.

И он же был в числе первых исследователей и публикаторов «дощечек». Благословил их издание и исследование, и в этом отношении снял имевшиеся у ряда историков, православных верующих, сомнения в целесообразности сего. Сам защищал их подлинность от нападок, использовал содержащиеся там сведения в своих научных трудах о первоначальной истории славян и раннем христианстве.

Этому посвящены его книги: «История христианства в Земле Русской с I-го по IX век и Очерки по преистории России» (Балтимор, 1968); «Доисторическая Русь» (Балтимор, 1977).

И именно он остался последним хранителем копии архивов Ю.П. Миролюбова 20-х и 30-х годов, касающихся «Книги Велеса», в том числе ряда неизданных доселе документов и фотокопий «дощечек». Эти копии и его неизданные работы по изучению текстов «Книги Велеса», возможно, до последнего времени хранились у издателя журнала «Нива» в Нью-Йорке.

Однако следы издателя сего журнала ныне уже утрачены, как утрачены и следы последней неизданной книги

¹⁴ «Первоначальная ветхозаветная церковь в свете новейших раскопок и исследований» (1960), трилогия «Шесть дней творения...» (1962), «Библейские повести о праотцах» (1964), «Агиология. Духовные облики святых» (1966), в 2-х томах.

о. Стефана, посвященной переводу и толкованию текстов «Книги Велеса».

Мы имеем только редчайшие издания его книг, посвященных истории раннего христианства и «Книге Велеса», две из которых удалось опубликовать издательством ФАИР-ПРЕСС только в 2003 году, третья же так и осталась неизданной.

Чтобы хоть как-то восполнить имеющийся пробел, приведу здесь обширную цитату из его исследования, касающегося открытия имени автора «Книги Велеса», ибо именно о. Стефану принадлежит честь этого открытия.

«В брошюре А.Л. Монгайта «Надпись на камне» (Москва, 1969 г.) сообщается, что в частном музее А.И. Сулакадзева в Санкт-Петербурге в первом десятилетии XIX века была составлена им опись всяких древностей под таким длинным названием: «Книгорек, т.е. каталог древним книгам как письменным, так и печатным, из числа коих по суеверию многие были прокляты на Соборах, а иные в копиях сожжены, хотя бы оные одной истории касались, большая часть их на пергаменте, иные на кожах, на буковых досках, берестяных листах, на холсте толстом, напитанным составом и других».

В этом каталоге есть отдел: «Книги непризнаваемые, коих ни читать, ни держать в домах не дозволено». В этом отделе помещена рукопись «Патриарси», вырезанная на буковых досках числом 45 и довольно мелко, Ягила Гана смерда в Ладогe IX-го века, о переселенцах варяжских и жрецах и письменах, в Моравию увезено» (С. 78).

Монгайт добавляет от себя, что «к Изенбеку попали буковые дощечки, которые уже более ста лет назад исчезли из поля зрения исследователей».

Это очень ценное свидетельство, что дощечки эти 160 лет тому назад — были. Затем А.Л. Монгайт делает совершенно бездоказательное предположение, что после того, как дощечки попали к Ю.П. Миролюбову, он подделал все остальные. Зачем же Миролюбову было подделывать, если они уже существовали в конце 18-го и начале 19-го столетия в количестве 45 штук?

В то время наука языкознания была еще «в пеленках» и не было в России ни одного человека, который мог бы составить эти тексты дощечек.

Чтобы спасти эти дощечки от сожжения, полагаю, Сулакадзев и отправил их в имение, видимо, своего близкого друга, помещика Задонского, который, конечно, должен был быть вне всяких подозрений, как иначе он мог бы доверить ему эту тайну, — и чтобы скрыть следы дощечек, написал в своем Каталоге, что они отправлены были в Моравию¹⁵.

В этом и есть вся разгадка такой таинственности: правительственная цензура не разрешала опубликовывать эту не только дохристианскую, языческую летопись, но прямо враждебную христианству, антихристианскую полемическую летопись, осужденную на древних Соборах, возможно не только на Московских XVII века, но и более древних — Киевских.

Но необходимо отметить, что задолго до этих Соборов св. Иоаким Новгородский взял из этой летописи некоторые данные для своей первой русской летописи 1030 года¹⁶.

Не нужно забывать, что весь XIX век, даже начало XX века были эпохой, когда в исторической науке господствовала т.н. «норманнская» теория происхождения Руси, а наличие этой летописи начисто ее опровергает. Даже по одному этому летопись Ягилы Гана не могла быть опубликована, если бы даже кто-либо из Задонских и попытался бы это сделать, — тогда пришлось бы открыть обман, что летопись не была увезена в Моравию, а была скрыта в имении Задонских, несмотря на правительственное запрещение иметь ее в доме, в их Орловском¹⁷ имении, где они и были найдены.

Не нужно забывать также и того, что в те времена, когда впервые стали собирать древние рукописи, цензура была очень строгой и действовали законы, основанные на постановлениях Соборов о недозволенности публиковать всякую «языческую нечисть». Если бы эту летопись писал не языческий жрец, полный ненависти к христианству и к династии Рюрика, а простой грамотный рус, то возможно, что эта летопись не подверглась бы такому запрещению и попала бы в списки древних летописей. Нельзя об этом судить с со-

¹⁵ Это только предположение о Стефана, ибо это замечание в каталоге не ясно. В Моравию они могли быть отправлены в любое время, начиная с IX века. — А. А.

¹⁶ В первом издании «Книги Велеса» (М., 1992) я также пришел к сему выводу, а теперь оказалось, что ранее об этом писал и о. Стефан. — А. А.

¹⁷ Потом Б. Ребиндер уточнил, что имение располагалось в Харьковской губернии. — А. А.

временной точки зрения, а следует принимать во внимание те условия, которые были в то время суровой цензуры.

Может, конечно, возникнуть вопрос — а почему при министре внутренних дел кн. Голицыне вполне могли сжечь дощечки? Только лишь потому, что это была «языческая нечисть»? — Не только потому, но была еще одна причина, — это была эпоха полного господства среди власть имущих «норманнской» теории и гордости аристократов о своем происхождении как Рюриковичей. Какой вельможа, стоявший во главе Министерства Просвещения или Внутренних Дел, мог допустить такую пропаганду против династии Рюрика и, вообще, против княжеских родов Рюриковичей? При тогдашних цензурных условиях это было не только опасно, но просто невозможно.

По счастливой случайности, Сулакадзев указал и содержание дощечек, что подтверждает то, что кое-что он все-таки разобрал в текстах.

Его данные полностью совпадают с тем, что мы теперь знаем о содержании дощечек Изенбека, приведем сравнительную таблицу:

ДОЩЕЧКИ ИЗЕНБЕКА	ДОЩЕЧКИ ЯГИЛО ГАНА
<ol style="list-style-type: none"> 1. Уникум — других подобных нет. 2. Материал — дощечки. 3. О переселенцах варяжских и жрецах и письменах. 4. Количество — 44 штуки. 5. Последняя запись — 880-й год (по проф. С.Я. Парамову). 6. Записи враждебны христианству и постоянное восхваление богов. 7. Ничего не известно до Изенбека. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уникум — других подобных нет. 2. Материал — буковые дощечки. 3. О переселении на Русь варяжских князей, о жрецах и письменах. 4. Количество — 45 штук. 5. Последняя запись — 878-й год, записанная Ягило Гана (по С. Ляшевскому). 6. Анафематствованы древними Соборами за восхваление языческих богов. 7. Известно о них, начиная с древних Соборов и кончая началом XIX века, после чего они исчезают из поля зрения исследователей.

Невозможно допустить, чтобы все это было случайным совпадением. Нет ни одного факта, противоречащего идентичности, а доказательств — сотни. К ним мы еще вернемся.

(...) Можно ли определить время написания последней записи на дощечках и место написания волхвом Ягилой Ганом сей летописи? (...) Хронологически повествование в дощечках обрывается на 878 г., т.е. за год до смерти Рюрика, о чем летопись обязательно с торжеством бы отметила, как и о воцарении Олега¹⁸. (...) Относительно места написания есть два свидетельства: первое — это самого летописца, когда он пишет: *«Пошли до озера Ильменя и утворихом Нов-град...»*. Получается, что летописец причисляет себя к тому племени, которое некогда основало Новгород.

Нет упоминания о ранних кочевниках — скифах скелотах-иранцах, или потому что о них уже память исчезла или дощечки утеряны, они ведь далеко не все сохранились, часть была уничтожена еще в древности, как «языческая нечесть», как пишет в своем каталоге Сулакадзев.

Место написания летописи, разумеется, тесно связано с самим летописцем. По нашему мнению, летопись крупными буквами (еще по неопытности) начала создаваться еще в Сурожской Руси, откуда Ягило Гана и привез несколько дощечек¹⁹. Вероятно, по переезде в Киев он продолжал ее, но последние записи сделал уже в Ладоге²⁰, как об этом сохранилась запись самого Сулакадзева в его Каталоге. Он, вероятно, оставил себе только одну дощечку, когда передавал книгу князю Куракину²¹ и именно ту дощечку, где было имя летописца Ягило Гана, — иначе откуда бы он знал его имя?

¹⁸ Это указание взято из другого места в книге о Стефана, здесь он дает более обоснованную датировку летописи. — А.А.

¹⁹ Неверно: есть призывы Ягилы к князю Бравлину захватить Сурож, сделанные им ранее в Новгороде. Но то, что после победы Ягаило Ган привез из Сурожской Руси какую-то древнюю летопись, кою он потом цитирует, представляется вполне вероятным. — А.А.

²⁰ Последние записи делались в Киеве. О. Стефан здесь вновь несколько путает хронологию, но потом он поправляется и уточняет ее. — А.А.

²¹ Более вероятно: князю Н.В. Неклюдову. Куракины здесь, видимо, появились по недоразумению, ибо Ю.П. Миролюбов их упоминал как возможных владельцев усадьбы. Однако сами Куракины имеют отношение к «Книге Велеса», поскольку от них происходят некоторые легенды о Бусе Белояре. — А.А.

Был ли Ягило Гана — новгородец? — Безусловно нет, там он пришелец, совершенно не знающий прошлого Новгородского княжества. О чем бы он начал говорить или писать, он всегда съезжает на варягов, — это его «конек», с которого он не слезит на протяжении всей его летописи.

Киевлянин ли он? — Нет, он только жил какое-то время в Киеве, но и там у него была все время вражда к власти варягов. Он даже употребляет в одном месте летописи имена Аскольда и Рюрика в презрительно исковерканном виде: «Всякие Аски и Ерки пришли и владеют нами». Кроме того, он пишет уже в Ладоге о киевлянах: «У них в Киеве». Так коренной киевлянин не сказал бы.

Там же, в Сурожской Руси, научился он и «роуськой» грамоте и, пылая ненавистью к христианству, видоизменил, чисто внешне, манеру писать не на строчке, а по санскритской традиции — под строчкой. У кого он перенял эту манеру писать под строчкой, остается только предполагать, что научился этому у пакистанских купцов (пакистанцы до сих пор пишут под строчкой), приехавших в бывшее Боспорское царство, которое в его время было уже не самостоятельным, но было лишь Византийской провинцией, так же, как и Херсонес был Византийским округом, управлявшемся Комитом, т.е. правителем в княжеском достоинстве.

Византия постаралась вытравить все остатки былой Сурожской Руси, что сказывалось и в договорах с Игорем и Святославом, чтобы русы не имели никаких притязаний на земли бывшей Сурожской Руси и особенно остро это чувствовалось тогда, когда в Тавриде появилось удельное русское Тмутарханское княжество и когда даже столица — Боспор именовалась даже в императорских указах, как — Россия, даже через два «с».

Если бы Ягило Гана был бы не среди язычников-русов в Тавриде, а вместе с русами-христианами и свой незаурядный талант обратил бы на проповедь христианства, то свою летопись он написал бы совершенно в ином духе. Его ослепили язычество и филоэтизм, т.е. принесение духовных ценностей в жертву политике и национализму, ложно понимаемому.

Между тем он, безусловно, проявляет интерес к христианству, шедшему на смену язычества, тем, что посещал и, видимо, не раз Аскольдовскую церковь Пророка Илии на Подоле и прислушивался к возгласам священника и даже вставил в свою летопись: «Благословен /Бог/ всегда ныне и присно и от века и до века». Слово Бог он пропустил и несколько изменил вторую часть

этого возгласа следующим образом: «ГЛВ<Н ВУЖДЫ НУИН< ПР>Н< У В<КЫ П ДУ В<КЫ»²¹.

Необходимы некоторые пояснения этой фразы: она начертана «сплошняком» без разделения на слова. В этой азбуке только одна буква «|», т.е. десятеричная, а буква «ы» писалась в комбинации букв «У|. Союз «и» всегда писался как «П». Слово «ВУЖДЫ» означало — «всегда», сохранившееся в мазурском наречии и до сего времени, наряду с: «однажды», «многожды» и др. Последние слова — «от веки и до веки» сохранились в Болгарии до сего времени, это древняя форма «во веки веков».

Я остановился на этой фразе, потому что она ввела в заблуждение анонимного эксперта из Академии Наук²². (...) Экспертиза признала, что текст дощечки написан неизвестным до-Кирилловским алфавитом и не может быть признан по той причине, что в ней старые формы имеются наряду с поздними. Еще проф. С.Я. Парамонов (С. Лесной) писал, что такое сочетание могло получиться в результате замены очень ветхой дощечки новой, в которой какие то малопонятные слова были заменены более новыми²³. И что нужно искать объяснения этого, а не огульно отрицать все.

А объяснение есть и очень простое. Фраза более поздняя была написана так: «ГЛВ<Н ВУЖДЫ НУИН< П ПР>Н< У В<КЫ П ДУ В<КЫ|. Ассириолог А.А. Кур и проф. Парамонов перевели неверно: «Благословен вождь ныне и присно и от веки и до веки»²⁴. Вот это и смутило эксперта.

²¹ Мнение о. Стефана о том, что здесь заимствование из христианской службы, спорно. Почему не из иудейской, откуда ее заимствовали христиане? Сходная фраза произносилась также в античных греческих, римских, иранских храмах. И славяне издревле использовали сие прославление. Вероятно, именно у славян это прославление было заимствовано в давние времена. Ибо фраза сия специфически славянская по строю, по известным в фольклоре повторениям («ныне и присно», «во веки веков»), а также по ведической идее именно прославления, а не молитвы. — А.А.

²² Речь идет об отзыве Л.П. Жуковской, который был получен С. Лесным в 1960-м году без ее подписи (см. далее). — А.А.

²³ Предположение разумно, но подтверждений нет. — А.А.

²⁴ Такое прочтение с формальной точки зрения вполне правомерно, ибо орфография «дощечек» допускает замену У на Ъ, и здесь можно слова прочесть как «ВУЖДЫ | НУИН<», потому и мною в изданиях 1992 — 1999 годов был принят перевод «вождь». Однако здесь о. Стефан принимает точку зрения В.И. Лазаревича. И он более прав, ибо следует богослужбной традиции и смыслу фразы. Потому в последующих изданиях перевод был мной исправлен. — А.А.

Эта фраза взята с некоторой переделкой из церковного богослужения: «Благословен Бог наш всегда ныне и присно и во веки веков». Мог ли языческий жрец, писавший это, слышать когда-либо этот священнический возглас? — А почему же нет? Ягило Гана считал себя в какой-то мере киевлянином, по прежнему месту жительства, потому что он писал: «Аскольд злый «потолче» князя нашего и был непрощен князь». Вот там, в Киеве, он не мог не поинтересоваться тем, что представляла собой новая религия, на которую Аскольд променял язычество. Бывал, наверное, и не раз, в церкви пророка Илии на Подоле, и это выражение ему понравилось и запомнилось.

И вот он и вставил это выражение в свою запись. Но как вставил? Написать «Благословен Бог наш» противоречило его многобожию²⁵ и он решил просто опустить это слово и написать окончание этого возгласа, не «во веки веков», а «от веки и до веки».

Интересно отметить, что в Болгарии до сих пор говорят: «от века и до века», т.е. так, как на дощечке. Только теперь, когда выяснилось, когда написана эта дощечка и кто ее писал, стало понятно, почему так получилось. Академик Виноградов этого, конечно, не знал, но чутье истинного ученого подсказало ему воздержаться от категорического отрицания подлинности дощечки.

Исследователь текстов дощечек В.И. Лазаревич дал полное обоснование, почему слово «ВУЖДУ!» означает «всегда». Значительно легче принять это объяснение, нежели признать десяток совершенно невозможных абсурдов, вытекающих из утверждения, что «Влесова летопись» поддельна.

Что же все-таки представляли собой эти тексты: исторический труд, запись предания отцов, как позже былины, или что другое?

Я высказываю только т.н. «рабочую гипотезу», что это или записи по памяти выступлений верховного жреца (Ягилы) на собраниях, вечях, о которых они часто упоминают, или же подготовительный материал к выступлению, так как почти

²⁵ Здесь о. Стефан несколько пристрастен. А ведь до сей фразы в дощечках сказано именно: «Рекли мы Богу нашему». «Многобожие» Ягаилы и древних славян более чем спорно (боги-вестники славян, равнозначны христианским ангелам). Ягаило и сам отвергает это обвинение в «дощечках»: «Пусть никто не говорит, что мы имеем многих богов», и далее «Бог Един и Множествен» и т.п. Да и сам о. Стефан много места в своих книгах уделяет культу Вышня (Бога Высочайшего) в Черноморской Руси. — А.А.

все тексты содержат восхваления богов или призывы к их почитанию, и почти всегда призывы к сопротивлению варягам, захватившим власть над русами. Очень часто они приводят исторические примеры прошлого, передававшегося из поколения к поколению, в языческом жреческом сословии кудесников.

(...) Не знать нашей истории в наше время просто недопустимо. Это ведь не какой-то малый неизвестный доселе отрезок времени, а почти целое тысячелетие, которое «выдумать» никто, конечно, не мог.

Как писал проф. С.Я. Парамонов — «это не просто интерес к тому, что когда-то что-то было, а это основа нашего сегодняшнего восприятия нашего места в мировой культуре, откуда все это родилось и это есть основа суждения о будущем нашего великого народа».

Из книги «Доисторическая Русь».
Балтимор-Вальрико, 1977

Так о. Стефан сделал первым открытие имени волхва, создавшего «Книгу Велеса». Теперь мною только отыскано возможное упоминание его имени и в дощечках.

К сожалению, это открытие до сего времени было мало кому известно. Даже среди первых исследователей «Книги Велеса», русских эмигрантов, оно не получило поддержки. Критиковали его и Ю.П. Миролюбов, и переводчик «Книги Велеса» из Австралии П.Е. Соколов-Панин. Они считали это исследование безосновательной фантазией.

А между тем, на мой взгляд, о. Стефан подошел к сему вопросу с максимально возможной добросовестностью. А что же касается «полета фантазии», то не следует забывать, что о. Стефан был священником, который кроме всего прочего опирался и на свой духовный опыт. А при исследовании текстов религиозных подобный подход может дать неожиданные и крайне важные результаты.

Труды о. Стефана о раннем христианстве в Древней Руси и о «Книге Велеса» не устарели и в наше время. Он в своих работах поднимает огромнейший, тысячелетний пласт собственно христианской русской истории, начиная со времен апостола Андрея и до эпохи Владимира Крестителя.

И этот исторический пласт доселе считается запретным, малоизвестным, а он богат событиями, в том числе и внутрицерковной жизни. Известны, мученики, просветители, святые и т.д. Славянские епископы, оказывается, участвовали на всех церковных соборах с IV века. Даже и ныне в Керчи стоит церковь Предтечи, в коей службы идут, начиная с V века.

Целая тысяча лет истории! И всё это было принесено в жертву династическим притязаниям варяжской династии, а также греческим ортодоксам...

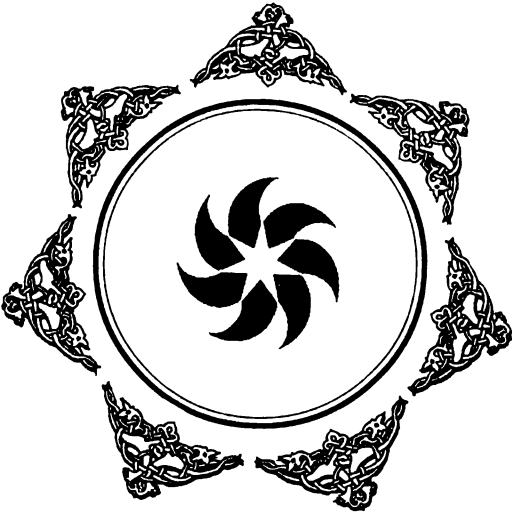
О. Стефан утверждает, что была предана забвению не только «языческая», но и ранняя христианская история Руси. Повторяю: тысячелетняя история!

И, разумеется, эти труды о. Стефана, разрушающие заговор молчания вокруг этой темы, достойны не только переиздания (два тома его исследований по «Книге Велеса» уже изданы при моем участии), но и внимательного изучения. Тем более, что в них дается точка зрения священнослужителя, признанного богослова.

**Долгие
странствия
«Книги Велеса»**

Судьба рунической библиотеки новгородских волхвов

Как дощечки «Книги Велеса» попали во Францию

После 876 года, но не ранее 878-го, в Киеве волхв Ягайла закончил свои дни (погиб в борьбе с варягами, либо умер от старости).

Он ушел к пращурам, и, предчувствуя свой уход, писал о том, что он видит, как после крещения Руси *«пращуры идут по высохшей земле»*...

Поскольку в «Книге Велеса» нет упоминаний о приходе в Киев Олега Вещего и Игоря Рюриковича и убийстве Аскольда в 878 году, а также нет рассказа о таком важном для волхва событии, как восстановление старой веры Олегом, а заодно и о провозглашении Игоря наследником не только Рюрика, но и славянской династии, мы можем заключить, что закончил свои дни Ягайла Ган в период между 876 и 878 годами.

А дощечки тогда же стали храниться в древлехранилище главного храма Киева (если, конечно, фраза из каталога «в Моравию увезено», не относится к IX веку). Храмом, где дощатая книга хранилась и использовалась на службах в дни Радогоща, был, по всей видимости, храм при резиденции князя.

Возможно, что эти дощечки держал в руках сам Олег Вещий, вернувший старое богопочитание. После Игорь Рюрикович, а за ним и прославленный князь Святослав Игоревич, ревнитель старой веры. Потом дощечки могли попасть и к Владимиру Святославичу, а затем и к Ярославу Мудрому.

Ярослав Мудрый

Последние двое князей были уже христианами, но либо они еще не додумались до того, чтобы уничтожить древние книги, либо в их правление нашлись люди из их близкого окружения, которые сохранили священные дощечки.

Но могли сии дощечки и вновь быть отправлены, например, в Новгород или в Ладогу, на родину Ягайлы. Там они были необходимы для проведения храмовых служб. Могла быть у них и иная судьба.

С 878 года и, очевидно, по середине XI века, то есть первые

двести лет своего существования, вероятнее всего, дощечки находились на Руси.

Как известно, восстанавливал язычество (а не ведическую веру) в Киеве уже варяг Олег. И это было именно язычество варяжского толка, с кровавыми жертвами Перуну.

От этого мрачного периода не сохранилось языческих летописей, ведическая вера была уже замутнена, древняя славянская культура основательно разрушена ко времени нового крещения, которое предпринял Владимир в 988 году.

Но древние книги тогда еще хранились и изучались в княжеских семьях. И нужно сказать, что и позднее древнюю традицию берегли именно наиболее образованные люди из княжеской среды, в то время как их непросвещенные подданные часто преследовали «язычников».

Вполне возможно, что в Киеве старые рукописи были уничтожены Владимиром и приехавшими с ним греческими священниками. Но в Новгороде, где тогда правил его сын Ярослав (978–1054), сии книги продолжали изучаться княжеской семьей. Ярослава в народе прозвали Мудрым за то, что он любил книжную мудрость и основал великую библиотеку, когда стал Киевским князем.

*Семья Ярослава Мудрого (справа налево):
Рогнеда (жена), Елизавета, Анна, Анастасия (дочери).
Фреска Софийского собора в Киеве. IX в.*

Дочь его Анна Ярославна унаследовала от отца страсть к книгам. И когда в 1044 году она была отдана замуж за короля Франции Генриха I Капета, она перевезла во Францию многие старинные манускрипты, в том числе и рунические книги и свитки. Это было ее приданым.

Точно так же потом и Мария, дочь императора Византии Константина Мономаха, выданная замуж за сына Ярослава князя Всеволода, привезла с собой греческие античные манускрипты¹.

Во Франции сии славянские рунические книги стали храниться в королевской библиотеке. Известно, что на сла-

¹ Замечу, потом сии греческие манускрипты на Руси копировались. И, например, единственный полный список «Илиады» Гомера дошел до нашего времени в русском списке XIV века (т.н. Лейденский манускрипт). Он в начале XIX века был выкраден неким профессором Маттеи из архива Министерства иностранных дел России и вывезен в Лейден.

вянском Евангелии, писанном глаголицей, из библиотеки Анны (так называемое Реймское Евангелие²), потом клялись при восхождении на трон все короли Франции. И этот обычай был установлен именно Анной Ярославной.

Да и дохристианские манускрипты, «Книга Велеса», а также песни Бояна и Златогора, надо полагать, оказали влияние на французскую и немецкую поэзию. По крайней мере, влияние сюжетов песен Кама (т.е. волхва) Златогора, упоминаемого в «Бояновом гимне», можно проследить в «Песнях Хамдира» из «Старшей Эдды». И в той же «Эдде» упоминается также сам князь Ярослав (Ярицлейв), перенесенный в эпические времена. И известно также, что часть песен «Эдды»

имеет южнонемецкое происхождение, они являются пересказами исландского скальда Снорри Стурлусона, жившего в XIII веке, общих для всего германо-скандинавского мира сказаний.

Возможно, Анна, при дворе коей было немало певцов и музыкантов, переводила некоторые песни Златогора и Бояна, и придворные певцы подхватывали сюжеты тех песен — так они входили в культурную жизнь Западной Европы.

Королева Франции Анна Ярославна. Скульптура в монастыре св. Викентия. Внизу подпись Анны («Анна Регина»)

² См.: Жуковская Л.П. Анна Ярославна и «Реймское Евангелие». М., 1976. Также Черных Н.Я. К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославны // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, Вып. 3, 1947.

Потом сии древние славянские манускрипты хранились в основанном Анной Ярославной аббатстве Санлис, а также в аббатстве Сен-Жермен.

Такую историю древних странствий славянских манускриптов можно восстановить на основе свидетельств королевского архива Франции. Писатель А. П. Ладинский много лет работал в этих архивах, а потом написал роман «Анна Ярославна», в коем он изложил также историю рунической библиотеки Анны.

Писатель А.П. Ладинский, будучи в эмиграции во Франции, много лет работал в этих архивах³, а потом написал роман «Анна Ярославна» (1960 год), в коем он изложил также историю славянской рунической библиотеки сей королевы, рассказал он и о том, как попали ее книги во Францию, и о том, как Анна их там перечитывала, когда хотела вспомнить родину.

В частности, в сем романе есть такие строки: *«Анна... тихо побрела в заветную горницу. Присев на скамеечку, она открыла крышку сундука и стала перебирать книги... Вот «Песнь Бояна» — несколько пергаментных листков, сшитых струной, может быть, от тех гуслей, на которых некогда играл прославленный певец, этот русский соловей. На каком пиру порвалась она? В Чернигове или Тмутаракани? Вот «Громовник» Путисила, обитавшего в таинственной пещере недалеко от города Русы...»*

Может показаться, что А.П. Ладинский был знаком также и с архивами А.И. Сулакадзева, который описал этот свиток теми же словами (без связи с библиотекой Анны Ярославны). Но для этого ему нужно было бы поработать в архивах Санкт-Петербурга либо поднять издания прошлого века (а ведь сей роман писатель писал во Франции, будучи эмигрантом).

³ В частности, в бумагах А.П. Ладинского, хранящихся в ЦГАЛИ, указана французская книга некоего Люшера об аббатстве Санлис и библиотеке Анны (к сожалению, ссылка дана неразборчивым почерком, привожу ее так, как смог прочесть): Luchaire. Institution de la France. Leclereg Histoire de l' abbaye de Uillier (см. Annales de St. de l'Histoire le archiv de Satinais. T.1. 1893). Указывает А.П. Ладинский также на документы Анны и Генриха I из 10-томного собрания Истории Франции: «Recueil de Histoire de France».

К тому же остается открытым вопрос, почему писатель связал каталог А.И. Сулакадзева с именем Анны Ярославны. В его время еще никто не говорил об этом, да и о самом каталоге у нас не писали около ста лет... Однако теперь очевидно, что во Франции могли об этом говорить и в его время.

Для французских исследователей (для Люшера?) не были тайной и данные русских архивов, касающиеся сих документов, некогда вывезенных из Франции в Россию. Могли они и цитировать по публикациям прошлого века каталоги А.И. Сулакадзева, зная из своих источников, что книги Анны Ярославны попали к нему.

О рунической славянской библиотеке королевы Франции Анны Ярославны много раз упоминалось в отечественной печати начиная с начала XIX века. И есть все основания полагать, что рукопись самой «Книги Велеса» принадлежала некогда сей библиотеке.

Хоть, разумеется, возможны и иные предположения. Например, «моравско-богемский след». Согласно этому предположению, рукопись Ягайлы могла происходить из Моравии (в собрании А.И. Сулакадзева были сокровища богемского архива), а попала туда еще во времена Рюрика и Аскольда. Также существует и оригинальная «автохтонная теория»: есть исследователи (например, В.В. Цыбульский), считающие, что доски просто хранились в родовом архиве князей Донец-Захаржевских (Задонских) с незапамятных времен.

Но в отличие от сих предположений, уводящих нас по сути в никуда, гипотеза о происхождении дощечек из французского королевского архива дает определенную нить, следуя по которой, мы уже нашли памятник IV века «Боянов гимн», а впоследствии сей след может привести нас и к другим славянским руническим рукописям. Да и хранение в архиве французских королей представляется ныне наиболее вероятной причиной сбережения манускриптов.

Но как дошли до нас дощечки «Книги Велеса» и пергамент «Боянова гимна»? Как попали они из Франции в Россию?

От Анны Ярославны до первых масонов аббатства Сен-Жермен

После смерти Анны Ярославны при французском дворе долгое время не было ученых, владеющих в достаточной мере славянскими языками, кто мог бы понять тексты тех манускриптов.

И нам достоверно неизвестно, изучались ли они кем-нибудь в те годы. Однако 700 лет — срок немалый, и во Франции с начала эпохи Возрождения интерес к античности, древним рукописям, был и постоянно рос. Существовала и Французская Академия, кою поддерживал королевский двор, были и ученые, монахи-бенедиктинцы, публиковавшие труды в том числе и по ранним руническим рукописям.

Можно вспомнить, например, классика палеографии Монфокона, выпустившего в 1708 году труд «Палеография Греции», где приводились не германо-скандинавские руны, а руны этрусские, раннегреческие, подобные славянской «бояновице».

Монфоко́н, работавший также и в королевском архиве Франции, вполне мог принять некоторые рукописи Анны Ярославны за этрусские. К тому же он опубликовал в качестве иллюстраций к своей книге «L' Antiquité expliquée et représentée en figures» (Paris, 1722) изображения славянских богов. И он оставил после себя уважаемую научную школу.

Известно также, что рукописи королевы Анны из библиотеки аббатства Санлис были описаны в ряде трудов французских ученых. И среди них были уже упоминавшийся Монфоко́н, а также его сподвижник и ученик Мабильон.

Они изучали в основном рукописи отцов церкви, например, свиток блаженного Августина, V века (он почитается как католиками, так и православными, его день отмечен в святцах). Кстати, сей свиток ныне находится в Санкт-Петербурге, в Публичной библиотеке (по крайней мере был

там еще в 50-х годах⁴), он не издан у нас и не изучен. Издание его существует только французское, трехсотлетней давности! И полагаю, что сей святыней стоило бы заинтересоваться и Православной церкви.

Далеко не все труды французских ученых-бенедиктинцев, даже изданные, у нас известны и тем более изучены. А французские архивы и вовсе не подымались русскими учеными все время их существования, т.е. уже триста лет. А следовало бы. Вот широкое поле для исследователя!

Последний многотомный труд о сокровищах королевских архивов Франции принадлежал перу некоего Люшера (Luchaire). Он вышел в 1893 году и именовался «Исторические анналы аббатства Санлис». И у нас он, разумеется, также неизвестен.

Словом, стоило бы изучить труды французских палеографов и архивистов последних веков. Там могут быть сделаны самые неожиданные находки и открытия, которые в корне перевернут наши представления об отечественной истории. Но кто этим будет заниматься и на какие средства?

Наука наша, в том числе и такие ее области как палеография, источниковедение, бедствуют и по существу вырождаются, как в плане исследовательском, так и из-за невозможности организовать поиск древних манускриптов. А между тем старинные манускрипты являются одним из важнейших истоков национальной культуры. Именно с поиска и опубликования древних манускриптов началось Европейское Возрождение.

И их поиск, изучение вовсе не требуют огромных вложений. К примеру, если в ближайшие годы мы сумеем найти средства для поездки в один архив в Европе, то мы сможем спасти целую библиотеку славянских книг IX века. Результат подобных вложений — суть духовное здоровье нации, ее самоуважение, а для нас и сама надежда на Возрождение, и этому нет цены.

⁴ Луизова Т.В. Собрание рукописей П.П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вопросы истории, № 8, 1952.

Однако очевидно, что кому-то выгодно оставлять нас в темноте. И тому причиной не просто «леность» нашей Академии Наук.

Оказывается, все не так просто, как может показаться на первый взгляд. У сей трагичной истории уничтожения славянских древностей, сокровищ нашей национальной культуры, есть очень и очень давняя предыстория.

О существовании славянских рунических книг в определенных кругах, направляющих течение политической и культурной жизни в мире, было известно давно.

И есть подозрение, что известные ныне славянские рунические рукописи лишь благодаря исторической случайности или провидению «выпали» из хранилищ неких таинственных организаций. Речь идет о масонских ложах (или сродных организациях), существующих с очень давних времен и имеющих прямое отношение к тайным пружинам мировой политики.

И неслучайно первые отклики на «Книгу Велеса» пришли именно со стороны историко-политологического отдела ЦРУ, Института стратегических исследований в Вашингтоне, то есть от одного из современных как бы «наследников» сих организаций, уже, очевидно, выродившихся. Имеется в виду отклик профессора из сего центра У. Лакера, напавшего на «Книгу Велеса» в своей монографии «Черная сотня» (М., 1994).

Но как столь важные документы древней славянской истории вырвались из тьмы и явились на свет, стали доступны исследованию, не смотря на столь мощное сопротивление?

Чтобы разобраться в этом, нужно обратить взор в глубь времен, к самим истокам франк-масонского движения, кстати и зародившегося в аббатстве Сен-Жермен под Версалем и в аббатстве Санлис, куда уходят и следы «Книги Велеса».

Судя по всему, именно ранние масонские ложи отчасти сохранили преемственность самой древней традиции и работали над ее возрождением, в своем понимании, и для своих целей.

От Сен-Жермена до графов Строгановых

Итак, перенесемся назад на три столетия. Как уже было сказано, в то время уникальнейшие славянские рунические рукописи и книги уцелели по-видимому лишь в одном месте в Европе (иные нам неизвестны). А именно в древлехранилище французской королевской библиотеки.

Первые же достоверные известия о сей таинственной рунической библиотеке относятся даже не к XVIII, а к концу XVII века. И они связаны с деятельностью самых первых французских масонских лож, о коих имеются достоверные сведения.

Конечно, с тех времен не сохранились (или пока не доступны) известия о самих славянских рунических документах. Но без знания того, что происходило при зарождении масонства, невозможно понять и то, почему именно из этого источника, из масонских древлехранилищ, потом явились сами дощечки и пергаменты со славянскими рунами.

А дело было так. В конце XVII века, именно в 1688 году, в аббатстве Сен-Жермен поселился изгнанный из Англии во Францию и лишенный престола король Якоб II из династии Стюартов. Он жил здесь долгое время, мечтая о возвращении английского трона, но не имея к тому средств.

Потому он впал в глубокий мистицизм и стал надеяться возратить власть средствами магическими, для чего из числа своих сторонников, изгнанных из Англии, он создал мистико-политическую организацию. Между прочим, на Руси за полтора столетия до этого князи падшего княжества берендеев также основали мистическую секту «зиждителей», известную потом как «хлыстовство», а корабли «хлыстов» возглавляли «кормчие» из родов прежних князей. Обычная ситуация в истории.

И так Якоб II положил начало так называемой «клермонтской системе строгого послушания» ордена франкмасонов, наследнику английских масонских лож, коя впоследствии слилась с орденом розенкрейцеров. Во Франции

у сей английской по происхождению организации появились и французские корни, ибо к ней примкнули и духовные наследники разгромленного в XIV веке французского духовного ордена тамплиеров. Все эти организации были по происхождению и духу христианскими, но с явным уклоном на постижение тайн Востока.

В тамплиерском ордене увлечение мистериями Востока установилось со времен крестовых походов. Тайны Востока постигали и розенкрейцеры.

Прямых наследников европейских «языческих» учений среди масонов не было, к тому же «язычество» ими поначалу принималось враждебно и отождествлялось с антихристианством. Но потом жажда власти и неразборчивость в средствах ее достижения толкнули часть масонов и на исследование запретных тем. Ложи «клермонтской системы» — первые из масонских организаций, которые стали уделять особое внимание наследию «язычества».

В сих ложах в основном занимались изучением тайных наук по богатейшему в мире королевскому собранию папирусов египетских жрецов, рукописей античных философов, рунических документов, в том числе и славянских. Однако славянские документы они вряд ли могли понимать по причине отсутствия знания языка.

А кто мог понять значение славянских рунических книг? Кто первым стал уделять внимание сей теме? Опять-таки достоверных сведений о сем нет, но тем не менее мы вправе сделать некоторые на сей счет предположения, исходя из преданий о графе Сен-Жермене.

Граф Сен-Жермен

Судя по всему, первым, уже в середине XVIII века, понял значение древних славянских рукописей знаменитый мистик, политический деятель и авантюрист граф Сен-Жермен, урожденный венгерский принц Ракоци⁵.

Помните, как в Пушкинской «Пиковой даме» граф и чародей Сен-Жермен раскрывает тайну трех карт русской графине Наталье Петровне Голицыной (между прочим, родственнице Строгановых, о коих далее речь)? Это именно он. Сей граф Сен-Жермен превосходно знал русский язык, одно время он даже выдавал себя за русского генерала Салтыкова.

И следует заметить, что знание венгерским принцем, да и вообще образованным европейцем того времени, русского языка весьма необычно, не все дворяне и в России владели «простонародным» языком. На изучение русского языка Сен-Жермена должна была подвигнуть важная причина, и таковой не могла быть, к примеру, современная ему русская литература, ибо таковой почитай что и не было.

Конечно, известно, что Сен-Жермен некоторое время жил в России, и даже активно участвовал в перевороте 1762 года, в результате коего на трон взошла императрица Екатерина II. Но сие вряд ли могло быть главной причиной для изучения русского языка. Ибо он участвовал в политической жизни России всего несколько месяцев, да и все действующие лица переворота Екатерины редко говорили по-русски (больше на немецком и французском). Да и изучил Сен-Жермен русский язык во Франции. Для чего? Не для того ли, чтобы понимать славянские рукописи из аббатства Сен-Жермен? Но это, разумеется, лишь догадка.

Его ученик, также знаменитый авантюрист, самозванный граф Калиостро, потом (в 1780-м) также наведал Россию с некими поручениями от ордена к русскому двору, где и был принят, но потом он даже подвергся преследованию со стороны императрицы Екатерины II, не любившей не только само-

⁵ См.: о Сен-Жермене: *Володарская О.* По следам Сен-Жермена // Наука и религия, № 9 — 11, 1996.

Калиостро

званных магов, но и, прежде всего, тех, кто ей напоминал о том, как и с чьего благословения она взошла на трон. Впрочем, впоследствии, в 1786 году она вновь приняла Сен-Жермена (кстати, через два года после его «официальной» смерти). Ну да речь здесь не о Калиостро и не о Сен-Жермене, а о том, что у сих людей (и у ордена) были какие-то весьма важные дела в России.

Кстати, свой псевдоним «Сен-Жермен» принц Ракоци взял по названию аб-

батства Сен-Жермен, где он был посвящен в «клермонтскую систему» и приобщился к тайнам ордена розенкрейцеров.

Работал он и над загадочными рукописями сего ордена, а как человек, знающий русский язык, он не мог не обратить внимание на доски со славяно-руническими письменами, содержащие доктрины изначальной ведической (пра-ведической) традиции. Тем более, что он был посвященным в ведические мистерии Индии (судя по всему, шиваитские, либо буддийско-тантрические, ибо именно сии тайны весьма «фривольного», на наш взгляд, свойства привлекали к Сен-Жермену высший свет, любящий «красиво» прожигать жизнь⁶).

И между прочим, сего графа Сен-Жермена теософы поныне почитают как воплощение одного из махатм (великих учителей), который, по свидетельствам современников, участвовал в бурной политической жизни Европы и Азии, в том числе России и Индии, на протяжении чуть ли не сотен

⁶ По воспоминаниям В. Зотова, Сен-Жермен основал мистико-эротическую ложу с целью достижения в жизни высшего наслаждения (Русская старина, 1875, т. 12. С. 53).

лет (он будто бы обладал эликсиром бессмертия), и даже будто бы он появлялся в России еще при дворе Петра I.

Доподлинно же известно, что русский вельможа Роман Илларионович Воронцов вместе с Сен-Жерменом совершил путешествие в Индию, став по сути чуть не вторым русским, побывавшим там после Афанасия Никитина.

И будто бы там они стали адептами таинственного Белого Гималайского Братства, и даже как будто были обращены в индуизм в местных храмах. Впоследствии в семье Воронцовых хранились семейные легенды о том посвящении, передавались также индуистские мантры, да и их имя под Петербургом именовалось по-индийски: «Ишвара».

Интересовались Воронцовы даже запретной т.н. «языческой» литературой. Так, они покровительствовали, и в сущности спасли от каторги «язычника» Коржавина, по-видимому того самого, сподвижника и близкого друга А.И. Сулакадзева, что был также розенкрейцером, вступившим в братство где-то в Европе, и собирателем манускриптов, кои в одном доносе характеризовались: *«богохульные творения церковью и Вашим Имп. Велич. Указаниями запрещенные⁷»*.

Достоверных и полудостоверных легенд о тех временах, о Сен-Жермене и Калиостро, их русских делах, а также об их вельможных последователях есть великое множество. И среди них кроме Воронцовых упоминаются и многие иные лица, хорошо известные в отечественной истории.

Так, известно, что кроме М.И. Воронцова к сим тайнам тогда был приобщен еще один русский вельможа, Александр Сергеевич Строганов, а потом и его сын Павел Александрович Строганов.

И о сих вельможах Строгановых, да и вообще о роде Строгановых следует сказать особо. Именно к ним тянутся уже вполне осязаемые нити, ведущие нас к тайнам происхождения славянских рунических книг.

⁷ Донос на Коржавина, опубликованный в «Архиве кн. Воронцова в 40 томах» (Т. III, М., 1897).

Тайны рода Строгановых и.. руны славян

О рунических славянских манускриптах впервые стали говорить в России в начале XIX века. И тогда эта тема вовсе не была запретной, ибо находилась под высочайшим покровительством крупнейших российских вельмож. К тому же именно в это время в России начали работать собиратели древних книг, открывались музеи, создавались рукописные древлехранилища.

О рунических славянских манускриптах тогда знали не только антиквары, но и широкая публика, сведения о них попадали в газеты и журналы.

Но не только из Франции являлись тогда многочисленные рунические манускрипты. В поле зрения исследователей и любителей древностей попали тогда и рунические документы из родовых архивов старых русских фамилий, и прежде всего из архива прославленного рода Строгановых, имя коих то и дело всплывает, когда речь заходит об рунических манускриптах славян.

Ведь именно при их посредстве были вывезены из Франции манускрипты Анны. К сему руку приложил Павел Александрович Строганов, который посредством своего высокого положения в масонской иерархии выручил славянские манускрипты из французского королевского архива и передал их российскому послу во Франции, известному антиквару П.П. Дубровскому, а тот их и привез затем в Россию.

Следует обратить внимание и на то, что опять-таки на Строгановский архив указывал затем и антиквар А.И. Сулакадзев как на источник ряда приобретенных им рунических славянских (да и не только славянских) рукописей. Строгановы оказывали свое покровительство антикварам и выделяли на исследования и хранение славянских рун немалые средства.

Так кто же такие были Строгановы? Как в их родовых архивах смогли уцелеть столь ценные документы? Почему они столь много внимания уделяли этой теме?

Истоки рода Строгановых

Древний род Строгановых, купцов, а впоследствии промышленников, государственных деятелей и меценатов, происходит от именитых гостей-купцов новгородских. Был он известен много столетий.

И это уникально, ибо редко купеческие династии переживают три поколения, почти всегда дети и внуки пускают на ветер нажитое отцами. Однако мы имеем достоверные сведения не менее чем о 20 поколениях Строгановых, продолжавших дело, начатое их великими предками, кои начали освоение восточных окраин обширной Новгородской Руси — Поморье, Пермь и Приуралье — уже во времена древнейшие.

Самые ранние предки Строгановых, о коих имеются не только легендарные сведения — это стародавний новгородский род Добрыниных (одна из ветвей коих сменила свою фамилию на Строгановых в XIV веке).

Этот купеческий род восходит по прямой линии к самому Добрыне, дяде Владимира Святого. А если идти в глубь времен по линии Добрыни, то можно вспомнить и сестру Добрыни Малушу из Любеча, и их отца, древлянского князя Мала (по некоторым сведениям), и далее проявится в глубь веков гото-русколанский княжеский род Амалов, породнившийся с Белоярами. Давняя, овеянная удивительными легендами история старинного русского рода!

Одна из родовых легенд Строгановых так передает историю появления их фамилии. В XIV веке новгородские купцы Добрынины имели обширные вотчины под Архангельском, в Устюге и в Соли Вычегодской.

Они занимались торговлей пушниной и солеварением. И уже тогда Добрынины (впоследствии Строгановы) были столь богаты и славны, что с ними почитала за честь породниться даже великокняжеская семья. Что и не удивительно, ибо до присоединения Новгородской вечевой республики к Московской Руси, состоявшейся только при Иване III, то есть в конце XV века, власть в ней принадлежала выбранным на вече купцам, и в том числе Добрыниным, кои в

Герб Строгановых с изображениями священных животных Велеса: медведей и лисиц

этом отношении были равными по могуществу московским князьям.

Известно, что основательница рода Строгановых, имени коей история не сохранила, приходилась племянницей Дмитрию Донскому. То есть одна из сестер Дмитрия Донского вышла замуж за богатого новгородского купца Добрынина и родила дочь, его племянницу. И следует сказать, что Дмитрий Донской воевал против Новгорода Великого и обложил его данью, и тот брак его сестры на купце Добрынине служил укреплению зависимости купеческой вечевой республики от Московского княжества.

Эта племянница была в свою очередь отдана за татарского мурзу, сына одного из Чингизидов, ханов Золотой Орды. Этот сын хана был человеком по своему уникальным. Вначале он явился при дворе Дмитрия Донского и, как утверждает легенда, «прилежно рассуждая о вере Христа Спасителя, пожелал принять закон христианский». При крещении ему было дано имя Спиридон. И сей мурза Спиридон пришелся по сердцу Дмитрию Ивановичу, и тогда «крещения же ради великий князь паче его возлюбил и одарил по достоинству многими дарами», а потом выдал за него свою племянницу.

Сей Спиридон был принят и пришелся как нельзя ко двору в купеческой семье Добрыниных. С его именем даже связывают усовершенствование купеческих расчетов. Утверждают, что именно Спиридон ввел на Руси счета, употреблявшиеся с тех пор и по наше время, пока их недавно не вытеснили калькуляторы. Ранее счета были известны на Востоке, потом получили распространение на татарских базарах, а на Руси их первым начал применять Спиридон.

Узнав, что его сын сбежал на Русь, принял православие и даже стал купцом, хан Золотой Орды пришел в ярость и послал послов к сыну с требованием вернуться, но получил отказ. Тогда он собрал татарских воинов и повелел «разорить русские земли огнем и мечом». Московский князь, к тому времени уже Василий I, выслал навстречу татарам значительное войско, также повел новгородскую дружину и сам Спиридон. Однако союзные новгородские и московские дружины были разбиты татарами. Спиридон был пленен.

Хан стал требовать, чтобы сын вернулся в прежнюю веру, но Спиридон был непреклонен. И тогда хан повелел «привязать его к столбу, тело же на нем изстрогать, а потом на части изрубить и разбросать», что и «делом было тотчас исполнено».

Дата мученической кончины Спиридона в официальной родословной Строгановых, составленной при Петре I, обозначена 1395 годом. И от того Спиридона, замученного, точнее: «изстроганого» татарами — и произошла сама фамилия Строгановых. После смерти Спиридона остался его сын Кузьма, первый носивший фамилию Строганов.

Конечно, все что выше изложено, лишь легенды. И известных документов, относящихся к сим временам, в известном ныне Строгановском архиве не сохранилось. Однако уже и сии легенды говорят о непрерывной традиции сего купеческого рода, почитающего свое новгородское происхождение.

И не потому именно в их архиве сохранились рунические документы, явно имеющие новгородские корни и прославляющие новгородское вечевое правление, принципы коего отстаивали Строгановы во все века?

Вечевые идеалы Строгановых и их руническая библиотека

Строгановы, как новгородский купеческий род, были приверженцами идей вольной вечевой республики, которые в истории противостояли идеям монархическим. Однако идеи «народной демократии» были ценны для Строгановых не сами по себе, а лишь настолько, насколько они служили высшей идее: величию Руси и впоследствии России. И потому, когда сама история стала выдвигать монархическую форму правления как единственную спасительную для Руси, ведущей войны на всех своих границах, а демократические идеи приводили к ее распаду, тогда Строгановы стали служить и российским монархам. И в тяжелые годы Строгановы не раз выручали российских государей.

Так, уже внук Спиридона, о коем мы говорили выше, Лука Кузьмич Строганов, прославился тем, что выкупил из татарского плена самого великого князя Василия Васильевича Темного.

Тот был пленен в 1446 году под Суздалем. И за него татары потребовали огромный выкуп в 200 000 рублей, в то время как в государственной казне не было и десятой доли от этой суммы. Чтобы понять, как она велика, достаточно сказать, что откуп, который обычно требовался с города за избавление от набега, исчислялся суммою в десять раз меньшей.

Не только в казне, но по всему царству Московскому не могли найти столько золота, сколько требовали татары. Однако велик и славен Новгород! И нет богаче купцов новгородских! И Строгановы в своих сундуках оную сумму нашли и выплатили, и тем спасли московское царство.

Во все века Строгановы служили Отечеству, и позволяло им это делать прежде всего их наследственное дело. Большой доход давал им соляной промысел, также их богатство крепло от торговли «мягкой рухлядью» с северными и уральскими коренными народами.

И следует заметить, что поначалу они только вели дела в новых землях, а жили в Новгороде. И только внук Кузьмы, Федор Лукич Строганов, со своими сыновьями, в том числе с

Снятие вечевого колокола. Миниатюра Лицевого летописного свода и гравюра XIX в.

Аникой, переселился из Новгорода в Сольвычегодск в 1488 году. Причиной тому было разорение Новгорода Иваном III, который ликвидировал независимость Новгородской Руси, отменил выборную власть и снял вечевой колокол.

Выборные власти же и купцы новгородские были частью перебиты, а частью за немалый откуп помилованы, но сосланы в отдаленные земли. До семи тысяч семей новгородцев, не дав им даже собраться, гнали тогда по зимнему снегу ратники Ивана III. И большая часть их умерла в пути.

Вечевая республика была разгромлена. Причем со Строгановыми обошлись наиболее мягко, помятуя о том, что они выкупили Василия Темного, отца Ивана III.

Владения Строгановых, переселившихся в новые земли, ширились, промыслы их росли. 9 апреля 1519 года Строгановым была дана от государя грамота на «дикие леса и соль Качановскую в вечное владение», а ко второй половине XVI века они значительно расширили свои владения в Перми. Так, еще при Анике Федоровиче и его сыне Якове Аникеевиче Строганове грамотами 1558 и 1564 годов роду перешли земли по берегам Камы протяженностью 146 «немерянных» верст, а также берега реки Чусовой.

Расширение торговли пушниной требовало и освоения новых путей, росла и нужда в дальнейшем проникновении на Восток, уже за Уральский хребет. Тогда у Строгановых и явилась мысль о покорении Сибирского ханства. И началась эпопея освоения Сибири, ведь именно на средства Строгановых были организованы походы «покорителя Сибири» Ермака!

Ныне мы чаще всего пытаемся представить себе купцов Строгановых, живших в XVI веке, по современным фильмам о Ермаке. Но они дают представление, далекое от истины. Образ едва грамотного купца не соответствует исторической правде, ибо Строгановы были чуть не самыми образованными людьми своего времени. Об этом говорит и дошедшая до нас «Строгановская летопись», да и весь их архив, хоть и изрядно поредевший за последние два века, но тем не менее сохранивший сведения, которые дают картину неожиданную.

К примеру, согласно этому архиву, известно, что уже Аника Строганов имел библиотеку в 205 книг, и это было самым значительным частным собранием книг в XV веке, сравниться с ним могла разве что патриаршья библиотека.

А внук Аники Лукича, знаменитый ныне по фильмам Максим Яковлевич (тот самый, что снарядил войско Ермака), имел уже личную библиотеку в 387 книг, тщательно описанную. Кроме того, он сам рисовал иконы и основал славную поныне «строгановскую школу иконописи», породившую целую плеяду славных поныне на весь мир русских художников-иконописцев.

То есть тот человек, благодаря коему Русь обрела

Поход Ермака.

Рис. из Кунгурской летописи

Сибирь, был также книгочеем и художником, к тому же философом, владевшим премудростью славянских рун! Разве это похоже на образ алчного и не очень далекого «купца в зипуне», думающего только о своей прибыли, что мы имеем благодаря современным фильмам? Да и зипуны-то они вряд ли часто носили, и одежда их, и хоромы были, скорее, боярского типа.

А как ярко в фильмах и книгах даны «конфликты» Строгановых с Ермаком. Придумали, к примеру, явно для остроты повествования, будто бы Ермак вначале грабил Строгановых. В то время как в казацкой вольнице, в традиции «казацкого круга», Строгановы видели будущее Руси, приближение к древним идеалам вечевого власти. Той власти, которую воспевали древнейшие новгородские летописи из их тайного архива.

Эту власть они и реализовали в своей «республике». Именно эта власть, личная свобода, свободный труд, давали им великую силу. В то время, как в остальной Руси рабство, крепостнический труд приводили к раздраям и упадку, в Строгановских землях росли и богатели города и деревни. Богатели, усиливались и сами Строгановы.

И богатство Строгановых, основанное на свободном труде, всегда позволяло им служить Родине.

Покорение Сибири и «идея прародины» согласно архивам Строгановых

По «Строгановской летописи», в организации покорения Сибири отличился внук Аники Строганова Максим Яковлевич. Именно он дал средства на походы Ермака, снаряжал русские рати.

Для начала сей великой войны нужно было решение государя. Но в Москве тогда были заняты иными делами: в то самое время польский король Стефан Баторий осадил Псков, а с низовий Волги двинулась на Русь Ногайская орда. Московское царство было в осаде и вело сразу две тяжелейшие войны. И потому понятно, что Иван IV вовсе не желал начинать еще одну войну на Урале.

И Строгановы смогли испросить разрешение только на соби- рание войск для отражения набегов, беспокоящих их вла- дения. В 1572 году великий князь Иван Васильевич Грозный повелел Строгановым выбрать из их собственного войска *«главу добру и... собрать войско и воевать против черемис, остяков, вотяков и ногайцев»*. Воспользовавшись сим разре- шением, и как бы исполняя государев наказ, Строгановы со- брали большое войско и выбрали воеводой Ермака.

У Ермака было 80 казаков, а Строгановы снарядили так- же пятитысячную рать. И тогда, после походов Ермака, на- чалось присоединение Сибири к Руси, ставшее неждан- ным подарком для Иоанна Грозного, который тут же про- стил самостийную войну (победителей не судят!). Тем бо- лее, что Сибирь, пусть вначале только на словах, перешла *«под высокую государеву руку»*. На деле же потом, вплоть до времен Петра, обширные владения Строгановых являли собой своеобразную *«Строгановскую республику»*, наслед- ницу Новгородской вечевой республики, в коей действова- ли законы, отличавшиеся гораздо большей личной свобо- дой от законов остальной Руси, что привлекало на Урал и в Сибирь ищущих вольной жизни людей со всех уголков зем- ли русской.

После того как актом 1574 года Иоанна Грозного Строга- новым во владение перешли все освоенные ими земли за Уральским хребтом, их роду стала принадлежать целая страна: 10 382 347 десятин земли! В одной только Перм- и принадлежала половина земель губернии. Они стали самыми богатыми землевладельцами в Московском цар- стве. И так было положено начало освоения Приуралья и Сибири, имевшее великое значение для всей последующей истории Российского государства.

Величайшее дело! С чем сравнить его? С завоеванием Америки? Походами Кортеса? Но ведь то были чисто завое- вательные и грабительские походы, приведшие к падению древних государств, истреблению целых народов, исчезно- вению великих культур.

Не так было в случае покорения Сибири. С одной сторо- ны, это было просто освоение малозаселенных земель. А с

*Ермак дарует Сибирь Ивану IV.
Гравюра XIX в.*

другой стороны война шла по сути не с коренным населением, а с войсками бухарских ханов, которые несколько ранее завоевали эти земли и низложили власть князей коренных родов. По сути, коренным уральским и сибирским народам предстоял выбор — кому платить ясак (дань): Бухаре, либо Москве. И было отдано предпочтение русской власти как более крепкой, ибо бесконечные междоусобные войны ханов, набеги приводили в бедственное положение все уральские народы.

Конечно, покорение Сибири имело и чисто экономические причины: открытие новых торговых путей, освоение новых земель и т.д. Но не только. Была еще одна причина, о коей редко вспоминают, ибо мы крайне упрощенно представляем себе самую духовную жизнь XVI века.

Мало кто знает, к примеру, что тогда на окраинах Руси, особенно на восточных, куда не доставала «высокая государственная рука», еще стояли храмы старой русской веры, кою неверно принято называть «языческой» (это была право-

славно-ведическая вера). Они были уничтожены уже после Иоанна Грозного, в Смутное время, ибо тогда они явились центрами народных восстаний.

Известно, что сами Строгановы уделяли много внимания распространению христианской веры, строили храмы, жертвовали монастырям и т.д. И даже, *«оставив благини мира сего»* нередко сами уходили в монахи. И они же свято чтили и «веру пращуров», ибо не видели разницы между старинной русской верой в «Путь Прави» и православием.

Хранили сию веру Строгановы и по той причине, что в отличие от византийского варианта христианства, освящавшего абсолютную власть монарха, новгородская христианская традиция, тяготевшая даже к католицизму, хранила и древние идеалы вечевой власти, укорененные в новгородской православно-ведической, то есть еще дохристианской традиции.

Об этом однозначно говорит уже само существование рунических славянских (и не только славянских) рукописей в тайном архиве Строгановых, сохранявших вплоть до XIX века части жреческой библиотеки Древнего Новгорода. Подтверждают это и все их дела.

Известно, что в новых землях тогда поднимались города, коим казаки давали имена священные в православно-ведической традиции. К примеру: город Алатырь (священная гора или камень в «Русских Ведах»), Орск и Оренбург (грады праотца Оря, поминаемого «Книгой Велеса»). И следует помнить, что в славянских преданиях, известных ныне как по рунической «Книге Велеса», по «Веде славян», а также по ряду более поздних летописцев, прародина славянских родов находится именно на Урале, в святом Беловодье и Семиречье.

То есть движение Руси за Урал, в Сибирь, в степи Семиречья, по сути было ясно осознаваемым движением на святую прародину русских родов. И, кстати, среди коренных уральских народов история знает и загадочных урало-русов, которые, судя по легендам, никогда не покидали сих земель. Они только влились в иные русские роды во времена Ермака.

Строгановская республика и строительство Великой России

Удивительный род! Строгановы, хранители древнейших вечевых идеалов, идеалов свободы, столь необходимой для купечества и предпринимательства, живя в реалиях своего времени, сумели их воплотить в жизни, а силу, рождающуюся из сей свободы, поставили на служение родине. Никогда они не заботились о собственном процветании, но только о России.

Так, в «Смутное время» Строгановы жертвовали огромные суммы на нужды Отечества, давали деньги Василию Шуйскому, который обращался к Строгановым с просьбой о помощи Московскому царству и при этом с благодарностью вспоминал о том, как их деды выручили из плена Василия Темного (сия царская грамота и ныне хранится в архиве Строгановых).

За огромные пожертвования в государеву казну Василий Шуйский дал им тогда наследственное звание «именитых людей». И это было не просто звание, дававшее право именоваться с полным отчеством, то есть добавлять к отчеству окончание «вичем», но оно также давало им исключительные права и большие льготы. Так они становились неподсудны обыкновенным властям, но только самому государю, получили они и право беспошлинной торговли, а также свободу от налогов и даже от личной присяги.

Потом Строгановы жертвовали деньги и на борьбу с польской интервенцией Минину и Пожарскому. А в «великое разорение» они пожертвовали государевой казне 423 206 рублей.

Но тут следует заметить, что не всегда Строгановы были лишь верноподданными слугами государевыми, нужды народа они ставили всегда превыше всего. И когда государство новыми налогами на соль привело народ к восстанию, известному как «Соляной бунт 1648 года», Строгановы стали одними из действующих сил народного движения про-

тив лихоимцев в государевых приказах. Особенно мощным неповиновение властям было в Москве, Новгороде, Пскове, а также в вотчинах Строгановых: Чердыне, Соли Вычегодской. И тогда после многих бунтов по всей Руси, они, в числе многих иных недовольных, заставили правительство созвать Земский собор и принять «Соборное Уложение» 1649 года.

Тогда царь Алексей Михайлович утвердил исключительные права Строгановых как на владение их землями, так и на самостоятельное управление ими, в том числе дал право на власть судебную. Сии права были записаны отдельной статьей (ст. 94, гл. X). Так была, по сути, утверждена власть Строгановых в их владениях, как в самостоятельном государстве.

А потом, уже при Петре I, Строгановы давали деньги на ведение «Северной войны», за что, как и за иные великие заслуги, Петр I дал наследственное баронство Сергею Григорьевичу Строганову (внуку Дмитрия Андреевича, бывшего племянником знаменитого Максима Яковлевича). Правда, в сем случае это было, скорее, утешительным подарком, ибо тогда Петр ликвидировал особые законы в землях Строгановых.

Только тогда была значительно подорвана вечевая (по тому времени «мирская») власть в их землях. И когда вольница закончилась, оковы крепостничества начали сковывать жизнь. И тогда, уже в XVIII веке, а потом и в XIX, Строгановы немалые усилия стали прилагать для политического переустройства общества. Для возвращения в жизнь столь дорогих для них вечевых идеалов — тех идеалов, кои воспевали рунические книги их родового архива.

И дело отца Сергея Григорьевича, а также славу рода продолжил Александр Сергеевич Строганов, о делах коего будет рассказано в дальнейшем.

Строгановы видели далеко в будущее, они были мощными мыслителями и великими строителями Руси, и мало кто это понимает ныне. В этом и разгадка тайны, почему их род не прекращался и только укреплял свое влияние столько столетий.

«Зиждители» России и руны славян

Тайный круг «зиждителей»

Тайное учение новгородских волхвов, заключенное в рунических славянских рукописях, передавалось со времен древнейших в русских дворянских родах, среди коих мы можем назвать фамилии Воронцовых, Неклюдовых, Голицыных, имена коих то и дело всплывают, когда мы расследуем по архивам историю изучения славянских рун.

Но прежде всего речь идет, конечно, о знаменитом и древнейшем роде Строгановых.

Этот круг людей, «посвященных», и был отчасти носителем идей «вечевой республики» и, разумеется, идей строительства Великой Руси, восходящих к идеям, изложенным в древних манускриптах. И эти идеи переросли к XVIII и XIX векам в идеи строительства великой Российской империи.

Этот круг русских вельмож был ближайшим окружением царей и императриц, и во многом эти вельможи и определяли внешнюю и внутреннюю политику России. И они же составляли тайную русскую «масонскую» ложу (или, по-русски, «круг зиждителей»). И их не следует смешивать с масонами, имевшими цели, отличные от целей усиления могущества России.

И именно они, и прежде всего Строгановы, на рубеже XVIII и XIX веков покровительствовали исследованиям славянских рунических манускриптов. И в связи с этим следует вспомнить имена Александра Сергеевича Строганова и его сына Павла Александровича.

Наследник дела и славы отцов

Расскажем вначале об отце. Александр Сергеевич Строганов родился 3 января 1733 года. И родился он в семье, имеющей славные многовековые традиции. Достаточно вспомнить, что его предки снаряжали войско Ермака, засе-

ляли и осваивали Север, Пермь и Зауралье. И освоение Сибири, Урала принесло им великое богатство.

Его отца, Сергея Григорьевича, коего сам Петр ввел в баронское достоинство за великие заслуги перед Отечеством, можно было по праву назвать одним из богатейших людей в России, да и в Европе мало кто мог с ним сравниться. Во владении Строгановых были земли на Севере, в Перми, в Зауралье по площади равные

Граф А.С. Строганов

крупному европейскому государству. И власть в сих землях у Строгановых была сродни власти удельных князей. По сути их «республика» и была таким последним русским удельным княжеством, сохранявшим даже остатки древней «вечевой» (в ту пору «мирской») власти.

Образование по настоянию отца Александр получал не только в России, но также в Германии, Австрии, Италии и Франции. Там он проходил курсы естественных наук в крупнейших университетах Европы. Знакомился с заводским делом, что ему принесло немалую пользу при управлении предприятиями в Сольвычегодске и Перми, ибо вскоре он унаследовал соляные и золотые прииски, металлургические заводы, торговые предприятия отца.

Не менее времени он уделял и образованию гуманитарному, тогда «классическому». И тут следует сказать, что во все времена Строгановы были людьми, «одержимыми» стремлением к прекрасному. И великое богатство им было нужно не само по себе, а для строительства десятков храмов, для поддержания художников, архитекторов, музыкантов и писателей.

С древнейших времен они хранили в своих родовых архивах уникальнейшие русские летописи, древнейшую богослужебную христианскую и светскую литературу и также рунические славянские манускрипты времен дохристианских: большая часть известной ныне «библиотеки новгородских волхвов» восходит к именно к родовому строгановскому архиву.

И можно быть уверенными, что именно в этой непрерывавшейся высочайшей культурной традиции и была сила рода Строгановых, причина их удач на всех поприщах, позволивших им в течение столетий служить Отечеству.

И Александр Сергеевич, и будучи в Европе, а потом и в России, также страстно увлекался всеми проявлениями прекрасного. В Европе он составил коллекцию картин самых прославленных художников, среди коих были, например, полотна Рафаэля и Караваджо, впоследствии привезенные в Россию и выставлявшиеся в строгановской картинной галерее.

Видимо, Александр Сергеевич надеялся, и не без оснований, что Россия благодаря развитию культуры сменит сам образ мышления. И это в конце концов приведет страну к переустройству политической и экономической жизни, продвинет ее к столь нужным реформам, и прежде всего к отмене крепостного права, против коего всегда выступали Строгановы.

И тут следует заметить, что во владениях самих Строгановых крепостное право было скорее номинальным. К примеру, «крепостной» Волегов (будущий историк рода Строгановых) управлял всеми их «вотчинами», другой «крепостной», Воронихин, стал знаменитым архитектором (по его проекту построен Казанский собор в Санкт-Петербурге, о чем речь далее). Во владениях Строгановых работали школы для крепостных, а наиболее одаренные могли продолжить образование как в российских столицах, так и за рубежом и т. д.

Но это только отдельные штрихи к их портрету. Главное же, что определяло их жизнь, было скрыто от широкой публики.

Одно только богатство не может объяснить того влияния, кое оказывали Строгановы, в том числе и Александр Сергеевич, на дела в России, а потом и в мире.

Посудите сами. Известно, например, что молодого человека, барона из загадочной России, Александра Сергеевича Строганова в 1754 году принял сам Папа Римский Бенедикт XIV.

О чем они говорили? Надо полагать о том же, о чем всегда говорили и говорят католики. О том, что Новгородская Русь в старину тяготела к католицизму: до завоевания Новгорода Великого Иваном III новгородцы стремились перейти под власть польского короля Казимира. Папа мог говорить и о том, что католичество в отличие от византийского православия, с его культом монарха, не препятствует развитию купечества и предпринимательства: тому пример Флорентийская и Венецианская республики, схожие с Новгородской, тому пример «Магдебургское право», Ганзейский торговый и политический союз, к коему принадлежал Новгород до падения вечевой власти и т.д.

Позиция папского престола по этому вопросу ясна, но что думал и говорил по этому поводу сам А.С. Строганов, для нас остается неизвестным.

А в 1757 году Александра Сергеевича Строганова (ему только 23 года!) пригласила к австрийскому двору императрица Мария Терезия, при своем восхождении на престол, и тогда же она возвела его в графы Римской империи. Случай исключительный и загадочный. За какие заслуги?

Объясняется это только тем, что Строгановы были одними из тех людей, на коих зиждилось само политическое устройство Европы. Благодаря им порой получали власть и сами императоры, как в России (и это очевидно), так и, полагаю, в Австрии. Ведь именно они стояли при основании весьма и весьма влиятельных уже в тогдашнем мире масонских лож. Известно, что, получая образование в Европе, Александр Сергеевич был вхож в самые влиятельные круги европейских политиков и государственных деятелей.

Хотя, думаю, поначалу его более интересовала не политика, а то, что нужно было для развития экономики и произ-

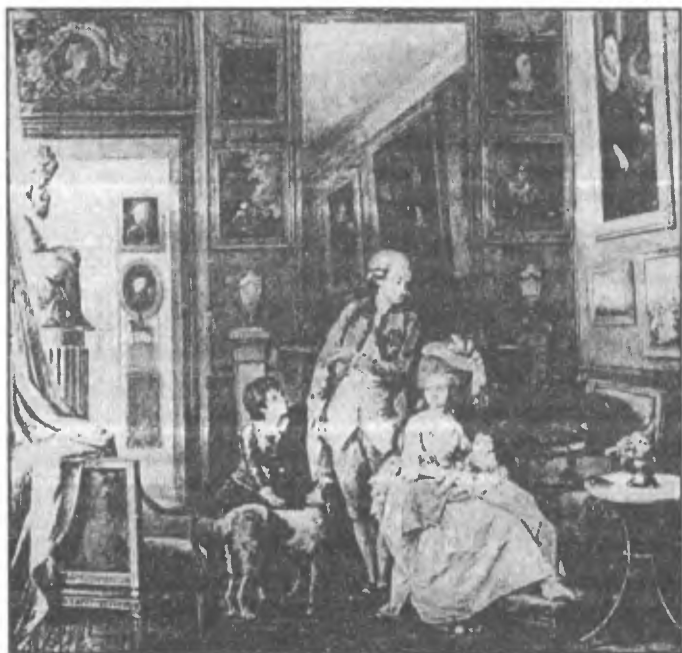
водства в его владениях. Во Франкфурте-на-Майне, в Париже, Женеве, он знакомился с заводским и фабричным делом. Да и впоследствии он и его помощники внимательно следили за всеми новинками технической мысли. Именно поэтому одними из первых на заводах Строгановых появились паровые машины Уатта, была совершена замена древесного топлива на кокс и т.д.

Однако никакие изобретения не могли прижиться и изменить жизнь к лучшему в крепостнической стране. Победа крепостнической идеологии, к которой власть шла несколько столетий и пришла только к XVII–XVIII векам, привела к быстро нарастающему отставанию России от европейских государств. И именно понимание этого привлекло Строгановых к масонству, поставившего цель переустройства общества на новых началах.

Сам А.С. Строганов был членом и одним из учредителей самой влиятельной во Франции тех лет клермонтской ложи «строгаго послушания». И среди его друзей был знаменитый принц Ракоци, он же граф Сен-Жермен, прославленный как «чародей» и... дипломат, живший при всех европейских дворах и участвовавший чуть не во всех дворцовых переворотах XVIII столетия (в том числе и в приходе к власти Екатерины II). Был знаком А.С. Строганов и с не менее известным учеником Сен-Жермена графом Калиостро.

Дела и цели масонов середины XVIII столетия не во всем ясны. Но известно, что тогда русские вельможи имели в сих делах чуть ли не решающий голос. И ныне всплывают загадочные факты из прошлого, как, например, связи их учения с индийскими ведическими доктринами. Известно, к примеру, что тот же Сен-Жермен в сопровождении русского вельможи Р.И. Воронцова (кстати, дяди первой жены А.С. Строганова) совершил длительное путешествие в Индию. И в тех ложах тогда изучали не только индийские, но также и славянские ведические рукописи, ибо т.н. «русское язычество» по сути является одной из ветвей общемировой ведической традиции.

Уверен, изучали тогда в том числе и знаменитую «Книгу Велеса», хранившуюся в библиотеке французских коро-

*Граф А.С. Строганов с супругой Екатериной Петровной
и детьми: Павлом и Натальей*

лей с XI века, которую привезла во Францию с Руси дочь Ярослава Мудрого Анна, когда вышла замуж за французского короля Генриха I Капета.

А.С. Строганов тогда был одним из трех высших масонов (наряду с Шевальри и бароном Туссэном), которые учреждали в 1773 году высшие степени в только что образованной ложе Великий Восток Франции, которая с тех пор и поныне оказывает весьма заметное влияние на политику в мире. И следует также знать, что буржуазно-демократические идеи Великого Востока были отчасти и выражением идей самих первых русских промышленников Строгановых. Очевидно, сии идеи были унаследованы Строгановыми от их пращуров, новгородских купцов, помнивших о вечевой власти, прославляемой и в родовых книгах из их рунического архива.

Возвратившись в Россию, А.С. Строганов также занимался делами ордена. Он был одним из учредителей российского «Капитула Феникса», управляющего всеми российскими масонами. Также он собрал вокруг себя крупных ученых, кои все были членами просветительского ордена розенкрейцеров.

В их число входил и знаменитый антиквар и археограф А.И. Сулакадзев, коему и основанному им Музеуму, перешла значительная часть славянских рунических документов из архива Строгановых. Сохранились записи А.И. Сулакадзева, указывающие на сей исток «языческих» рукописей его собрания. К примеру, на рунической рукописи «Крыница» («о деяниях старожилых людей и первой вере»), в качестве автора указан Олех Вишерец из Чердыни, вотчины графов Строгановых.

Почему Строгановы так легко отдавали эти бесценные рукописи? (Или, может быть, только копии?) Почему они лишь косвенно участвовали в сем деле, но всегда сами стремились оставаться в тени?

Ну а можно ли было в тех условиях выставлять эти идеи напоказ? Мало ли было у Строгановых врагов и завистников при дворе? И мало ли было вокруг примеров падения и отправления в опалу вельмож их круга?

Нет, широкая публика в Александре Сергеевиче Строганове видела лишь мецената, любителя искусств, далекого от политики. А то, что он всегда сопровождал, к примеру, императрицу Екатерину II, объяснялось будто бы лишь тем, что он был любезным и остроумным собеседником во время карточной игры в бостон...

Только почему-то после подобных партий императрицей принимались решения, которые перекраивали политическую карту Европы.

Тогда же огромные средства Строгановы направляли на ведение победоносных войн России с Турцией и Швецией (к примеру, в 1790 году Александр Сергеевич пожертвовал на нужды государства 10 миллионов десятин земли и часть своих заводов, не говоря уже о военных займах). И эти средства ушли не только на войны, но и на освоение присоеди-

ненных земель, Крыма и Валлахии, а также при следующих царствованиях и на войны с Наполеоном и т. д.

Императрица Екатерина II говорила тогда, что два человека в Российской империи делают все возможное, чтобы разориться, и не могут. И под сими счастливыми она разумела Л.А. Нарышкина и графа А.С. Строганова. Казалось, что невиданные траты делали Строгановых только богаче. И между прочим, объяснялось это просто, так Строгановы покупали политическую и экономическую самостоятельность, и более свободный труд, чем в остальной России, давал невиданную прибыль. Все эти траты никогда не приводили их к разорению, они знали: то что отдаешь Родине, всегда возвращается сторицей.

А между тем в России шла сложная и не во всем нам понятная теперь политическая игра между масонами разных направлений и обрядов, ориентированных на интересы разных европейских дворов.

И в сей игре у А.С. Строганова была далеко не последняя роль. К примеру, после заключения мира со Швецией, в 1796 году А.С. Строганов в своей резиденции принял шведского короля Густава IV, а также его дядю герцога Зюндерманландского, великого магистра всех масонских лож «шведского обряда».

Но тут следует особо отметить, что для А.С. Строганова учение масонства было важно не само по себе. В политических масонских делах, как и в деятельности промышленника или мецената, А.С. Строганов прежде всего искал средств для усиления могущества и влияния, но не своего лично, а России. И если в политике масоны лож, ориентированных на интересы Запада, вскоре начали переигрывать «русских зиждителей», то в области культурной интересы их еще долго во многом совпадали. И А.С. Строганова все более интересовало именно просветительское направление в масонстве.

Все имеющиеся в его распоряжении средства он направлял на развитие российской науки, культуры. И это было не просто меценатство, но по сути широчайшая культурная деятельность.

В России он возглавлял Императорскую академию художеств и был директором Императорских публичных библиотек. Он открыл картинную галерею, первую общедоступную библиотеку в саду при своем дворце. Он покровительствовал скульптору Мартосу, художникам Левицкому, Боровиковскому, Щукину, Венецианову. На его средства жил поэт Гнедич, и благодаря его покровительству, он составил перевод «Илиады». Был он дружен и с Фонвизиным, Державиным.

Благодаря ему, а также его сыну Павлу, Россия приобрела прославленную тогда во всем мире коллекцию древнейших рукописей, часть коих вошла в царское собрание Эрмитажа, а часть (и прежде всего славянские рунические рукописи) перешла в Музей А.И. Сулакадзева.

Об участии Строгановых, и прежде всего Павла Александровича, сына Александра Сергеевича Строганова, в сей истории следует рассказать отдельно.

Якобинец Павел Строганов

Дело это было во времена Французской революции. Тогда сам А.С. Строганов жил уже в России, а его сын (от второй жены Екатерины Петровны Трубецкой), Павел Александрович Строганов, жил в Париже.

Павел был и рожден в Париже, но вначале воспитывался в России по настоянию Александра Сергеевича, стремившегося воспитать в сыне любовь к родине. Сохранилось и его наставление сыну: *«Единая любовь к Отечеству может поселить в нас качества добрых граждан и членов Государства. Уверенный в этой истине, я не щадил ничего, чтобы воспламенить твою душу этой любовью, отличающей все благородные сердца».*

Впоследствии Павел был отправлен на обучение во Францию вместе с его французским наставником Жильбером Роммом, оказавшимся впоследствии одним из крупных французских революционеров.

Во Франции Павел Александрович принял псевдоним Пауль Очер (по названию вотчины Строгановых в Перм-

ской губернии) и... стал якобинцем, членом знаменитого клуба «Друзей Закона».

Сей клуб вырабатывал конституцию рождающейся Французской республики и «Декларацию прав и свобод человека и гражданина» (эти документы потом легли в основание всех буржуазных конституций мира, в том числе и современной российской).

И немалые средства французским масонам шли именно из России от А.С. Строганова через учителя его сына Жильбера Ромма, оказавшегося также видным масоном, якобинцем и деятелем Французской революции, впоследствии членом Конвента.

Граф П.А. Строганов

Тут следует сделать отступление. Зачем Строгановы столь много внимания уделяли французским делам? Зачем они расшатывали французскую монархию? Конечно, и сама французская монархия расшатывала себя, для ее падения были и объективные причины. И, конечно, не первую скрипку в этой истории играли Строгановы, но все же и не последнюю.

Не следует забывать, что Франция и Англия тогда были союзниками Турции, с которой Россия вела войну за Крым и южную Украину. И начавшаяся революция во Франции как нельзя более способствовала успехам России в войне с Турцией, в осуществлении т.н. «греческого проекта», по которому Россия намеревалась также освободить южнославянские народы от турецкого ига, выйти к проливу Босфор и т.д. И не

вина Строгановых, что этот проект не был осуществлен так, как это было задумано еще при Екатерине II.

И, разумеется, Строгановы, как солепромышленники и предприниматели, исповедовали буржуазные ценности, оглядывались на буржуазные перевороты в Англии, Голландии и т.п. Они были все более и более стеснены с усилением бюрократии и крепостнической власти в России. Особенно крепостным правом, ведь предпринимателям необходимы свободные работники, а их становилось все меньше с отменой Юрьева дня при Борисе Годунове, с введением паспортов при Петре I и т.п. Усиливающаяся бюрократия, коррупция разъедали страну.

И выход им виделся в реформах демократических. Но также они видели, что буржуазные перевороты, революции, сокрушавшие монархии, были также силой разрушительной. Так же как и капитал, который может быть как национальным, работающим на усиление и процветание своей страны, так и интернациональным (а по сути антинациональным), который сокрушает границы, уничтожает и нивелирует культуры. Унификация же культур не только обедняет жизнь, но прямо служит разложению общества, а впоследствии и падению государств, вымиранию народов. Больше всего в мире, конечно, на эту идею поработал международный ростовщический, и прежде всего, разумеется, еврейский, капитал.

Но всё это в то время еще трудно было предсказать, молодая революционная буржуазия в то время выглядела куда как привлекательнее, чем старые, обветшавшие монархии. И все же буржуазный «эксперимент» лучше было затевать не у себя на родине, а где-нибудь вдали, лучше у геополитического противника.

Эпоха смут в стане противника, неизбежная при крушении прежней власти, по их мнению способствовала бы и решению задач национальных, усилению России в Европе, а также и решению давно назревших проблем общеславянских. Не следует забывать, что братья по крови и вере в Европе тогда томились либо под турецким игом, либо под

властью австро-немецкой. Столкновение интересов европейских государств было неизбежно.

И так же как европейские масоны работали против российской монархии, устраивали заговоры и перевороты при российском дворе, так и русские масоны (зиждители) работали порой против монархий европейских.

Но вернемся к Павлу Строганову (Павлу Очеру), ставшему в то время одним из видных деятелей французской революции и членом клуба «Друзей закона».

Сей клуб «Друзей Закона» при падении монархии заседал непосредственно в бывшей королевской резиденции, в Версале. Разумеется, чтобы выработать законы, необходимо было часто обращаться ко многим юридическим актам из королевской библиотеки. И библиотекарем сего клуба, распоряжающимся всеми сокровищами королевского собрания книг и рукописей, в том числе и ее древлехранилищем, при посредстве Жильбера Ромма был назначен... да, да, именно Пауль Очер, то есть граф Павел Александрович Строганов.

И есть основания полагать, что Павел Строганов не преминул воспользоваться революционной неразберихой для спасения русских рунических документов, в том числе и дошедшей до нас «Книги Велеса». Сия летопись в числе других древностей была впоследствии переправлена в Санкт-Петербург посредством российского посла в Париже Петра Петровича Дубровского.

*Член Конвента, учитель
П.А. Строганова
Жильбер Ромм.
Миниатюра князя
Н.Н. Голицина в Марьине*

Поход «пустых кастрюль», возглавляемый Теруан де Мерикур и Паулем Очером (Павлом Строгановым)

И произошло это потому, что одной из идей, захвативших в то время Строгановых, стало раскрытие тайн русской старины. Они старались продвинуть идеи Русского Возрождения. И подобно тому, как европейские масоны свои идеалы находили в республиканском Риме, так и Строгановы их находили в прошлом Новгородской вечевой республики.

И именно эти идеалы воспевали страницы рунических новгородских летописей как тех, что тогда были обретыны на Франции при посредстве Павла Строганова, так и тех, что издревле хранились самими Строгановыми.

Конечно, Павла Строганова тогда далеко не в первую очередь занимали древние рукописи, его более влекла революция.

К тому же он молод и у него был роман со знаменитой куртизанкой Теруань де Мерикур, той самой, что устроила пляски на развалинах разрушенной восставшим народом Бастилии, а потом она возглавила шествие французских

женщин на Версаль (знаменитый «поход пустых кастрюль»).

Сия куртизанка тогда кружила головы многим мужчинам. Она появлялась в ярко красном костюме амазонки, в шляпе с развевающимися перьями, за пояс ее были всегда заткнуты сабля и пара пистолетов. Она могла своими яркими речами повести за собой восторженную толпу: было от чего сойти с ума.

И тут следует заметить, что эта знаменитая революционерка в том же клубе «Друзей закона» заведовала архивом, а Павел — королевской библиотекой.

Потом по случайности псевдоним Павла Строганова (Очера) был раскрыт. И заметим, по подписи к эпитафии, написанной на книге, которую Павел положил в гроб одного из своих почивших сподвижников. И эту тайную эпитафию тогда вдруг напечатали чуть не во всех французских газетах, ибо Павла Очера сразу же приняли за российского шпиона. Французские монархисты забили на набат: еще бы, Россия расшатывает трон Франции!

Сей скандал дошел и до императрицы Екатерины, которая с понятным беспокойством следила за всем, что происходило во Франции. Сама, обязанная троном масонам, и в частности Строгановым, она ясно видела, как могут в России прорасти идеи Французской революции.

И ее возмущение выразилось тогда в следующем приказе: *«Читая вчерашние реляции, полученные через Вену, о рос-*

*Олицетворение Французской революции
Марианна (в образе
Теруань де Мерикур)*

сийских подданных, за нужное нахожу сказать, чтобы генералу Брюсу поручено было передать графу Строганову, что учитель его сына Ромм, сего человека молодого, ему порученного, вводит в клуб Якобитов, учрежденный для взбунтования везде народов противу властей, и чтоб он, Строганов, сына своего из таковых зловредных рук высвободил...»

И тогда по приказу императрицы за молодым Строгановым был послан будущий государственный канцлер Новосильцев (кстати, племянник жены А.С. Строганова), и тот вывез «якобинца» Павла из Франции в Россию. И пришлось ведь подчиниться, ибо нрав и Екатерины был крут!

Вернувшись на родину, Павел Строганов вскоре стал другом молодого наследника престола и будущего императора Александра I и даже сумел внушить ему идею отмены крепостного права и введения конституции в России. Потом он входил в «негласный комитет» по выработке проекта этой так и несостоявшейся в то время конституции.

Но следует заметить, что идея преобразований все же потом, в следующем поколении Строгановых, получила воплощение. Известно, что они после сей реформы пожертвовали в пользу своих отпускаемых на свободу крепостных 2 300 000 рублей, что было щедростью невиданной. Строгановы никогда не заботились о своем благополучии, но только служили России.

Пламенная любовь к Отечеству была родовой чертой Строгановых. И когда в 1812 году Наполеон повел свои войска на Россию, Павел Строганов, опасаясь, что его определят не в армию, а на дипломатическую службу, ушел воевать простым кавалеристом в корпус атамана Платова, прославился своей неслыханной храбростью и после многих побед стал генералом, шефом лейб-гвардии полка, участвовал в битве на Бородинском поле и во всех знаменитых сражениях той войны.

А в битве при Кротоне, в 1914 году, на его глазах был убит французским ядром его горячо любимый сын.

После сего потрясения Павел Александрович так и не смог оправиться и не прожил и трех лет.

Строгановы и... руны славян

Как уже было сказано, при посредстве Павла Строганова российским послом во Франции Петром Петровичем Дубровским были приобретены и впоследствии привезены в Россию рукописные сокровища библиотеки французских королей, среди них кроме египетских папирусов, свитков античных авторов, «отцов церкви», писем французских королей, начиная с V века и т. д., и т. д. были также христианские, и «языческие» рунические книги из библиотеки Анны Ярославны, дочери киевского князя Ярослава Мудрого.

Рунические книги славян! Заметки в разных газетах и журналах начала XIX века пестрели сообщениями о явлении сей библиотеки. Сведения о загадочных рунических славянских рукописях попали тогда и в каталоги крупнейших библиофилов. Сие собрание гремело и по всей Европе, его сравнивали с собранием Ватикана. Составители «Дипломатического трактата», описывая древности России, тогда даже считали, что по древности и набору рукописей разных веков (от IV века!) эта коллекция просто не имеет равных в мире.

И тогда А. С. Строгановым и императором России Александром I был реализован грандиозный проект по строительству на Невском проспекте дворца «Депо манускриптов» (ныне это здание Российской государственной библиотеки), куда по соглашению с Петром Петровичем Дубровским были переданы сии «сокровища веков», самого же бывшего посла назначили директором и главным хранителем библиотеки.

За передачу уникальных манускриптов императору и России П. П. Дубровский получал чины, награды и т. д. Он долгое время, до самой смерти А. С. Строганова, пользовался расположением двора.

О славянской рунической библиотеке в то время говорили много. Особенно популярна была эта тема в учрежденном А. С. Строгановым, также Голицыными и Воронцовы-

ми, Неклюдовыми и знаменитым поэтом и вельможей, министром юстиции Г.Р. Державиным обществе «Беседе любителей русского слова». Кстати, именно у наследников Неклюдовых уже в XX веке была обнаружена известная уже в те времена «Книга Велеса».

В «Беседе» бывали тогда крупнейшие деятели культуры, прославленные литераторы, к примеру Пушкин, Гнедич. Бывал там и историк Карамзин, знаменитые антиквары, ученые: Болховитинов, Аделунг и т.д.

Обсуждались тогда в сем обществе и рунические книги из сей коллекции, затем перешедшие к антиквару Александру Ивановичу Сулакадзеу. Тогда же Г.Р. Державин в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» (Кн. 6, СПб., 1812) опубликовал несколько строк из рунического «Боянова гимна» и два «новгородских оракула».

Тема славянских рунических памятников получила хождение, даже широкую известность в кругах высшей петербургской знати.

На собрания в «Беседе любителей русского слова», проходивших в великолепном дворце Г.Р. Державина, что близ Измайловского моста, собирался весь столичный высший свет. О сей новой моде писали тогда так (согласно мемуарам Ф.Ф. Вигеля): *«прекрасный пол являлся (на собрания в "Беседе") в бальных нарядах»; «дамы и светские люди, которые равным счетом ничего не понимали в происходившем, не показывали, а может быть даже и не чувствовали скуки. Они были исполнены мысли, что совершают великий исторический подвиг...»*

Однако, вскоре славянские манускрипты стали порочить академики-норманисты, и по большей части сами немцы, из Российской Академии наук. Стали травить и П.П. Дубровского и А.И. Сулакадзеа. И «мода» прошла, а когда ушли из жизни последние русские «зиждители» Г.Р. Державин и А.С. Строганов, о славянской рунике «в свете» и вовсе забыли.

Спустя пять лет после известий о сенсационной находке славянских древностей, упоминания о сих рунических рукописях внезапно исчезли даже из печати. На двести лет!

Только ныне нам удалось завершить ту работу и опубликовать полностью «Боянов гимн» и «Книгу Велеса». А сколько можно было бы сделать еще (даже ныне), если бы в России появились люди, подобные А.С. Строганову!

Ведь в то время было известно несколько десятков подобных документов, и кое-что вполне еще можно было бы поискать и в России и за ее рубежами, но кто даст на эти поиски средства?

Последним деянием А.С. Строганова было строительство Казанского собора в Санкт-Петербурге. И кстати, в сем строительстве в качестве

членов попечительного совета участвовали все «российские розенкрейцеры», «русские зиждители», приближенные к А.С. Строганову, в том числе упоминавшиеся П.П. Дубровский, А.И. Сулакадзев.

Заканчивал дела по строительству сего собора Александр Сергеевич, уже будучи тяжело болен. Известно, что после торжественного молебна по случаю освящения собора 15 сентября 1811 года А.С. Строганов подошел за благословением к митрополиту и, как бы предчувствуя свою скорую кончину, произнес: *«ныне отпускаеши раба Твоего, Владыка, с миром...»*.

Скончался он 27 сентября 1811 года, в полдень, и был похоронен в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге.

А.С. Строганов на фоне Казанского собора, в руках держит проект храма архитектора А.Н. Воронихина, на его шее цепь магистра «Капитула Феникса»

Российские мытарства славянской рунической библиотеки

Явление рунической библиотеки

Итак, руническая библиотека славянских волхвов была привезена из Франции в Россию в 1800 году послом Петром Петровичем Дубровским. Об этом мы уже упоминали. Но теперь следует вернуться к осмыслению тех событий и посмотреть на них с иной точки зрения, исходя из нашего знания о тайных пружинах международной политики.

П.П. Дубровский был срочно вызван на родину, ибо тогда государю доложили о его участии в масонских ложах, а также о возможном его «заговоре» против российской монархии.

С собою в дипломатическом багаже посол повез и сундуки с коллекциями. О них пока в России никто не знал. Сам багаж, с интересующими нас рукописями и раритетами, задерживался тогда на многочисленных таможенных, в портах, и потому Петр Петрович опередил его почти на полгода.

И вот он явился перед государем Павлом I и недавно вступившим в должность вице-канцлером А.С. Ростопчиным. Вице-канцлер, в присутствии государя, очевидно, обвинил посла в шпионаже в пользу революционной Франции и участие в подрывных франк-масонских ложах.

Потому император, недавно рассорившийся с франк-масонами⁸, в гневе приказал отчислить Петра Петровича Дубровского из коллегии иностранных дел и отправить в ссылку. Вот в чем была истинная причина, а не в том, что «Ростопчин не знал его лица», по замечанию Бестужева-Рюмина, приведенному нами ранее в разделе о П.П. Дуб-

⁸ Ранее Павел сам опирался на масонство, когда стремился к власти и готов был даже свергнуть свою мать Екатерину II (он даже стал магистром Мальтийского ордена).

ровском. Всегда, когда обращаешься к документам того времени, нужно уметь читать между строк и уметь догадываться об истинном положении вещей, даже если они не названы своими именами по соображениям политическим.

Тогда же началось и судебное разбирательство, заторможенное тем, что из Франции не пришли еще все документы посольства, в том числе и багаж самого Петра Петровича Дубровского (где были, как мы полагаем, и дощечки «Книги Велеса»). Бывшего посла стали держать под домашним арестом и надзором департамента полиции.

Среди членов масонских лож тогда, как и ныне, было немало тех, кто оказывал заметное влияние на международную политику. Потому обвинение это было не совсем беспочвенным, но сам Петр Петрович Дубровский был прежде всего ученым, коллекционером, по возможности избегавшим политических страстей и интриг своего времени. Он лишь по прихоти судьбы занял место российского посла (предшественник просто сбежал).

В те годы при дворе российских императоров шла борьба между несколькими партиями, одна из них, «германофильская», ориентировалась на прусский двор, российские монархи и сами были выходцами из сего королевского дома.

И во время появления П.П. Дубровского в Санкт-Петербурге как раз германофилы и были в силе (после назначения на должность вице-канцлера А.С. Ростопчина).

*Павел I в облачении
Великого магистра
ордена Иоанна
Иерусалимского*

*Граф А.С. Строганов
в облачении магистра
«Капитула Феникса»*

Следуя примеру прусского монарха, император Павел запретил масонские ложи, потому и обрушилась гроза на розенкрейцера П.П. Дубровского да и на иных масонов, в том числе и на упоминавшихся выше Воронцовых и Строгановых.

Полиции не было дела до того, что сам Петр Петрович увлекался не политической стороной деятельности масонства, а тем, что было связано с древни-

ми науками, историческими загадками и прежде всего с тайной происхождения славянства.

Антимасонски настроенная группа приближенных к императору «германофилов» (тоже, кстати, в основном масонов австрийско-шведской ориентации) в области древней истории отстаивала «норманнскую» теорию, согласно коей всеми своими достижениями Россия и Древняя Русь обязана была пришлым скандинавам и германцам, в том числе и прусской по происхождению царской династии. Потому они преследовали и славянофила П.П. Дубровского, имевшего уникальные документы, противоречащие этой «теории».

В сущности сии германофилы были при дворе единственной силой, в самом деле преданной императору Павлу I, поскольку масоны, ориентированные на Англию и на Францию, имели свой взгляд на будущее России и монархии, они ратовали за ограничение власти царя и выступали за введение конституции.

Но запутавшийся во всех интригах и заговорах, подозревавший всех и вся, затравленный и не очень далекий мо-

нарх в конце концов рассорился не только с подтачивавшими его власть масонами, но и с германофилами, потому он остался совершенно без защиты.

Тогда же он решил заключить антимазонский союз с диктатором Наполеоном, чтобы начать войну против Англии, и даже послал русские войска для завоевания английских колоний в Индии.

Но все сии грандиозные планы были прерваны, ибо император повторил судьбу своего отца и пал в результате дворцового переворота.

12 марта 1801 года ударом золотой табакерки в висок Павел I был убит. А покушение организовал не кто иной как Сергей Романович Воронцов, сын Романа Илларионовича Воронцова (того самого, кто ездил в Индию с Сен-Жерменом и вступил там в Белое Братство).

Так и хочется предположить, что именно для защиты Индии адепты Белого Братства пошли на сей шаг. Но кто это может знать точно?

Разобраться в хитросплетениях интриг и международных заговоров того времени не просто, и мы не ставим перед собой эту задачу.

Тем более, что ныне не просто понять, на чьей стороне в то время была «историческая правда». Ведь с точки зрения национальных интересов России императрица Екатерина II, да и император Александр I, пришедшие к власти в результате тех дворцовых переворотов, были монархами сильными и просвещенными. Они раздвинули границы Российской империи, побеждали в многочисленных войнах, содействовали просвещению.

Нам же в связи с этим важно только то, что при новом монархе Александре I, взошедшем на трон в 1801 году, с П.П. Дубровского сразу были сняты все обвинения, ибо масоны снова были в силе и они не оставили своего «брата» в беде. Вскоре прибыл дипломатический багаж с вывезенными из Франции рукописями, и тогда Петр Петрович устроил на своей квартире «Музеум». Он получил возможность заниматься делом, коему он был всецело предан.

Граф А.С. Строганов
на фоне статуи
Минервы и Эрхфея

Эта картина содержит любопытную символику. Очевидно, магистр «Капитула Феникса» граф А.С. Строганов изображен сидящим в своем дворце, в «физическом кабинете», где он занимался алхимией, астрологией и иными тайными науками. Статуя Минервы (она же Афина), изображает богиню мудрости с некой табличкой, по которой она учит героя Эрхфея, сына Геи и Гефеста. Это единственный подобный сюжет в мифах. Сему Эрхфею соответствует славянский Велес Сварожич (сын Сварога-Гефеста и Матери Сырой Земли), обращавшийся птицей Финист (Феникс). Итак, табличка, кою держит Минерва, вполне может символизировать дощечку «Книги Велеса».

Его собрание редкостей сразу привлекло самое пристальное внимание крупнейших библиофилов не только России, но и всей Европы. Собрание П.П. Дубровского, размещенное в скромной петербургской квартире, включало в себя египетские папирусы, свитки античных авторов, «отцов церкви», письма французских королей, начиная с V века и т.д., и т.д. И кроме того, он привез с собой как христианские, так и «языческие» рунические книги из библиотеки Анны Ярославны, дочери киевского князя Ярослава Мудрого (978 — 1054 гг.).

Сообщения об этом событии немедленно попали как в популярные журналы, так и в научную печать, о чем уже было сказано. Собрание П.П. Дубровского получило широкую известность в России и в мире. Тогда же для сей коллекции был построен и оборудован дворец, названный «Депо манускриптов» (будущая Императорская публичная библиотека).

В то время П.П. Дубровскому покровительствовали при дворе и Строгановы, и их родственник князь Борис Владими-

Императорская публичная библиотека. Фото XIX век.

рович Голицын (Павел Строганов был женат на его сестре Софье). Также и министр юстиции, поэт Г.Р. Державин, собиравший в своем дворце «Общество любителей русского слова», где обсуждались славянские руны. Тогда же по просьбе А.С. Строганова и Б.В. Голицына государь издал «Положение об управлении Императорскою библиотекою».

Кстати, сей Б.В. Голицын собрал в Вяземах знаменитую своими старорусскими манускриптами библиотеку, скрытую в подвалах или закопанную при приближении неприятеля в 1812 году. Да и сам Б.В. Голицын тогда погиб в сражении с французами⁹.

Возможно, археологам стоило бы поискать эту библиотеку. Там были и уникальные старообрядческие книги (сам Б.В. Голицын был старообрядцем). Не следует забывать и то, что Голицыны через Наталью Петровну Голицыну были связаны и с самим Сен-Жерменом.

⁹ Шереметьев П. «Вязёмы», Петроград, 1916.

Тайная Русская Академия и «Белая община»

Однако, не смотря на высочайшее покровительство, работать на русскими руническими документами приходилось в тайне. Даже тогда, когда П.П. Дубровский передавал в дар императору и России свои сокровища... славянских древностей среди них не было.

Почему? За давностью лет не все можно отследить, но контекст сей истории, в общем, ясен.

Не мог Петр Петрович передать столь ценные рукописи в руки российских академиков. Со времен Петра I Российская Академия наук была по сути филиалом Немецкой Академии, и сидели в ней в основном немцы. И стоит ли удивляться, что в области истории они насаждали печально знаменитую «норманскую теорию». Разумеется, все свидетельства, противоречившие этой теории, безжалостно уничтожались, либо объявлялись подделками.

В сущности, немецкими профессорами были вычеркнуты из истории России целые столетия, вся история до ими же сочиненного «призвания варягов». И они, конечно, уничтожили бы и славянские рунические рукописи, если бы те попали им в руки. Да и просто за хранение такой литературы полагалась каторга (вспомним «дело Коржавина»).

Когда сложно было выкрасть или уничтожить тот или иной важный источник, он громогласно объявлялся подделкой. Эта участь постигла, например, «Слово о полку Игореве», доказывать подлинность которого пришлось почти двести лет. А собрание славянской руники из библиотеки Анны Ярославны ими потом просто осмеивалось, представлялось никчемной выдумкой и подделкой.

Можно ли было передавать таким людям руническую славянскую рукопись, где была дана величественная картина древнейшей истории Руси? Очевидно, нет, если Петр Петрович был патриотом своей родины. А в этом нет причин сомневаться, ибо древние рукописи он вовсе не стремился просто продавать, для этого у него было много возможностей в Европе, но он привез их в Россию.

И потом, когда сие собрание у него выманили как дар России, а самого П.П. Дубровского чуть не засудили (он несколько лет был под следствием по ложному доносу), оно было распродано по частям, и часто по адресам неизвестным.

И ныне рукописное собрание библиотеки Салтыкова-Щедрина в Петербурге уже никто не сравнивает с собранием Ватикана, там, как кажется, уже с середины прошлого века нет ничего особо ценного. Но, впрочем, нас интересует в этой связи только судьба славянской рунической библиотеки.

В 1800–1811 годах в Санкт-Петербурге Петром Петровичем Дубровским была основана по существу Тайная Русская Академия, боровшаяся с норманистами. Поддерживали деятельность сей Академии русские вельможи — те же Воронцовы, А.С. Строганов, Г.Р. Державин.

Большое участие в работе этой «академии» принял крупнейший библиофил того времени Александр Иванович Сулакадзев, ставший близким другом Петра Петровича. Именно в собрании А.И. Сулакадзева впоследствии и появились все рунические свитки и книги из библиотеки Анны Ярославны. Передача их Александру Ивановичу была оправдана не только тем, что он также был крупнейшим ученым, патриотом России, но и тем, что он входил в то же розенкрейцеровское «Белое Братство»¹⁰ (уж не связанное ли с гималайским «Белым Братством» Сен-Жермена?).

В сем братстве, а особенно в отделении его, ложе «Нептун», учрежденной а Кронштадте в 1781 году адмиралом С.К. Грейгом (S.K. Greigue), в начале XIX собирались уже люди большею частью незнатные, порою из самых низших слоев общества: из простонародной скопческой секты «белых голубей». После смерти адмирала и двух запретов на деятельность сей ложи, последовавших еще при Екатерине (в 1779 и 1788), ложа испытывала сложности, но тем не менее у нее остались связи и в высшем свете.

А.В. Протасов, также масон и воспитатель Александра I, вспоминал о сем обществе: *«В Петербурге было одно не очень благородное общество, члены которого... составляли*

¹⁰ См.: Библиограф. 1887, № 3 (С. 36–37).

под именем белой магии сочинения, выдумывали очистительные обряды, способы вызывать духов... Одним из главных был тут некий Салакадзи, у которого бывали собрания... Вы можете видеть эти сочинения в рукописи у нашего знакомого И.М. Чубарого, который получил их от одного из высших адептов общества Грейга»¹¹.

Другое свидетельство об этом обществе мы находим в документах, касающихся скопческой секты «белых голубей»¹². С этой сектой Белое Братство было тесно связано через Строгановых.

Как раз в те годы в России действовала такая просто-народная секта с древними еще языческими корнями, главой коей был «живой бог» некий Кондратий Селиванов. Секта эта была скопческой, христианской, но произросла из сект прежних анастасиевских, параскеевских, кои порой бросало в противоположную крайность, они проповедовали «божью любовь» и на радениях зачинали «богов» и «богинь».

Кондратий Селиванов провозгласил себя и «богом», а также чудом выжившим царем Петром III, которого будто бы не убили при восхождении на престол Екатерины. Как ни странно, но его, в отличие от Пугачева, не казнили за самозванство, хоть и у него явилось великое множество последователей.

Поначалу он был арестован и сослан. Но затем из ссылки сего «Петра III» перевели в Санкт-Петербург, в Петро-

Адмирал С.К. Грейг

¹¹ Русский архив, 1897, кн. 3. М., 1897.

¹² Мельников П.И. (Андрей Печерский). Письма о расколе. Тайные секты // ПСС, т. VI, СПб., 1909.

павловскую крепость, а после в Обуховскую психбольницу и, наконец, при покровительстве Павла Строганова, — освободили. Его посещали в больнице и Павел I, а затем и Александр I вместе с Павлом Строгановым. И сему «Петру» многие многие верили. Как видно, и цари тоже, помяная подобную историю с княжной Таракановой, дочерью Елизаветы, которая по преданию также не погибла, а вошла в ту же общину. Туда с покон веку входили отверженные из царских родов.

Потому нельзя исключать и того, что Кондратий и в самом деле не был самозванцем. За это говорит кроме всего прочего и то, что камергер Елеонский, к которому он переселился, составил даже несостоявшийся проект конституции, согласно коей верховная власть в России должна была перейти сему «живому богу» и одновременно «царю Петру III». Участие в сем высших сановников и самого государя Александра I, который потом и сам, судя по легенде, ушел в «старцы» под именем Федор Кузьмич, делает эту историю весьма значимой.

И не был ли А.И. Сулакадзев также членом сей общины, которая также именовалась «белой» (в смысле «убеленной», что значит скопческой)? Ведь белизна тогда понималась не только в смысле духовной чистоты.

Вспомним в связи с этим трагедии в личной жизни и у А. И. Сулакадзева, и у Павла Строганова, и... у самого государя Александра II! У всех них разрушались семьи и не было детей после контактов с этой скопческой сектой... У А.И. Сулакадзева жена сбежала с подпоручиком уланского полка фон-Гочем, после чего тот умер «от удара», а его коллекция (в том числе и дощечки «Книги Велеса») стала распродаваться. Павел Строганов, еще молодой, но тоже не пережил сына, являвшегося последним наследником в роду. И царь Александр I, признававшийся в общине «тайно священно возрожденным», т.е. убеленным, также не оставил прямого наследника.

Император Александр I, могущественный европейский монарх, победитель Наполеона — скопец? И всё-таки это похоже на правду. Достаточно посмотреть на его парадные портреты,

как сразу видна скопческая конституция его тела. Ведь после оскотления изменение гормонального фона приводит к тому, что в облике проявляется женственность, увеличиваются бедра, растут ложные груди, выпадают усы и борода. Более того, есть и скульптура Александра I в женском облике (фигура ангела на Александрийском столпе на площади перед Зимним дворцом).

И наследников у него после посещения Кондратия тоже не было... И в самом деле, он вполне мог дать оскотить себя. К этому его могли толкнуть муки совести, вызванные тяжким грехом отце- и цареубийства.

Известно, что отец его, император Павел I, был убит его сторонниками во время переворота, при восхождении Александра на престол. Расплатой за этот грех он мог считать и смерть во младенчестве двух дочерей...

Не потому ли он ходил к «живому богу», которого освободил из Петропавловской крепости еще его отец Павел I? И полагаю, что Александр в самом деле посчитал сего «живого бога» своим дедом Петром III, который будто бы в таком случае не был убит сподвижниками его бабушки императрицы Екатерины, а стал святым старцем Кондратием...

В этом его вполне могли убедить те самые сподвижники Екатерины, на которых легла вина за убийство царя. А с ними в близком родстве были в том числе и Строгановы. Так с их родов снималась тяжкая вина.

Все они были в опале по той причине после прихода к власти Павла I. А эта опала, разгром масонских лож, и послужили

Царь Александр I в образе женщины-ангела

одной из побудительных причин нового переворота. Строгановым необходимо было снять с себя эту старую вину.

Конечно, всё это это только предположение, возможно и слишком смелое, но связи с этой сектой, имеющей также и корни языческие, объясняет интерес ее членов к дощечкам «Велесовой книги» и многое иное.

Но что мы можем знаем точно, в «Белой общине» А.И. Сулакадзева тогда делались и попытки изучения славянских рунических документов, высмеиваемые норманистами в «высшем свете». Но мы знаем, отношение к сим документам не было однозначным. К примеру А.С. Строганов всегда поддерживал П.П. Дубровского и самого А.И. Сулакадзева.

Они даже были непосредственно в его подчинении в благотворительном обществе, учрежденном для организации строительства Казанского собора. И не следует забывать, что подобные предприятия всегда затевались высшими масонами. Да и сам А.С. Строганов входил в высшее тайное правление лож России¹³, капитул Феникса, ложу шведской ориентации (в России с 80-х годов в ней был гроссмейстером Г.П. Гагарин, а в Швеции Карл Зюндерманландский).

Капитул Феникса при Александре I обособился от «Астреи» (великой ложи, практиковавшей систему английских голубых символов) и был в политическом смысле одной из главных опор трона. А в плане истории, разумеется, члены капитула были «норманистами» (в большей степени, чем увлекавшиеся античностью, восточными тайными учениями и индуизмом члены «Астреи»).

И потому, когда в 1811 году при содействии Гаврилы Романовича Державина небольшие отрывки из рунических сулакадзевских рукописей попали в печать¹⁴, на них обрушился шквал бездоказательных обвинений в фальсификации, не прекращающийся по сей день.

Подробнее об этом рассказано в моей книге «Руны славян и “Боянов гимн”» (М., 2005) и других.

¹³ По списку членов «Капитула Феникса», ЦХИДК, Ф. 1412.

¹⁴ Державин Г.Р. О лирической поэзии // Чтения в Беседе любителей русского слова. Книга 6, СПб., 1812.

Последнее хранилище «Книги Велеса» в России

Как «дощечки» попали в Великий Бурлук

После внезапной смерти А.И. Сулакадзева, последовавшей в 1830 году, его собрание стала распродавать его супруга София Вильгельмовна Сулакадзева (в девичестве Шредер, коя была выходцем из клана Шредеров, среди коих были и гроссмейстеры ордена розенкрейцеров в России и Германии).

Очевидно, в 1830 — 1870 годах собрание славянской руники было продано. Некоторые рукописи ушли представителям знатных фамилий, в том числе и Задонским-Неклюдовым, в имени коих впоследствии были найдены дощечки «Книги Велеса».

Об этом следует сказать более подробно, ибо некоторые следы, оставленные «Книгой Велеса» за чуть менее столетия пребывания в этой библиотеке, также имеются.

Дело в том, что об истории усадьбы Задонских¹⁵ и ее библиотеки было рассказано непосредственно владелицей и наследницей сокровищ своего рода, Екатериной Васильевной Задонской, в девичестве Неклюдовой (1834–1919) в книге «Быль XIX столетия», выпущенной в Харькове в 1908 году¹⁶.

Начинается книга мемуаров Екатерины Васильевны со слов для нас замечательных: *«В старину свято хранили семейные предания. Наши деды с точностью знали свое род-*

¹⁵ Кстати, и усадьбу, и самих Задонских объявляли выдумкой фальсификаторов, см.: Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вопросы истории, № 6, 1977.

¹⁶ Эта книга есть в РГБ, но карточки ее нет в каталоге, и за последние семь лет, с тех пор как я впервые заказал сию книгу, карточка так и не появилась. А на самой книге почему-то стоят два шифра (на корешке: J 16/425, а на лицевой стороне обложки: Т 16/425).

Усадьба Задонских в Великом Бурлуке

ство, свое происхождение и все дела своих отцов. Наши бабушки за грех почитали, что их внуки забывали о предках своих...»

Это святое преклонение перед предками, перед наследством оставшимся от них, судя по всему, и спасло «Книгу Велеса». Именно Екатерина Васильевна была последним хранителем дощечек «Велесовой книги», до тех пор пока не приняла смерть от рук местных крестьян в декабре 1919 года.

Судя по ее мемуарам, Екатерина Васильевна была женщиной безвольной, крайне мистически настроенной, коя самые обычные, даже скучные события ее жизни, вначале провинциальной барышни, а потом и затворницы-молитвенницы, принимала как некий путь, имеющий божественное предопределение и высокую значимость. Передаче ощущения сей «высшей значимости» и посвящена ее книга-дневник.

Однако в ней можно найти и крайне важные для нас сведения, ибо Екатерина Васильевна постоянно ссылается как на исток ее мистических прозрений на некую «Дедушкину Книгу» (так она называет, судя по всему, саму «Книгу Велеса»).

Эта «Дедушкина Книга», по ее словам, наполнена «откровениями и повелениями». Екатерина Васильевна даже пишет, что сия «Книга» «пробуждает в ней иные силы», и поэтому она идет по «пути света», или по «пути мистиков». И в сем «Пути» мы узнаем «Путь Прави» из текстов «дощечек».

Рассказывает Екатерина Васильевна Задонская (в девичестве Неклюдова) и о своем деде, у коего она унаследовала библиотеку и, очевидно, «Книгу Велеса».

О том самом деде, Николае Васильевиче Неклюдове, который, по ее словам, «передал своим даровитым и умным детям» некое «высшее сокровище», под коим подразумевается «вера отцов».

А дальнейшие ее рассуждения открывают, что под этой «верой отцов» понимается не только обычное христианство, но и мистическое учение.

Кем же был этот Николай Васильевич Неклюдов? Родился он в 1762 году, а год смерти в точности не известен. Но судя по сообщениям из дневника Екатерины Васильевны Задонской, он дожил до весьма преклонных лет, в дневнике описано, как она гостила у деда в 1848 году (то есть через 18 лет после смерти А.И. Сулакадзева). Таким образом, к тому времени он вполне мог купить дощечки у его вдовы.

В те годы он был седобородым старцем, причем ношение длинной бороды было для тогдашних дворян делом исключительным. Он любил отдыхать и читать некие «мистические книги» в своем цветущем саду. Также он нередко проповедовал внучке некие мистические учения и пел в церковном хоре. До своего столетия он не дожил нескольких лет (умер до похорон своего сына, а тот скончался в 1859 году).

Николай Васильевич был из знатного рода Неклюдовых, кои являются отраслью рода Бутурлиных и также происходят от Ратши, киевского тиуна (летописное сообщение 1146 года) и его сына, новгородского посадника Якуна Ратшича.

Они были в родстве со многими знатнейшими родами России, в том числе и с царской фамилией. Потому и Николай Василевич своим детям наказывал родниться только с представителями родов высшей знати, и даже рассорился на много лет с сыном Василием (отцом Екатерины Васильевны), когда тот ослушался и женился на не столь знатной дворянке из рода Захаржевских.

Церковь Задонских в Великом Бурлуке. Архитектор А.Н. Воронихин

Во времена Екатерины Великой Николай Василевич был генералом. А потом работал и в археологическом Библейском обществе, то есть входил в то же розенкрейцеровское братство меценатов и ученых, что и Строгановы, Голицыны, а также П.П. Дубровский и А.И. Сулакадзев. Его сын служил в Санкт-Петербурге, и даже участвовал в подавлении восстания декабристов. Подолгу в то время жил в Петербурге и Николай Васильевич (это время его знакомства с А.И. Сулакадзевым и его коллекцией).

Связь Неклюдовых (а потом и Задонских) с людьми из окружения А.И. Сулакадзева и его покровителя А.С. Строганова подтверждается и тем, что впоследствии в Великом Бурлуке церковь строил архитектор А.Н. Воронихин, который был крепостным архитектором Строгановых, он же строил Казанский собор в Санкт-Петербурге (вспомним, что в попечительный совет сего строительства входили А.И. Сулакадзев, П.П. Дубровский). Они все были близко знакомы!

По сообщениям внучки, Николай Васильевич держал ученую переписку с друзьями из Санкт-Петербурга, а также ездил туда (из своего имения под Тверью) по делам. Очевидно, в один из таких приездов он и приобрел у вдовы А.И. Сулакадзева дощечки «Книги Велеса». И, может быть, он приобрел и многое другое.

Известно, что выкраденные местными крестьянами (бандитами) книги из библиотеки Задонских в 1919 году, были тогда же сожжены ими в одной из изб соседнего села, когда они замечали следы преступления опасаясь мести со стороны внезапно пришедших марковцев, искавших убийц.

Так что не исключено, что дощечки не были вынесены тогда причине, что их старый вид не привлек грабителей (невозможно продать это старье!).

А Екатерина Васильевна упоминала кроме «Дедушкиной Книги» и другие, и также в мистическом духе пересказывала некоторые их идеи. Например, в одной из тех книг говорилось, что кроме истинных прозрений и откровений бывают и ложные, но только правдиво выглядящие (это из «Перуна и Велеса вещаний»?).

Кстати, болгарский ученый Т. Дичев сообщал, что впоследствии А. Изенбек вывез из Великого Бурлука не только дощечки «Книги Велеса», но и какую-то другую руническую рукопись, которую он будто бы продал в Болгарии Софийскому университету, откуда она была впоследствии выкрадена.

Ну а сама великая «Дедушкина Книга», унаследованная Екатериной Васильевной, тогда была перевезена, вместе со всей дедушкиной библиотекой, в имение мужа, во дворец князя Задонского.

Такой, судя по всему, и была судьба одной из книг библиотеки А.И. Сулакадзева, именно дощечек «Книги Велеса».

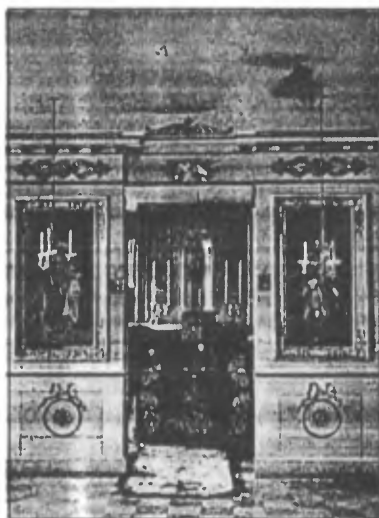
1)

2)

3)

4)

1) Воин Дмитриевич Задонский, основатель рода Задонских; 2) Василий Николаевич Неклюдов, один из хранителей дощечек; 3) и 4) домовая церковь и могилы Задонских. Фотографии из книги Е.В. Задонской «Быль XIX-го столетия»

Расследование по делу «Книги Велеса» в Великом Бурлуке

После того, как в советской печати в 70-х годах появились статьи о находке дощечек «Книги Велеса», многие обратили внимание на указание селения Великий Бурлук и усадьбы Задонских, где они были найдены полковником марковского арtdивизиона Ф.А. Изенбеком в 1919 году.

Сразу же в академической прессе было заявлено, что «никакого рода Задонских (или Донских, Донцовых) в России не существовало»¹⁷.

С тех пор это мнение повторяли десятки раз. Еще бы! Ведь под ним стоит подпись самого Б.А. Рыбакова! Кстати, я спрашивал его мнение относительно сей статьи, и он даже не мог ее сразу вспомнить: «принесли на подпись», «попросили поддержать»... Вот так!

Но зачем же было отвергать и это? Для количества? Для того чтобы невозможно было пробиться сквозь завалы абсурда? Так просто: посмотреть на карту, найти сей Великий Бурлук. Или просто позвонить туда, узнать, есть ли там такая усадьба... Зачем на всю страну повторять непроверенные сведения, а теперь и заведомую ложь? И ведь не один раз!

А между тем в то время были живы еще люди, которые до революции видели дощечки «Книги Велеса» в Великом Бурлуке. По крайней мере, тогда в Горьком (ныне Нижний Новгород) об этом заявила Екатерина Безобразова-Звенигородская, наследница старинного дворянского рода, которая бывала до революции в имении Донских-Захаржевских.

Так или иначе, но полемика относительно сего сообщения привела к организации нескольких экспедиций в Великий Бурлук.

¹⁷ См.: Рыбаков Б.А., Буганов В.И., Жуковская Л.Л., Мнимая древнейшая летопись // Вопросы истории, 1977, № 6.

Одну из первых организовал энтузиаст-велесовед Дмитрий Шмелев, который расспрашивал там стариков о событиях Гражданской войны, и те даже припомнили марковцев, останавливавшихся в усадьбе Задонских, и то, как оттуда потом крестьяне вывозили добро, в том числе книги, на «гарбах» (высокобортных телегах). Дмитрий Шмелев даже устроил раскопки поблизости усадьбы, полагая, что какие-то дощечки могли быть просто брошены в мусор. Но ничего не нашел.

Затем экспедиция в Великий Бурлюк была организована Харьковским госуниверситетом. По результатам ее было опубликовано несколько интересных работ известным украинским ученым В.В. Цыбулькиным (в то время кандидатом филологических наук, доцентом, заведующим кафедрой языковой подготовки).

Первая содержательная статья о месте находки дощечек «Книги Велеса» в академической печати появилась в уважаемом журнале «Русская литература» (Л., 1989, № 4), она называлась: «“Березовые книги” дохристианской Руси: миф или реальность?».

В.В. Цыбулкин написал ее в соавторстве с филологом М.А. Пономаревой. И эта публикация была одной из лучших на данную тему, коих ныне уже опубликованы в разных изданиях сотни.

Украинские ученые, написавшие эту статью, внешне разделяя мнение о «фальсификации» (иначе бы статья не прошла в печать в научном сборнике), на деле проделали колоссальную работу по доказательству ее подлинности. Одни только затраты на экспедицию чего стоят! И жаль, что им не удалось найти остатки библиотеки Задонских, ибо она была сожжена в революцию. Но если бы что-то осталось, они непременно бы это нашли.

Вот это и есть разумный подход, которому вполне могут следовать ученые при любых обстоятельствах. Даже если нельзя признать открыто подлинность источника, можно представлять дело так, что сомневаешься или доказываешь обратное, но на деле проводить большую работу, служащую базой для дальнейших его исследований.

И, кстати, впоследствии В.В. Цыбульский перешел на позиции защитников «Книги Велеса» и посвятил этой теме множество замечательных работ.

Приведем некоторые цитаты из той его статьи, ибо в ней содержится немало интересных сведений.

В июле 1988 года в Великобурлукском районе Харьковской области работала диалектологическая экспедиция Харьковского университета под руководством доцента В.В. Левитского. Этот район был выбран нами не случайно: русские села, богатая событиями история и при этом довольно слабая исследованность местного этнографического и фольклорного материала.

В Великом Бурлуке экспедиция посетила усадьбу древнего казачьего рода Донец-Захаржевских — Задонских. Интересно, что сохранившийся до наших дней двухэтажный особняк в стиле ампира построен из дерева в первой половине XIX века народными мастерами, а церковь, взорванная в 1937 году, была возведена, возможно, по проекту и при участии русского зодчего А.Н. Воронихина (1760 — 1814)¹⁸.

В усадьбе бывал украинский философ и поэт Г.С. Сковорода (1722 — 1794). Здесь, по свидетельству Б. Ребиндера, командир Марковского артдивизиона полковник А.Ф. Изенбек в 1919 году нашел березовую «Влесову книгу», описывающую жизнь и миграции славянских племен дохристианской Руси¹⁹. Б. Ребиндер — потомок рода Ребиндеров, которые имели в с. Шебекино (Белгородская область, РСФСР) завод сельскохозяйственного машиностроения. Возможно, что Ребиндеры и Задонские действительно были знакомы.

В 70-е годы в Великом Бурлуке был советский поэт И. Кобзев, который рассказал о находке А.Ф. Изенбека основателю краеведческого музея района П.В. Григорову и директору этого музея историку К.О. Оковитой.

Местные краеведы установили, что весь второй этаж деревянного особняка занимала библиотека, первые книги для которой привез полковник Г.Е. Донец-Захаржевский с Гетманщины (Киевская, Хмельницкая и Черновицкая области УССР) или Галиции (Львовская и часть Ивано-Франковской области УССР) еще во второй половине XVII века. После гибели

¹⁸ См.: *Лукомский Г.К.* Старинные усадьбы харьковской губернии. Пг., 1917. Ч. 1. С. 83—85.

¹⁹ См.: *Rehbinder Boris.* Vie et religion des Slaves le livre de Vles. Paris, 1980. P. 15 — 19.

ли последних Задонских в 1918 году усадьба была разграблена, а книги из библиотеки были уничтожены.

Что же эти книги собой представляли? Ответ был получен в Библиотеке АН СССР, где в отделе рукописей хранится «березовый сборник» (281 лист из березовой коры, датирован первой половиной XIX века), в который входит Псалтырь, две молитвы, канон, полуночица и помянник. Сборник найден вологодским купцом А.Е. Бурцевым в конце XIX — начале XX века. Подобные «березовые книги» хранятся в Древлехрамилнице Пушкинского Дома, в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также в отделе рукописей Государственного Исторического музея. О наличии «березовых книг» у старообрядцев поморского толка прямо сообщал известный этнограф С.В. Максимов, посетивший в середине XIX века их общину на реке Мезень.

В непосредственном окружении Задонских были старообрядцы поморского толка, что доказывает находка жителем Великого Бурлука В.Н. Марченко на территории усадьбы медного старообрядческого медальона кустарной работы. В настоящее время медальон исследуется специалистами Государственного Исторического музея и предварительно датирован второй половиной XVIII века — тем временем, когда на Харьковщину пришли гонимые поморцы²⁰.

Известно, что старообрядцы собирали различные культовые предметы, созданные «до Никона» (то есть до середины XVII века). Иконы, литые из бронзы и серебра культовые предметы, церковную утварь «дониконовских времен» участники экспедиции видели у жителей Великого Бурлука, а также сел Черное, Зарубинка, Ольховатка.

У наставника старообрядческой общины в селе Приколотном хранятся также старопечатные книги, созданные, по его словам, «до Никона». Одним из обычаев старообрядцев является дарение книг и культовых предметов «надежным людям», чтобы святые «не теряли силы». К числу таких «надежных людей» могли принадлежать Задонские. Сомнительно, конечно, чтобы старообрядцы хранили языческую «Велесову книгу», но важно отметить, что духовный мир старообрядцев несет в себе пережитки духовного мира дохристианской Руси.

Итак, с одной стороны, старообрядцы поморского толка действительно имели «березовые книги», которые могли быть

²⁰ Слово «поморец» употреблено нами в диалектном значении — старообрядец поморского толка, беспоповец; в отличие от слова «помор» — житель Русского Севера, мореход.

созданы и до XVII века, а с другой — они могли подарить такую книгу в библиотеку Задонских.

...Выяснено, что Марковский артдивизион, которым командовал А.Ф. Изенбек, входил в Марковский полк первого армейского корпуса Добровольческой армии²¹. По свидетельству старожилов Великого Бурлука и историческим документам, Великий Бурлук был занят Добровольческой армией в июне 1919 года и освобожден от деникинцев в декабре 1919 года²². Первый армейский корпус прикрывал Харьков со стороны северо-востока во взаимодействии с конной группой Мамонтова (Донская армия) во время Харьковской наступательной операции Южного фронта Красной Армии (24 ноября — 12 декабря 1919 года)²³.

Отступающие деникинцы первого армейского корпуса, среди которых мог быть А.Ф. Изенбек, проходили через Великий Бурлук. Указание Ю.П. Миролюбова на конкретное историческое лицо такого масштаба, как полковник-марковец А.Ф. Изенбек, а также на усадьбу Донских или Задонских на этом историческом фоне выглядит вполне правдоподобно. Учитывая некоторые субъективные факторы (понятие дворянской чести, боязнь быть истолкованным ложно и т.п.), влиявшие на отсутствие у Ю.П. Миролюбова желания публиковать текст «Влесовой книги», возникает вопрос об объективном существовании некой «березовой книги» у А.Ф. Изенбека. Трудно, однако, говорить об утраченном предмете и об уже умерших людях, но остается открытым вопрос: какие были источники «Влесовой книги»?

...Ясно одно: закрывать вопрос о дохристианских «березовых книгах» у славян еще рано. Но разработка такой сложной темы требует совместных усилий со стороны ученых разных специальностей (филологов, историков, археологов и др.), а также терпения в ожидании новых находок, подтверждающих или опровергающих ту или иную концепцию.

Увы, потери еще возможны, одна из них — гибнущая усадьба Задонских в Великом Бурлуке, где, может быть, полковник А.Ф. Изенбек действительно нашел не сохранившуюся до наших дней «березовую книгу» в том тревожном 1919-м.

²¹ См.: Добровольча армія. Великий Жовтень і Громадянська війна на Україні // Енциклопедичний довідник. Київ, 1987. С. 172.

²² См.: История городов и сел Украинской ССР: Харьковская область. Киев, 1976. С. 266.

²³ См.: Великий Жовтень і Громадянська війна на Україні // Енциклопедичний довідник. Київ, 1987. С. 516.

Пожалуй, сегодня это все, что можно выяснить относительно того, как попали дощечки «Книги Велеса» в Великий Бурлук, после того как они были в Музее А.И. Сулакадзева.

Последний ли это след от той коллекции? Есть ли смысл искать еще что-либо?

Следует заметить также, что значительная часть коллекции А.И. Сулакадзева ушла также в библиотеку российских императоров. Там, в 1880-х годах, она исследовалась Археографической комиссией под руководством известного норманниста А.А. Куника²⁴. И стоит ли удивляться тому, что она была признана ими не стоящей внимания настолько, что они даже не стали упоминать об этом в печати.

Последний раз императорское собрание славянской руники было описано накануне революции в 1916 году²⁵, причем сообщение об этом в печать попало только в 1928. И с тех пор в академической печати о сем не было упоминаний. Эта часть рунической коллекции вначале, в 1919 году, была вывезена ЧК из Эрмитажа в Архив Октябрьской революции (ныне Госархив РФ). Но теперь там нет сих документов. Возможно, они хранятся где-то в закрытых хранилищах в России.

Но судя по недавней реакции директора федеральной архивной службы В.П. Козлова, посвятившего сему вопросу две монографии и несколько «разгромных» статей, где он последовательно повторяет уже давно опровергнутые «аргументы» противников «Книги Велеса», на самом деле тема сокрытия важных документов отечественной истории остается актуальной и ныне. Кстати, в своих работах и статьях он почему-то скрывает свой столь ответственный пост.

Очевидно, что кому-то поныне выгодно поддерживать мнение о бедности культуры и истории славян, будто бы

²⁴ См., например, *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 2, Киев, 1908. С. 1552 и др. Также есть записка А.А. Куника в ОР РНБ (СПб.) с упоминанием этих манускриптов.

²⁵ Статья Макаренко Н.Е. в сборнике ОРЯС АН СССР. Т. С1, № 3. Л., 1928.

ходивших в шкурах до «завоевания варягов» и «крещения», потому, мол, и ныне мы должны во всем следовать в хвосте «более культурного» Запада, а лучше и вообще не оглядываться на свои традиции.

Но тем не менее мы продолжаем работу, не смотря на противодействие тех структур, которые должны были бы оказывать помощь.

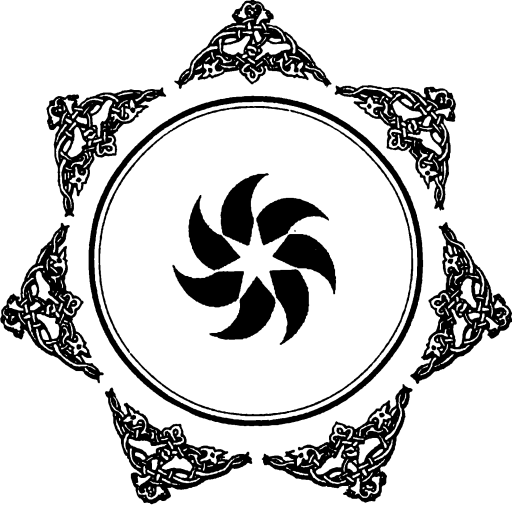
Мы знаем несколько адресов, в России и за ее рубежами, где поныне могут храниться славянские рунические документы. И ждем, когда у нас появятся для их спасения возможности и средства, ибо ныне уже пришло время для открытия древней славянской культуры.

И это уже история века XX, когда, наконец, славянские рунические рукописи стали выходить из тени и явились в печати.

**Судьба
«Книги Велеса»
в XX веке**

Последнее странствие «Дощечек Изенбека»

Уже около века людей волнуют тайны «Книги Велеса», священной книги древних славян. Как могла спастись эта книга в вихрях нашего времени?

Не один раз она оказывалась на волосок полного уничтожения и забвения, когда, казалось, ее уже ничто не спасет...

И каждый раз, в сложнейшей обстановке, будто кто-то свыше наблюдал за людьми, и, может быть, испытывал их: как они поступят? достойны ли они спасения? И в последний миг милосердно переносил решение этого вопроса...

Что же толкало людей совершать те, а не иные поступки, рисковать собой, бороться не за выживание, а за сохранение таинственного текста? Какие силы, неявно воздействуя на меняющийся мир, оберегали «Книгу Велеса», и тем давали России шанс на спасение...

Обретение «Скрижалей»

История спасения «Книги Велеса» необычна, и многое в ней приходится объяснять редким и счастливым стечением обстоятельств.

Понадобилась революция 1917 года для того, чтобы «Книга Велеса» появилась на свет из хранилища в усадьбе князей Задонских в Великом Бурлуке Харьковской губернии. И случилось это тогда, когда рушилось всё — и государство, и церковь. Тогда и явилась «Книга Велеса» как

возможность выбора иного пути развития славянской цивилизации.

В 1919 году бывшие владельцы книги были убиты местными крестьянами, и, казалось, «Книга Велеса» должна была погибнуть, попав в руки невежественных людей...

Но «Книга Велеса», пережившая за тысячу лет не одно смутное время, не могла погибнуть, не передав людям то, для чего она была создана. И не думаю, что это только простая случайность, что в разгромленную усадьбу после ухода бандитов пришли белые.

Тогда разбросанные, потоптанные дощечки увидел полковник артиллерии Али Изенбек, принадлежавший к древнему туркестанскому ханскому роду по линии деда (в крещении имя Изенбека было Федор Артурович). Он уже во втором поколении был петербуржцем, отец его был морским офицером, а мать его, Мария Михайлова, и бабушка у него были из русских дворянских родов.

Изенбек закончил Морской корпус, а после него Петербургскую академию художеств, учился на художника он также и в Париже в академии Эколь дез Метье. В России он участвовал в археологических экспедициях в Средней Азии, в Хиве. Потом получил звание корреспондента академии.

Итак, Изенбек был археологом, то есть именно тем человеком, который мог осознать, что дощечки с непонятными письменами имеют историческую ценность. Только ли это счастливая случайность?

Картина по духу воистину эпическая. Русь, как кажется многим, гибнет. Омывается реками крови... И тут... явление «Книги». Сие событие чем-то напоминает явление спасительной иконы, или — обретение Скрижалей Завета...

Сколько раз пришлось потом пересказывать эту историю вначале Федору Артуровичу Изенбеку, а потом со слов Изенбека и писателю Юрию Петровичу Миролубову...

А сколько раз эта история пересказывалась потом с его слов писателями, журналистами, учеными, переводчика-

ми... Я подсчитал по имеющимся у меня книгам и статьям: получилось уже более 300 раз!

Приведу для примера одно из лучших таких описаний из книги В.В. Цыбулькина «Быль “Велесовой книги”» (Харьков, 1998).

Стоял декабрь 1919 года... По дороге от с. Шебекино (современная Белгородская область России) отступали разбитые части генерала Деникина. Среди отступавших под ударами Красной армии был двадцатипятилетний полковник, командир Марковского артдивизиона Федор Артурович Изенбек.

Дорога подходила к селу Великий Бурлук, где под горой, увенчанной величественным храмом, притаилась среди голых деревьев усадьба. Желание обогреться и отдохнуть привело марковцев под сень разоренного «дворянского гнезда».

Со своим денщиком Ф.А. Изенбек ходил по разграбленным залам и комнатам деревянного усадебного дома с прекрасными «дорическими» фасадами, под ногами похрустывали разбитые стекла и черепки, оставшиеся от столетних ваз.

Вдруг в одной из комнат, где, видимо, некогда была библиотека, они увидели странные дощечки, в беспорядке валявшиеся на полу, потемневшие от сырости и времени. Некоторые были расколоты и безжалостно растоптаны новоявленными варварами, на поверхности чудом сохранившихся просматривались диковинные письмена, рисунки животных.

С интересом полковник и его денщик подбирали и складывали в «морской мешок» — кису эти непонятные «листы» какой-то явно древней и загадочной книги.

За несколько дней пребывания в Великом Бурлуке полковник Ф.А. Изенбек пытался узнать что-либо о бывших владельцах усадьбы и еще что-нибудь найти. Но молчали свежие могилы у стен еще гордо возвышавшегося с имперским великолепием храма, с золоченого резного алтаря которого еще не была смыта запекшаяся «голубая» кровь, а перепуганные «красным» и «белым» террором жители села вещи «панов» прятали.

Фронт приближался, ряды марковцев поредели. Продолжалась трагедия «великого отхода» и «рассеяния» по всему белу свету тех, кто своими костями не успел уместить степные дороги Причерноморья, пылавшего огнем братоубийственной войны за Святую Русь.

После Изенбек рассказывал, что, глядя на те дощечки, он внезапно вспомнил покойного профессора Фетисова, с которым он занимался археологическими раскопками в Средней Азии.

Вспомнил, он как тот любовно перебирал каждый найденный черепок... Защемило сердце офицера, и тут ему как будто кто-то свыше повелел собрать и сохранить те дощечки.

И тогда Изенбек приказал своему вестовому Игнатию Кошелеву собрать дощечки в морской мешок и бередь его как зеницу ока: «Даже чемодан мой бросай, если надо, а мешок ни в коем случае!»

Ф.А. Изенбек. Фото из книги Б. Ребиндера «Vie et religion des slaves le livre de Vles». — Paris, 1980

И вот под ударами войск Южного фронта Красной армии белые, в том числе и Марковский дивизион, были вынуждены уйти из Великого Бурлука.

И туда же вошли красные войска под командованием члена Реввоенсовета тов. И.В. Сталина. И полагаю, что именно он ходил тогда после Изенбека по залам усадьбы Задонских...

И, замечу, что с его именем также связаны некоторые легенды об изучении славянских рунических рукописей из библиотеки императора Николая II в одном засекреченном «шпионо-масонском» отделе НКВД.

Ведь И.В. Сталин понимал толк в таких вещах. Он знал, что подобные религиозные манускрипты имеют огромное значение для судеб народов.

Случайно ли так произошло, что И.В. Сталин руководил красными войсками, сражавшимися под Великим Бурлуком, где были тогда рукописи из собрания Неклюдовых-Задонских, или это только некий «знак судьбы»? Кто знает!

Что произошло далее? Пути вестового Игнатия Кошелева и офицера Ф.А. Изенбека через какое-то время разошлись.

И можно представить, какими путями странствовал по югу Украины и по Крыму мешок с дощечками. И как простой неграмотный солдат, бывший крестьянин, Игнатий Кошелев в вихрях Гражданской войны сохранил его, не бросил.

А значит, что-то почувствовал в дощечках... Это ли не чудо? Это ли не подвиг?

И был порт в Феодосии, и был последний пароход с остатками разгромленной Белой армии, навсегда покидающей Россию. Им казалось, Россия навеки гибнет... До дощечек ли тут?

Пароход трогается — и тут Изенбек видит, что к пристани спешит человек с мешком! Это был его вестовой. «Всё, ваше высокоблагородие, бросил, а мешка не бросил!», — кричит он полковнику.

И он хотел было перекинуть мешок Изенбеку, но на пароходе, переполненном людьми и мешками, запротестовали — так можно и зашибить кого-нибудь!

И тут Изенбек — человек решительный, вынул парабеллум и крикнул: «Уложу капитана, если не дадите взять мешок!» И вот мешок летит через расширяющуюся полосу воды, а вестовой — Игнатий Кошелев — крестит его на прощание.

Так и были спасены дощечки «Книги Велеса», согласно рассказу Ю.П. Миролюбова, пересказавшего эту историю со слов Ф.А. Изенбека.

Они были спасены провидением в один из самых трагических периодов Российской истории. Спасены для нас, чтобы и мы через них обрели спасение.

Легенды и факты о странствии Ф.А. Изенбека и «дощечек»

Что мы имеем из фактов достоверных, которые дают подлинную картину обретения Ф.А. Изенбеком дощечек «Книги Велеса»? Прежде всего, это рассказы Ю.П. Миролюбова, его письма, статьи в журнале «Жар-птица», где впервые было опубликовано известие о том, как были найдены «Дощьки Изенбека».

Не меньшее значение имеют и рассказы сослуживцев Ф.А. Изенбека, которые отозвались в 60-х и 70-х годах на поиски следов «дощечек».

После сего рассказа, который Ю.П. Миролюбов был вынужден повторять десятки раз, устно и письменно, Ф.А. Изенбек стал восприниматься многими чуть ли не как эпический герой.

Явились и легенды об Ф.А. Изенбеке, уже не имеющие отношения к источнику их. По-видимому, эта история всколыхнула такие глубины сознания, что вызвала к жизни миф, в коем Изенбек встал на место, занятое прежде историей о Моисее и Скрижалях Завета. Появились новые легенды об Изенбеке — украинские, болгарские, сербские, которые почти не поддаются проверке. Для подтверждения их пришлось бы потратить немало сил и времени. И велика вероятность того, что многие из них принадлежат области чуть ли не религиозной фантазии, а иные из них прямо апокрифичны.

К примеру, болгарский писатель и политик Теодор Дичев рассказал о том, что Ф.А. Изенбек будто бы вез из России не один мешок с манускриптами, а два. Во втором как будто находилась другая рукопись, и ее Изенбек продал Софийскому университету.

И там собирались ученые, которые намеревались приступить к исследованию сей рукописи. Но... поднялся шум, и некие крайне злонамеренные «масоны» припрятали сей документ, выкрав его. Не осталась и копии.

Такая легенда проверке почти не поддается. Но, впрочем, недавно, в 2003 году, была получена Госархивом РФ записка Ю.П. Миролюбова от 1941 года, согласно коей в самом деле он видел и второй мешок с рукописями, написанными скорописью, которые не поддались чтению и копированию (об этом речь далее).

Выходит, что никакие масоны его не крали, а утерян он был вместе с первым в том же 1941 году, что и мешок с дощечками «Книги Велеса». Но это значит, что все же был второй мешок! И может быть, он в самом деле вначале изучался в Софийском университете?

К тому же, бывшая владелица сих рунических документов Е.И. Задонская также упоминала о какой-то загадочной «второй» рукописи...

Но если судить по воспоминаниям сослуживцев Ф.А. Изенбека, в Софии он, вроде, не был. После эвакуации из Феодосии он был в лагере для перемещенных лиц в Гелиополе, а затем в Белграде. О его пребывании в Софии они не вспоминают.

Только находка болгарских документов 20-х годов может опровергнуть это, но это сейчас затруднительно, ибо для сего нужны тщательные архивные раскопки в Болгарии.

Другая легенда отчасти иницирована мной — разумеется, ненамеренно.

В прошлых книгах я, вслед за С. Лесным, Р. Пешичем и иными предположил, что к пропаже дощечек имеет отношение историк Марк Шефтель (подробнее об этом ниже). А Теодор Дичев продолжил эту идею и, сославшись на сведения болгарского разведчика Н. Николова, объявил, что Марк Шефтель эти дощечки продал мормонам в США. И тут же добавил, что копия «Велесовой книги» находится в библиотеке Конгресса США.

Так ли это? Что касается мормонской версии, мне она представляется теперь все же сомнительной, как и след, оставленный Марком Шефтелем.

Однако в библиотеке Конгресса и в самом деле находится копия «Книги Велеса», только — Миролюбова, в том чис-

ле, возможно, и неизвестные нам документы. Именно туда, согласно сообщению, имеющемуся теперь в Госархиве РФ, эта копия была передана ее первым публикатором А. Куренковым, с тем чтобы ее открыли для исследования через пятнадцать лет после его смерти. Срок этот давно настал, но сомневаюсь, чтобы кто-нибудь востребовал эти архивы.

А вот сообщение о том, что «Дощечки Изенбека» видели в Белграде еще в 1923 году, то есть за пять лет до того, как о них узнал и стал ими заниматься Ю.П. Миролюбов, имеет основания быть признанным не легендой, а сообщением о действительно бывшем событии.

В 2003 году, после поступления в Москву, в Госархив РФ из Сан-Франциско архивов Музея русской культуры, выяснилось, что об этом вспомнили двое бывших марковцев, живших в 1923 году в Белграде.

Павел Тимофеевич Филиппев, занимавшийся в 60-х годах поисками следов «дощечек», вспомнил о том, что тогда он прочитал о дощечках Изенбека в белоэмигрантской газете «Новое время», выпускавшейся под редакцией М.А. Суворина.

Это воспоминание было очень ярким, и он вполне осознал, что та статья в газете — суть первое датированное сообщение о памятнике в печати. И он предпринял немалые усилия, чтобы отыскать эту газету в США. Также он связывался по почте с Белградской национальной библиотекой, что на улице Кнез Михайлова, 56. Он просил найти эту заметку и предлагал оплатить расходы по ее поиску и копированию. Время выхода статьи, согласно воспоминаниям П.Т. Филиппева: март, апрель или май, но, может быть, и вплоть до сентября 1923 года.

В статье сообщалось, что во время Гражданской войны в России капитан или полковник Ф.А. Изенбек нашел в разгромленном имении древние дощечки с древнерусскими историческими и культовыми текстами на них приблизительно V — VI веков. В конце же той статьи сообщалось, что Изенбек едет в Париж, где и предполагает эти тексты опубликовать. (Госархив РФ, Фонд 1014, оп. 80, рул. 14, кадр 500).

А в письме к Н.В. Казакову затем П.Т. Филипьев вспоминал *«статья была на 2-й странице во втором столбце справа»*. И еще, что *«было холодно и приятель мой принес эту статью в пальто»*. Вспомнил он и о том, что эта статья вызвала у них интерес, и *«радостное возбуждение»*.

Однако впоследствии той статьи П.Т. Филипьеву так и не удалось найти. Не удалось ее найти и мне. Поиски производились мной в течение трех дней в архивах русского зарубежья, имеющих в РГБ, ИНИОН и в ГАРФ. Наиболее полный набор номеров газеты находится именно в Государственном архиве РФ.

Но тщательный разбор полос все же не привел меня ни к чему. Может быть, Филипьев перепутал одну газету с другой. Белоэмигрантских газет выходило тогда несколько; к примеру, выходил также «Вестник Общества Галлиполийцев», к коим принадлежал и Ф.А. Изенбек, «Русская газета» Струве, сменовеховская «Накануне», и т.п. К тому же вспоминал-то П.Т. Филипьев о газетной заметке, прочитанной сорок лет назад. Но все же не исключаю я и того, что именно этого номера не сохранилось, или заметка (абзац) об этом проскочила мимо моих глаз, поскольку всю весьма толстую подшивку газет прочитать не представляется возможным.

Нашел я только сообщение, которое, по-видимому, относится к Изенбеку: *«...в Париже оказались и галлипольцы... (и в числе них) Марковского артиллерийского дивизиона капитан...»* (Новое время, №731, от 3 октября 1923 г.).

Так что эти свидетельства пока почитаю все же легендой и призываю продолжить поиски той заметки по всей белоэмигрантской прессе 20-х годов. Эта заметка важна, она прямое свидетельство того, что «Книга Велеса» принадлежала вначале Ф.А. Изенбеку, а также снимает подозрения скептиков в отношении самого Ю.П. Миролюбова.

Не знаю какими путями, но слух о той заметке дошел в 1991 году до югославского ученого Р. Момчиловича. И он, видимо, также не найдя самой газеты, изложил всё по-своему

в статье «Словени опет долазе», опубликованной в газете «Експрес недельна ревија» (Београд, — 1991, 1 дец.). Впоследствии это сообщение неоднократно повторялось во велесоведческих трудах и не только в Югославии.

Согласно его сообщению, в 1923 году газета «Новое время», опекавшая российских беженцев, сообщила о появлении в городе белого офицера, безуспешно пытавшегося предложить найденные им в годы Гражданской войны в России дощечки о древними текстами вниманию специалистов, о желании его продать древние дощечки Белградскому университету. И будто бы работавший тогда в сем университете российский ученый А.В. Соловьев признал в сих дощечках «подделку» А.И. Сулакадзева. Потому они и не были проданы.

Итак, мы имеем новое свидетельство, и также без указания точной ссылки, номера газеты. Что же касается сообщения об экспертизе «дощечек» в Белградском университете, то, судя по газете «Новое время», у российской эмиграции интерес к древней истории был.

Тогда даже устраивались археологические раскопки, проводились лекции по славянской мифологии, древней религии, спорили по поводу «арийских корней» славян, и о новонайденных древних манускриптах (но не о «дощечках»). Упоминаются в тех статьях в связи с этим и российские историки, работавшие в Белградском университете.

Потому я и занялся разбором архива А.В. Соловьева, бывшего тогда профессором Белградского университета, а потом работавшего в Женеве.

Его архив был завещан этим ученым Российской Академии наук, и был переслан в Москву после его смерти. Сей архив до сих пор не разобран и не описан, но мне все же удалось получить к нему доступ...

И тут меня снова ждало разочарование. Да, действительно, в бумагах А.В. Соловьева есть неопубликованные статьи о «дощечках Изенбека» (Архив РАН, Фонд 1890, №№ 35, 36), но они относятся к 60-м годам, являются ответом на уже ведущуюся вокруг них дискуссию, в том числе и в советской печати.

И в них он ни разу не упоминает о том, что он с ними был знаком в 20-х годах, в Белграде. Вероятнее всего, этого не было. Это уже предположительная «реконструкция» событий, которых не было.

Полагаю, что предыдущие легенды созданы с целями всё же отчасти благородными: их авторы надеялись так привлечь внимание к «Книге Велеса» со стороны сербов и болгар. К тому же первоисток их: туманные воспоминания, либо газетные статьи, «однодневки», которые и не претендуют на точность, их задача только подогреть интерес к теме.

Но другой пласт легенд, точнее «анти-легенд», вызывает гораздо большее разочарование. Они столь же плохо документированы, как газетные заметки, но опубликованы уже в солидных журналах, академических сборниках, что снижает уровень доверия и к другой, публикуемой в сих изданиях информации.

Казалось бы, научная печать не место для сплетен, но, очевидно, что авторы сих антилегенд думали иначе. Им было важно бороться с «Книгой Велеса» любыми, пусть даже нечистоплотными, методами. А как бороться с мифом? Только создавая «антимиф». В сущности, действуя по законам «черной магии».

И вот в уважаемом, может быть и лучшем российском историческом журнале «Родина» доктор исторических наук В.П. Козлов, чуть не делая магические пасы, читает над «Книгой Велеса» отходную молитву: *«пусть будет мир над ее разбросанными в разных изданиях и архивах перьями»* (См.: Родина, 1998, № 4. С. 36).

И если почитать сего организатора панихиды, то начинает казаться, что в «похоронную процессию», оплакивающую «Книгу Велеса», включилась чуть не вся отечественная академическая наука, что совсем не так.

Есть неприятие косно мыслящих филологов, обычно в преклонном возрасте, коим трудно погружаться в новую для них область знания. Те же, кто занимался этим вопросом, не только высказались и высказываются в пользу под-

линности памятника, но и находят в нем источник для новых открытий в истории, палеографии, языкознании, этнографии и т.д.

Более того, «Велесова книга», уже вошла в систему высшего и среднего образования чуть не всех славянских стран. Но и это скептики стараются не замечать, ведь для них до сих пор Великий Бурлук «великое географическое открытие».

Мы уже упоминали, что само бытование рода Задонских, а значит, и их усадьбы в Великом Бурлуке оспаривалось... И кем! Виднейшими советскими-российскими историками! И где — в журнале «Вопросы истории»!

Им хочется верить больше, чем надписям на могилах где-то в богом забытой украинской деревне... Потому даже на этот «аргумент» доселе ссылаются в новых изданиях антивелесоведов.

Но этого мало. После оспаривания точности географической карты, упорно не желающей скрыть от пытливого взора Великий Бурлук с усадьбой Задонских, была рождена следующая антилегенда.

Она также имела отношение к путешествиям, для которых авторам «географических закрытий» не понадобилось отправляться в дальние края. Новая легенда относилась все к тому же многострадальному «страннику» Ф.А. Изенбеку. На сей раз его решили отправить подальше от европейских столиц, а именно в Среднюю Азию, то есть на родину его кокандских предков.

Эту легенду выдвинула московская писательница, древностелюб и полонист, Г.С. Белякова, ссылавшаяся на некий загадочные документы, будто бы датированные 1921 и 1923 годами, из архивов туркестанской ЧК. Но в своей работе она не указала точных ссылок ни на архив, ни на номер сих документов, что почти всегда указывает на фальсификацию.

Она утверждала, что *«после февраля 1917 года Али Изенбек со своим кокандским дедушкой Гани Изенбекханом перебрался в Бухару и находился при дворе эмира до сентября 1920 года, то есть до самого падения эмирата,*

после чего исчез... и в 1921 году объявился в банде Джунаидхана, от которой из Туркмении ушел в Иран в 1923 году... Из всего этого следует только то важнейшее обстоятельство, что в 1919 году Али Изенбек не мог быть в Добровольческой армии Деникина...» (Белякова Г.С. О «Велесовой книге» и славянских древностях. // Русская старина, Вып. 1, М., 1990).

Итак, легенда была запущена. Согласно ей Изенбек вдруг превратился в «Черного Абдуллу» из фильма «Белое солнце пустыни». Красиво и убедительно.

Попался под своеобразное обаяние сего рассказа и В.В. Цыбульский, который в книге «Быль “Велесовой книги”» добавил и свои краски к сей истории.

По его описанию, Изенбек возвратился «на родину своих кокандских предков — беев Бухарского эмирата», где он будто бы принял ислам и новое имя Али.

«Потомок Изенбекханов, теряя силы и надежду, сражался до 1922 года с “красными душманами” в отряде Джунаидхана, а затем ушел в Иран из Туркмении, унося с собой в качестве “горсточку родной земли” таинственные дощечки, заботливо сохраненные им даже среди песков и камней Туркестана, а над городами Бухарского эмирата уже развевались кроваво-красные флаги большевиков...»

Затем эту историю повторил и историк И. Кондратюк (см.: Родина, 1998, №4).

Но на чем основаны эти красочные описания? Только на весьма сомнительном рассказе Г.С. Беляковой.

Можете себе представить такую ситуацию, Галина Сергеевна Белякова, писатель и историк, спокойно жила в Москве, а потом вдруг, прочитав несколько статей о «Книге Велеса», пошла на вокзал, купила билет и поехала за тысячу верст и почему-то именно в Бухару, а не, например, в Душанбе или Самарканд, перерыла там все архивы (кстати, работа весьма трудоемкая!) в поисках материалов о некоем Изенбеке, личности в истории с «Книгой Велеса» второстепенной.

И вот, наконец, найдя «компромат», вернулась и опубликовала его, и при сем не привела никаких точных ссылок на

якобы найденные материалы, не цитировала и их самих, не смотря на все понесенные затраты и труды.

Мне эта часть статьи Г.С. Беляковой сразу показалась крайне недостоверной, хотя бы потому, что вначале можно было бы съездить в Великий Бурлук и поспрашивать там, он все же значительно ближе. Для совершения подобных поисков нужно, чтобы человека вела идея посильнее, чем просто желание написать абзац в разоблачительной статье. И такой человек, одержимый поисками следов «Книги Велеса» в России, нашелся.

Это был уже упоминавшийся Дмитрий Шмелев, который первым отправился в Великий Бурлук и побывал в бывшей усадьбе Донских-Захаржевских. И он же отыскал документы Марковского дивизиона, в котором служил Изенбек. Они были найдены в Центральном Архиве Советской армии в Москве (и в Бухару за сим вовсе не нужно было ездить!).

Так вот, там и ныне любой желающий может ознакомиться с одним интересным документом (фонд 39699, Опись 1, дело № 5, лист 317 б). Это приказ от 13 августа 1920 года начальника Марковского дивизиона Третьякова и не кому-нибудь, а именно полковнику Изенбеку. Так что был такой полковник в Марковском дивизионе! И командовал Изенбек полком или арtdивизионом (более 2 тысяч солдат и офицеров при полном составе). И это неоспоримый факт.

И этот документ я здесь и привожу, дабы ни у кого не было в сем сомнений, и чтобы отпало желание отправить Изенбека куда-нибудь в Китай или на Берег Слоновой Кости.

А как же быть со сведениями Г.С. Беляковой? Обращался я к ней, когда она еще была жива (она умерла в середине 90-х годов), и услышал в ответ только одно: «меня вынудили». И тут я стал относиться к сведениям, сообщенным Галиной Сергеевной, с гораздо большим уважением, ибо оказалось, что в 1990 году дело «Велесовой книги» (чуть ли не с 1960 года!) курировалось «компететными органами». Они, полагаю, и сообщили ей данные архива туркестанской ЧК, без точных ссылок (документы засекреченные?).

Показания о находке «Дощечек Изенбека»

I. Свидетельства Ю.П. Миролюбова

О находке дощечек «Книги Велеса» вначале нам стало известно только из писем Ю.П. Миролюбова, первое из которых датировано 1948 годом.

Недавно Госархивом РФ получена и архивная записка Ю.П. Миролюбова с размышлением о происхождении дощечек, датированная 1941 годом. Но она будет рассмотрена позже (см. стр. 191), ибо она составлялась до того, как Изенбек поведал о подробностях находки.

Более ранние сообщения о дощечках в югославской печати за 1923 год, а также в печати в Западной Германии за 1947 год (была и такая публикация согласно письмам П.Т. Филипьева) нам сейчас недоступны.

Поэтому Ю.П. Миролюбову, первому, мы и предоставим слово. К тому же остальные лишь пересказывают эти свидетельства, дополняя их и комментируя в лучшем случае, а в худшем — искажая.

Копии всех этих документов разными путями дошли до меня. Часть их прислала Жанна Миролюбова из Германии, часть дошла через Швецию (от издателя журнала «Факты» В. Штепы), часть была прислана из Музея Русской культуры в Сан-Франциско (от секретаря Ю. Таралы).

1. Русские архивы в Европе

(...) В так называемом фонде «Альбертинум» при Брюссельской Королевской библиотеке кроме ценных книг, которые были переданы туда для сохранения как культурные ценности от большевистского расхищения и уничтожения, имеется, например, книга первопечатника Ивана Федорова «Часовник»...

(...) Многие архивы и библиотеки погибли за смертью их владельцев, другие подверглись расхищению. Как, например, небольшая, но ценнейшая библиотека покойного А. Изенбека, русского художника, бывшего командира Марковского артиллерийского дивизиона в Крыму. Художник умер в 1941 году.

У него были «дощьки» Новгородско-Киевской Руси, чуть ли не 5-го века (их было 37 — 38 «дощек»). На них были выжжены тексты «греко-готскими» рунами, содержавшие языческие молитвы Перуну, Вышнему, Дажьбогу, другим богам. Были тексты торговые, были записи об «Ории отце пращуров, выведшем славян из степей». Все эти «дощьки» были выкрадены, потерю этих «дощек» надо считать тягчайшей...

Из письма Ю.П. Миролюбова, отправленного в 1948 году из Брюсселя в Сан-Франциско, США, в Русский Музей, где и хранится оригинал его. Копии у Жанны Миролюбовой в Аахене и в архиве ИМЛИ (г. Москва).

2. Первые свидетельства о находке

Изенбеком «дощек»

...Изенбек их («дощьки») нашел в разграбленной усадьбе не то князей Задонских, не то Донских, или Донцовых, точно не помню, так и сам Изенбек точно не знал их имени. Это было на Курском или Орловском направлении.

Хозяева были перебиты красными бандитами, их многочисленная библиотека разграблена, изорвана и на полу валялись разбросанные дощьки, по которым ходили невежественные солдаты и красногвардейцы, до прихода батареи Изенбека. «Дощьки» были побиты, поломаны, а некоторые уцелели.

Из письма Александру Куренкову, посланного 26 сентября 1953 года из Брюсселя в США. (Архив Ю.П. Миролюбова в Аахене).

...Скажу о «дощках Изенбека». Во время гражданской войны, в 1919 году, полковник Изенбек, командир Марковской батареи, попал в имение, кажется, Куракиных, где нашел хозяев зверски убитыми, дом разгромленным, а библиотеку разорванной (т. е. книги, конечно), все валялось на полу.

Он прошелся по этому слою бумаги и услышал треск, нагнувшись, увидел, «дощьки», часть которых была раздавлена матросскими сапогами. Он приказал вестовому все собрать в мешок и хранить пуще зеницы ока. С этим мешком он приехал в Брюссель, где я 15 лет разбирал «сплошняк» архаического текста...

Это оказалось рукописью либо VIII, либо, частями, еще более ранней. К сожалению, подлинники были украдены после смерти Изенбека, художника, из его ателье, и кроме 3 фотокопий у меня есть лишь текст, переписанный мной и разделенный на слова тоже мной.

У меня рукопись не вызывает сомнений в ее подлинности. Другое дело — отношение к тексту «авторитетов». Эти люди всегда подозревают все. Поэтому я не хотел публикации до моей собственной смерти, но г. Кур опубликовал. Остальное Вы узнаете от него. Чтобы текст «дощечек» не пропал, я отослал его копию и имевшиеся у меня фотокопии в Русский Музей-Архив в San Francisco, а там как раз работал А.А. Кур. Он стал настаивать на публикации текстов.

Из текстов мы узнаем, что была «Русколань, Годь (Готы) и Суренжська Русь». Там же говорится о «седемь вецы Трояни», относящихся к до-Аскольдову периоду, а также о том, как Русь была «Карпенська». Есть там посвящение в языческие мистерии, призывы к благочестию и к борьбе за «Руську Земе» и др... И если бы не слова: «Асклд и Дирос», то можно было бы все отнести к VII-му веку.

Впечатление общее: разные тексты, по крайней мере из двух разных периодов. Ну, вот, пока главное...

Из письма Ю.П. Миролюбова от 20 февраля 1956 г. к С. Лесному в г. Канберра, Австралия (Архив Ю.П. Миролюбова в Аахене).

...Полковник Изенбек нашел «дощечки» в совершенно разбитом доме (имении), где окна были выбиты, мебель поломана, а обитатели тут же валялись все убитые. В библиотеке все книги были разорваны, брошены на пол... Обычная картина в те времена!

На фоне этого разгрома со стороны Изенбека было совершенно нормальной психической реакцией — поднять «дощечки» и сохранить их от окончательной гибели.

То обстоятельство, что сам он был перед Первой Мировой Войной членом Туркестанской Археологической Экспедиции, как художник-корреспондент Академии Наук (начальник экспедиции профессор Фетисов) обусловило то, что Изенбек что-то в этих дощечках почувствовал, ибо сам говорил, что вначале вовсе не обратил на них внимания. И только воспоминание, как профессор Фетисов любовно собирал всякие черепки, кусочки тканей, обломки керамики, вдруг подсказало ему, что «дощечки» имеют историческую и археологическую ценность.

Тогда он собрал все, что мог сам, сложил в угол, а затем позвал вестового и приказал все сложить в мешок, валявшийся тут же, забытый бывшими тут до него революционными матросами. Изенбек был начальник артиллерийской части, и потому мог дать какое угодно приказание.

Из письма Ю.П. Миролюбова Ал. Куру, отправленного из Сан-Франциско в Пало-Альто 1 и 3 октября 1957 г. (Архив Ю.П. Миролюбова в Аахене).

Этот отрывок («дощечка» № 13), переписанный нами, как был с осколка «дощечки», у полковника Изенбека, был предметом наших обсуждений. Он сказал, что жалеет, что не подобрал всех осколков, но будучи командиром батареи, он был занят боевой операцией против красных, и должен был поручить сбор осколков вестовому.

Запись Ю.П. Миролюбова, сделанная им для Ал. Кура около 1957 года (Архив Ю.П. Миролюбова в Аахене).

Эта дощечка (№ 20) фактически есть собрание ряда отрывков текста, списанных с разных обломков, найденных в мусоре и кучах полусожженных книг, манускриптов и прочих документов, собранных вестовым полковника Изенбека Игнатием Кошелевым...

Все эти обломки частью раздавлены, частью отколоты от других дощечек, а частью являются остатками от сгоревших дощечек.

Тексты были переписаны только те, которые можно было разобрать. Они пронумерованы не по смыслу, а по порядку.

«Жар-птица», декабрь 1958

3. Заметка об Изенбеке и «дощечках»

Когда Вы, уважаемый Александр Александрович, задали мне вопрос об этих «дощечках», найденных Изенбеком на Юге России во время наступления Добровольческой Армии на Москву, мне помнится, я уже Вам ответил, и насколько помню, ответил, что «за подлинность этих дощечек ручаться не могу, не будучи специалистом».

Это выражение надо понимать как «подлинные «дощечки» Изенбека я видел, но не могу сказать с точностью, когда и кем они были написаны».

Одно могу утверждать, что Изенбек был в прошлом участником Археологической экспедиции профессора Фетисова, описанной в журнале «Нива» перед войной четырнадцатого года, где имелся и его портрет, по словам участника его батареи в Гражданской войне, г-на Лысенко, рядового Национальной Гвардии в Сан-Франциско (*П.Т. Филипьев потом указал, что это была публикация с фотографиями участников экспедиции в «Огоньке» за 1912 год, — А.А.*).

Он был членом Академии Наук в Санкт-Петербурге за заслуги по зарисовкам руин Туркестана. Изенбек не только был художником экспедиции, но принимал живое участие в сборе археологических древностей, черепков, орудий хозяйства, лоскутьев старинной материи, и так далее.

Пески Средней Азии хорошо предохраняют от гниения куски материи. Таким образом, археологические знания у него были. Он, конечно, не был специалистом Средне-Азиатской археологии, но стал таковым практически.

В девятнадцатом, или двадцатом году текущего столетия, где-то между Харьковом, Курском или Орлом, он попал со своей батареей в имение князей, имени которых я не удержал, не то Донских, не то Задонских, а может даже Куракиных¹. Перед тем в имении побывал отряд, кажется, коммунистов.

В то время была красная гвардия, обычно еще не коммунистическая, или отряды партизан, тоже не особенно коммунистических, а упомянутый отряд был именно коммунистическим. Все в доме было перебито, старики, женщины, девушки. Повсюду были лужи еще не успевшей запечься крови.

Изенбек прошел в библиотеку и увидел там толстый слой разорванных книг, валявшихся на полу. Идя по ним, он почувствовал треск как бы дерева. Нагнувшись, увидел, что то были какие-то дощечки с текстом на них! Взяв на память книгу о Тимур-Хане, находящуюся ныне в библиотеке Музея в Сан-Франциско (переслана была мной), он взял еще, кажется, книгу о Магомете, или это была одна и та же книга, уже не помню, он поднял и куски «дощек».

Затем позвал вестового (Игнатия Кошелева — А.А.²) и приказал собрать все кусочки дерева, присоединив к ним и тридцать восемь «дощек», еще более менее целых. Все приказал положить в мешок и беречь «в-оба». «Даже чемодан мой бросай, если надо, а мешка ни в коем случае!» Вестовой свято хранил «дощки».

Когда при отступлении генерала Врангеля Изенбек, будучи раненым, оказался на борту парохода в Феодосии, куда отступил с Арбатской стрелки, на пристани стоял человек с мешком! То был его вестовой. «Все, ваше высокоблагородие, бросил, а мешка не бросил!» Сказал он, передавая мешок на борт. Там было запротестовали, но Изенбек, человек решительный, вынул парабеллум и сказал, что «уложит капитана, если мешка не возьмут!» Мешок взяли. С ним он приехал в Брюссель.

¹ В дальнейшем Б.А. Ребиндер и другие показали, что находка была совершена 24.XI.1919 г. в имении Донец-Захаржевских (Задонских) в Великом Бурлуке под Харьковом. — А.А.

² Имя его впервые названо в 12 номере журнала «Жар-птица» за 1958 год. Полагаю, его вспомнили сослуживцы Изенбека. — А.А.

ре отдельных снимка на разном фокусном удалении. Конечно, при обычных аппаратах, любительских.

Чтобы не терять времени, я взялся за разбор текста, начав таковой, кажется, еще в двадцать седьмом году и закончив его в тридцать пятом!

Все надо было делать урывками, минут пятнадцать-двадцать каждый раз, а затем Изенбек говорил, что «надо выпить!» и приходилось ретироваться с ним в пивную. Однако, за эти годы я сумел сделать пять фотокопий, одна из которых фотографическая, а четыре остальные свето-копировочные.

Дощечки, утверждаю, были у Изенбека! После его смерти ателье художника подверглось варварскому разграблению, и даже 3/4 его картин исчезли! Не говоря уже о «дощечках». Последние бесследно исчезли.

То ли их истребил г. Валлейс, которого я подозреваю в краже картин, то ли взял адвокат Кооманс-де-Брашен, бывший куратором имущества под секвестром государства, не знаю. Я «дощечек», после того как мне по завещанию передали ателье со всеми имевшимися еще в нем картинами, не нашел. О воровстве я подал жалобу, но без успеха!

Вид «дощечек» был темно-бурый, иногда в пятнах, как бы от жидкости, пролитой на них. В некоторых местах внешняя поверхность отставала, пузырилась, или была вдавлена. Некоторые из «дощечек» были поедены червем, я их укреплял, впрыскивая в трухлявую сердцевину силикатный лак. От этого они стали тяжелыми, но держались крепко.

Текст был либо вдавлен в еще мягкое дерево, либо выжжен, как мне казалось, потому что некоторые записи были черными, точно то была обугленная древесина. На поверхности были не то следы лака, не то льняного масла. Линии, под которыми был написан слитный текст, были неровными, иногда уходившими вверх или вниз, иногда кривыми, или имевшими неровности, вроде (...) изображенной чернилами сейчас, в этом описании, линии.

Буквы были написаны под линией, как в санскритском письме. Иногда текст был гуще, иногда шире. Иные буквы были ясными, другие неясными. Некоторые буквы имели несколько разных начертаний, другие единственное.

Слева, на полях, было вначале текста изображение животных, то был бык, то собака, а то кажется, куница или лисица... У монголов велось исчисление при помощи животных, и говорилось: «год лисицы» или «год черепахи», что несомненно шло от китайских хроник, где для обозначения лет тоже употреблялось животное, и также говорилось «год черепахи». Последнее говорит о «зверином стиле» Юга Руси.

Текст мой был сначала переписан, буква за буквой, а затем разделен, как мне казалось, правильно. Думается, что события, описанные в «дощках», касаются нашего древнейшего прошлого.

Характер букв, как говорю, приближался к греческому начертанию, но с сильным влиянием скандинавского рунического текста, так может, и не только санскритского, а возможно, что и финикийского письма. Суждение об этом, думаю, вынесет Британский музей или американские ученые.

Конечно, жаль, что многое сделано было кое-как, фотографии текстов немногочисленны, репродукции неясны, и так далее, но — всем должно быть ясно, что и это стоило нам огромных усилий!

«Жар-Птица», октябрь. 1957. С. 9.

4. Биографические данные об Ф.А. Изенбеке³

Федор Артурович Изенбек (себя он называл Али, считая, что он мусульманин) родился в 1890 году в Санкт-Петербурге (точная дата сейчас не установлена, ибо не все материалы об Изенбеке распакованы). Отец его был морским офицером, а дед был настоящим беком из Туркестана (бек по-восточному — дворянин).

Ф. Изенбек (или Али Изенбек, как все его звали в Брюсселе) окончил морской корпус и ушел в Академию Художеств. Служил в туркестанской артиллерии, откуда был выпущен прапорщиком запаса. После этого он участвовал в качестве художника-зарисовщика в экспедиции проф. Фетисова в Туркестане. Его рисунки в количестве нескольких сот были переданы в Академию Наук, а сам он имел звание корреспондента академии.

Археология Туркестана была ему близка, и сам он был любителем старины, хотя никаких коллекций в Брюсселе не собирал. Его картины — сплошь полны туркестанских орнаментов, самый характер рисунков восточный, и типы полотен — тоже восточные. Все, что удалось спасти после смерти Изенбека, т.е. около 60 картин и рисунков, находится в руках Ю.П. Миролюбова. Стоимость их определена в 50 000 долларов.

³ Данные сообщены чрезвычайно любезно Ю.П. Миролюбовым в ответ на вопросник, направленный нами к нему. Мы несколько сократили его ответ и иначе расположили сведения, оставив почти везде собственные слова Ю.П. Миролюбова. — *Прим. С. Лесного.*

В гражданской войне Изенбек был уже в чине капитана в Добровольческой армии. Закончил войну в качестве командира Марковского артиллерийского дивизиона, и был в чине полковника. Попал в Бельгию из Франции, где и обосновался. Был приглашен на фабрику ковров общества «Тапи» (ковер), где создал около 15 000 рисунков самых различных ковров, как персидских, так и иных восточных стран.

Скончался 13 августа 1941 года в Брюсселе.

Дощечки попали в его руки случайно. Найдены они были в имении не то князей Куракиных, не то Донских или Задонских, точно неизвестно. У Ю.П. Миролюбова есть основание думать, что это было имение Куракиных где-то к северу от Харькова и к югу от Орла.

«Думаю, — говорит Ю.П. Миролюбов в письме к автору от 16 июня 1956 г., — что сам Изенбек не понимал истинного значения «дощек», но считал, что они представляют известный интерес. Как участник археологических экспедиций, он не мог не знать их значения, но ближе ими не интересовался, хотя и был до крайности ревнив к ним, и никому их не показывал. Даже мне он их показал года через три нашего знакомства!...

Он очень подозрительно относился ко всяким поползновениям насчет «дощек». Даже и мне, он их не давал на дом! Я должен был сидеть у него в ателье, на рю Бесм, в Юккле, и там он меня запирает на ключ, и раз я у него просидел в таком заключении двое суток! Когда он пришел, то был крайне удивлен. Он совершенно забыл, что я у него в ателье, и если бы не какая-то бумага, за которой он пришел, он бы и не вернулся домой раньше недели...

Не думаю, что он показывал многим «дощечки», а если показывал, то бельгийцам, ибо русским не особенно доверял, да они и не интересовались такими вещами...

По натуре он был очень лаконичным, скрытным и недоверчивым. Добиться от него малейших подробностей было невозможно... Обращивать «дощечки» сам Изенбек не мог, ибо со славянским языком, а тем более диалектами славянского языка, не был знаком совсем. Он говорил по-татарски, туркменски и, кажется, еще на одном из среднеазиатских

⁴ Это свидетельствует о крайней деградации личности Ф.А. Изенбека под влиянием кокаина (об этой болезни художника потом вспоминала Ж. Миролюбова). Русский язык для Изенбека был родным. — А.А.

языков. По-русски он говорил плохо⁴, как это ни странно. Недостаток его речи, вероятно, происходил от вечно полупьяного состояния. Будучи весьма пьян, он в то же время был очень вежлив с окружающими.

Ничего он не думал предпринимать с «дощечками», а тем более их продавать. Родственников, как мне известно, у него не было, а о друзьях он ничего не говорил. Автором их он, конечно, не мог быть. Я сам, разбирая тексты, еле понимаю кое-что в них...».

Опубликовано в книге С. Лесного «История русов в неизвращенном виде». Вып. 10, Париж, 1960.

II. Независимые свидетельства

Критики Ю.П. Миролюбова из советской академической среды сочли всю историю нахождения дощечек «Книги Велеса» вымыслом Ю.П. Миролюбова, саму же фигуру полковника Ф.А. Изенбека они также почитали легендарной.

Сомнения вначале были и в эмигрантской среде. Так, расследованием этой истории занялся еще в 60-х годах сотрудник журнала «Жар-птица», бывший деникинец и марковец Павел Тимофеевич Филиппев. Кстати, ему показалось, что Юрий Петрович очерняет имя деникинского офицера и скрывает что-то важное (например, уничтожение дощечек женой Миролюбова). Ему, воевавшему в Марковской дивизии, не составило труда связаться с сослуживцами Ф.А. Изенбека, и так он получил свидетельства, независимые от показаний Юрия Петровича.

Теперь, в 2003 году, когда копии архивов Музея русской культуры из Сан-Франциско наконец поступили в Госархив РФ (г. Москва), среди них оказалась и переписка П.Т. Филиппева, касающаяся Изенбека и дощечек.

Ему отвечали: 1) Сергей Алексеевич Касьянов, знакомый Изенбека по Брюсселю, не раз бывавший у него в гостях; 2) Юрий Калянский и Дмитрий Корнилович Голбан, фронтовые друзья Изенбека; 3) Иван Эрнестович Лысенко, сослуживец Изенбека по 4-й марковской батарее; 4) полковник, марковец, Юрий Григорьевич Шевинский.

Эти письма дают нам некоторые новые подробности. Во-первых, никто из этих корреспондентов «дощечек» у Изенбека не видел, но никто и не отрицал, что таковые могли у него быть, учитывая скрытный характер Федора Артуровича.

Заметим, что их не видела даже супруга Юрия Петровича — Жанна Миролюбова, ни разу за все годы. Что уж тут говорить о друзьях и приятелях, или, скажем, о Сергее Алексеевиче Касьянове, почитавшим его своим другом в Брюсселе по той причине, что не раз заходил к нему в гости.

В октябре 1968 года с Касьяновым связался по телефону некий Н.К. Казаков, искавший следы дощечек в Брюсселе.

И он дал об Изенбеке следующую справку.

1) Показания об Изенбеке С.А. Касьянова, переданные Н.К. Казакову по телефону

Имя отца — Артур; мать по рождению Мария Михайлова. Родился Федор Изенбек в Петрограде 3 сентября 1890 года; был холост; профессия в Бельгии — художник-живописец. Скончался внезапно в полдень 10 августа 1941 года; полицейский протокол 11 августа 1941 года в 9.30 утра.

Изенбек — полковник Марковской артиллерийской дивизии; офицер и Георгиевский кавалер 1-й Мировой войны. Честный, всегда готовый к услугам, очень культурный. Между прочим, написал трактат-исследование о влиянии монгольской культуры на русскую, изложенную хорошим русским языком. Жил богемной жизнью, питался плохо и скудно, ослабевал, быстро хмелел от выпитого алкоголя (пива)...

Из письма Н.К. Казакова от 8. 10. 1968, посланного из Брюсселя в Сан-Франциско (Госархив РФ, Фонд 1014, оп. 80, рул. 2, кадр 152).

Это письмо подтверждает показания Ю.П. Миролюбова, как о самом Изенбеке, так и о его заболевании, но не дает ничего нового о самих дощечках. Затем Филиппеву через Н.К. Казакова удалось также связаться с сослуживцами Изенбека по Марковской батарее — Юрием Калянским, артистом, жившим в 1968 году в Мадриде, и с его приятелем Д.К. Голбаном.

2) Показания об Изенбеке Ю. Калянского

...Это верно, что я был с Изенбеком неразлучен, мы всегда в бою были вместе. Думаю, что если бы мы нашли «дощечки», это сохранилось бы в моей памяти, в особенности при их исторической ценности...

Изенбек был ранен в Таврии и был вывезен из России (вместе с госпиталем) его другом Голбаном без вещей каких-либо. Поэтому у меня встал вопрос: не приобрел ли Изенбек дощечки где-нибудь в Болгарии или в Сербии?..

Из письма Ю. Калянского из Мадрида в Брюссель (Госархив РФ, Фонд 1014, оп. 80, рул. 2, кадр 139).

Что следует из этого показания? Во-первых, Ю. Калянского не было в тот момент, когда Изенбек нашел дощечки. Но не всю же военную компанию он был с ним рядом.

Неясно и показание о Голбане. Здесь не заявлено прямо, что этот Голбан лично был в момент эвакуации на корабле вместе с Изенбеком.

Не сказано ничего и о состоянии в тот момент Ф. Изенбека, ведь по рассказу Ю.П. Миролюбова (а тот пересказывал слова Изенбека) тот получил дощечки в последний момент перед отправлением. Это только пересказ с пересказа и неясно чей, давний или недавний.

Но все же, скептики получили косвенный аргумент, что драматическая история о том, как Изенбек получил мешок с дощечками от денщика И. Кошелева в момент отправки корабля и при том угрожал парабеллумом капитану, — может быть и новосочиненной...

А если так, то кем? Очевидно, не Ю.П. Миролюбовым, а Ф.А. Изенбеком. Почему это представляется логичным? Да потому что в разных пересказах Ю.П. Миролюбова эта история выглядит несколько различно. И можно предполагать, что и сам Юрий Петрович не совсем верил в нее, ибо слышал ее от вечно хмельного Изенбека, преукрасившего свои заслуги по спасению «дощечек».

К тому же в 2003 году, после получения новых материалов из сан-францисского архива Ю.П. Миролюбова, стали известны новые подробности. Выяснилось, что вплоть до 1941 года

Ф.А. Изенбек о происхождении «допечек» предпочитал не распространяться, либо «темнил», очевидно опасаясь, что о правах на них заявят бывшие хозяева.

Вначале, после настойчивых расспросов Юрия Петровича, он как-то даже сказал, что, мол, «нашел их среди всякого хлама, продававшегося с молотка». А на вопросы, где и как, не отвечал ничего.

И только будто бы перед самой смертью Изенбек вдруг заговорил о другом, — о том, что нашел их в какой-то усадьбе *«то ли Донских, то ли Донцовых, а может быть и Куракиных...»*. Не исключено, что это было заявлено чуть не в бреду перед самой смертью.

Однако есть и серьезные аргументы в пользу правдивости этой истории. В наследстве, перешедшем Миролюбову, оказалась и книга о Тамерлане с экслибрисом библиотеки Задонских. Она до сих пор существует и находится в Аахене у Жанны Миролюбовой (по свидетельству Валентина Гнатюка, бывшего у нее в 90-х годах).

Так что показание А. Калянского о полном отсутствии багажа у Ф.А. Изенбека при эвакуации из Крыма не соответствует действительности, уж эту-то книгу он точно вывез, да и не только ее, о чем далее. А это заставляет сомневаться и в прочем, тем более что сам Калянский лично при эвакуации госпиталя не присутствовал.

Еще более негативно оценивал личность Ф.А. Изенбека другой его сослуживец, полковник Юрий Григорьевич Шевинский. Он не являлся его другом, и выложил все на чистоту с прямоотой старого военного.

3) Показания об Изенбеке Ю.Г. Шевинского

Милостивый государь! Наконец, собрался с данными, чтобы Вам ответить на Ваш запрос, видимо, столь интересный для исторических наук нашей Родины.

Действительно, я служил в одной батарее с Ф.А. Изенбеком и прибыл в батарею вместе с И.Э. Лысенко в конце сентября 1919 года, когда она только что зашла в с. Куракино при станции того же наименования... В дальнейшем, при

наступлении на Орёл и занятия его и после отхода на Ростов, я в большинстве случаев был отдельно с полком Изенбека. Как вообще расходился с ним по ряду его действий и поведения, в частности в любви к напиткам и кокаину.

Что он, а точнее два лица его окружавшие, могли иметь и взять в библиотеке, не помню совсем. Да это меня и не интересовало, ибо служил исключительно делу и нигде ничего не искал, кроме большевиков.

Мною была запрошена Бельгия, куда в результате своего поведения Ф.А. Изенбек от нас был переведен. Ранее он жил в Белграде, где был связан с кругом великого князя Кирилла Владимировича, агитировал за него. После появился в Париже в сопровождении своего приятеля и все делавшего от имени его Юрия Калянского. Затем переехал в Брюссель, где и умер.

Мне ответили, что у него что-то осталось для нас важное, — материалы для Истории Марковской артиллерии, ему не принадлежавшие, и им задержанные, но все это пропало. Скончался он в 1941 году.

Ф.А. Изенбек уехал из Югославии в 1923 году, где в Париже я его и Калянского Юрия встретил. Но оба они уже были вне нашей жизни... Образ жизни Ф.А. Изенбека порицался и в газете. То, что он делал в Бельгии, не знаю, и как существовал все лично не знаю. Для нас он не существовал.

Письмо, посланное П.Т. Филиппеву из Парижа в Сан-Франциско 18 июля 1966 г. (Госархив РФ, Фонд 1014, оп. 80, рул. 2, кадр 452).

Итак, Шевинский также не видел дощечек, но при этом утверждал, что именно у Ф.А. Изенбека оказались архивы Марковской дивизии. Из этого, по крайней мере, следует, что Изенбек все время, еще со времени Гражданской войны, возил с собой документы, книги и т.п.

Показания Шевинского о том, что Изенбек был болен не только алкоголизмом, но также являлся и наркоманом-кокаином, подтверждаются документами, представленными И.Э. Лысенко. О том же недавно нам рассказала и Жанна Миролубова. Этим обстоятельством и объясняется вполне вся странность его поведения по отношению к «дощечкам».

Последнее и, думается, очень важное свидетельство о библиотеке Ф.А. Изенбека П.Т. Филиппев получил от со-

служивца Изенбека по 4-й Марковской батарее Ивана Эрнестовича Лысенко. Он передал Филиппьеву «волноперский-кадетский батарейный журнал», рукописный «Журавль», времен Гражданской войны. И в нем оказалась шуточная песенка об Изенбеке.

4) Показания о библиотеке Изенбека из батарейного журнала Марковского дивизиона «Журавль»

Наступил 20-й век,
появился Изенбек,
пил он водку, керосин...

Далее строчка в журнале была пропущена, но по показанию И.Э. Лысенко куплет завершался следующим: «нюхал также кокаин».

Захотелось Изенбеку,
основать библиотеку.
К нам в вагон он раз пришел,
и такую речь повел:
«Ящик я велел запрятать,
и закрыть и запечатать —
на мои же приказанья
нету должного вниманья.
Если только захочу,
весь вагон расколочу.
Убирайтесь все к чертям,
и командуй каждый сам!
Место я себе найду —
Возьму шапку и пойду!..»

Госархив РФ, Фонд 1014, оп. 80, рул. 2, кадр 465.

Из этих показаний следует, что с Изенбеком в Гражданскую войну всегда был запечатанный ящик с его библиотекой. Полковник, под началом коего ходило несколько тысяч солдат, перевозивших артиллерийские пушки, кухни и т.п., вполне мог себе это позволить. И это вызывало даже шутки со стороны его сослуживцев. Все это косвенно подтверждает и картину находки «дощечек», согласно показаниям Ю.П. Миролубова.

Явление «Книги Велеса»

Как «Книга Велеса»

вырвалась из плена веков

Подведем итог и расскажем о том, как дощечки «Книги Велеса» вышли на свет и стали доступны для изучения. Это произошло уже за границами России, куда они попали в багаже Ф.А. Изенбека.

Конечно, мы точно не знаем, каким был путь Изенбека после отплытия из Феодосии. Мы не знаем, был ли он в Софии, но мы уже точно знаем, что он был в Гелиополе, а затем в Белграде в 1923 году.

Потом, после долгих мытарств по Европе, Изенбек обосновался во Франции, в Париже, где в то время осело немало сослуживцев полковника, собравшихся «под гелиопольским крестом».

Вот каким виделся Париж того времени украинскому историку В.В. Цыбулькину:

Под кронами деревьев на Елисейских полях, как свидетельствовали современники «тяжких лет», «бывшим русским» приходили неоднократно на ум слова В.Г. Белинского: «Мы — люди без отечества — нет, хуже, чем без Отечества: мы люди, которых Отечество — призрак, и диво ли, что сами мы призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремления, наша деятельность — призрак». Империя рухнула, а ее «осколки», блуждая в поисках лучшей жизни по миру, находили успокоение только под плитами на многочисленных русских кладбищах, унося с собою в чужую землю боль поражения и чувство вины за «проигранную Россию». Именно в кругах эмиграции с особой остротой прозвучала идея «града Китежа», символами которого были Православие, русский язык и кириллица, бережно сохраненные поколениями «российского зарубежья» до сих пор...

Если бы в Париже Ф.А. Изенбек стал искать контактов со специалистами по славянским древностям, то он мог бы обратиться в Парижский университет к известному слависту Вайану или же к русскому историку П.Е. Ковалев-

скому, который как раз тогда, в 1926 году, получил степень доктора исторических наук и писал свой «Курс русской истории».

Но достоверных сведений о том нет. Правда, впоследствии П.Е. Ковалевский вспоминал, что слухи о «дощечках Изенбека» к нему доходили еще до войны, потому ему и не показалась история о находке Изенбека невероятной. К тому же П.Е. Ковалевский некоторое время работал и в Брюсселе у профессора А. Экка, где о дощечках знали из первых рук.

Мы не ведаем, надолго ли задержал «бурлящий страстями» Париж Ф.А. Изенбека. Известно только, что в 1925 году он уже переехал в Брюссель, где он устроился, наконец, на работу: стал художником по коврам в текстильной фабрике фирмы «Тапи» («Ковер»).

В 1927 году он уже живет в «русском квартале», в пригороде Брюсселя Юккле, на углу Брюгманн-авеню и улицы рю-Бесм, и, по счастливой случайности, совсем рядом с другим эмигрантом Ю.П. Миролюбовым, любителем истории, талантливым, но непризнанным литератором, работавшим в то время на химическом предприятии. Именно ему Изенбек и поведал о хранившихся у него деревянных дощечках.

Потом, в 1996 году, к вдове Ю.П. Миролюбова, бельгийке Жанне Миролюбовой (русские её звали Галиной Францевной), приезжал украинский велесовед Валентин Сергеевич Гнатюк.

Он показал ей известную фотографию Ф.А. Изенбека, и фрау Жанна поделилась с ним воспоминаниями о том времени и об Изенбеке:

«...Да, мы жили в Брюсселе на одной улице. У нас была Брюгман-авеню № 510, а у Изенбека № 522. Он часто бывал у нас, а мы с Юрой у него...

— Юрий Петрович с Изенбеком часто говорили о древних дощечках?..

Галина Францевна беспомощно развела руками.

— Не знаю, они ведь говорили между собой по-русски...

— А каким был Изенбек?

Жанна Миролубова и В.С. Гнатюк. Аахен, 1996

— О-о, это был высоко интеллигентный, очень культурный человек! Красивый внешне, голубоглазый, ростом небольшой, сухощавый. Но какой сильный характер! Много говорить не любил, часто бывал угрюм, даже резок. Вино любил. Юра почти не пил, а если случалось, то быстро пьянел. А Изенбек пил много, да еще употреблял кокаин, к которому пристрастился в последние годы Гражданской войны... — понизив голос сказала Галина Францевна.

— Но он был великолепный художник! — добавила она. — Очень много работал. Свою квартиру — гораздо больше нашей — почти всю превратил в мастерскую, для себя оставил только крохотную комнатку-нишу, где была железная кровать, стол, стул и печь, которая топилась углем...»

В этой мастерской в 1928 году Ю.П. Миролубов впервые и увидел дощечки из разграбленной усадьбы Задонских⁵. И он сумел оценить их значение.

⁵ Кстати, некоторые книги XIX века из библиотеки этой усадьбы видел у Ж. Миролубовой в 1996 году и Валентин Гнатюк.

Кто такой был Ю. П. Миролюбов?

Родился он в семье священника 30 июля 1892 года в городе Бахмут Екатеринославской губернии Бахмута (ныне г. Артемовск, Украина). Мать его, урожденная Лядская, происходила из известного запорожского казачьего рода. В детстве он соприкоснулся со старинной казачьей традицией, с остатками «ведизма» на юге Украины, о чем он много писал в зрелые годы. Тогда же родители и первые учителя приучили его записывать старинные предания, казачьи песни.

Начал образование он в духовном училище, потом перешел в гимназию. Там он изучал церковно-славянский, латинский и древнегреческий языки, но от того обучения, как он жалел потом, мало что осталось в его памяти. По окончании гимназии он учился в Варшавском и Киевском университетах, где получил медицинское образование.

В Первую мировую ушел добровольцем на фронт, воевал в чине прапорщика. В Гражданскую войну был в рядах вооруженных сил Центральной Рады, потом служил в войсках Деникина. К белым он присоединился, потому что большевиками был расстрелян его родной брат Николай, белый офицер.

Перед смертью Николай просил Юрия создать поэму «Песнь о Святославе Хоробре князе Киевском» и посвятить эту поэму ему, ибо светлый образ победителя хазар вел его в бой с большевиками, «новыми хазарами», поработившими Русь. Впоследствии именно необходимость создания «Песни», и в связи с этим осознание важности глубокого изучения русской праистории, и привели Юрия Петровича к работе с дощечками «Книги Велеса».

После разгрома белых армий, в 1920 году, Юрий Миролюбов эвакуировался вначале в Египет, где участвовал в экспедиции в Центральную и Южную Африку. Там он заболел и чудом остался жив. Болезнь суставов «артрит» затем мучила его всю оставшуюся жизнь. В том же году он уехал в Индию, был проездом в Калькутте, где он навеки «заболел» ведической культурой, был потрясен индийскими храмами, обычаями, письменами.

Потом он искал прибежище в Турции. В 1921 году, при посредстве еще работавшего в Турции российского консульства, переехал в Чехословакию. Он поступил в Пражский университет, и там он получил специальность инженера-химика и степень доктора наук. Одновременно он посещал лекции известного чешского слависта Любора Нидерле, помня об обещании брату создать поэму о Святославе.

В 1924 году Ю.П. Миролюбов переехал в Бельгию, поступил на работу в химическую лабораторию Лувенского университета. В Брюсселе он нашел также не слишком доходное место на одном из предприятий металлургической промышленности Бельгии.

Юрия Петровича не оставляла мысль об обещании, данном брату. И он часто жаловался, что трудно найти материалы для поэмы. Не искал ли он в сем оправдания для своего бездействия? Годы уходили, а к работе над поэмой он так и не приступал... Он понимал, что в Бельгии и Франции русская история и поэзия были интересны немногим. Эта поэма, будучи написанной, скорее всего должна была остаться невостребованной... Что потом и произошло.

Но обещание, данное покойному брату, не оставляло его в покое. И стоило только оказаться к кругу своих соотечественников, как Юрий Петрович невольно вновь начинал жаловаться на невозможность выполнения клятвы... Ведь связи с Россией, где необходимые материалы о язычестве были в изобилии, прервались. Поэма, за которую он время от времени садился, чтобы унять боль, не шла...

В то время в Брюсселе эмигранты собирались в так называемом «Русском клубе». Согласно воспоминаниям учредителя клуба Зинаиды Шаховской, члены его *«культурными запросами не страдали, и кроме политических, узко эмигрантских докладов... никто не устраивал других, за исключением, как раз в 30-х годах, евразийцев, дружно ненавидимых той же русской общественностью. Евразийцы устраивали лекции Бердяева, Вышеславцева, Карсавина, обычно сопровождавшиеся протестами несогласных слушателей. Иногда доклады читались у нас на дому, как, например, профессором Экком, специалистом по*

русскому средневековью» (воспоминания Э. Шаховской можно найти в журнале «Наше наследие». — 1990, № 2. С. 91).

На встречах в сем клубе и сошлись два бывших деникинских офицера Юрий Петрович Миролюбов и Федор Артурович Изенбек. Им было о чем поговорить и что вспомнить. Изенбеку в очередной раз и пожаловался поэт... Но Изенбек, крайней нелюдимый, недоверчивый, немногословный будто приглядывался к новому знакомому. И так продолжалось... три года!

Очевидно, Али Изенбек, страдавший наркоманией еще со времен Гражданской войны, то есть около 10 лет, жил тогда уже в каком-то своем фантастическом мире. Грезами были переполнены и его картины. Этими картинами и сейчас заполнена небольшая квартирка Жанны Миролюбовой в Аахене. В них восточные мотивы переплетены с русскими, много фантастических пейзажей, заоблачных райских садов, древних городов, есть и образы богородицы, а также обнаженные, смуглые восточные красавицы, полубогини... Изенбек обладал сильной личностью, к тому же его восточная кровь более устойчива к употреблению наркотиков, чем кровь чистого европейца. Но и его здоровье шло к неизбежному разрушению, личность деградировала. Рукопись его, посвященная войнам Чингисхана и Тамерлана, осталась незавершенной. Да и сам Изенбек стал путаться в русской речи...

А время шло. Только в 1927 году Ф.А. Изенбек как-то раз пригласил к себе в мастерскую Юрия Петровича. Соотечественники беседовали тогда довольно долго в ателье на «рю Бесм» среди холстов и красок.

Изенбек снова приглядывался к старому знакомому, который опять жаловался на отсутствие материалов о язычестве...

Будто провидение, оберегая «Книгу Велеса», устроило сию встречу, исподволь подвело к ней... Как будто сама «Книга Велеса» запросилась тогда на волю из нового плена, стремясь спастись от человека, гибнущего среди наркотических грез.

И тогда Изенбек вдруг указал Миролюбову на лежащий в углу мастерской мешок: «Вон там, в углу, видишь мешок? Морской мешок? Там что-то есть...»

Юрий Петрович развязал этот мешок и... там оказались «дощьки», связанные ремнем, пропущенным в отверстия. Это были «дощьки» с древними славянскими письменами!

Ю.П. Миролюбов позже вспоминал: «Дощьки были приблизительно одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем попорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло, поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева. Изенбек думал, что «дощьки» березового дерева. Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой... Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью. Каждый раз для строчки была проведена линия, довольно неровная. Текст был писан под этой линией... На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку «дощек». В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу было видно, что это многосотлетняя давность. На полях некоторых «дощек» были изображены головы быка, на других солнца, на третьих — разных животных, может быть, лисы или собаки, или же овцы. Трудно было разобрать эти фигуры».

«Дощьки» потрясли Ю.П. Миролюбова. Ни с чем подобным он еще не сталкивался.

«Я... смутно предчувствовал, — вспоминал Юрий Петрович позднее, — что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории... Думаю, что сам Изенбек не понимал истинного значения «дощек», но считал, что они представляют известный интерес. Как участник археологических экспедиций он не мог не знать их значения, но ближе ими не интересовался, хотя и

был до крайности ревнив к ним, никому их не показывал. Даже мне он показал года через три нашего знакомства!..»

А сам Ю.П.Миролюбов? Сразу ли он понял их значение? И оценил ли до конца?

У него не было систематического исторического и археологического образования (в отличие, скажем, от того же А. Изенбека). Он был только непризнанным поэтом, начинающим писателем. И он вовсе не осознавал поначалу, что именно на его плечи судьба возложила ответственность за спасение сего манускрипта.

Потом его часто обвиняли в том, что он не все сделал так, как следовало бы. Но подумайте, а вы? Лично вы! Как бы поступили в таком случае? Представьте, что у вашего странно-ватого соседа появился некий непонятного происхождения документ, к которому тот никого не допускает, да и вам показал только по дружбе. И при этом вы не историк, ни археолог, а только интересуетесь стариной, ну и пописываете иногда после работы... Какие шаги вы предпримите?

Большинство не предпримет ничего! Так что мы должны быть благодарны тому, что все же нашелся «чужак», Ю.П. Миролюбов, который сделал то, что он сделал.

Первая мысль, которая в таком случае приходит: этим должны заниматься специалисты. Также думал и Ю.П. Миролюбов. И он честно делал то, что было в его силах для этого. Но, к сожалению, и мой опыт говорит, что очень немногие дипломированные историки в такой ситуации ведут себя лучше любителей.

И дело здесь не только в «Книге Велеса». С тем же холодным невниманием со стороны «авторитетов» (ложных, разумеется) сталкиваешься, когда речь заходит о спасении рунической славянской письменности, литературы, памятников искусства.

И мы можем видеть, что со времен Миролюбова и поныне в огромной многомиллионной России не нашлось ни одного человека, обладающего средствами, или организации, которые бы взялись субсидировать поиски и спасение реально существующих древних славянских памятников

письменности, истории, культуры. И всё поныне приходится делать полунцим ученым и энтузиастам, которые верят, что так, чем могут, служат России...

Так что интерес Ю.П. Миролюбова, пусть сугубо личный, это всё, на что могли рассчитывать «дощечки» в то время. Да, приходится признать, они были для него по большей части только «материалом» для собственных литературных опытов...

Именно тогда Ю.П. Миролюбов, наконец, приступил к созданию давно задуманной и выстраданной поэмы «О Святославе Хоробре князе Киевском»:

Святославъ Князь Хороберъ есть!
А и вопиша ему славу на Торжище,
а среди улицы Киевския,
а вельмы кричаше, а мечи вздынаяй...

Созданный «под древность» язык, небывалые и неблагозвучные формы слов («вздынаяй»), отсутствие чувства стиля («вопиша славу») всё это характеризует Юрия Петровича Миролюбова, как обычного начинающего автора и как человека, имеющего своеобразные и туманные представления о языке.

Старославянский он к тому времени основательно забыл, пособий под рукой не было. По сути он здесь просто занимался словотворчеством. Это была игра, которая его занимала. В конце-концов, от подобной страсти он излечился, когда наконец стал печататься, а ту поэму он писал не для читателя, а... «для брата», чтобы исполнить обет. Потому он затем так и не решился опубликовать ее, когда для того представилась возможность.

Но поэма эта все же имеет для нас некоторый интерес, ибо в ней мы находим и выражения «из дощек». Характерное для раннего Миролюбова «переплетение словес» красноречиво свидетельствует, что Ю.П. Миролюбов пытался писать на языке «Книги Велеса», так как он его представлял.

Но все же этот подход изредка давал и в самом деле вдохновенные строки (если это не цитаты из неизвестных еще нам или несохранившихся «дощек»).

А бысть еще Велесъ-Бога день,
а тому бысть славление в радости...
А и Богу тому песни поюща,
выводяй скотину въ ноци Русичи...
а Стада Згвездные въ Сварзе зряти,
яко пастырь тех Велесъ Богъ есть...

Смущает здесь явное смешение разновременных языковых форм, грамматические ошибки. Но образы!

Как тут не вспомнить о том, что и в «Книге Велеса», в «Прославлении Триглава», есть строки «А тому поема песнема», и это о третьем лике Триглава, о Святовите... но, если подумать, ведь и о Велесе также! А в другом месте «дощек» Велес идет вместе с Небесною Коровою Земун «во Сварзе»... И вот здесь Миролюбов его видит пастырем звездных стад. Как точно! И как жаль, что обрамляют сии поэтические строки гораздо более слабые...

Да, Юрий Петрович работал над поэмой. И иногда его согревал огонек истинного вдохновения. Потому он и возвращался в мастерскую Изенбека и вновь искал вдохновения у «дошек», любовно переписывал их, сверял текст, пропитывал укрепляющим составом. Эта копия для него была не просто копией. Что бы он потом ни писал, но очевидно, что сам процесс копирования, перебирания «дошек», был ему важен. Это и было его «медитацией».

И, кстати, к такому занятию его еще в детстве приучала мать, когда он переписывал «сказы» своей няни. Очевидно, что такое занятие напоминало ему детство, грело душу...

И к тому же теперь, после изучения поступивших в 2003 году в ГАРФ архивов Музея русской культуры, стало ясно, что Ю.П. Миролюбову еще в 1928 году пришла мысль сделать пересказ-переложение текстов дощечек. Он их не только переписывал, но и сопровождал пояснениями и попыткой собственного перевода.

Несколько листков с такими текстами сохранились. По ним ясно, что Миролюбов угадывал только самый общий смысл текстов, но в общем они ему казались чуть не бес-

смысленными. И это неудивительно, ведь у него не было под рукой даже пособий и словарей старославянского языка, не говоря уж о том, что до открытий в древнерусском языке, древненовгородском диалекте, последовавших после нахождения берестяных грамот, еще оставалось тридцать лет.

Тогда же, в 1928 году, он составил и литературный пересказ нескольких отрывков из «дощечек», что показались ему более ясными. Некоторые из тех пересказов, а точнее — литературных фантазий на тему «дощечек» — попали в тот же год к любителю старины и историку Александру Куренкову.

Об этом А. Куренков вспомнил в 1953 году, когда составил воззвание с призывом найти эти тексты и привел два коротких отрывка из сохранившихся у него миролюбивских переложений. Эти переложения интересны лишь тем, что в них упоминается некая «полуденная земля», где жили славянские племена в «исконные веки», да еще враждебное славянам племя «дасуни». Далее эта публикация и письмо будут полностью приведены, здесь же отмечу, что сам Куренков датирует получение этих текстов 1928 годом.

Фразы из приведенных А. Куренковым отрывков стилистически малограмотны, они уже показывают, в каком ключе была сделана эта работа. Это только несколько небрежный литературный опыт.

Их литературная беспомощность впоследствии стала очевидна и самому Ю.П. Миролюбову, и потому он по просьбе А. Куренкова эти записи без всякого сожаления уничтожил, «чтобы в них не копались». И, полагаю, был совершенно прав.

Впрочем, есть основания полагать, что они все же были сохранены и пересланы Куренковым в архив библиотеки конгресса США с указанием «открыть через пятнадцать лет после моей смерти».

Вот для этих-то собственных литературных опытов Ю.П. Миролюбов и сделал копию текстов дощечек, очень

тщательную транслитерацию. Однако, по его собственному признанию, не всех манускриптов, а лишь тех, что показались ему интересными в литературном отношении.

Он также сообщил, что в коллекции Изенбека были еще и записи назначения хозяйственного. Возможно, речь идет о текстах «Перуна и Велеса вещаний», где, согласно каталогу А.И. Сулакадзева, были также и изображения жертвоприношений и золотых монет, платившихся в божницу и жрецам. Разумеется, это лишь предположение. Так или иначе, но нескопированные рукописи так и остались никому неизвестными.

Не удалось Ю.П. Миролюбову также и сделать «механическую» копию текстов дощечек. Он смог только переписать тексты, когда это ему позволил Изенбек.

Как гибли дощечки...

Работать с дощечками Юрию Петровичу было, конечно, трудно. Ф.А. Изенбек редко допускал к ним. Обычно минут на пятнадцать, перед тем, как отправиться в кабак. Изенбек стремился тогда перебить свое пристрастие к кокаину заоями.

Да и Юрию Петровичу нельзя было вызвать подозрений, и ему приходилось следовать за Изенбеком, а пить он не любил. И раздражение таким вынужденным проведением времени подсознательно переносилось на сами дощечки...

Да, было именно так!.. Он страдал и думал, полагаю примерно таким образом: «Зачем он ходит туда? Что его так тянет? Редкие вспышки вдохновения? Но не гибнет ли он сам, понемногу спиваясь вместе с несчастным Изенбеком?»

Однако, были и дни, когда Изенбек оставлял Юрия Петровича наедине с дощечками, запирали его в своей мастерской. Запирал? Значит, не доверял и ему, единственному близкому человеку, коему потом он завещал все свое состояние.

Раз он оставил Юрия Петровича запертым в мастерской на двое суток. Запер и забыл, он мог бы там и погибнуть, если бы

Изенбек потом случайно не вернулся за какими-то бумагами... Но все же двое суток Юрий Петрович мог сидеть и спокойно копировать, переписывать тексты дощечек...

Судя по воспоминаниям, раздражение его нарастало, да и поэма не очень складывалась. «Труд этот адский! — сокрушался он потом. — Надо было не ошибиться, надо было правильно прочесть, правильно записать... Одна дощечка брала у меня месяц! Да и после я еще сверял текст, что тоже брало много дней...».

Шло время, работе не видно было конца, а смысл записанного оставался темен. И вот уже пыл начинающего историка и поэта начал остывать: того, что он искал, в текстах не оказалось. «Я ждал не того! — вспоминал потом Ю.П. Миролюбов. — Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, описания династий князей, и всякого такого материала исторического, какого в них не оказалось».

Все это было, но Миролюбов сего так и не сумел понять. До конца своих дней!

И вот Юрий Петрович стал сомневаться в ценности дощечек. Ну и что ж, что древние! А если в них ничего нельзя понять? А если в них нет ничего?

Впоследствии он даже назвал создателя сей книги «борзописцем», она начала вызывать у него раздражение. Столько сил, здоровья, потрачено «впустую»!..

К тому же материала, связанного с именем Святослава, о коем он мечтал создать «сказ», в «дощечках» не оказалось. А это дело для Миролюбова было главное, личное, для этого он и работал с «дощечками». Ему они нужны были только для погружения в «реалии» древности, для вдохновения. И он вовсе не помышлял о «научном» издании текстов самих «дощечек». Это не его дело. Да и кто он такой?

Да и, может быть, этого и вовсе делать не стоило, полагал он. Он сам, православный, а язычники — антихристиане, как и большевики.

И вот перед глазами стоит живой пример: Константин Николаевич Платунов. Бывший сотрудник В.И. Ленина,

и по определению Миролюбоба «террорист-экспроприатор». С ним Миролюбов часто встречался в Брюсселе.

Кстати, личность примечательная. К.Н. Платунов был родом из Вятки, и по вероисповеданию — язычник. Посвящение получил от некого А.Н. Никифорова из Казани. Кстати, для Поволжья это дело совершенно обычное, ибо и сегодня здесь сотни тысяч язычников-традиционалов.

Из «Дела Н.К. Платунова», имеющегося в архиве Музея русской культуры (ГАРФ, фонд 10143, оп. 47, рул 9. кадр 350 и далее), следует, что он во время революции 1905 года участвовал в террористической деятельности, останавливал и грабил поезда, убивал полицейских и почтовых служащих. Затем руководил революционным отрядом, тремя тысячами повстанцев на Урале. После поражения революции бежал в Швейцарию и вошел в ЦК РСДРП, был одним из ближайших сотрудников В.И. Ленина. В 1910 году он потребовал у «пролетарского вождя» их партийную кассу будто бы для продолжения борьбы и освобождения террористов. В.И. Ленин кассу не дал под предлогом, мол, «денег нет, батенька», тогда Н.К. Платунов, угрожая ему оружием, кассу отнял, после чего сбежал с немалой суммой и заодно покинул большевистскую партию.

Он переехал в Бельгию и основал здесь свою партию: Союз Русских Браманистов. Кстати, аббревиатура (СРБ) повторяет аббревиатуру партии социал-революционеров большевиков. Он поставил задачу создать собственное антихристианское учение, которое будет «сильнее марксизма», соединив русское язычество с индийским браманизмом, а также... со спиритуализмом. Основал издательство «Золотой Век» и выпускал политические брошюры. Кстати, весьма напоминающие по содержанию те, что ныне публикуют у нас неоязычники, воюющие с «жидо-христианством».

Например, в брошюре «*Audi alteram partem — выслушай противную сторону* (лат.)» (Брюссель, 1938) он дал программу своей партии, поставил задачи и т.п. По ним видно, что у него и в самом деле имелась явная мания преследования, он заявлял о травле, провокациях и возможном его убийстве, что вряд ли имело место быть в мирной Бельгии. Также он

заявил о имеющемся у него «тайном архиве», доставшемся ему от «посвященного» в мистерии Алтын-тага (это холм на месте арийского города бронзового века в Туркестане) А.Н. Никифорова.

Этими архивами одно время интересовался и Ю.П. Миролюбов, но все эти «тайные архивы» оказались заурядным и бесталанным новоделом, маловразумительными писаниями о неких загадочных «тангутских ригах».

Впрочем, стихи А.Н. Никифорова, вполне достойны того, чтобы быть переизданными в одном из современных неоязыческих журналов, тем более, что им уже почти сто лет. Вот пример, гимн «Агни Фаланга», показывающий нынешним поэтам-неоязычникам, что ничто не ново под луной:

Мы — Агни Фаланга, мы Свет несем!
 Темные силы мы в прах разобьем!
 Веет Стрибог, Перун гремит!
 Хищников стая на пир летит!..
 Да сгинет власть тьмы, да здравствует свет!
 Да паки воспрянет Сварога завет!..
 Да содеют единство Словянских Племен,
 Тайны Веще-Древних времен!
 Да возвысится вновь Велес-град до небес,
 Да вернется пора жизни, полной чудес!
 Воины-братья, смело вперед!
 Хорос, Бог воинств, нас в бой поведет!

А.Н. Никифоров (Казань, 1908 г.)

Ну как было такому «язычнику» говорить что-то о дощечках? Во что бы это превратилось, какой уголовщиной бы кончилось? Он же вооружен и неадекватен. Потом, уже в 60-х годах, Платунов в письмах в Музей русской культуры, униженный тем, что ничего не знал о «дощечках», кои, оказывается, были просто под рукой, вылил на Миролюбова немало грязи.

Он утверждал, что «дощечки» копировались Изенбеком, а не Миролюбовым. И что дощечки были Миролюбовым выкрадены у умирающего Изенбека и, вероятнее всего, затем уничтожены на его квартире, и что Юрий Петрович Миролюбов бежал в США именно от него, Платунова, ибо он думал его покарать, неясно, правда, за что... Здесь виден прозрачный намёк на то, что эти дощечки имеют

отношение к Платунову (выкрадены из «тайного архива» его партии, что ли?). Но прямо заявить о том, он всё ж не решился.

И я не исключаю того, что «версия Платунова» всплывет теперь и у нас, ибо даже в США нашлись у нее сторонники. Эта версия живо обсуждалась в белоэмигрантской печати.

Вот ведь какая судьба... Дощечки были в Бельгии рядом с неоязычниками. Но те оказались их недостойны. Достойны ли «дощечек» наследники Платунова? Не думаю, ведь они и теперь впутывают «Книгу Велеса» в мимотекущую политику (причем каждый тянет ее на сторону своей партии, не зависимо от того — правые это, левые, либералы или националисты и т.п.).

И, разумеется, Ю.П. Миролюбов, не смотря на то, что был знаком с Платуновым и обращался к нему по поводу изучения его «тайного архива», никогда и ничего не говорил ему про дощечки. И в конце концов просто стал его избегать. «Он преследует странную русской точки зрения позицию: борьбу с христианством!», — писал он в 1953 году А. Куру. И этого оказалось достаточным, чтобы Ю.П. Миролюбов прервал с ним всякие отношения.

Более того, живой пример такого воинственного бывшего большевика, и при том еще и «язычника», привел к тому, что Юрий Петрович, не смотря на осознание важности текстов «дощечек» для истории России, вовсе не спешил их немедленно обнародовать. Может быть, потому он не стремился и к тому, чтобы делать полную точную копию.

Еще неизвестно — что там, но уже ясно, что такие люди как Платунов поднимут эти тексты на щит, присвоят себе, своим партиям, сектам и т.п. А в той политической обстановке это приведет к новому раздраю.

Словом, у Миролюбова порою руки опускались. Стоит ли работать... И для чего? Кому эта работа будет нужна? И только старое казачье воспитание, боль за историю родной земли, подвигло Миролюбова не бросить работу, не смотря на безумства Платунова, Изенбека и прочих.

Изенбек очень ревниво относился к «дощечкам» и не позволял даже своему ближайшему другу и наследнику Юрию Петровичу Миролюбову пригласить фотографа и скопировать их, дабы слух о дощечках не разошелся широко. Очевидно, он не без основания опасался кражи, либо претензий от наследников имущества усадьбы.

По воспоминаниям становится ясно, что Миролюбов иногда подумывал о том, чтобы тайно принести фотоаппарат, достать соответствующий объектив и самому сделать фотокопию, но так и не купил, и не достал, и не принес. Фотоаппарат для него стоил целое состояние. Все же жил он бедно, работы часто не было, а жена была секретарем-машинисткой, потом медсестрой...

Кстати, женился он в 1936 году, после двух лет знакомства с Жанной, немкой из старинного, но обедневшего дворянского рода, осевшего в Бельгии. Потом, до 1941 года, не раз и Изенбек бывал у Миролюбовых, да и Миролюбовы заходили в его мастерскую... Но ни разу Изенбек при Жанне Миролюбовой не показывал дощечек! Пять лет! Она ни разу их не видела. Можете спросить об этом у самой Жанны, она и сейчас жива, хоть ей уже больше девяноста лет. Не видела!

Ни сам Миролюбов, ни Изенбек не посвящали ее в эту тайну. Да и ныне, зная о «дощечках», она почитает гораздо более важными... стихи ее мужа! И это при том, что и их она ни понять, ни прочесть не в состоянии, ведь русский язык Жанна так и не освоила.

А что говорить о других! И вполне возможно, что к 1936 году все они просто-напросто позабыли о дощечках. Их тогда уже интересовало иное.

Это по-человечески понять можно. У Миролюбова была молодая жена (ей 27 лет, а Юрию уже 44 года). И она требовала, чтобы Юрий Петрович после работы сразу возвращался домой. Не очень-то она позволяла ему, как это было раньше, заходить к Изенбеку, ведь подобные «заходы» всегда заканчивались одним — походом в кабак. С тех пор Юрий Петрович заходил к Изенбеку, только сопровождаемый женой, «под присмотром».

И судя по тому, как она рассказывает ныне, Юрий совсем не мог пить, и потому почти не пил. Но это после женитьбы, а ранее, судя по письмам Юрия Петровича, все было иначе... И заметьте, несмотря на докторскую степень, мыкался, то он тогда всего-то лаборантом... К тому же он — непризнанный поэт... И женился-то, вызвав жалость у Жанны своими рассказами о нелегкой судьбе... А она зачитывалась Достоевским и видела себя чуть не Сонечкой Мармеладовой, которая должна спасти Юрия Петровича... И ведь спасла его... и, не ведая того, саму «Книгу Велеса»!

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы, сопоставив все факты, понять: Юрий Петрович и сам страдал тогда от алкоголизма. А причиной того был Изенбек, который использовал интерес Миролюбова к дощечкам только для того, чтобы тот составлял ему компанию... Очень горькая, но и очень русская история...

Да, становится все более очевидно, что сам Ю.П. Миролюбов не придавал «дощечкам», и тем более своей копии с них, слишком большого значения. Да и с чего бы это ему так уж сильно интересоваться этим? Он химик, его мучают болезни, безденежье... И у него случилась страшная трагедия, умер новорожденный сын... До того ли ему! Да и потом этим же должны заниматься специалисты! Люди, подобные Любору Нидерле...

Или вот приезжал профессор Дмитрий Вергун, с которым Миролюбов был знаком еще в Пражском университете, он посмотрел на копию «дощечек», восхитился... но у него уже был билет на пароход в Штаты. И вот он уже пишет из-за океана, требует, просит, умоляет Миролюбова, чтобы тот прислал ему копию... Но как ему понять проблемы самого Миролюбова. Чем требовать, прислал бы хоть доллар... Ничего!

А вот здесь, рядом, есть профессор Александр Экк, к примеру. Он известный историк, работает в Брюссельском университете. Ему это должно быть интересно. Специалист!

В самом деле... Вот он, Александр Экк! Он входит в тот же «Русский клуб». С ним знакомы и Миролюбов, и Изенбек. Кто он такой? По происхождению, фамилии, как кажется, финн. А может, швед? До 1917 года он преподавал историю в

Петроградском университете и уже тогда заработал известное научное имя. После революции оказался в Харбине, откуда его и пригласили на должность профессора в Брюссельский университет, на «византийское отделение».

И он до 1941 года преподавал историю в Брюсселе. Потом переехал в Бухарест и до 1953 преподавал там историю в институте Порга. Между прочим, там и остались его архивы, в том числе, возможно, и материалы, касающиеся «Книги Велеса»...

Кстати, сей А. Экк оставил после себя сильную научную школу в Брюсселе. Его ученик Жан Бланков, ныне известный ученый, перевел «Слово о полку Игореве» на французский язык. Жан жив и сейчас, я переписывался с ним, и он подтвердил то, что до войны о «дощечках» в Брюссельском университете знали все сотрудники А. Экка.

Тогда же Александр Экк написал книгу «Русское средневековье». Она вышла в Париже, в 1935 году. Его уважал и поддерживал сам Вайан, а в Бельгии Анри Грегуар. Он же в свою очередь устроил протекцию П.Е. Ковалевскому на место ассистента преподавателя русской истории в Брюссельском университете.

Правда, Александру Экку было уже за шестьдесят, родился он еще в 1876 году. Значит, он был уже тяжек на подъем, и мысли его закоснели. Такой вряд ли мог признать возможность существования «дощек». Да и был он слишком близко, чтобы не слышать о «причудах» Миролюбова и Изенбека.

Но к 1939 году репутация Миролюбова уже была восстановлена. Благодаря жене он уже три года не пьет. И тогда Миролюбов вновь сделал попытку «навести мосты» с наукой. Александр Экк, видимо, сам уже мало на что был способен. Известно, что сам он так и не сходил ни к Изенбеку, ни к Миролюбову. Но у него был ассистент, также выходец из России, молодой, тихий, но очень «хваткий» Марк Шефтель, российский немец. Ему, полагаю, А. Экк и поручил разобраться, о каких это «дощечках» говорил как-то Ю.П. Миролюбов.

И так в дело вступил этот самый «ассистент» Марк Шефтель. Он познакомился с Ю.П. Миролюбовым, переговорил

с ним и о дощечках, оставил свою визитную карточку... Тихий такой, незаметный человек. Потом уже в Штатах Ю.П. Миролюбов никак не мог вспомнить его фамилию. В голове крутилось что-то вроде Пфайфер (был такой знаменитый химик в Петербурге)... а может, Шеффел... И только случайно найдя его визитку среди бумаг, Юрий Петрович почел точное имя. А между тем некоторые велесоведы до сих пор ищут, и даже находят сего загадочного Пфайфера, или Пфейфера.

Так вот, судя по всему, сей плохо запоминающийся, серый человек, Марк Шефтель, вернувшись к А. Экку, тогда всю эту историю с «дощечками» преподнес как скучный и малопримечательный казус: речь, конечно же, идет о подделке. О чем же еще! Чудаки вы, право... И ему поверили. Да и как могло быть иначе?

Впрочем, так дело обстояло по версии Ю.П. Миролюбова, который, кстати, так и не смог вспомнить точное имя Марка Шефтеля.

В 1969 году журналист из эмигрантского журнала «Жар-птица» П.Т. Филиппев нашел адрес Марка Шефтеля, и списался с ним. Тогда, до переезда в Штаты, он жил в Англии и работал в Оксфорде. Марк Шефтель ответил, что о «дощечках» узнал впервые из этого самого письма Филиппева, а с Изенбеком и Миролюбовым вообще не был знаком. Будто бы покинул он Бельгию еще в мае 1940 года, то есть в тот же месяц, когда в Бельгию вступили фашистские войска.

В этом ответе, конечно, не все сходится. Ну как можно было историку, занимающемуся русским средневековьем, в 1969 году впервые услышать о «Велесовой книге»? Не только после публикаций в «Жар-птице», но и после книг С. Лесного, статей Жуковской, а также книги Монгайата, разошедшейся уже миллионными тиражами. Да в той же Англии, в Британском музее, уже выпустил первое издание «Велесовой книги» на украинском языке Н.Ф. Скрипник и на английском В. Качур. Словом, ответ загадочный.

Так что веры Марку Шефтелю все же не больше, чем Ю.П. Миролюбову. Кто же из них прав, могут показать ар-

хивы Брюсселя и Оксфорда, которые покажут точно, когда сей Марк Шефтель покинул Бельгию.

В 80-х годах известный сербский (также английский, итальянский) ученый, велесовед Радивой Пешич побывал в Брюсселе. И ему рассказали о Марке Шефтеле совсем другую историю. По информации неназванных корреспондентов, сей Марк Шефтель еще до войны возглавлял в Брюссельском университете отдел Берлинского института «Аненербе». А затем, во время немецкой оккупации, участвовал в изъятиях ценностей, исторических реликвий.

Сведения эти не подтверждены документально. Об этом Радивою Пешичу говорили в Брюсселе, затем от Радивою Пешича о сем узнали в Сербии. Потом пересказ сей истории я услышал уже в Москве от декана филологического факультета Белградского университета Радмилы Мароевича. Конечно, такая цепочка вполне могла и исказить какие-то сведения.

Тем не менее, след, ведущий к «Аненербе», более определен. Да и, кстати, загадочный П. Пфейфер в этой организации действительно работал (согласно расследованию В. Цыбулькина).

Итак, «Аненербе»! Что это за организация? Справку об этой организации можно найти в уже упоминавшейся брошюре В.В. Цыбулькина, немало потрудившегося над разгадкой тайны исчезновения «дощечек».

СС «Аненербе» (нем. Ahnenerbe, «наследие предков»), организация времен фашистской Германии, создана для историко-культурного обоснования национал-социализма. В 1933 г. представляла собой мистический орден, организовывавший первоначально экспедиции по Европе и Азии в поисках архивов тайных обществ, предметов древних культов, обрядовых книг и т.д. Например, в Тра Йерпе (обиталище лам Шамбалы) было заключено сатанинское соглашение

⁵ См.: *Каныгин Ю.М.* Путь ариев: Украина в духовной истории человечества. Киев, 1996.

о помощи шамбалистов Третьему рейху⁵. СС «Аненербе» организовывала массовые казни в концентрационных лагерях как жертвоприношение олицетворению Вотана (Одина) на земле — фюреру.

...Фашистская идеология, возникшая на основании дичайшего симбиоза родового мышления и теории расового превосходства, язычества и черной магии, измененных инстинктов и откровенного сатанизма, фактически виновата перед человечеством не только в разжигании Второй мировой войны (естественно, в «соавторстве» с «красным» большевистским бесовством), стоившей человеческой цивилизации более пятидесяти миллионов жизней, но и в умышленном уничтожении культурных ценностей на оккупированных территориях. Костры из книг на площадях немецких городов в 30-х гг. были началом огромного пожара, слизавшего языками пламени миллионы уникальных памятников мирового культурного наследия.

...Еще в 1936 г. по личному приказу А. Гитлера «искусствоведы» в черной форме СС должны были «производить обыски в религиозных обществах, частных библиотеках и архивах на предмет выявления материалов, имеющих ценность для Германии, и обеспечить их изымание через гестапо». Исполнением этого приказа руководил лично Альфред Розенберг, инструктировавший своих людей так: «Право для нас исключительно то, что служит немецкой чести».

...В процессе деятельности СС «Аненербе» сложилось более 50 институтов, объединенных геополитической идеологией в редакции Карла Хаусхофера (посвященного тайного японского общества «Зеленый дракон»).

В СС «Аненербе» успешно расшифровывались древние письмена, восстанавливались древние культы и ритуалы, способные увлечь «толпу» за вождем, исследовалось воздействие на сознание, аналогичное нейролингвистическому программированию. В качестве одной из основополагающих причин этих исследований стали древние глиняные таблички о руническими надписями рода Виллигуптов, переданные в СС «Аненербе» одним из его руководителей — группенфюрером СС — Карлом Марией Виллигуптом (псевдоним — Вайстар, т.е. Один). Подобные «таблички», «дощечки», «рукописи» интересовали особый отдел СС «Аненербе».

Главный орденский замок СС «Валгалла» — Вевельсдорф Вевельбург, Вестфалия, неподалеку от Падеборна) сохранил и 12 тысяч томов из награбленного.

В «активе» «Аненербе» тысячи преступлений: уничтожение славянских древностей на польской земле⁶, Рижской городской библиотеки (800 тыс. книг, рукописей, документов, собранных начиная с 1512 г.), библиотеки евангелиско-реформаторского синода в Литве (20 тыс. томов, собранных, начиная с 1611 г.) и др.⁷ Деятельность СС «Аненербе» тщательно скрывали на Нюрнбергском процессе. Более того, один из «отцов-основателей» этой организации Карл Хаусхофер сделал себе харакири, чтобы не давать показаний, а второго «отца» — полковника СС Вольфрама фон Зивера повесили без соответствующих допросов.

...В 1940 году им была сформулирована концепция специального «Айнзатштаба» (отделения «Аненербе») во главе с известным национал-социалистом Герхардом Утикалем. Отделы этого штаба находились в Берлине, Белграде, Салониках, Будапеште, Париже, Ницце, Брюсселе, Амстердаме, Копенгагене, Осло. Секретный координационный центр был в Ратиборе.

В «Айнзатштабе» Розенберга — Утикаля работало 350 специалистов — экспертов по искусству, книговедению, архивам. В первую очередь их интересовали частные коллекции. Более того, в «Аненербе» особый интерес был обращен на расшифровку древних рунических писем с целью восстановления древних культов и ритуальных действий, усиливающих власть вождя⁸.

Говоря об СС, следует отметить, что большинство членов этого ордена имели блестящее образование, каждый четвертый из них являлся обладателем докторской степени.

На Нюрнбергском международном трибунале в 1946 г. отмечалось, что разграбление и разрушение культурных ценностей и производилось немецкими варварами по заранее разработанному, специально подготовленному плану, а также повышенный интерес «Айнзатштаба» к книгам и рукописям.

Склады награбленного находились в замках Кольмберг и Нейшванштайн, в монастырях Бухс и Бану, в соляных шах-

⁶ См.: *Bettina A. The past as propaganda: totalitarian archeology in Nazi Germany // Antiquity. — 1990. V. 64. № 244. P. 464–478.*

⁷ *Бакуменко М.Н. Сокровища в огне войны. Минск, 1990.*

⁸ См., например: *Воробьевский Ю. Конец падшего ангела // Тайная власть, М., 1996, № 4 (7). С. 16.*

тах в Бад-Аусзее; особые архивные собрания во Франкфурте-на-Майне, Хунгене, в замке Бану, монастыре Фриденберг и др. Особую ненависть эсэсовцы проявляли к славянским древностям, безжалостно уничтожавшимся.

В 1945 г. Советская Армия захватила часть тайных архивов СС «Аненербе» (более 25 большегрузных железнодорожных вагонов), составивших позднее значительную часть Особого архива СССР (по некоторым сведениям, до 6 миллионов единиц хранения). Они так и не стали достоянием широкого круга отечественных специалистов. Начиная с мая 1994 г., этот материал начал возвращаться большими партиями в Германию (см.: Заматают следы. // За русское дело. 1994. № 5 (5). С. 1).

Есть все основания считать, что именно организация СС «Аненербе» была причастна к исчезновению «Влесовой книги» в 1941 г.

Итак, в 1939 году сотрудник Анненербе, византолог, специалист по славянским древностям, Марк Шефтель знал о «дощках». В Европе уже шла Вторая мировая война. А в мае следующего, 1940 года, Бельгия была оккупирована нацистами.

Что происходит далее? По сведениям архива Миролюбова из Музея русской культуры (надавно поступившим в Москву, в Госархив РФ), в этот период происходило следующее.

Юрий Петрович видел, как меняется мир и разрастается война в Европе. Видел он и то, что происходит с самим Изенбеком, а тот явно ослабевал. И он обеспокоился судьбою дощечек. Тогда же ему пришла счастливая мысль, как найти подход к Изенбеку. Юрий Петрович предложил Изенбеку сделать книгу, фотоальбом, о нем и о его картинах, под названием «Видения художника».

Изенбек на это предложение откликнулся, и, чувствуя свою близкую кончину, даже составил завещание в пользу Ю.П. Миролюбова. Началась работа над книгой, Изенбек делал гравюры со своих картин, а Миролюбов уговорил вставить в книгу и фотографии дощечек.

Тогда же Изенбек и Миролюбов даже сделали попытку сфотографировать дощечки. Но делали это втайне, не приглашая профессионального фотографа, на любий-

тельском аппарате. Потому и результат получился неважный.

Они сняли по семь кадров с одной и другой стороны дощечки, начинающейся словами «Влес книгу потчемо...». Снимки делались при разном освещении и на разном фокусном расстоянии, ибо дощечка была темного дерева и с неровной поверхностью. Потом проделали то же с еще одной дощечкой, повествующей о Святовите. Эти негативы и фотокопии с двух сторон одной дощечки и три кадра плохого качества с другой дощечки сохранились до сего дня в Музее русской культуры в Сан-Франциско, микрофильмы с них ныне переданы в Госархив РФ.

Миролюбов даже сделал набросок статьи, которая должна была сопровождать публикацию текстов «дощечек». Эту статью, датированную 1941 годом, мы теперь также обнаружили среди копий архивов Миролюбова и Куренкова, поступивших в ГАРФ в 2003 году.

«...Автору сих строк потребовались материалы по русской старине. Долго пришлось разыскивать, пока случай не помог напасть на одного русского любителя старины. У него оказались дощечки березового дерева с выжженным на них текстом. Одни разрознены, другие наоборот следуют друг за другом. Долго пришлось разбирать, т.к. специальными знаниями автор не обладал... (далее размышления об орфографии, известные кусочки текста о Перуне огнекудром и проч.— А.А.)

По наведенным справкам оказалось, что подобные тексты неизвестны в русской истории. Вообще из периода древнее Киевского ничего не известно. Рукописи того времени, бывшие особенно обильными во времена Ярослава Мудрого, погибли во время Татарского нашествия.

Может быть, Брюссельская рукопись представляет из себя одну из них, попавшая через католических монахов в Бельгию? Автору не удалось почти ничего узнать о происхождении дощечек. Единственно, что можно сказать с уверенностью, что любитель старины их нашел среди разного хлама, продававшегося с молотка.

Текст не ограничивается двумя отрывками, и отрывки как раз из разрозненной части. Наоборот, 16 других дощечек гово-

рят о каких-то выборных древних князьях, причем цитируется ряд имен совершенно неизвестных, как например Зеленослав и другие (такого князя не было, у Миролюбов это имя получилось из словосочетания «зельно славль», то есть «очень прославляли», — А.А.).

Говорится о беспорядках вечевого управления о «сильных», орудующих вопреки воле князя. Упоминается о том, что «северяне идша в годъ од овсени до овсени». Не есть ли это Готское государство, бывшее в IV веке н.э. на Дону? Если так, то перед нами, несомненно, один из древнейших памятников.

В другом месте говорится о коварстве хазар, и снова «работати годъ хошарину» Не оттуда ли слово «годъ», в смысле 12-ти месяцев от осени до осени? Не отсюда ли слово «хозяйин»? Эти филологические догадки нас занимают только постольку, поскольку мы сами в состоянии их формулировать. Остальное оставляем специалистам.

Скажем лишь одно: если эти дощечки не являются подделкой, они безусловно должны пролить свет на некоторые детали начала русской государственности.

Работы по восстановлению текстов еще очень много, так как требуется сделать исследование их ультрафиолетовыми лучами.

И, когда будет закончена, автор предполагает выпустить книгу с описанием текстов и с фотографиями подлинников. Во всяком случае, если это даже апокриф, он сам по себе любопытен, так как рассказ ведется сухо, как бы без претензии на описательность о якобы всем известных событиях. К описанию содержания остальных дощечек, счетом до 38 мы вернемся в будущем...

Ю. Миролюбов, 1941 год.

Внизу приписка: Увы, оригинал «дощек» исчез из ателье покойного полковника Изенбека, брюссельского художника в 1942 году, будучи украден.

Этот документ имеется только в копии А.Куренкова, оригинал утрачен. (ГАРФ фонд 10143, оп. 80 рул. 16, кадр 128.)

Согласно этому документу, еще и в 1941 году Изенбек настаивал на том, чтобы его имя не было указано в статье (он только безымянный «любитель старины»). И он тогда все еще не рассказал Ю.П. Миролюбову о том, откуда взялись эти дощечки. Возможно, это произошло несколько позже в том же году.

Очевидно, что это было вызвано опасением кражи, а также тем, что Изенбек полагал весьма вероятным возникновение претензий со стороны родственников владельцев усадьбы. Между прочим, потом, после первых публикаций о дощечках, и Александру Куренкову показалось вероятным возникновение претензий о собственности даже на сами опубликованные тексты (см. далее его переписку).

А что это за таинственные «католические монахи», которые, по мнению Ю.П. Миролюбова, высказанному в статье за 1941 год, могли привезти в Бельгию дощечки, да еще так, чтобы потом они были выброшены на антикварный рынок?

Без сомнения, тут имеется в виду братство иезуитов, имевших свою агентуру в России с давних времен. Известно, что князь (и, разумеется, масон) И.С. Гагарин вместе с русскими иезуитами основал «Славянскую библиотеку», заменитую своими древними манускриптами, в Париже еще в 1855 году.

Эта библиотека в 1901 году была перевезена как раз в Брюссель, в центр иезуитской учености. Здесь «болландистами», последователями ученого иезуита Иоганна Болланда, с XVII века издавались и по сей день издаются, древние памятники письменности, жития святых в Acta Sanctorum (вышло уже 64 тома). Ежеквартально выходит журнал «Analecta Bollandiana», в котором иезуиты знакомят ученый мир с не издававшимися ранее агиографическими памятниками. В «Subsidia hagiographica» (еще одно издание болландистов) публикуются диссертации по агиографическим проблемам.

Это и имел в виду Ю.П. Миролюбов, который и сам пытался проникнуть в это славянское древлехранилище, и знал от антикваров о продаже ими славянских книг. Юрий Петрович в

одном из своих сочинений упоминает о купленной ими у антикваров книге К. Мармье со славянскими легендами.

Из сей записки также следует, что до 1941 года Миролюбов ничего не знал о происхождении дощечек от Изенбека. И в связи с этим возникает вопрос, а успел ли поделиться с ним этим Изенбек впоследствии? Это не исключено, поскольку именно тогда Юрий Петрович начал делать книгу о нем, куда хотел поместить и фото дощечек. Но нельзя исключать и того, что Изенбек так ничего ему и не рассказал, до самой смерти, и только потом Юрию Петровичу пришлось восстанавливать «цепь событий» по косвенным данным. Например, по экслибрисам из библиотеки Задонских на книгах, найденных им у Изенбека (таковые книги, и экслибрисы на них, доставшиеся Миролюбовым в наследство, были изучены в 1996 году Валентином Гнатюком).

Заметим, даже имя деньщика Игнатия Кошелева, как будто хранившего дощечки в вихрях Гражданской войны, Миролюбов узнал только после Второй мировой войны от сослуживцев Изенбека. Да и подробности эвакуации Изенбека из Крыма, по рассказу Миролюбова, не во всем совпадают с независимыми свидетельствами. Тут не исключено домысливание писателя, слишком уж ярок сюжет. Но и в этом случае происхождение дощечек из библиотеки Задонских сомнений не вызывает.

По письмам Ю.П. Миролюбова также известно, что тогда же он укрепил дощечки силикатным составом и уже задумал сделать снимки с дощечек в ультрафиолетовых лучах, чтобы были видны даже те буквы, которые разрушило время. Но этот план так и не осуществился.

Настал июнь 1941 года. Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Узнав об этом, Изенбек впал в глубокую депрессию и 10 августа умер «от удара», а может быть, после «ударной» дозы кокаина.

Мастерская Изенбека была опечатана бельгийским адвокатом Кооманс-де-Брашеном, бывшим куратором имущества покойного под секвестром государства. Ключи от дома по Брюгман-авеню 522 остались только у господина Валлейса,

хозяина дома, у которого снимал комнаты Ф.А. Изенбек (до поступления новых архивных документов г. Валлейс считался нами совсем другим лицом из-за неправильно понятой фразы в письме).

13 декабря 1941 года после долгих юридических проволочек было вскрыто завещание (в пользу Ю.П. Миролюбова). Этот юридический документ сохранился, и в нем дощечки указаны (ГАРФ оп. 80, рул. 16, кадр 181). Ныне это первый датированный юридический документ, упоминающий дощечки, и относится он к 1941 году.

Но завещание вступит в силу только после прохождения всех формальностей. Обычно нужно ждать полгода, не объявятся ли другие наследники. К тому же в оккупированном Брюсселе немало новых правил. Подпись должен поставить и сам «гауляйтер» Брюсселя Юрий Войцеховский (странно, польское имя?).

Затем в дело вмешивается и Гестапо, ведь дело о наследстве касается русских, а Германия вступила с Россией в войну! Действует в Брюсселе и отдел «Аненербе», возглавлял который, как будто, Марк Шефтель, единственный посвященный в тайну дощечек. Словом, в те месяцы в мастерской Изенбека побывали все, и вынесли все, что представляло ценность.

По свидетельству Ю.П. Миролюбова, узнавшего о том со слов хозяина дома г. Валлейса, Гестапо тогда забрало более 600 картин — все, что приглянулось. Оставшиеся 60 картин потом все же унаследовал Ю.П. Миролюбов, и они были оценены в 50 000 долларов, легко подсчитать, что украдено было тогда имущества на сумму, большую в 10, если не более раз!

А дощечки? Никто не знает точно, кто их взял. Но такого рода вещами тогда занимался именно отдел Аненербе.

И вот 4 мая 1942 года печати были сняты. Ю.П. Миролюбов вступил в наследство... Но ни большинства картин, ни, главное, дощечек в мастерской уже не было.

Он, немало рискуя, подал жалобу на адвоката и на г. Валлейса в полицию и гауляйтеру Ю. Войцеховскому (доку-

мент с ответом из полиции о возбуждении уголовного дела также сохранился, копия его в ГАРФ).

Но все было безрезультатно. И хорошо, что его самого потом не забрали в Гестапо!

Расследование шло ни шатко, ни валко. Королевская бельгийская полиция (а она тогда подчинялась Гестапо) не предприняла ничего. В июне-июле 1944 года Юрий Миролюбов разослал письма во все художественные галереи Брюсселя с запросами: не попали ли к ним картины Изенбека, а также «tablet», то есть дощечки. Ответы на эти запросы на бланках галерей, датированные и с печатями также сохранились (копии их в ГАРФ).

Итак, дощечки пропали... или погибли.

Два десятилетия они были в руках двух культурных людей, в центре Европы. Один из них был археологом и художником, другой историком и писателем... По пальцам одной руки можно было перечислить людей, которые в то время могли понять цену дощечек. К ним они и попали, но... Даже эти люди за все время не сделали качественной фотокопии, не разослали копии дощечек в университеты мира, российским, славянским и иным ученым-славистам.

Не сделали! Вас это удивляет? Кажется невероятным? А мне уже нет.

И после сего эта история продолжалась, уже с оставшейся рукописной копией дощечек. А также с не очень ясными свето- и фотокопиями, которые все же успел сделать тогда Ю.П. Миролюбов.

Вот факты. Первая фотокопия из шести имеющихся была опубликована только в 1955 в журнале «Жар-птица». Она до сих пор не переиздавалась в полном объеме, с глифом животного, до сих пор тиражировались только урезанные прориси С. Лесного. Это делается только в этой книге, благодаря помощи г. Юрия Таралы из Музея русской культуры, приславшего мне недавно «Жар-птицу» с этой фотографией.

Вторая фотокопия была издана уже в 1977 о. Стефаном Ляшевским. Причем более четкий снимок был издан лишь

в 1988 году в журнале «Факты» В. Штепой! А оставшиеся негативы из архивов Музея русской культуры только в 2003 году поступили в Госархив РФ.

Эта работа была сделана благодаря тому, что Гуверовский университет войны, революции и мира (г. Стенфорд) выделил на микрофильмирование старых материалов Музею русской культуры 300 000 долларов.

Кстати, попечение подобным гуманитарным проектам, касающимся России, традиционно для сего университета. Такое направление было заложено еще самим Г.К. Гувером, президентом США с 1929 по 1933 г., который в начале 20-х руководил «АРА», организацией, которая оказывала помощь голодающим в Поволжье. Я сам волжанин, и в моей семье нередко вспоминали ужасы того голода. Американская помощь тогда была очень кстати.

Кстати она и сейчас. Именно благодаря этой помощи и финансированию мы получили и сами негативы, и все материалы о «Книге Велеса» из сан-францисских архивов Миролубова, Куренкова, Филиппева.

Впрочем, и тут ведь поддержка была оказана отнюдь не источниковедческим проектам (такие проекты вообще, как кажется, не субсидируют), а копированию документов времен Гражданской войны в России.

Но что вы хотите в таком случае от Ю.П. Миролубова? Почему недоумеваете, отчего он не сфотографировал всё?

Посудите сами: ведь даже для того, чтобы напечатать его негативы, понадобилось семь десятилетий! На мои (частного лица, а не организации!) переговоры с Музеем русской культуры о передаче копии архивов Миролубова ушло пятнадцать лет.

Дело не во времени, а в нашем отношении к отечественной истории.

Никто не скопировал качественно дощечки за те два десятилетия, когда они были доступны. Никто не оказывал помощи Ю.П. Миролубову, когда он на свои скудные средства опубликовал часть своей копии, а вот критики всегда было более чем достаточно.

Где искать дощечки «Книги Велеса»?

Итак, где теперь находятся «дощечки Изенбека»? Хуже всего, если их изъяло Гестапо, и они попали в руки какого-нибудь немецкого чина, который вначале счел их ценными, а потом мог и бросить, не сумев понять что это.

Тогда дощечки, скорее всего, погибли и безвозвратно. Но и в этом случае имело бы смысл провести расследование. Даже сейчас. Поискать их родственников, наследников и т.п. Имеет прямой смысл зайти и в дом 522 на Брюгманн-авеню, где эти дощечки пропали, поспрашивать наследников г. Валлейса.

Кстати, в 60-х годах таковые шаги пытался предпринять белый эмигрант из Брюсселя Н.В. Казаков, но хозяин дома господин Валлейс, сославшись на старость и болезни, его не принял, даже отказался говорить на эту тему по телефону.

Несколько более обнадеживает след, ведущий нас к архивам Аненербе.

Где находятся эти архивы? Значительная часть их попала в руки советского командования. Они ныне в Москве (по крайней мере та часть, которая не была отправлена во Францию и Германию в последние годы).

Долгое время я пробивался в эти закрытые архивы, но мне поначалу приходили только официальные «отписки», что будто бы таковых архивов нет вовсе. Потом вышел фильм об этих архивах, вышла и книга Ю. Воробьевского «Стук в Золотые Врата». Оказалось, что архивы есть, не разобранные. Так с войны все материалы и стоят упакованные в ящики. Правда, сам архив, ЦХИДК, оборудован великолепно. Утверждают, что даже те материалы, которые были недавно переправлены в Европу, копировались...

Но все это касается политических дел иного временного среза. И еще одно следует сказать: источник, к словам коего стоит прислушаться (уровень: генерал ФСБ), довел до моего сведения, что ничего похожего на «доски» в их архивах нет.

В сущности, это очень похоже на правду. Если «дочки» попали в архив Аненербе через бельгийское отделение, то они вполне могли и остаться в самой Бельгии, или, в крайнем случае, могли попасть в секретный координационный центр в Ратиборе. Потом бельгийские архивы ушли в руки союзников, ныне они в США, и как говорят, в архивах библиотеки Конгресса. Впрочем, скорее эти документы относятся к сфере интересов ЦРУ. А ратиборские архивы достались Польше.

Польские архивы, как мне известно, открыты. Даже каталог их помещен в Интернет. Но там, судя по доступной информации, нет ничего особо примечательного.

След же, ведущий в США, более определен.

Нам не известно, есть ли что важное для нас в американских «аненербовских» архивах. Известно лишь то, что они все же понемногу открываются и изучаются. Это грандиознейшие архивы, миллионы единиц хранения. И там работают ученые, ищут и находят уникальнейшие материалы, в том числе и относящиеся к древнейшей истории мировых цивилизаций. И если там есть следы «Книги Велеса», то до них еще не добрались, и не известно когда доберутся.

Но вот на что все же следует обратить внимание. Отыскались следы Марка Шефтеля, с именем коего связывают пропажу «дощечек», имея, правда, лишь косвенные улики. В письме к журналисту Филипьеву в 1969 году он отрицал и свое знакомство с Миролюбовым и то, что ему было известно о дощечках до войны. Также он утверждал, что покинул Бельгию в мае 1940 года.

Если это так, то все вопросы снимаются. Но, как уже было сказано, есть некоторые основания сомневаться в его показаниях. Известно также, что он в 70-х годах переехал из Англии в США (может быть, таким образом он заметал следы и хотел скрыть как раз то, что он сотрудничал с Анэнербе?).

В США он устроился на работу в Корнуэллский университет (г. Итака), стал известным специалистом по древне-

русскому праву. При поддержке Р.О. Якобсона, американского языковеда и общественного деятеля, его статьи потом печатались и в СССР.

К нему при его жизни (а умер он в конце 90-х годов) обращались и по поводу «Книги Велеса», но он последовательно отрицал ее подлинность.

И вот недавно обозначился новый поворот старой темы. Сообщение (или легенду) о дальнейшей судьбе дощечек передал мне Т. Дичев, болгарский писатель и политик. По его словам, он узнал от Николы Николова, бывшего болгарского разведчика в США, что сами дощечки как будто были проданы в США, и за большие деньги и скорее всего М. Шефтелем. Куда? Одной из богатейших сект мира, мормонам, в Солт-Лейк-Сити.

Они собирают такие древности по всему свету и готовы заплатить за них большие деньги. И будто бы копии с подлинных дощечек есть также в библиотеке Конгресса США (хоть здесь, скорее, речь идет об архивах, переданных в эту библиотеку Александром Куренковым). Но все это вполне может оказаться лишь предположениями, ни на чем не основанными.

Сейчас же представляется наиболее вероятным, что вопрос о современном местонахождении дощечек решается иначе и проще.

Вернемся снова в 1941 год. В чьих руках тогда, непосредственно после смерти Изенбека, в самом начале, оказались дощечки? Прежде всего, в руках хозяина дома, бельгийца господина Валлейса. Он имел все возможности по своему распоряжиться дощечками до того, как имущество почившего описал и опечатал адвокат Кооманс-де-Брашен и до разграбления мастерской гестаповцами. И мало кто в этой ситуации мог бы избежать сего соблазна. Иметь два года в своем доме некое сокровище, оставшееся от постояльца, русского, к тому же наркомана и ничего с ним не сделать, ожидая гипотетических наследников и гестаповцев?

А как мог распорядиться брюсселец дощечками с загадочными славянскими письменами? Разумеется, первое

что приходит в голову: продать. Кому? Ответ для бельгийца, католика, однозначен: братству иезуитов, болландистам, которые уже сто лет, если не больше, занимаются разбором древних славянских манускриптов (о чем я уже упоминал ранее). Их католический Университет в Лувене что-то издает на эту тему. Это богатейшее братство — единственный покупатель такого рода славянских древностей здесь. И судя по статье Ю.П. Миролюбова за 1941 год, этот адрес в связи с дощечками приходил на ум и ему.

В 60-х и 70-х годах это умозаключение, судя по всему, сделали также велесовед Сергей Лесной (Парамонов), а также украинский велесовед Микола Скрипник, искавший следы «Книги Велеса» в Брюсселе. Не исключено и то, что они получили и формальное доказательство незаконной сделки с иезуитами от наследников и потомков господина Валлейса, к тому времени, вёроятно, почившего, а то и от новых владельцев дощечек.

Микола Скрипник был настолько в этом уверен, что собирался подать в суд на братство болландистов и надеялся выиграть процесс (целью коего была бы передача дощечек наследнице Жанне Миролюбовой). Между прочим, этот процесс и не мог бы состояться без сего доказательства, кое следовало бы выкупить у наследников Валлейса. Однако успеха добиться им не удалось. Микола Скрипник вскоре умер, и сего «формального доказательства» мы пока не имеем.

А что имеем? Несколько писем Миколы Скрипника о предпринимаемых шагах.

Письма филолога Миколы Скрипника о местонахождении дощечек Изенбека

Даю эти письма в своем переводе с украинского. Впервые опубликованы они были украинским велесоведом Галиной Лозко в книге «Велесова книга. Волховник», изданной в Киеве в 2002 году. Сама Галина Лозко их скопировала в зарубежных архивах некой Ларисы Мурович (Тимошенко).

В публикации Г. Лозко по причине, не показавшейся мне убедительной, имена и города были скрыты отточиями, приведены лишь первые буквы. Мне она не открывала свою тайнопись.

Но я все же возьму на себя смелость раскрыть эти отточия курсивом и в квадратных скобках (ибо по контексту ясно о чем речь). Считаю, что за истечением многих лет прошло время для тайных переговоров (все они сорвались). Теперь любые действия в отношении дощечек должны быть открытыми, ныне важно общественное мнение.

1) *Письмо писателю Ярославу Ориону (Драгану) из Кап-Мартена в Австралию от 24 июня 1979.*

Дорогой пан Драган!

В дополнение к моему письму от 20.VI.79 считаю необходимым проинформировать Вас, что я имею намерение вскоре навестить в Университет в Н [Католический Университет в Лувене-ла-Нев, что в 25 км. от Брюсселя — А.А.] вместе с пани Жанной Миролюбовой, которая является законной владелицей всего наследства Изенбека, а также Дощечек Изенбека, чтобы с помощью бельгийского адвоката требовать от Университета в Лувене возвращения всех Дощечек Изенбека на руки законной наследнице (правопреемнице наследства) этих Дощечек.

Для этого мне крайне необходима: переписка профессора С.П. [Сергея Лесного (Парамонова)] с Университетом в Лувене, а особенно листы из Лувена. Если их не обнаружится в архиве Парамонова, то необходимо приложить заявление от Гаппановича про это: если он видел дощечки у Парамонова, и как они выглядели, также доклад Парамонова об их содержании и иные важные детали. Это заявление требуется заверить у нотариуса, как документ свидетеля с его подписью, которая должна быть заверена правительственным чиновником или инстанцией.

Таким образом, я получу право выдвинуть требование к Университету в Лувене, чтобы они не отреклись от этой аферы и не отперлись и не отвергли правдивость утверждений господина Гаппановича.

Делать это все нужно не откладывая, так как если они узнают о наших намерениях, то могут уничтожить все дощечки...

С дружеским приветом! М. Скрипник.

2) Письмо к Тимошенко из Кап-Мартена, 26.VI.1979.

Многоуважаемая и дорогая пани Тимошенко!

Посылаю Вам копию письма проф. Р. Драгана из Австралии и копию моего ответа на него, из которых вы узнаете о чуде с Дощечками Изенбека, которые находятся в Университете в *Лувене-ла-Нев* и были отправлены профессору *Сергею Парамонову* для исследования и перевода этим Университетом [*речь идет о неизвестных фотокопиях с оригинала? — А.А.*], как будто где-то между 1960 — 1967 гг. в *Канберру в Австралию*.

Особенно большое значение имеет рассказ пана *Гапановича*, весьма вероятный, ибо, как я уже писал в феврале к пану доктору Ю. Лисовому: несомненно католические организации в *Брюсселе* были заинтересованны в дощечках. Больше вы узнаете из моего письма, которое вышлю из Гаги.

Обращаюсь к вам за советом: можем ли мы надеяться на сотрудничество Украинских Научных Организаций в нашем стремлении вернуть дощечки владелице (наследнице) всего имущества Изенбека, а значит и выкраденных у него дощечек?

Дело может вызвать большие разногласия..., поскольку относится к преступным методам инквизиции или мафии.

Я не остановлюсь ни перед одним законным способом для возвращения дощечек, включая и судебный процесс против Ректората Университета в *Лувене*, поскольку они отказываются от мирных переговоров в нашем деле. Возможно, что нужно иметь дело с нашими земляками, имеющими власть (гражданами Ватиканского государства), поскольку формально Университет в *Лувене*, подчиненная им инстанция, и поэтому требуется противостоять в интернациональном масштабе.

Может ли В. Мороз положить свой авторитет на весы? Готов ли он биться ради возвращения дощечек нам? Если вы думаете, что это так, то пошлите ему оба письма: профессора Р. Драгана и мой ответ...

Не требует пояснений, что мы вступаем в решающую стадию борьбы за правду и подлинность дощечек, и эта битва может быть выиграна нами!

С дружеским приветом. Ваш М. Скрипник.

Что следует из этих писем и как к ним относиться? Во-первых: критически. Источник их — работа Г. Лозко, весьма вольно относящейся к источникам. К примеру, посланная

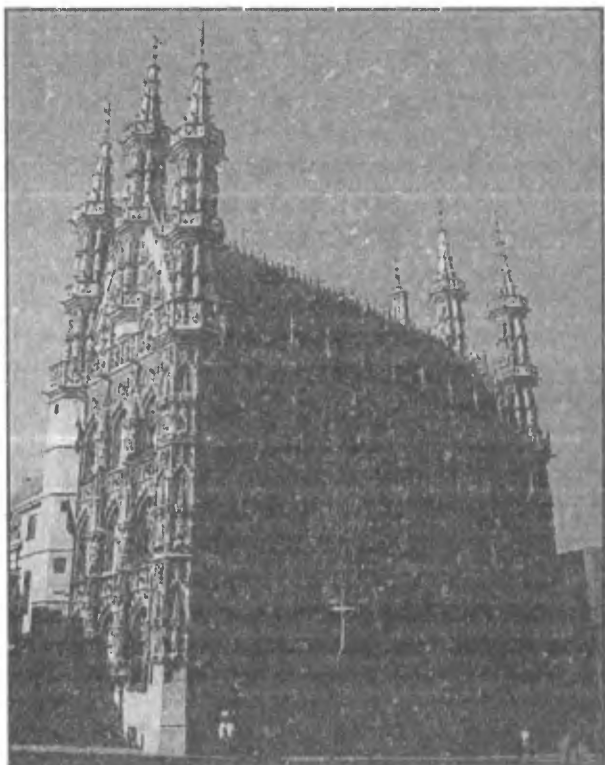

мною ей архивная копия «Книги Велеса» (третья на тот момент в Европе!), была ею утеряна из пренебрежения к «москалям». Однако к своим связям с украинским зарубежьем она относится более уважительно, ибо они финансировали ее издания. Потому поверим подлинности приведенных писем.

Из них следует, что велесовед Микола Скрипник в 1979 году пришел к убеждению, что дощечки «Книги Велеса» находятся в Католическом университете в Лувене. Опираясь он на некое сообщение покойного к тому времени профессора И.И. Гаппановича (1891–1971 гг.). Кто он? Это выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербурга (1913 г.), потом с 1914 по 1917 годы был офицером Белой армии, в 1918–1921 годах участвовал в историко-этнографических экспедициях на Камчатке. В эмиграции с 1925 года. С 1931 по 1953 годы работал профессором Национального университета в Канберре (Австралия), где сблизился и с профессором Сергеем Лесным (Парамоновым). Затем он ушел на пенсию.

Все эти ученые, и И.И. Гаппанович, и Сергей Лесной (Парамонов), и Микола Скрипник — люди академической науки, не склонные к фантазиям. Но первые двое к тому времени, к 1979 году, уже почил. Сергей Лесной до конца своих дней (умер он в 1967) выпускал работы о «Книге Велеса», опираясь только на издания Миролюбова и Куренкова. Можно, конечно, предположить, что он переписывался с Лувенским университетом, как и со многими другими университетами мира. Можно предположить и то, что он получил из сего университета какие-то материалы, касающиеся дощечек.

Но если принять это за истину, то сие произошло буквально перед самой его смертью, иначе он бы непременно о сем сообщил, хоть в газетной заметке. В таком случае странно то, что в уже изучавшихся архивах Сергея Лесного в Канберре доселе ничего подобного не было найдено. Его друг, историк И.И. Гаппанович, на четыре года пережил Сергея Лесного и, как следует из вышеизложенного, в переписке кому-то сообщил о сей сенсации. Потом, спустя

*Здание в Лувене (Бельгия), где могут быть
скрыты дощечки «Книги Велеса»*

чуть менее десяти лет, это сообщение через чье-то посредство дошло и до Миколы Скрипника...

Много передаточных звеньев. Выходит, что это только чей-то не очень достоверный пересказ, принятый Николой Скрипником за истину. Не исключено, что речь изначально шла всего лишь о посылке Сергеем Лесным на кафедру славистики при Лувенском университете своей книги, а не наоборот.

Есть еще соображения, которые играют против данной версии. Во-первых, Жанна Миролюбова, об интересах коей заботился Микола Скрипник, о нем вспомнила в разговоре

с Валентином Гнатюком, но о том, что доски, которых она никогда не видела, могут оказаться в Лувенском университете, не сказала. Также она отвечала на многочисленные вопросы о дощечках «Книги Велеса» на творческом вечере в январе 2003 года в Киеве, куда она приезжала по приглашению Киевского «Благотворительного фонда имени Ю.П. Миролюбова». Но и там о сей сенсации она не помянула ни словом.

Во-вторых, я переписывался с профессором Брюссельского университета Жаном Бланковым, переводчиком «Слова о полку Игореве» на французский язык. Послал ему свое издание «Книги Велеса», а он в ответ прислал мне свое издание на французском языке и письмо, где также не коснулся этого сюжета, но обещал поискать интересующие меня сведения в университетских архивах. А между прочим он и с Лувенским университетом сотрудничает с послевоенных лет.

А что это за Лувенский католический университет, на козни коего указывал Микола Скрипник? Могли ли там оказаться дощечки?

Следует заметить, это вполне логично. Это один из старейших католических университетов в Европе. И во все века там сосредоточивались древности и манускрипты, в том числе славянские. Здесь даже почитается некая уникальная в своем роде святая Гудула, прославившаяся тем, что ей бес все время мешал читать религиозные книги, задувая свечу. Но она упорно эту свечу зажигала, за что и была причислена к лику святых.

Великое несчастье постигло этот университет, как и всю европейскую культуру, в Первую мировую войну. Тогда немцами были сожжена университетская библиотека, несколько десятков тысяч книг и в том числе 750 уникальных средневековых рукописей. Потому Ватикан выделил сему университету немало средств, чтобы восполнить потерю. Все годы накануне Второй мировой этот университет скупал старинные манускрипты в Брюсселе, предлагая немалые деньги, и г. Валлейсу о том было хорошо известно. Так

что версия о продаже им дощечек «Книги Велеса» Лувенскому университету не видится надуманной.

Другое дело, были ли в курсе этого Сергей Лесной, Гаппанович, есть ли в их переписке с сим университетом сведения о местонахождении дощечек (архив с их письмами и копиями дощечек, в том числе неизученными, существует и находится в Канберре)...

Но не исключено и то, что Микола Скрипник дошел до этого очевидного вывода сам, а ссылаясь на покойных для подкрепления своей версии, ибо хотел получить поддержку от влиятельных лиц.

В таком случае поиски дощечек «Книги Велеса» нужно начинать именно в Брюсселе. Вначале попробовать получить (выкупить) формальное доказательство сделки с иезуитами у наследников г. Валлейса. Затем отправляться в сам этот университет.

Ныне там кафедрой славистики возглавляет профессор Эммануэль Вегеманс, выпустивший книгу о русской литературе от времени Петра Первого до современности, которая недавно была переведена и издана также у нас на русском языке. За эту книгу и деятельность на ниве русско-бельгийской дружбы Э. Вегеманс, вместе с упоминавшимся ранее Жан Бланков, в 2005 году получили благодарность от президента России В. Путина. Так что связи с Россией этого университета крепкие, там учатся и русские студенты.

Однако как и кем мог решаться вопрос о дощечках «Книги Велеса» в сем университете более шести десятилетий назад, видел ли их кто-то там в 60-х и 70-х годах, это вопросы открытые. Напрашивается и такое соображение: иезуиты вполне могли скрыть эту языческую древность, а также переправить доски в Ватикан...

И это на сегодня последний след. Большого о местопребывании дощечек мы не знаем. С момента пропажи «дощечек» основные события разворачиваются уже вокруг их копии.

Посему вернемся назад, в 40-е годы, дабы проследить судьбу миролюбовского списка «Книги Велеса».

Судьба «Книги Велеса» после пропажи дощечек

Колоссальнейшая историческая сенсация

Итак, дощечки ушли.

Но осталась копия. Очень подробная транслитерация всех текстов. Пять светокопий (то есть прорисовок) осколков и еще более десятка неясных фотокопий, но только с трех сторон дощечек.

И осталось сожаление, что не все было сделано как надо, и желание оправдать себя... А, может быть, она не имеет большого значения? А, может быть, стоит забыть о ней?

И что же тогда происходит с копией? Она забыта, завалена среди бумаг Ю.П. Миролюбова. В годы войны он по-прежнему занят на химическом предприятии, но потом завод надолго закрывается, и Миролюбов живет на средства жены-медсестры, готовит обеды и... пишет роман.

В это время его мысли далеки от проблем древней истории. Его роман называется «Мене, текел, фарес», и посвящен он Второй мировой войне. События этого романа разворачиваются в Брюсселе. И видится он Миролюбову оккупированным... красными. Миролюбов описывает ужасные картины возможного появления в Брюсселе советских солдат. И они в его романе хватают русских эмигрантов и других брюссельцев и тут же безжалостно расправляются с ними.

Ну и ну! О немцах он обычно молчал, хоть и воевал с ними еще в Первую мировую. Но это понять можно, тут есть личная причина: жена-немка... И все же, тогда одна только возможность прихода большевиков заставила его всю войну ужасаться и корпеть над романом, который так и не будет опубликован...

Страх остался, конечно, еще с Гражданской войны. Можно вспомнить, что он ни разу не вспоминал в своих романах и рассказах о ней, его творчество переполнено идиллическими, патриархальными картинами дореволюционной России,

есть в них и предчувствия надвигающейся грозы, даже пророческие сны о грядущей катастрофе, но самой Гражданской войны нет, да и Первой Мировой тоже. Правда, фронт Гражданской войны он покинул уже в 20-м году, не «довоевав» два года...

Однако жизнь продолжалась. Германия разгромлена, Брюссель, к радости Миролюбова, попал в зону оккупации союзных войск.

Начала пробуждаться и политико-культурная жизнь среди эмиграции. Юрий Миролюбов начинает выписывать журнал «Жар-птица». До войны этот журнал выходил в Берлине, но затем редакция переехала в Соединенные Штаты, в Сан-Франциско.

Это журнал крайне бедный, всего 16 листков на серой бумаге, отпечатанных на обычной машинке, со вклеенными фотографиями, размноженный на ротапинтере тиражом до двух-трех сотен экземпляров. Рассылался он по почте друзьям и эмигрантским клубам, старым подписчикам журнала.

Журнал наполнен политическими заявлениями, документальными свидетельствами о зверствах коммунистов в разных странах света, и ностальгией по старой России. И в том же журнале время от времени печатались статьи (на полторы машинописных странички) по древней славянской истории, которые писал «этимологист-ассиролог» А. Кур (Александр Куренков).

Он — выпускник Петербургского университета, востоковед, знаток нескольких древних языков. Также там публиковал статьи профессор Башилов. Они выступали против «норманизма» и «пан-германской идеи», которая в XX веке разожгла уже две мировые войны.

Наконец, в 1948 году Ю.П. Миролюбов отправил письмо из Брюсселя в Сан-Франциско (его мы уже приводили). Это письмо с кратким сообщением-статьей о «дощках V века» попало на стол к редактору журнала Н.С. Чиркову. Но тот поначалу не обратил на это письмо внимания и даже потерял конверт, где был указан обратный адрес. Однако слух о неких дощечках с письменами о Древней Руси, будто бы

найденных в Европе «кажется, неким Изембеком», со временем дошел до ассиролога Александра Куренкова, жившего тогда в Пало-Альто и печатавшего свои статьи в той же «Жар-птице».

И вот, наконец, в сентябре 1953 года А. Куренков поместил в «Жар-птице» статью, представляющую для нас интерес, поскольку это первая из имеющихся сейчас датированных публикаций о дощечках.

«Случайно мне попалась статья «Русские архивы в Европе» известного журналиста Юрия Миролюбова, в которой автор, перечисляя архивы и частные библиотеки, вспоминает, что у русского художника, бывшего командиром Марковского дивизиона А. Изембека, имелась небольшая, но ценная библиотека, среди которой находились уники, так называемые «дощьки» (досочки из дерева) Новгородско-Киевской Руси чуть ли не V века. Подумайте только, какое сокровище! Этих досок было около 37–38. На них были выжжены тексты на греко-готских письменах (вспомните мой доклад «Русские письмены»). Среди этих текстов были записи «молитв Перуну, Вышнему, Дажьбогу и другим богам», говорит автор статьи. Были торговые тексты, были записи об Ории — отце пращуров, выведшем славян из степей.

Как-то давно я получил от одного моего знакомого из Брюсселя один текст, который у меня имеется и сейчас. Есть у меня предположение, не является ли этот текст содержанием одной из таких «досочек». Он начинается так.

Стих 1. «В исконные веки, память о коих в стародавности утопла, сидело наше словенское племя в полуденной земле непорухенной красоты и обилия всяческого».

Стих 2. «Есть ли земля та еще на миру, али сгинула невозвратно в морской пучине то незнаемо, только ведомо, что праотцы наши после долгия и мирныя жизни премного горестей, бед всяческих и напастей перетерпели от черного злого племени, имя же ему «дасун», из-за гор прибывшего».

Вот частички древнего «сказа», полученного мной в 1928 году. Согласно данным или объяснениям, весь текст был записан без раздела на слова, фразы без знаков препинания. Кто делал транслитерацию я не знаю. Не знаю также какими знаками все это было записано. Я привел здесь эти отрывки так, как они были предложены мне. Всего было получено 11 переложений или стихов...»

ЖАР-ПТИЦА

NEWS MONTHLY MAGAZINE
SAN FRANCISCO, C. B. A.
НОВЕБРЬ 1943 Г.

К. В. Кира Кирилловна,
Принцесса Прусская.

16-летни Ек Бранд.

ЖАР-ПТИЦА

NEWS MONTHLY MAGAZINE
SAN FRANCISCO, C. B. A.
ДЕКАБРЬ 1943 Г.

ЖАР-ПТИЦА

NEWS MONTHLY MAGAZINE
SAN FRANCISCO, C. B. A.
МАРТ 1944 Г.

А. Корамзин

С НОВЫМ ГОДОМ

ЖАР-ПТИЦА

NEWS MONTHLY MAGAZINE
SAN FRANCISCO, C. B. A.
ЯНУАРИЙ 1944 Г.

Обложка журнала «Жар-птица»,
издававшегося ротاپринтом

И тогда Ю.П. Миролюбов, получивший журнал с этой статьей, отозвался.

1-е письмо Ю. Миролюбова к А. Куренкову

Уважаемый господин Ал. Кур!

К сожалению, знаю Вас иначе как под этим, несомненно сокращенным именем.

«Дошъки» библиотеки А. Изенбека (не Изембек как Вы пишете ошибочно), русского художника, скончавшегося около 13 августа сорок первого года, на авеню Брюгманн, в Юккле-Брюсселе, видел я, наследовавший имущество покойного, еще задолго до его смерти. Эти дошъки мы старались сами разобрать, несмотря на любезное предложение Брюссельского Университета (византийский отдел факультета русской истории и словесности, профессора Экка, русского ассистента, кажется, Пфефера) изучить их, по вполне понятным причинам. К сожалению, после смерти Изенбека, благодаря небрежности хранения имущества последнего куратором, дошъки исчезли.

Изенбек их нашел в разграбленной усадьбе не то князей Задонских, не то Донских, или Донцовых, точно не помню, так и сам Изенбек точно не знал их имени. Это было на Курском или Орловском направлении. Хозяева были перебиты красными бандитами, их многочисленная библиотека разграблена, изорвана и на полу валялись разбросанные дошъки, по которым ходили невежественные солдаты и красногвардейцы до прихода батареи Изенбека. «Дошъки» были побиты, поломаны, а некоторые уцелели. И тут Изенбек увидел, что-то написанное на них. Он подобрал и все время возил с собой, полагая, что это какая-то старина, но, конечно, никогда не думая, что старина эта была чуть ли не до нашей эры! Да и кому это могло прийти в голову?

«Дошъки» эти благополучно доехали до Брюсселя, и лишь случайно я их обнаружил, стал приводить в порядок, склеивать, а некоторые из них, попорченные червем, обрабатывал при помощи химического силикатного состава, вспрыснутого в трухлявую середину. «Дошъки» окрепли. Надписи на них были странными для нас, так как никогда не приходилось слышать, чтобы на Руси была грамота до христианства! Это были греческо-готские буквы, попеременно слитно написанные, среди них были и буквы санскритские. Частично мне удалось переписать их текст.

О подлинности не берусь судить, так как я не археолог. Об этих дощечках я писал лет пять тому назад в Русский Музей в Сан-Франциско, где, вероятно, хранится документ об этом.

Так как дощечки были разрознены: понятно, поскольку сам Изенбек спас лишь часть их, то и текст оказался разрозненным. Но он, вероятно, представлял из себя молитвы Перуну, Велесу, Дажьбу и так далее.

Настоящее рассматриваю, ввиду неожиданного интереса с Вашей стороны к этим записям, как показание, данное под присягой, и готов принести присягу по этому поводу дополнительно.

Искренно уважающий Вас Юрий Миролюбов, 26 сентября 1953 г., Брюссель, Бельгия, Европа.

P/S. Фотостатов мы не смогли сделать с них, хотя, кажется, где-то, среди моих бумаг, находится один или несколько снимков. Если найду, то я их с удовольствием перешлю.

Прошу это письмо напечатать в «Жар-птице». Подчеркиваю, что о подлинности «дощек» судить не могу».

Письмо печатается по Архиву Миролюбова. Большая часть его была напечатана в январском, 1954 года, номере журнала «Жар-птица».

Можно понять, как удивился Ю.П. Миролюбов. Через пять лет после его письма 1948 года вспомнили-таки о дощечках. Значит, они все же кому-то интересны... Он-то о них уже почти забыл или хотел забыть.

Он начинает с трудом вспоминать... И даже путает имена, события... Сколько лет-то прошло!

В голове крутится какой-то, кажется, Пфейфер... да, вот ему тоже были интересны «дощечки». Впоследствии Ю.П. Миролюбов писал, что это имя он назвал по ошибке, а имелся в виду «Шеффел» (точное его имя Марк Шефтель).

Юрий Петрович уже стар, ему 61 год, и он болен, у него артрит, он отравлен из-за работы на химических предприятиях. Потому он часто ошибается: не может вспомнить имен, теряет отзывы ученых, исследовавших дощечки до войны: Марка Шефтеля, Дмитрия Вергуна, также еще одного ученого, видевшего дощечки в 1935 году в Брюсселе и переехавшего в США. О сем последнем Ю.П. Миролюбов вспомнил лишь то, что он был доцентом и перед войной в Варшавском университете защитил тему славянского

происхождения фракийцев. Также Ю.П. Миролубов терял ценные письма, документы, даже фотокопии дощечек...

Но он отвечает Н.С. Чиркову. Он впервые видит, что нечто из того, что он сделал и написал, кому-то интересно. Его письмо, оказывается, хранили 5 лет... И он даже просит напечатать свой ответ, в надежде увидеть в журнале хоть это...

Письмо Ю.П. Миролубова получил редактор журнала «Жар-птица» Н.С. Чирков как раз в тот момент, когда уже был отпечатан и частично отправлен тираж ноябрьского номера журнала. И вот он немедленно печатает на машинке и размножает «экстра-страницу», которую спешно вкладывает в отправляемые номера журнала.

Колоссальнейшая историческая сенсация

При некотором нашем содействии — воззвании к читателям журнала в сентябрьском номере журнала — и журналиста Юрия Миролубова отыскались в Европе древние деревянные «дощки» V века с ценнейшими на них историческими письменами о Древней Руси.

Мы получили из Бельгии фотографические снимки с некоторых из «дощечек», и часть строчек с этих старинных уник уже переведена на современный литературный русский язык известным ученым-этимологом Александром А. Кур и будет напечатана в следующем, декабрьском номере нашего журнала.

«Жар-птица», Экстра-страница, ноябрь 1953.

Конечно, Н.С. Чирков как обычный редактор, борющийся за тираж, выдал желаемое за действительное, объявив, что снимки уже получены и что Александр Куренков «уже перевел».

И, судя по тому, что он указывает «V век», письмо Миролубова 1948 года у него все же сохранилось. Здесь он просто приводит из него сведения, ибо во втором письме Ю.П. Миролубов века не указывает, он упоминает только о «молениях».

Так он подталкивал и Ю.П. Миролубова и А. Куренкова к действию. И поступал абсолютно правильно. Хватит

спать! Пришло время работать! Вот, наконец, нормальная человеческая реакция.

Н.С. Чирков тогда же отослал журнал с «экстра-страницей» Ю. Миролубову, а его письмо также и А. Куренкову. И Куренков уже 28 октября 1953 года ответил редактору.

«Дорогой Николай Семенович!

Сегодняшний день является для меня самым счастливым днем моей жизни в Америке, и причиной тому — «дощечки». Никогда еще в жизни я так не радовался, как сегодня, получив два ваших письма и в одном из них... о «дощечках».

Вот, думаю сейчас, — как причудливо сплетены нити событий в нашей жизни. Видите сами — полковник Изенбек выгоняет красную рвань из древней усадьбы князей Задонских, которые молчаливо хранили в своей богатейшей библиотеке и другие уники нашего прошлого. Напавшие красноармейцы разорили усадьбу, покончили с князьями, разграбили дом, расхитили имущество, а что не смогли — исковеркали, уничтожили, разрушили.

Драгоценные «дощечки», наследие наших предков, были брошены на пол, частью растоптаны, расколоты, поломаны, а некоторые случайно сохранились. Видя какие-то письма, неизвестные ему, Изенбек собрал все, что можно и довез до Бельгии, где жил инженер Юрий Миролубов, любитель древности, первый увидевший и оценивший эти дощечки; любовно и бережно отнесся к ним, перекопировал, разобрался в древнем тексте и нашел возможным их прочитать.

В далеком Сан-Франциско, в бедности, но с богатой любовью к поработенной Родине, денно и ночью работая, издает журнал Н.С. Чирков, будя горячим словом совесть людей, забывших Россию... Судьбы нити связали лучших в Вашем журнале, так давайте зажжем огонь любви к Родине ярче, ослепительнее.

И судьба же нам дала дощечки, открыла широкий путь для Вашего журнала, а за читателями обязанность — помочь журналу перейти на типографский станок. Дело ведь это общее».

Ваш А. Кур.

Писал тогда Куренков и Юрию Миролубову, и, очевидно, что-то подобное.

Ю. П. Миролюбов

И где-то через неделю-две (письма тогда через океан уже доставляли по воздуху) Миролюбов получил письмо от него, а также ноябрьский журнал с «экстра-страницей» от Чиркова.

И что же он там прочел? Н.С. Чирков уже объявляет о «переводе», который должен быть опубликован через две недели! Вот это по-американски! Ну и спешка! Да за это время он едва успеет отыскать копию «дощечек» среди своих бумаг, романов и прочего, ими завалены все комнаты в их квартире. А он ведь к этой копии не прикасался чуть не двадцать лет! Листки ее разъединены, рисунки и фотографии тоже неизвестно где...

Но вот главное: он называет Ю.П. Миролюбова «журналистом». Вполне ли понимал редактор, что он сделал, за какие «струны» тронул? Ведь Юрий Петрович стар и болен, у него у самого душа в смятении, жизнь, как кажется, прожита зря... Вот, он всю жизнь писал стихи, рассказы, романы... Жена его, видя такой титанический труд (правда, она не могла

ничего прочесть), признавала его «гением», но ведь он до сего времени... не напечатал ни одной строчки!

Можно представить, какая «бомба» разорвалась в голове Юрия Петровича, когда он получил послание и журнал Н.С. Чиркова и прочел о себе «журналист». Да он тут же принялся собирать вещи, чтобы плыть через два океана в Сан-Франциско!

Его еще гнетет неуверенность, он по старой привычке жалеет себя, не верит себе, занимается самокопанием... Но впервые в жизни он начинает действовать, уже слегка опасаясь того, что его накроет «мания величия»... Его назвали «журналистом»!

И, видя, что журнал уже объявил о «перевод», немедленно отвечает Куренкову.

«Многоуважаемый Александр Александрович!

Пишу 13 ноября (1953) Вам ответ на Ваше письмо... Вместе с тем прошу Вас, если будете писать в «Жар-птице», моего имени не упоминайте, а упоминайте инициал «М». И имя Изенбека, а кстати и Ваше, ибо это Вы работаете над задачей, связанной с «дощечками». Вам и книги в руки. Я и так достаточно наделен природой, и лишней заслуги не ищу! И так все говорят; «он изобретатель, и химик, и писатель, и журналист!.. Помилуйте, как это возможно?!» Лучше не дразнить гусей.

За Ваш отзыв о «дощечках» очень радуюсь. Я и так думал, что они важны для Русского Дела. Однако если я что-то делал, так делал это потому что это мой русский долг, а не потому что ищу какой-то «чести». Бог с ней, с «честью».

Вашей теории я не знаю, знаю лишь то, что было напечатано в «Жар-птице». Относительно ассистента проф. Экка, не то Шеффель, не то Пфефер, и кажется именно г. Шеффел⁹, я как-то нашел его открытку, но затем затерял ее среди бумаг. Он меня вызывал к себе. Дело было перед войной, значит в тридцать восьмом, или девятом году. Как только найду, передам Вам.

Как только найду текст, скопированный с «дощечек», так и пришлю. На это потребуется время, ибо у меня тонны две бумаг! Я их собрал для переезда в Штаты, а теперь должен все перерыть. Насчет фотографии не могу утверждать, что она есть,

⁹ Здесь так, это уже упоминавшийся М. Шеффель. — А.А.

ибо у меня тоже жена иностранка, и думая навести «порядок», кое-что просто выбросила из бумаг! Драма была очень большая, но исправить ничего нельзя. Попала ли туда, кажется, одна, или две фотографии, не знаю. Надо еще искать...

О «дощках» знал профессор Дм. Вергун¹⁰, недавно умерший в Штатах. Кажется, в письмах он о тексте высказывался; опять-таки его письмо нужно разыскать...

А я сейчас страшно занят заводом химических продуктов, который создал. Он у меня отнимает все время, дни и ночи, даже сплю на заводе зачастую! Как полегчает с заводом, так сейчас же обо всем этом подумаю...

Полагаю при этом еще текст «дощечки» с молитвами.

Письмо приведено в сокращении. На полях есть пометка Куренкова: «получено 19. XI. 53».

В то же письмо была вложена неизвестная нам светокопия дощечки II 11a «Прославление Триглава», цитаты из которой в «Жар-птице» № 1, за 1954 год и были опубликованы А. Куренковым.

Итак, Ю.П. Миролюбов еще ходит на завод, но он уже сворачивает все дела, он хлопочет о пенсии, и бесповоротно решает переезжать в США.

Все складывается как нельзя лучше, как в сказке. Он должен продать свою новую квартиру на Ланкастер авеню (ее он получил, обменяв две квартиры, свою бывшую и Изенбековскую). И так он соберет достаточные средства для переезда. Потом все их вещи погрузятся на теплоход... и вот впереди Америка!

Там он сможет устроиться на работу в Музее русской культуры, который видится ему чуть не сказочным небоскребом. И он будет работать «журналистом» в настоящем журнале! Разве не сказка?!

¹⁰ В письме Ю.П. Миролюбова к М.И. Турянице от 6.02.1961 года есть такие строки: «... когда вспоминаю покойного профессора Д.П. Вергуна, я вспоминаю великого Русского патриота, а он в России не учился, и даже не воспитывался, и, кажется, никогда не бывал... Всю свою любовь к Русскому народу он выносил и взрастил за границей... Российская профессура его не жаловала, потому что была гнилой и космополитичной, полной обезьяньего подражания «Явропе».

ло ли это во благо «Книге Велеса»? Не так ли лучше всего было отсеять от изучения «дощечек» людей случайных, пусть даже они занимают «важные посты» в науке? Иначе бы они устроили вокруг текстов «Книги Велеса» такой «хор», что слово правды потонуло бы в мутном потоке домыслов, имеющих вид «научных истин» (теперь после завоевания памятником позиции и в официальной науке это становится все более и более реальной угрозой).

Но не так ли была дана возможность неспешного изучения самих текстов? Если человек, пусть даже он обладает научным званием, не в состоянии понять подлинность древних текстов, не пощупав руками «дощечек», то он не имеет права рассуждать о проблемах истории, языка и тому подобном.

Да к тому же есть в текстах и то, смысл чего открывается только через духовный опыт, через интуицию. Это иной способ мышления, который недоступен большинству людей академического склада мысли.

Но когда нет самих дощечек, сотни, если не тысячи подобных «ученых» сразу отходят в сторону, они даже не подают голос. И это решает многие проблемы.

А вот еще один как будто «знак свыше». Для спасения текстов «Книги Велеса» избирается старый и больной человек. Ему и жить-то осталось полтора десятилетия, причем сразу после переезда в США он заболевает и лежит неподвижно 7 лет!

Именно ему выпадает жребий спасти «Книгу Велеса», и так положить начало новой эпохе в славянской культуре. Не так ли и Аврааму в глубокой старости было дано обетование?

Да, подобно тому, как Изенбек стал как бы новым Моисеем, так и Миролюбову на старости лет, по существу, предстояло стать новым Авраамом...

Как были опубликованы первые «дощечки» в «Жар-птице»

Планы Н.С. Чиркова, конечно, были слишком поспешны. Он даже не стал публиковать в декабрьском номере 1953 года письма о «дощечках» (единственное, что у него тогда было).

Видимо, он опасался, что все это окажется «дутой сенсацией», которая только повредит журналу... Ведь тут начинается подписка на следующий год.

Но уже к январю 1954 года в редакцию в самом деле поступили интересные материалы и статьи. И вот появилась первая публикация в № 1, 1954. Заходную статью написал сам Н.С. Чирков.

Дошечки

Медленно, из тьмы веков встает истина о происхождении наших предков, об их истории, шагом к ней надо считать обнаруженные, много веков лежавшие под спудом, «дошечки» с письменами наших далеких родичей. Радостно бьется сердце, что мы делаем ценнейший вклад по изучению и восстановлению древнейшей страницы истории нашего народа.

До сих пор хуже всего у нас дело обстояло с вопросом о начале истории Государства Российского. Стыдно до нестерпимости, когда представишь, как в течение около 200 лет, поколение за поколением дурманилось нелепой сказкой о насаждении государственности среди русских славянских племен, норманнами. К великому сожалению эту сказку даже и теперь, в некоторых эмигрантских школах, невежественные «учителя истории» продолжают повторять и искажать этим у детей истинное понятие о прошлом Русского народа.

(..) Но «норманнский» дурман начинает проходить; идет борьба научных сил по восстановлению истинной нашей древней истории и целый ряд статей молодого ученого А.А. Кур, напечатанных в нашем журнале, свидетельствует об этой работе. За последнее время смутно замелькали сведения, что где-то в Европе нашлись древнейшие документы: «русские дошечки». Начались их поиски. А.А Кур в сентябре месяце текущего года (1953) напечатал в нашем журнале обращение к читателям нашим с просьбой сообщить что-нибудь об этих дощечках, кто о них знает, и через некоторое время пришел ответ из далекой Бельгии от писателя Ю.П. Миролубова.

Так начала подниматься завеса над ушедшими в века, утерянными страницами жизни наших далеких родичей, и мы начинаем расшифровывать и печатать эти замечательные письма.

Редакция.

«Жар-птица», январь 1954 года. С. 11.

Далее на этой же странице было опубликовано первое письмо Ю.П. Миролюбова к А. Куру, а также письмо Кура к Чиркову, приведенные нами выше.

И, наконец, затем помещена первая научная статья Александра Куренкова о самих дощечках, и даже фрагмент текста одной из дощечек. Это первая публикация древних текстов из «Книги Велеса»!

О «дощечках»

Название «дощьки» древнее и означает на теперешнем языке — «дощечки». В древности, до того как у наших предков появилась бумага и веллум (пергамент), пользовались для своих записей тонкими прослойками березовой коры и специально сделанными из древесины березы и липы дощечками, на которых писали — выдавливали буквы.

«Дощьки» приготавливались следующим образом. Сначала доску обглаживали с обеих сторон до полировки, затем обе стороны натирали тонким слоем воска, а писали острой палочкой из металла или кости.

После начертания букв вдавливанием в дерево тонкий слой воска на том месте снимался, а написанное натиралось смесью ржавчины и отвара из луковой шелухи, что окрашивало написанное в темно-коричневый цвет; в более древние времена — буквы выжигались накалившим острием шила.

В нашей летописной литературе есть упоминание об этих дощечках. Так в Воскресенской летописи рассказывается, что в 1209 г. граждане Новгорода Великого взбунтовались против своего посадника Дмитрия Мирошкина, и когда грабили его достояние, то выбросили на двор «дощьки» без числа, ибо на них были долговые записи многих новгородцев, задолжавшихся у Мирошкина.

Запись на «дощечках» в древнейших временах велась слитой, — без разделения и пропусков между словами и фразами. Велась так, как записывают в Индии по-санскритски, — буквы ставились под одной общей линией, а над линией ставились

какие-то знаки: или знаки раздела на слова, или сокращения-титлы, или же скандовку для чтения.

Согласно имеющимся образцам, буквы принадлежали по своему начертанию к периоду, когда в них начинается проявляться стиль и порядок их начертания — все они начинают «смотреть» в одну и ту же сторону и тот беспорядок, который мы видим в начертаниях древнейших букв-знаков, как например, разнообразный наклон их, перевернутость изображения, разнообразие изображений одной и той же буквы, в записях на дощечках мы не наблюдаем. Но все же буквы по начертанию принадлежат к тому периоду, когда еще азбуки кириллицы не было. Нет никакого сомнения, что буквы дощечек являются прототипом «кириллицы».

(...) На некоторых дощечках среди текста помещены фигуры, изображающие быка и собак. Это глифы, т.е. картинное письмо, наличие которых в тексте само собой указывает, что картинное письмо, как основа символов-знаков-букв, еще не было изжито и этим самым подтверждается древность дощечек.

О древности текстов говорит и то, что эти дощечки писались жрецами-волхвами задолго до появления христианства на Руси. Наличие молитв и славословий в тексте по отношению в древним богам: Солнцу-Сурье, Перуну, Дажьбо (Дажьбогу), Влесу (Велесу) и Хорсу подтверждает дохристианский период.

Язык дощечек очень архаичен и на первый взгляд создает впечатление смеси русского, славянского, польского и литовского языков. Вполне возможно, что этот язык был общим для всех этих родственных племен, как прародитель их, потому что — все эти племена произошли от одного народа. И народом этим, я думаю, была Древняя Русь первых веков нашей эры.

В тексте встречаются слова, давно исчезнувшие и значение которых уже потеряно и которые нужно еще разгадывать. Встречаются слова чисто библейские, например при славословии Сурьи называют ее ЃДЎНЬ — госпожа¹¹; встречаются также выражения древне-индусские, видимо часть какого-то гимна или молитвы на языке пракрита, из которого вырос санскрит (т.е. рафинированный, литературный язык). Для примера укажу: «... ЃНИМАРЃ

¹¹ Ю.П. Миролюбов в письме к С. Лесному потом справедливо сомневался в таком толковании. — А.А.

НИ МХРХКН¹²...» Интересно и то, что все даты, числа указаны не знаками, буквами, а записаны как произносятся и произношение это санскритское.

(...) Привожу образец текста с дощечек, наиболее легко читаемого (слова разделены):

«СЛАВЯ ГУГУ ПЕРУНУ УГНКУДРУ ИЖЕ СТРЕЛИК НА ВРА-
ЗИ ВЪРЗЕ П ВЕРНИ ПРДВДЕ ВЪ СТЪЗЕ ПЪНВЕХДЕ СЪ
ТЯ ВУИНУМ ЦСТ П СЛУД ІАКХ ЗЛХТРУН МЛСТВ І
ВСПРВДЪН ЪСТ...¹³»

Это славословие Перуну-богу.

...Будущее изучение сохранившихся текстов много готовит сюрпризов всем нам россиянам...

Александр А. Кур.

Печатается в сокращении.

«Жар-птица», январь 1954. С. 14-16.

И вот этот номер «Жар-птицы» уже в первых числах января получает сам Миролюбов.

Он сделал это! Он, пусть на закате жизни, но ухватил свою Жар-птицу за хвост!

Наконец-то он видит свой текст напечатанным, пусть еще не типографским способом, пусть еще текст машинописный, и размножен ротапринтом, но уже в настоящем журнале с красивой обложкой, на которой дорогой его сердцу двуглавый орел парит над кремлевскими стенами...

И он начинает забрасывать А. Куренкова материалами о «дощечках». Он в январе 1954 года посылает не менее трех писем с текстами (2-го, 10-го и 23-го января). Это объемистые пакеты. Здесь и его заметки о Изенбеке, о дощечках, размышления об их возможном содержании... Здесь же даны его крайне дилетантские размышления о языке дощечек, которые показывают полное незнание Ю.П. Ми-

¹² Как потом заметил также и Ю.К. Бегунов, подобные «расшифровки» однозначно указывают, что А. Кур не мог быть причастен к созданию либо, например, «дописыванию», текстов. Ведь здесь явно написано по-славянски: «И ни Мару, ни Морока... (а далее в дощечке: «мы не смеем славить»). — А.А.

¹³ Текст сверен с архивной копией, поскольку в ней есть незначительные разночтения с публикацией в «Жар-птице», объяснимые во-первых ошибками набора, во-вторых — невольной «фонетизацией». Для реставрации начальной записи на дощечках важна и та и другая копия. — А.А.

ролюбовым даже основ старославянского языка. И тут же в письмах проскальзывает раздражение дощечками, он не понял в них сущности ничего из-за непонимания языка! И дело он представляет так, будто в сем виноваты сами дощечки.

Ю.П. Миролюбов отсылает материалы, копии текстов, зачастую не оставляя копии даже для себя. Он ими бросил заниматься уже 20 лет назад. Пусть теперь над ними корпит А. Куренков. Его занимает другое... Его душа поет... Он увидел свой текст изданным. Нужно ехать в «Жар-птицу», чтобы печатать свои стихи, романы! Он же поэт, писатель...

И вот его письма, с уникальными, а то и просто единственными копиями древних текстов, с фотокопиями, летят через океан...

3-е письмо Ю.П. Миролюбова к А. Куренкову

10 января пятьдесят четвертого года, 61 аве. Ланкастер, Юккль, Брюссель, Бельгия, Европа. Профессору Ал. Кур.

Господин профессор, поздравляя Вас с Новым Годом, честь имею приложить фотоснимки плохого качества четырех страниц «дощек», которые я нашел в моих бумагах.

Текст тоже переписан мной, но еще не найден, и как только найду, я его Вам перешлю.

На левом поле I «дощки» изображена собака, на II-й какое-то животное, похожее на кошку, но с длинным хвостом, напоминающим лисий, и с длинной шеей.

III-я «дощка» имеет изображение солнца с семью лучами. IV-ая не имеет никаких изображений.

Если мне удастся добыть лучший оттиск с негативов, я его пришлю незамедлительно.

Искренно уважающий Вас Юрий Миролюбов.

P/S Величина снимков соответствует самому размеру «дощек». По мнению здешних фотографов, это все, что можно сделать при посредстве имеющихся негативов.

Из архива Ю.П. Миролюбова и А. Кура. На письме восторженная приписка рукой А. Кура: «Радуйтесь, кто в Бога верует!». И далее: «получено 8. II. 54».

16 Б

November 2nd Jan 1954.
Scribble, Calif. U.S.A.

Документ № 3

ALEXANDER A. KOOR

Зачетыре вене до суронжец хозярои нои поьяа бо тои рди на-
ше одзбрия

Эт Доцка, повидиому говорит о событиях плывикия Русов Хазарани,
и прочитана кими так:

ЗА ЧЕТЫРЕ ВЕНЕ ДО СУРОНЖЕЦ ХОЗЯРОИ НОИ ПОЯА БО ТОИ РДИ НА-
ШЕ ОДЗБРЯЯ

Очевидно "Суронжец" было каким то событием в жизни Русов, па-
мятым для них. "За четыре века до Суронжец Хозяры ни погаа, бо т-
ти /тме? / рди /роды? / наши одзбрия / забрали? /.

Слѣдующіе строки говорят дальше:

НЕСЕВННУТСКНЗЕОДЕРЕНЕВРНТОТЪКЪЗЕ
ЪТРУЦІХУМІМЪЛЗМЕСТІХУМХЪКРЦЕ

НЕСЕО НОИ СО КНЗЕ ОДРЕНЕ БРЯТОИ ЯКО СЕ ОТРОЩИХОМ ИМО АСМЕ СТ
ХОМ ХЪЯРСТЕ .

Вѣроятно, то значит:

НЕСЕО НЫ / "несбо" для нас непонятно / СО КНЯЗЕ ОДЕРЕНЬ БРЯТМ
/ ВЪЯТЪ? / ЯКО СЕ ОТРОЩИХОМ / "ОТРОЧИТИ." - РАБСТАТЪ РАБСКИМ ТРУ
ДОМ ИМО АСМЕ / Асме-непонятно / СТАХОМ ХОЗЯРСТЕ / СТАЛИ ХОЗЯРСКИМИ? /

Изображение "быка" для нас тоже непонятно. Может оно имеет то
тектическое значеніе, а может религиозное / вродѣ Ведической "коровы"
значащей "молитву-жертву" /

Линіи почти вездѣ неправильны, так же, приблизительно располож
ены как и в нашей транскрипціи. Онѣ идут то вверх, то вниз. Очевидно
о писец имѣл ввиду, что онѣ указывают строку, а как онѣ написаны,
не ясно.

Юр. Миролюбов "Доцки Изея-Бека."

Scribble of Koos
306 Laurel St.
San Francisco 18, California

Документ № 33

какая-то ка... лифти

с документом № 25 / киме 25 ай /

Документ 13, присланный Ю.П. Миролюбовым
А.А. Куру 2 января 1954 года. Виден глиф,
изображающий корову

Итак, по дошедшим до нас архивам можно понять, что 2-го января 1954 года Ю.П. Миролюбов послал хорошо известную ныне и сотни раз публиковавшуюся потом фотокопию дощечки II 16 (обе стороны). Впервые она была издана в феврале 1955.

10 января он послал еще четыре светокопии. А вот эти «светокопии» стали нам доступны только в 2003 году после передачи микрофильмов в ГАРФ.

Затем, 23 января, Миролюбов послал транслитерацию текста дощечки № 5 и свои к ней комментарии. Посылал он письма с древними текстами 13 и 20 февраля, потом 26 октября 1954 года (копии их в ГАРФ).

В письме от 13 февраля Ю.П.Миролюбов предложил А. Куренкову стать его соавтором в издании текстов «дощечек»: «Благодарю за лестную оценку моего труда. Издать я его не могу, денег на это нет! Я предложил бы Вам сопроводить этот труд из страницы к странице Вашими заметками так, чтобы получился двойной труд. В таком виде получится солиднее, и вместе с тем мы сослужили бы службу Руси, дружески друг другу, не вредя, но помогая...»

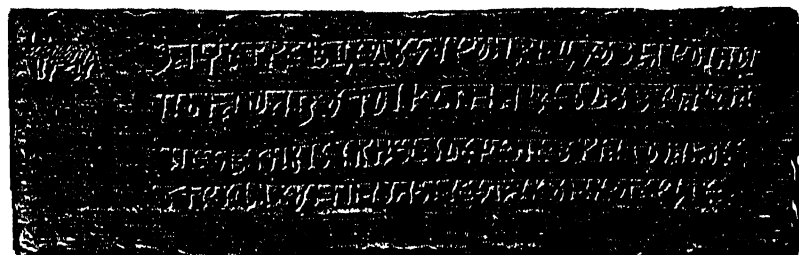
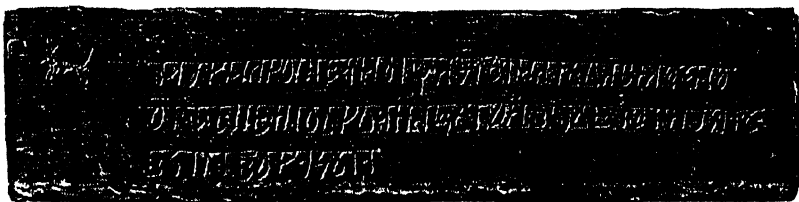
И после сего Ю.П. Миролюбов продолжал высылать как сами транслитерации, так и свои размышления о дощечках, причем делал уже новую «сверенную» машинописную копию со своих записок. А у него имелись до четырех вариантов записи одной и той же дощечки, сделанные им в разное время.

И публикации в «Жар-птице» продолжились. В текущем, февральском номере 1954 года, были опубликованы новые статьи.

Работа пошла!

Дощьки

Благодаря тому, что наша летописная литература писалась на церковно-славянском языке, то и полагалось, что летописное дело на Руси появилось лишь после крещения Руси и устройства монастырей; считали, что до принятия христианства у наших предков не было своих письмен и своей языческой литературы, хотя археологи и находили в земле не раз различные вещи прошлого с какими-то надписями,

*Осколки из «Велесовой книги»,
реставрация по копии Миролюбова*

нарезанными на них, но наци филологи отказывались признать в этих «письменах» наличие каких-либо букв, которые могли бы послужить основой нашей азбуки. И даже свидетельства арабских и хвалынских авторов, что у «русов» была своя письменность, а следовательно, должна была быть и своя литература, которая не дошла до нашего времени, все же этому веры не придавали и равнодушно проходили мимо.

Даже свидетельство самого св. Кирилла (Константина Философа), что он нашел в Корсуни у одного русского «русские письмена», на которых было написано св. Евангелие и Псалтырь, даже это свидетельство учеными не было принято к должному сведению и о нем также забыли.

(...) Теперь благодаря счастливой нашей судьбе, мы имеем в руках текст древней языческой летописи, о получении которой было подробно сообщено в январском номере журнала «Жар-птица». Этот текст написан на архаичном древнем русском языке, в чем читатели могут убедиться сами. Текст был подвергнут транслитерации, т.е. древние письмена были переведены на современную русскую азбуку. При чем также были заменены древние комбинации букв, которые изображали звуки-буквы Я, Й, И, Э, Ъ, звук ОУ, по мере

возможности, заменен буквой У, хотя в древние времена этот звук-буква также существовала.

ПѸВѦСТѸСѸВАТѸРѸЖІ... ДѸУЗѸРѸМѸЗѸРѸЦІТѸЛЬНІТѸГѸТУ
 ГѸЛѸРѸРѸГѸРѸДІНУНѸШѸГѸ, РѸКІПѸРѸЗІГѸДѸСѸСѸКѸТІЦѸМ. РѸРѸ
 ТѸРѸСЛѸВНІРѸДѸРѸНѸУДПѸАХѸДУСЛѸВНСТІЛНУДѸНѸРѸСѸ
 ДѸСАТѸСѸТѸТѸСѸШТІГѸЛѸТѸ, ГѸНѸГЛѸРѸГѸРѸГѸНѸЛѸЗѸНѸНѸ.
 Р... ГѸТ... ТАДѸСѸВАТѸРѸГѸРѸ, ѸДІНѸТѸКНѸЗІ..., ІЖѸУЗѸРѸШѸ
 ГѸРѸСІЦІТѸНѸ... РѸСѸКѸЛУНІ...

(...) Из приведенного отрывка мы видим, что в древности Русь звалась еще РѸСѸКѸЛУНІ, в коих я вижу Роксаланий или Росамуний. Далее мы видим, что Русь существовала еще во времена готов, а следовательно и до готов. Этот отрывок, как и весь текст дощечки, приносит большой конфуз всем тем историкам, которые посвятили всю свою жизнь доказательствам, что имя РѸСѸ пришло к нам от норманнов IX века...

Александр А. Кур.

«Жар-птица», февраль 1954 г.

Здесь А.А. Кур приводит свой разбор текста произвольно выбранного кусочка из дощечки II 4б, начатого буквально с середины фразы, с пропусками непонятных ему слов и вольными толкованиями, не менее вольной фонетизацией, оправданными только на первом этапе работы.

Поскольку есть более точные копии (даже гранки той же статьи) и толкования текста, эту часть статьи даю в сокращении.

Заметим также, что в журнале «Жар-птица», имеющемся в ИНИОН, страница с концом данной статьи отсутствует, в России целый экземпляр этого номера есть только у меня, он прислан мне из Сан-Франциско.

После этих двух статей работы по «Велесовой книге» в журнале «Жар-птица» с большими перерывами продолжались до 1959 года. Но первые, пусть и несовершенные, статьи и сейчас имеют огромное значение. Именно ими было разрушено «вековое заклятье», наложенное на дощечки. Так «Книга Велеса» вышла из тени.

Открытие «берестяных грамот» и дощечки «Книги Велеса»

Приведенный здесь рассказ о первых письмах о «дощечках» и первых датированных публикациях древних текстов «Книги Велеса» важен не только сам по себе. Он интересен также потому, что как раз в это время в Советском Союзе были сделаны открытия новгородских берестяных грамот. Причем оказалось, что многие особенности «велесовой грамоты» совпадают с «грамотой» вновь открытых берестяных источников.

Это сопоставление делалось мной еще в 1994 году, когда мною было показано, что это совпадение как раз и подтверждает безусловную подлинность «Книги Велеса». Но это утверждение было оспорено и перевернуто «с ног на голову». Нашлись «ученые», утверждавшие, что как раз наоборот Ю.П. Миролубов внимательнейшим образом изучал все, что касалось берестяных грамот и по ним «кроил» «Велесову книгу».

Ну что же! Забудем на время о содержании, о духовной мощи самой «Книги Велеса» (хоть это сразу показывает подлинность ее). И оценим только признаки тривиальные: язык, письмо и пр. Выясним, возможно ли было пользоваться берестяными грамотами таким образом.

В самом деле, первая берестяная грамота была открыта в 1951 году. На это как раз и обращают внимание «оппоненты». Мол, раньше! Но это обыкновенный обман.

Действительно, в 1951 году было найдено 10 первых берестяных грамот XIV–XV веков. И по нескольким строчкам, написанным вполне в стиле известных летописей и грамот того времени, ничего нового в языке открыто не было. Открытием можно было считать только сам «писчий материал», но и он использовался старообрядцами еще в XIX веке...

Лишь в 1952, и затем в 1953 годах было откопано несколько действительно старых берестяных грамот XI века. И первое краткое сообщение об этих грамотах, и об особенностях

их языка было сделано их первооткрывателем, академиком А.В. Арциховским, в узкоспециальном научном журнале «Вопросы истории» № 3, за 1954 год. И только в конце 1954 года вышло первое относительно обширное его исследование старых берестяных грамот «Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 года», М., 1954 г. (Подписано к печати 12 июля 1954 года).

Итак, даже первые и мало кому известные научные публикации о языке берестяных грамот вышли через несколько месяцев после публикации первых текстов «Книги Велеса». Не наоборот!

И причем важнейшие открытия были сделаны много позже, даже недавно, в 2000 году, когда впервые в Новгороде были найдены именно дощечки «Новгородской Псалтири» X века с межстрочной линией, точно такой же, что мы видим и в «Книге Велеса». Учеными было заявлено, что в полученных текстах обнаружено 15 ошибок (было бы важно отметить: есть ли такие ошибки также и в дощечках «Книги Велеса»). К тому же утверждается, что христианский текст писался вверх «инога» (ведического?). Сейчас же следует отметить, что и Миролюбов, и Куренков о существовании берестяных грамот вообще узнали много лет спустя!

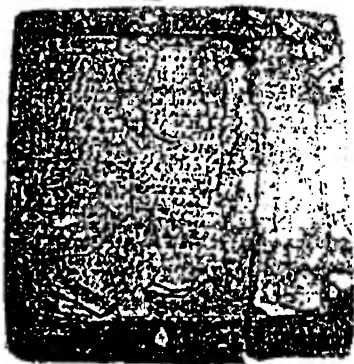
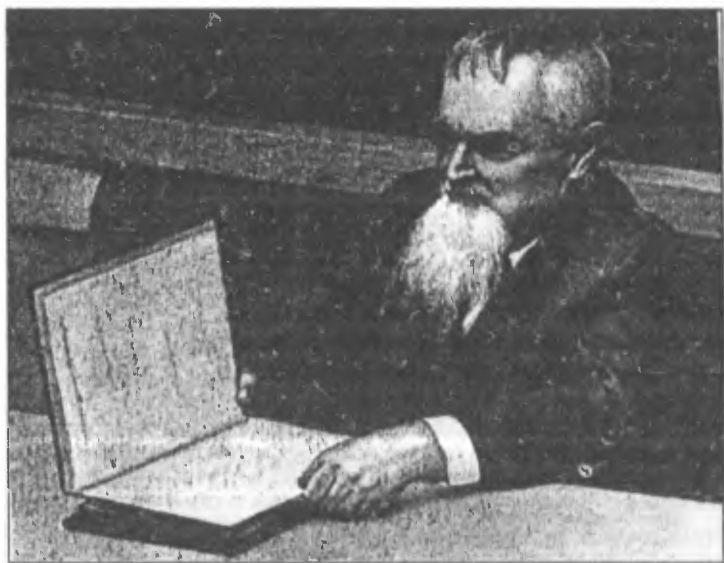
Приведу два самых ярких примера.

1) Замена Ъ на Ў при передаче звука «ы» (обычное написание буквы «еры» ЪІ, а древнейшее ЎІ).

Впервые такую подмену в берестяных грамотах заметил А.В. Арциховский в своей монографии, вышедшей во второй половине 1954 года.

Однако, в февральском 1954 года номере «Жар-птицы», вышедшем, как видим, ранее работы А.В. Арциховского, приведен значительный отрывок из «Книги Велеса», в том числе там можно прочесть: «НѢЛ<ѣ< НѢ НѢІ». То есть отмечено то самое языковое явление, ставшее известным в науке лишь после нахождения соответствующей грамоты и публикации о ней А.В. Арциховского.

2) При изучении написания букв в известных фотографиях «Книги Велеса» учеными (например, палеографом Л.П. Жуковской) было отмечено, что буква џ в не-

Академик А.В. Арциховский. Берестяная грамота, дощечки «Новгородской Псалтири» и «Троицкий раскоп»

которых случаях «размещена в строке, что присуще наиболее древним почеркам кириллицы».

Здесь следует заметить, что подобное расположение и начертание этой буквы для древнейшего новгородского по происхождению документа впервые было отмечено только в берестяной грамоте № 78, опубликованной и исследованной только во второй половине 1954 года в монографии А.В. Арциховского. В этой работе А.В. Арциховским и М.Н. Тихомировым впервые указан этот признак, как датирующий новгородские документы временем ранее XI века (по сравнению с надписью на корчаге из Гнездова и надписью царя Самуила).

И тут следует заметить, что тексты «дощечек» стали в «Жар-птице» публиковаться ранее этого срока, именно с января 1954. А письма Миролюбова с описанием особенностей начертания этой буквы относятся еще к ноябрю 1953 года. За год до публикации А.В. Арциховского.

И стоит ли удивляться в таком случае, что замечательный ученый, открыватель берестяных грамот А.В. Арциховский публично признавал подлинность текстов «Книги Велеса»¹⁴. Но, к сожалению, ему не дали возможность высказать это мнение также и в научной печати.

3) Доказательством подлинности следует считать и явление «цоканья» обнаруженное в языке «дощечек» и берестяных грамот, отражающих новгородский говор, ибо в иных рукописных памятниках такого явления нет.

Это явление в языке «дошек» впервые было отмечено Б.А. Рыбаковым, Л.П. Жуковской и В.И. Бугановым (Вопросы истории, 1977, № 6). В сей статье они утверждали следующее:

«Протокириллическим письмом и были, возможно, написаны те книги и документы дохристианской эпохи, о которых глухо упоминают древние авторы». Однако, «Влесова книга» не может быть отнесена к числу памятников того времени». *Почему? А потому, что «... в определенное время и на определенной территории язык*

¹⁴ См. об этом: Что же такое «Влесова книга» // В мире книг, № 10, 1981. С. 73.

характеризуется сочетанием только ему присущих особенностей... Историкам, знакомым с древнерусскими и средневековыми письменными источниками новгородского происхождения, хорошо известно, например, «цоканье» — неразличение в письме (вследствие неразличения в устной речи!) букв «ц» и «ч». Однако в рукописях XII — XIII вв. таких ошибок еще нет, так как тогда эти звуки различались в произношении».

Итак, в «дощках» обнаружено «цоканье», но его будто бы не было в языке новгородцев IX века. А точно ли? Оказывается, как раз наоборот!

Действительно, для «дощечек» смешения «ц» «ч» обычны (например, в дощечка II 116: $\text{ЗВЪ} \text{ЗДЦ}$, но ГРУМЦ). Однако ранее та же Л.П. Жуковская высказывала прямо противоположное суждение. В ее книге «Новгородские берестяные грамоты», изданной в 1959 году, она писала на странице 113 буквально следующее:

«Новгородские берестяные грамоты показывают, что в новгородском диалекте уже с XII века было цоканье, то есть на месте различных этимологических аффрикат «ц» и «ч» в нем произносилась одна аффриката. Качество этого звука новгородские берестяные грамоты, конечно, не показывают, смешение «ч» и «ц» указывает лишь на близость, может быть, даже на полное совпадение звуков, которые произносили в этих случаях жители Новгородской земли».

Итак, цоканье было! И автор «дощек», живи он в наш век и будь даже гениальным лингвистом, не мог знать эту особенность речи древних новгородцев до открытий 1959 года! Очевидно, Л.П. Жуковская и другие авторы писали разгромную статью в расчете на знатоков новгородского диалекта и противоречивостью выводов хотели намекнуть на то, что их вынудили сделать вывод, с коим они не были согласны, ибо они отметили те особенности новгородского диалекта в «дощках», которые уже были отмечены ими же в берестяных грамотах!

И, между прочим, подобных признаков, не только подтверждающих подлинность дощечек, но и датирующих их создание IX веком можно привести гораздо больше. Всё это сделано в научных монографиях.

Изучение и публикации «дощек» после переезда Ю.П. Миролюбова в США

Летом 1954 года Ю.П. Миролюбов переехал из Бельгии в США.

И вот позади утомительное плавание по Атлантическому и Тихому океанам. 8 000 миль на торговом судне (самый дешевый транспорт!), через бурную Атлантику, Панамский канал и далее на север вдоль побережья Мексики и Калифорнии.

Итак он с супругой сходит на западный берег США, в Сан-Франциско. Здесь он должен начать новую жизнь! Его пригласили работать журналистом в «Жар-птицу», а А.А. Куренков, известный ученый, генерал, даже обещал помочь устроиться на должность главного редактора его монархической газеты «Русская жизнь». Какой простор для творчества!

Но... все оказалось не совсем так, как виделось из Европы. Американская мечта оказалась мыльным пузырем. Во-первых, Музей русской культуры ютился в нескольких маленьких комнатках, в коих хранились белогвардейские реликвии.

Должность главного редактора в «Русской жизни» и журналиста в «Жар-птице» сулили не доходы, а чуть не одни только расходы. Зарплаты там не было и не предвиделось, да и затраты на издания не всегда покрывались подписчиками, чуть не половина из них, доживающие свой век белые эмигранты, были бедны и почему-то считали, что журнал и газету им должны доставлять бесплатно за их заслуги на фронтах Гражданской войны. А те, кто платили, делали это нерегулярно, просили об отсрочках и пр.

Да и генеральские погоны А.А. Куренкова оказались не боевыми, получил он их уже в Штатах от великого князя, а на фронте он был только полковником.

Все это, конечно, стало ясно Юрию Петровичу не в первый день. По приезду же в Америку первым долгом он отправил А. Куренкову такое письмо.

Дорогой Александр Александрович! Ваше превосходительство! Привет Вашей семье в первую очередь! Я бы хотел, чтобы, если возможно, Вы пригласили в понедельник священника, перед которым я бы дал торжественную клятву о «Дощечках Изенбека». В понедельник 13 июля. Затем надо составить об этом акт, при свидетелях, лучше университетских ученых (хотя бы 3-х).

Искренно Ваш Ю.Миролюбов.

5 июня 1955. Сан-Франциско. Калифорния
ГАРФ. Арх. Фил. Рул 16:123.

Не знаю, было ли это совершенно. Почему бы и нет? Жизнь же пошла далее своим чередом, но уже американская. С нескрываемым удивлением и порою с ужасом Миролюбовы смотрят на эту жизнь. На стрельбу на улицах, на кладбище с такого рода надписями, которые демонстрируют приезжим «*Кажется, Джон. Застрелен через пятнадцать минут по приезду на вокзал...*» и т.п.

Но Миролюбовы не отчаиваются, они ищут работу. Находит ее, и с большим трудом, только Жанна, она устраивается в медсестрой в госпиталь. А Юрий Петрович из-за возраста и болезней работу найти не может. И он с головой погружается в издательскую деятельность.

Однако нам она уже интересна лишь отчасти. Он все силы и средства отдает публикации своих рассказов и стихов. Он вкладывает все оставшиеся от наследства Изенбека средства в то, чтобы журнал «Жар-птица» перешел на печатный станок. И в то же время экономит на художнике, обложка становится с 1955 года однотипной. Для него главное, чтобы тексты его рассказов и стихов выглядели прилично. Его начинают читать... рассказы и в самом деле интересные!

А материалы, касающиеся «дощечек», полностью передаются А.А. Куренкову. Ему, дипломированному этимологу, специалисту по древним восточным языкам, и поручается готовить первое научное издание текстов. Миролюбов лишь сверяет сами древние тексты при выходе очередных номеров... и то, когда может, ибо в это время у него обостряется артрит.

Миролюбов уже месяцами не встает с постели, его мучают чудовищные боли...

Публикация «дощечек Изенбека» и в самом деле поначалу поднимает тираж «Жар-птицы».

Статьи А. Куренкова, наполненные неожиданными и малоизвестными фактами древнеславянской истории, будоражат мысль. Правда, очевидно, что они далеко не совершенны. И Ю.П. Миролюбов с ужасом видит, что А. Куренков, готовя публикации, часто опускает кажущиеся ему непонятными слова, целые фразы из «дощек», и объясняет это «научной строгостью» издания. В нем, де, все должно быть понятно! Оказывается, что образование (Куренков окончил Петербургский университет), и научный склад ума не гарантируют от очевидных просчетов, а чаще приводит к косности мышления и иллюзиям. «Суша теория, мой друг!»

Миролюбов чуть не ссорится с А.А. Куренковым, старается всегда сам проверять тексты. Но после очередного приступа болезни, когда он не мог проверить, в печать попадает настолько «урезанный» текст дощечки № 5, что Ю.П. Миролюбов извиняется перед читателями и обещает вновь его опубликовать, но уже исправленный... и не публикует...

Дощечками начинают интересоваться многие. Первым из крупных и неординарно мыслящих ученых откликается на эти публикации С. Лесной. Кто он такой?

Сергей Лесной — это его псевдоним, а настоящее его имя Сергей Яковлевич Парамонов. Это русский эмигрант, историк и писатель, в то время он был профессором в Институте по исследованиям индустриальным и научным (Ее Величества Королевы Великобритании Академия наук). Этот институт расположен в городе Канберра, в Австралии. В нем поныне находится архив ученого.

Родился он в 1898 году в Харькове. Закончил Киевский университет в 1917 году, защитился. Он дипломированный биолог (энтомолог), доктор наук. До 1941 года занимал пост директора Зоологического музея АН Украины, но уже тогда он с увлечением работал и в области древней славянской истории, а также западнославянской диалектологии, и в этих

областях знания еще до войны получил широкую известность (по сообщению Г.С. Беляковой).

Потом в советской научной печати, громившей «велесоведов», не раз сообщалось, что якобы в войну С. Лесной сотрудничал с фашистами, а потом бежал с ними из Киева в 1943. И первым слух о сем пустил Н.В. Шарлемань в своей статье «Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве»», опубликованной в солидном научном издании «Труды отдела древнерусской литературы (т. 16, 1960), а уж потом слух об этом подхватили все, кто боролся с «Книгой Велеса». Еще бы! Раз сказано, да еще и в «Трудах...» значит, тому есть причина!

На самом деле, Н.В. Шарлемань, мягко говоря, говорил неправду (тоже повторял какие-то слухи). Легко опорочить эмигранта, он же не ответит!

В действительности же покинул Киев С.Я. Парамонов в 1941 году. Он не эвакуировался, подобно его коллегам при наступлении фашистских войск, решив спасти коллекции Зоологического музея. И потом его, вместе с музеем, отправили в Германию.

Он был вынужден, по существу находясь под арестом, сопровождать коллекции Зоологического музея в Польшу и Германию, и там он пытался уберечь их от истребления и разграбления. Было даже так, что он не побоялся и подал жалобу, когда стали исчезать ценнейшие экспонаты. Благодаря его стараниям они были спасены и впоследствии возвращены в Киев. Самого же ученого-антифашиста эсэсовцы бросили в концентрационный лагерь Мюнден, откуда его освободили части Британской армии уже в 1945 году. Четыре года он провел в концлагере. Можете представить, насколько он ненавидел фашистов! И эта ненависть вылилась в его бескомпромиссную борьбу против «пангерманской» и «норманнской» идеи уже в области истории.

С 1945 года он жил в Париже и Лондоне. А с 1947 года занял место профессора в Университете Канберры (Австралия).

SERGEY LESNOY

СЕРГЕЙ ЛЕСНОЙ

STANFORD
LIBRARIES

Российская Библиотека, г. Москва, ул. Сретенка, д. 10
 или в филиале в г. Ленинград, ул. Мухоморова, д. 10
 или в филиале в г. Новосибирск, ул. Красная, д. 10
 или в филиале в г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 10

„THE BOOK OF WLES“

„ВЛЕСОВА КНИГА“

— A PAGAN RUSSIAN CHRONICLE FROM THE
PRE-OLEG EPOCH

— ЯЗЫЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ДООЛЕГОВСКОЙ РУСИ

(History of discovery, text and commentary)

(История открытия, текст и комментарий)

Вып. 1.

WINNIPEG
1966ВИННИПЕГ
1966

*Титульный лист книги С. Лесного, опубликованный
 в журнале «Родина» (М., 1999, № 7) в статье
 И. Кондакова. Судя по штампу, книга из библиотеки
 Гуверовского университета в Стенфорде*

Причины, побудившие его не возвращаться к СССР, до конца не ясны. Однако в эмиграции его не без оснований подозревали в работе на советскую разведку. Александр Куренков называл его членом социалистической революционной партии со штаб-квартирой в Нью-Йорке, которую он будто бы и финансировал (на деньги, поступающие из Советского Союза).

А раз так, то возможно, что часть тех средств пошла и на издание научных трудов самого С. Лесного. Также А. Куренков обвинял его в антимоноархизме и атеизме, именовал «продуктом большевистской науки». Впрочем, по словам о. Стефана (С.Н. Ляшевского), Сергей Лесной был православным верующим и пел в церковном хоре в городе Мельбурне.

По утверждению А. Куренкова, С. Лесной пытался использовать «Книгу Велеса» для пользы соц.-революционной партии. Именно он обратился за экспертизой «дощечек» в АН СССР через своего связного Кристесен. Через органы государственной безопасности это письмо было потом

переправлено в Институт русского языка академику А.А. Виноградову.

В его исторических книгах можно найти немало выпадов против «буржуазной исторической науки», «норманизма». По сути, все его труды имеют прославянскую и антигерманскую, и прямо антифашистскую, направленность, потому по меньшей мере странно, что наши «ученые» подозревают его в сотрудничестве с немецкими оккупантами.

С. Лесной с 1955 по 1966 год выпустил четыре ярко написанные, добротные по подбору материала, книги, посвященные древней истории славян и прежде всего «Книге Велеса». Также он подготовил Тезисы для V Международного съезда славистов, опубликованные в научном сборнике «Славянская филология», (т. 4. «Доклады, сообщения и статьи по литературоведению». София, 1963). Умер в 1967 году.

Книга С. Лесного «Откуда ты Русь?» (Виннипег, 1964 г.) с добавлением моего перевода «Книги Велеса» от 1992 года была переиздана в России в 1995 году (причем 30 тысячным тиражом. И при этом в книге автор перевода издателями не был указан). Это пиратское переиздание привело к спорам: не был ли мною заимствован перевод у С. Лесного. Был суд с издателями, оштрафовавший «пиратов». Тем не менее и потом было несколько изданий моего перевода под именем С. Лесного: в издательстве «Витязь», затем в книге одной из общин родолюбов, в Интернете и пр. Так что конфликт не исчерпан поныне. Хорошо, что настоящее переиздание первоисточника, то есть книги С. Лесного, было сделано Дмитрием Гавриловым в 2002 году.

И все же именно благодаря интересу к теме С. Лесного, и его относительно широко разошедшимся книгам, о «Книге Велеса» узнали и заговорили и в мире, и в России. Их тираж уже исчислялся не сотнями, а тысячами экземпляров, он обращался в крупнейшие научные центры, будоражил общественность.

С 1955 года он начинает забрасывать письмами Ю.П. Миролюбова, торопит, стараясь получить от него копии «дощечек». И Ю.П. Миролюбов, когда здоровье позволяет, отвечает ему.

Письмо к С. Лесному (С.Я. Парамонову)

26 января 1957 года, 600 Станиан стрит, Сан-Франциско, Калифорния, США.

Многоуважаемый доктор!

Вы все-таки торопитесь! С такими вещами, как тексты «Дощек Изенбека», я торопиться не имею права! Я их должен сверить с записями, имеющимися у меня, и сделанными в свое время с текста оригинальных «Дощѣк Изенбека».

В тексты, переписанные на машинке, вкрались ошибки. Их нельзя сфотографировать, как они есть, ибо тогда вместо «Н» будут, например, читать «И» и наоборот. Эти ошибки неизбежны при переписке. Тем более важна проверка самим писавшим. Сделать фотокопии легко, но результат будет скверным!

Кроме того, Кур разбил текст на нумерованные строки, что еще больше затрудняет переписку мной этих текстов. Между тем нумерация нужна, ибо ее все равно должен кто либо сделать.

О том, «фальшивка» это или не «фальшивка» я уже кажется Вам писал, что Изенбек плохо говорил по-русски, являясь по отцу туркменом, на что указывает самое его имя. Я хоть и учился славянскому языку в свое время, но так давно (полвека тому назад!), что уже ничего не помню.

Язык же «Дощек Изенбека» — архаический. В этом языке есть глаголы, значение которых утеряно, слова, которых мы больше не знаем, а главное, синтаксис и этимология этого языка отличаются от церковно-славянского (старо-болгарского) и русского языков.

Не будучи филологом, я бы все же причислил язык «Дощечек Изенбека» к недифференцированному языку до разделения западно-славянских языков от восточнославянских. Во всяком случае, в нем имеются общие с западнославянскими элементами слова и глаголы.

Текста «Дощек Изенбека» интегрально я сам не понимаю! Я разбил его, как мне казалось лучше, вот и все.

Весь шум, поднятый вокруг документа, мне в высшей степени неприятен, так как меня заставляет отвечать на тысячи вопросов по этому поводу.

Я бы предпочел, чтобы Кур в свое время не публиковал его. Тогда можно было бы работать не торопясь над текстом, но опубликовать действительно безукоризненный текст.

Согласитесь, что если бы прошло и пять лет, а не два года с начала нашей переписки, то и тогда бы не было поздно

опубликовывать полный и точный текст. Если же я буду топиться, то выйдут прорехи, ошибки, на которые и набросятся неблагожелательные критики.

В этом деле я обязан сохранить не только свое лицо, но лицо Кура и даже Ваше, хотя бы Вы этого и не хотели! Тут я буду тверд и непреклонен. Хотя Вы и доктор зоологии, а я доктор химии, мы оба далеко от филологии находимся, а занимаемся ею, как любители. Один Кур — настоящий этимологист (говоря по-местному) и знаток языков, как древних (шумеро-вавилонская группа языков), так и «новых» (латинский, греческий и т.д.). Что касается английского, немецкого, французского, русского и других, мы ими владеем, полагается, в достаточной степени.

Болезнь моя подходит к концу. Я уже могу немного заниматься текстом «Дошечк Изенбека», и сделал сверку и копировку «дошечки» № IX и X, как они попали в руки, ибо первые «дошечки» не столь интересны исторически. Обнаружилось «разночтение» мое с Куром: я читаю «А ДО НЕ», то есть: «И ДО НЕГО», или «И ДО НИХ», а Кур читает: «АДОНИ» — «ИМЯ БОГИНИ». Видите, какие трудности?..

Борзописец¹⁶, писавший «дошечки», либо пользовался неустоявшейся формой сокращений, из которых впоследствии выработались «титла», или же сокращал, экономя место и слова. Он мог делать и просто ошибки. Эти ошибки, сокращения, или же слития соседних букв, я не выправлял. Я относился к тексту с величайшей бережностью, почему и прошу подождать, чтобы иметь возможность закончить всю работу по переписке.

Не разбивать же текст я не могу, ибо тогда труд мой превращается в тягчайший! Я и так должен слово за словом переписывать, а так буду переписывать букву за буквой, ошибаться и вносить новые затемнения в текст. Он и без того достаточно темен! Прошло, вероятно, с пятьсот-шестьсот лет с тех пор¹⁷. Что такое еще два-три месяца?!

Понимаю Ваше нетерпение, но не понимаю, как Вы, научный человек, не можете понять, что я должен передать работу в безукоризненном виде?

¹⁶ Ну и выражение! Это вполне показывает, что Ю.П. Миролюбов мало ценил сокровище, доставшееся ему. А может быть, тому причиной была просто «черная меланхолия», вызванная болезнью и непрекращающейся болью. — А.А.

¹⁷ Теперь Ю.П. Миролюбов относит создание «Книги Велеса» уже к XIV веку? — А.А.

Иногда я думаю, что лучше было бы, чтоб о «дощечках» никто не знал, так надоедает думать о них, бороться с Куром, а теперь и с Вами.

В статьи Кура я не вношу никаких поправок. Он сам отвечает за них. С его «Русской теорией» я согласен, но не вижу, как и Вы, почему не может быть Русь славянской. Если Куру желательно осрамиться перед научным миром, это его дело, также как и Ваше, если Вы сами того пожелаете. Однако я не хочу склок на страницах моего журнала, где я хозяин. Там я этого допускать не могу.

Ну вот и все. Всего хорошего!

Ваш искренно. Юр. Миролюбов.

P/S Считайте все же, что Ю.П. М... Что я был тяжело болен. Хотя это и не смертельно, но весьма тяжело... Я сейчас сильно ослабел... Но все же отчаиваться не нужно, все же верю, что встану на ноги...

Письмо из Архива Ю.П. Миролюбова, присланного мне из Аахена Ж. Миролюбовой в 1994 г.

В это время С. Лесной выпускает одну за другой интереснейшие работы, касающиеся «Книги Велеса». Яркий, полемический язык, желание разобраться во всем, подлинно научный склад ума и умение правильно ставить вопросы и отвечать на них, отличают его работы этого периода.

Приведем один фрагмент из его книги, который посвящен первоначальному периоду изучения дощечек.

История изучения «Дощечек Изенбека»

«Дощечки Изенбека» были найдены в 1919 году полковником Изенбеком, командиром Марковской батареи, где-то в имении «в Курском или Орловском направлении».

Первое, что бросается в глаза узнающему эту историю, это то, что в 1919 году существовала какая-то несомненно состоятельная, образованная семья, владелица большой и, вероятно, очень старой библиотеки, которая была так безразлична к истории и культуре своей родины, что не удосужилась сообщить какому-нибудь ученому или университету о существовании дощечек. Поистине глубину культуры этих людей трудно измерить¹⁸.

¹⁸ Замечание, вполне отражающее наивные представления С. Лесного как о «научном» мире, царской цензуре, так и о современной ему политической цензуре. — АА.

Второе, что бросается в глаза, это то, что Изенбек (полковник, участник археологических экспедиций!), понимая значение дощечек (иначе он не стал бы таскать мешок с ними по всей Европе!), не отметил точно где, когда и из чьей библиотеки он взял эти дощечки. Это ли не русская халатность!

(...) Первым настоящим исследователем дощечек был Ю.П. Миролюбов, в сущности ему мы обязаны всем. Если бы не он, дощечки Изенбека были бы потеряны на веки. Он проделал самую трудную черную работу над дощечками и транскрибировал текст их.

Трудно сказать, не имея под руками оригинала, насколько безупречно была проделана работа над перепиской текста дощечек, однако, ясно, что основной костяк текста передан верно.

Чрезвычайно жаль, что Ю.П. Миролюбов не смог довести свое дело до конца — условия жизни эмигранта, война, переезд из Бельгии в USA, недоверие вокруг, заставили его бросить работу и сделать то, что следовало: передать все материалы в музей. Здесь их и нашел А.А. Кур и настоял на их опубликовании.

Ю.П. Миролюбов, в отличие от Изенбека, верно оценил значение находки и сделал все, что было в его силах. В первую очередь тщательно переписал их текст, и только благодаря ему мы этим текстом обладаем.

Следует отметить, что Ю.П. Миролюбов употреблял термин «дошэки» — очевидно он вычитал это слово из текста¹⁹, однако слово это чуждо современному литературному языку и нелегко произносимо, поэтому мы предпочитаем употреблять термин «дощечки» и предлагаем применять его к самим дощечкам.

Текст, переписанный Миролюбовым, мы предлагаем называть «текстом Миролюбова», все же сохраненное, как произведение, «Влесовой книгой», ибо на одной из дощечек мы находим указание: «Влес книгу сю птшемо...». Мы не знаем точно означает ли «Влес» имя автора или писца, либо книга эта была посвящена Влесу, и это неважно, — указание, что книга эта имеет отношение к Влесу, является вполне достаточным, чтобы употребить название «Влесова книга». Название это определено, кратко и точно.

Таким образом, дощечки с письменами мы будем называть «дощечками Изенбека». Текст письмен, как он сохранен Миролюбовым, — «текстом Миролюбова». Произведение же, как таковое, — «Влесовой книгой».

¹⁹ Этого слова в дощечках нет. Однако в первых же публикациях «Жарптицы» указано, что оно взято из летописей. — А. А.

Вторым исследователем «Влесовой книги»²⁰ и первым ее публикатором и комментатором является А.А. Кур.

Первая статья его под названием «Доцьки» появилась в январском номере журнала «Жар-птица» 1954 г. (с. 11–16), издающегося уже 10-й год в Сан-Франциско, в ней он оповестил о сущности находки.

В февральском номере того же журнала появилась вторая статья под тем же названием «Доцьки» (с. 33–35), в которой А.А. Кур привел уже значительные отрывки.

В августе 1954 г. последовала статья «Дощечка Изенбека» (стр. 29–34) с дальнейшим текстом и комментариями.

В декабре 1954 г. там же (с. 33–36) в статье «Дощечки» были опубликованы дальнейшие отрывки текста с соответствующими комментариями.

В январском номере того же журнала за 1955 г. была опубликована статья «Дощечки Изенбека» (Религия пращуров-предков) (с. 21–26, окончание в февральском номере, с. 23–26 и 32). В этой статье опубликовано было впервые и изображение одной из дощечек. В дальнейшем последовали другие статьи А.А. Кура там же, в которых он довольно подробно касался материалов из «Влесовой книги». В настоящее время А.А. Кур интенсивно работает, подготавливая издание всего текста.

К сожалению работа А.А. Кура отражает собой условия эмигрантской жизни и настоящим требованиям науки с технической стороны не удовлетворяет. Почти все его статьи напечатаны литографским образом, что за настоящее научное издание не считается. Такие издания считаются «на правах рукописи», «in litteris», т.е. в сущности неопубликованными.

Кроме того, текст напечатан неточно. Так, например, текст, разбитый на слова, не совпадает с текстом слитно написанного оригинала, есть выпущенные или измененные буквы, пропущенные слова и т. д. Конечно, подобные тексты не могут удовлетворить научного исследователя, остается только надеяться, что мы сможем в ближайшем будущем иметь «текст Миролюбова» напечатанным точно.

История русов в неизвращенном виде.
Вып. 6. Париж. 1957 г.

²⁰ Первым так назвал часть манускрипта А.А. Куренков. Впоследствии мной, а потом Б. Яценко, Р. Пешичем и Ю.К. Бегуновым было принято более точное название: «Велесова книга», или «Книга Велеса», ибо сокращенное написание «ВЛЕС», означает именно «Велес». — А.А.

Работы С. Лесного, посвященные «Книге Велеса», по сути были первыми в самом деле профессиональными.

Однако тон их, нападки на публикаторов, и тем более «разоблачения» возможных сторонников изучения дощечек в академических кругах (П.Е. Ковалевского, Г.В. Вернадского и пр.), вызвали дружное возмущение всех и затруднило дальнейшее изучение «Книги Велеса» учеными.

С другой стороны она побудила А. Кура и Ю.П. Миролубова более ответственно отнестись к своей задаче и начать последовательно публиковать сами тексты. К сожалению, его критику потом «с радостью» повторяли противники подлинности памятника.

Первым прервал все отношения с Сергеем Лесным Александр Александрович Куренков. Вот что он писал о нем Миролубову.

Письма А. Кура к Ю.П. Миролубову

Дорогой доктор, Юрий Петрович!

Ваше письмо получил. Все ОК. И только сегодня могу Вам написать, а завтра отправить просимое — тексты дощечек и это письмо.

Прежде всего и чтобы не забыть, делюсь с Вами следующей идеей (т.к. С. Лесной — наш враг, хотя и скрытый). Прежде всего, он, как я узнал, связан с остатками Соц.-Рев. Партии в Нью-Йорке. Он принадлежит к этой партии и те его держат за средства, которые он дает этой партии. Комментарии излишни. Я порвал с ним и больше не переписываюсь после его хамского письма и требования прекратить печатать мой труд в «Жар-птице».

Послал ему тексты дощечки, а № ее забыл записать, затем все свои статьи о «Дощечках Изенбека», разрешив ему пользоваться ими. На основании моих статей он написал выпуск № 6 о «Дощечках Изенбека», и кажется, он уже в продаже, а также ряд статей о «Влесовой Книге» в газете «Грядущее».

В № 8 этой газеты, он делает выписки из моих статей и не утруждается отметить источники, откуда он взял эти выдержки. Почему получается впечатление, что он имеет все эти тексты, что он уже разобрал их разделил на слова и перевел.

Судя по содержанию вашей статьи «Дошечки Изенбека». Вы также поняли статью в № 8 «Грядущего»: «после этого

она (т.е. разбивка и перевод) была сделана А. Куром, в Пало-Алто (возле Сан-Франциско, Калифорния) и Сергеем Лесным и т.д., а ведь он ничего не сделал, лишь пользовался чужим.

Упомянув С. Лесного, как работника (или соратника), Вы дали этому человеку большой кредит, а ведь он наш враг. Я думаю, что это большая ошибка.

Это нужно исправить и вот почему.

Так как Йельский университет заинтересован текстами дощечек и уже начал действовать, хотя и через Андрея Ласкаго, чтобы заполучить тексты, а во главе Департамента истории Йельского университета стоит профессор Георгий Владимирович Вернадский, учитель А. Ласкаго. И поскольку этого Вернадскаго С. Лесной обливает помоями и хамски издевается над ним (в своих выпусках «Истории русов в неизвращенном виде»), то мы можем потерять возможность использовать Йельский университет и заинтересовать его в дальнейшей судьбе дощечек, с возможностью Вашего приглашения в участия издания дощечек. Подумайте об этом хорошенько.

С. Лесной просто хочет выманить все дощечки и воспользоваться ими, как для себя, так и для партии... С. Лесной в Вып. № 3 своей «Истории русов в неизвращенном виде», пишет: «...правду скрывали в интересах той интернациональной касты (вернее шайки) властителей, которая восседала на тронах Германии, Англии, Франции и других стран... (страница 221-я)».

Ведь этакая каналья, приносил присягу английской королеве, а в чужой прессе причисляет ее к шайке... Комментарии о личности этого субъекта излишни.

Посылаю Вам не редактированные тексты дощечки № 1 и № 2 и редактированные тексты дощечки № 8 и ее перевод.

Затем возвращаю Вам газету «Грядущее» № №5, 6, 7, 8 и статью «Артания» и также вашу статью (а может быть, Вы ее прислали для меня? или для прочтения?)

Еще одно соображение: стоит ли сообщать имена бывших владельцев, особенно Куракиных? Какие-то Куракины живут в Париже. Как бы они не подали на нас в суд за пользование текстами дощечек.

Я очень устал и хвораю, но работаю. Тем более, что я один работник в семье, ни жена (хотя я ей не позволяю работать) ни дочь не работают. Зятек не содержит и не помогает абсолютно своей жене, начиная с первого дня свадьбы... Приезжайте к нам как-нибудь и когда потеплеет — поговорим по душам, но сообщите заранее о приезде. Храни Вас Бог и будьте здоровы! Привет супруге!

Сообщите число страниц для январского, февральского и мартовского выпусков, которые имеются у Вас и у г. Бутова. У меня ровно 23 страницы, т.е. материала хватит для журнала на семь месяцев, до августа 1957 года.

14 февраля 1957 г. Пало Алто,
Калиф. 1420. Эмерсон стрит.

Дорогой доктор, Юрий Петрович!

Посылаю Вам текст дощечки № 16 (Влесова книга). Разбил я сплошняк по другому и думаю, что это правильнее, чем разбивка Лесного. Но тем не менее два или три разночтения будет лучше для дела.

Мне очень не нравится его отношение, в его тетради, к Изенбеку (см. стр. 610-613)²¹. Все-таки не удержался и лягнул умершего (знает что полковник!)

Затем не спросясь ни Вас, ни меня, дает названия всем дощечкам имя «Влесова книга», дает неверные сведения о моих статьях, которые будто бы появились в 1954 году, когда это было раньше.

Больше всего меня возмущает то, что он так авторитетно сообщает о дощечках, как будто он знаком со всем материалом. Он сдал свою тетрадь № 6 в печать (см. на первом листе обложки перед текстом дату: 20 февраля, 1957 года). В то время он не имел ни одной дощечки, а пользовался моими статьями в «Жар-птице», которые я ему присылал. О том, что он пользовался и знакомился в отрывках с текстом, он не сообщает, а дает впечатление, что все о дощечках говорит на основании знания текстов их и добавляет, что вся моя работа не является научным исследованием или даже пробой, а является «в сущности неопубликованной, потому что напечатана литографически».

Далее обвиняет, что текст напечатан неточно, а как он это знает, если у него не было текстов? Далее он пишет, что пропущенные слова, измененные буквы и т.д. не могут удовлетворить научного исследователя, т.е. *ergo*. Далее он говорит о подлинности дощечек, а в письме ко мне пишет соображения, что тексты могут быть подделанными и именно Вами. В книге он облизывает Вас и наводит тень на меня и мою работу, в письме же ко мне (февраль-март) он подозревает Вас и старается внушить мне недоверие к Вам.

Вот другой пример: Сборник № 3, стр. 221: «...интернациональная каста, вернее шайка, властителей, сидевших

²¹ Имеется в виду глава «Биографические сведения о Ф.А Изенбеке», она приведена раньше. — А.А.

на тронах Германии, Англии, Франции» и т.д. Вот так заглаза он относится к своей королеве, от которой получает чины и содержание. Далее оплевывает мать св. Владимира (стр. 654, сб. № 6): «Каждому ученику со школьной скамьи известно, что Малуша была не леди, а девка...» Все это толкает меня прекратить всякую связь с этой сволочью...

19 ноября 1957. Письмо из Аахенского архива Ю.П. Миролюбова.

Да... Где собираются двое русских, там по одному вопросу высказываются три противоположных мнения, за которые мы готовы стоять насмерть...

Так мало было в то время исследователей «дощечек», меньше, чем пальцев на одной руке, но и они не ладили между собой. Старики, коим и жить-то осталось около десяти лет...

Но как же их покалечил жестокий век: войны, революции. А Сергея Лесного также и фашистский концлагерь. Один о. Стефан пытался их помирить...

Как раз в то время к изучению дощечек приступил и о. Стефан (Ляшевский), известный историк церкви, археолог и публицист, и еще несколько человек. Некий Бутов, сотрудник журнала «Жар-птица», снявший копию с бумаг Ю.П. Миролюбов и А.А. Куренкова (это копия через Ж. Миролюбову потом дошла до нас). Также некий П.Т. Филиппьев, давний знакомый Ю.П. Миролюбова (еще по Праге), работавший то полицейским, то скульптором, интересовавшийся и древней историей. Ему и перешли уникальнейшие фотокопии дощечек, прорисовки глифов и т.п., которые мы получили только теперь, в 2003 году.

Также к изучению «Книги Велеса» приступили украинцы: В.Е. Лазаревич и Кирпич, с коими поддерживает связь о. Стефан. От них он получает и копии дощечек, также и две фотографии.

Продолжают выходить номера «Жар-птицы». Но каждым выпуском Ю.П. Миролюбову становится все более ясно, что надежды на «литературную славу» оказались весьма зыбкими, его рассказы и стихи читают, но не более... «Классики» прозы и поэзии эмигрантского круга о них не отзываются...

Да и продолжающиеся издания «дошек» мешают журналу, «не лезут» в него. Их мало кто понимает: сложно, непонятно... да и о чем все это? Язычество? А не против ли это православия?..

И Ю. Миролюбову, и А. Куру приходится то и дело оправдываться, объяснять...

...Нужно отметить, что разбивка очень небольшого количества текстов — Миролюбова, но в остальном А. Кура. Это и понятно, так как Юрий Миролюбов на знание древних языков не претендует. Дошки к нему попали случайно, в результате находки Изенбека.

Если чтение сплошняка Куром или доктором Пармоновым окажется впредь расходящимся с чтением Ю. Миролюбова, он об этом скажет и даст свою версию. Образование нескольких версий в первоначальный период изучения текстов не только неизбежно, но даже желательно.

Путем сравнения дальнейшие исследователи смогут установить истинное значение таковых. Кроме того, такой труд не может служить для какого-либо личного возвеличивания изучающих. Это — черная работа. Скажут о текстах свое веское слово лишь непререкаемые специалисты.

Переписал Ю.П. Миролюбов.

«Жар-птица», март 1957 г.

Говоря вообще о «Дошках» Изенбека, надо держиваться как можно ближе текста, ибо нам всегда может казаться, что в тексте есть подтверждение наших мыслей, и мы таким образом, неправильно истолкуем самый текст.

Конечно, в местах неясных мы можем высказать наши догадки, но тогда надо сказать, чья догадка и почему. Если таких указаний не будет, легко будет сказать на счет объяснителей, что они вложили в текст свои объяснения.

...Это, конечно, лишь мнение Миролюбова, а не истина, непреложная и непререкаемая, на которой он настаивает.

Этим разбором и объясняется трудность печатания текста «Дошек Изенбека». Их надо подготовить. Надо дать хоть первое чтение, более или менее разумное, чтобы печатать.

Напечатанные «сплошняком» эти дошки будут доступны только специалистам (да и доступны ли всем?). Между тем, мы все должны думать о русских людях, которым эти Дошки нужны.

«Жар-птица», апрель 1957 г.

Мы не можем утверждать подлинности дощечек ввиду смерти их владельцев. Не можем мы также утверждать, что они поддельны, потому что язык записей архаичен и является неизвестным до сих пор науке. Дело ученых — историков и филологов сказать о них слово. К сожалению, в настоящее время таких специалистов нет, или если есть, то они предпочитают молчать.

Мы же, публикуя тексты, считаем только, что мы исполнили наш долг перед Русским народом и его Историей. Остальное зависит от Божьей Воли, на которую мы единственно полагаемся, не ища в этой публикации никаких личных интересов.

Кроме того, даже исполнение тяжелого долга не доставляет нам никаких личных радостей, и взялись мы за это против нашего личного желания.

Юрий Миролюбов.

«Жар-птица», сентябрь 1957 г.

Получаемые нами письма от гг. читателей свидетельствуют о том интересе, который возбудили печатаемые нами тексты «Дощечек Изенбека», и потому мы должны еще раз сказать, что «Дощечки» пронумерованы в первый раз г. Куром по порядку их поступления, и эта нумерация носит форму — «документ № такой-то», а затем г. Кур их пронумеровывал в зависимости от смысла текста, то есть в соответствии с темой повествования. Конечно, возможна и другая систематизация. Г. Парамонов требовал, например, чтобы текста не разбивали, и несколько дощечек были напечатаны с примитивным текстом, без разбивки «сплошняка» на слова. Это вызывает необычайные трудности набора, а главное, может привести к искажениям текста, почему мы в будущем будем придерживаться практики разбивки текста по нашему разумению. Если кому захочется разбивать иначе, он может слить сам текст и разбить полученный «сплошняк» по-своему.

Пока тексты не будут напечатаны все, мы воздержимся от выводов по их поводу, но уже теперь видно, что **Начало Русской Истории** придется полностью пересмотреть. Кроме того, надо помнить, что если, скажем, имена готских царей не совпадают с именами, указанными Иорданесом, это еще не означает, что таких царей не было, а лишь что они могли носить у наших предков иные имена. В некоторых случаях, как например с именем Алдорех и Олдорех, возможны два произношения одного и того же имени. Эти замечания относятся целиком на счет возможных идей, которые можно себе составить, читая «Дощечки».

Работа даже при переписке текстов, уже переписанных в свое время начисто, тоже может продвигаться лишь крайне

медленно, ибо необходима тщательная проверка, чтобы не запутать имеющиеся тексты еще вторичными и третичными ошибками.

Работа идет крайне медленно и по причине невозможности посвятить ей все время. Мы живем не у себя на Родине, где могли иметь все в своем распоряжении, а в изгнании, где нет ни средств, ни времени, тем более что простая жизнь, изо дня в день требует денег, которых мы тоже не имеем в достаточном количестве. Все это надо понять, чтобы видеть, что мы делаем все возможное в нашем положении и с той скоростью, какая возможна для нас.

Конечно, жаль, что многое сделано было кое-как, фотографии текстов немногочисленны, репродукции неясны, и так далее, но — всем должно быть ясно, что и это стоило нам огромных усилий!

Снова повторяем, мы на чужбине, и Русской Историей за границей интересуются только как аксессуаром при собственной истории. Изменить в этом отношении обстоятельства мы не можем, а потому будем продолжать нашу работу, как уже начали ее вести.

Нас меньше всего интересует, подлинны тексты, или нет. Сообщить их был наш долг, а об остальном должны подумать специалисты. Мы с ними не спорим. Скажут: «апокриф», будем думать, что — «апокриф», а скажут — «подлинный документ», будем знать, что «специалисты сказали, что дощечки подлинны». Другого мнения мы иметь не можем.

Но если хоть половина сказанного в Дощечках правда, а другая половина, скажем, более позднего происхождения, то и этой половины достаточно для пересмотра Начала Русской Истории!

«Жар-птица», октябрь 1957 г.

На поступающие запросы редакция не может ответить. Она занимается постепенной подготовкой и печатанием «Дощечек», не вникая в общедоступный перевод, так как это и без того длинное дело, а с комментариями оно растянется на ряд лет. Наше дело передать документ, проливающий свет на начало Руси, а не его толкование. Кроме того, мы и сами не знаем, что значат некоторые места текста. Для этого есть специалисты. Последние же молчат до сих пор.

Мы можем при таких условиях только печатать, не вдаваясь в суждения о подлинности «Дощечек» (это не наше дело), о их языке, о филологических тонкостях и так далее. Мы не можем ничего добавить ко всему ранее сказанному по поводу «Дощечек», но стараемся только исполнить наш долг перед родной Историей.

Желающих знать научное мнение о «Дощечках» мы отсылаем к «Истории в неизвращенном виде» Сергея Лесного, изд. Объединенных Издателей, Париж, 1957 г. выпуск VI. Там есть не только некоторый разбор текстов, но и мнение о них.

...Можно лишь заключить, что тексты, написанные «сплошняком», то есть без раздела на отдельные слова, очень трудны для чтения, а там, где «сплошняк» является еще «слитым», то есть где две одинаковые буквы сливаются в одну, трудность еще больше! Как прочесть такое место? Как поставить букву «от себя»? А может, такой буквы и не было? И как мы можем добавить что-то к тексту, хотя бы это нам и казалось необходимым? А может, буква была слита неправильно? Скажем, «Е» и «I»? Тогда смысл будет еще больше темен. Прочесть будет еще труднее. Короче говоря, тексты «Дощек» дело вовсе не такое простое, как может казаться многим, а их печатание и того серьезнее, важнее, а главное ответственнее.

Содержание «Дощек» не является каким-либо произведением искусства или статьей, а публикацией исторического или псевдо-исторического документа. Мы вопроса не решаем. Повторяем, для этого есть специалисты. Объяснять текстов мы тоже не можем, за исключением тех из них, которые нам удалось прочесть самим. Мы даем, таким образом, один из возможных вариантов чтения текста и не претендуем на его точность.

«Жар-птица», январь 1958 г.

...Мы обязаны необычайному случаю, а именно революции, из-за коей «Дощьки» увидели свет. Но также мы обязаны неудачному времени, Второй мировой войне и немецкой оккупации, по причине коих «Дощьки» исчезли. Текст между тем был переписан и скопирован почти весь.

В основном, текст совпадает с мнением Ломоносова о происхождении Руси и имени Русского народа. Что касается самих «Дощек», то мы не беремся судить об их подлинности или неподлинности. Это дело специалистов, которые легко могут узнать из архаичности языка, чего стоит документ.

Ю.П. Миролюбов.

«Жар-птица», февраль 1958 г.

Редактор, будучи тяжело болен, поручил работу «Дощечка №5» третьим лицам, которые испортили как «сплошняк» дощечки, так и разделенный текст, а потому, принося извинения гг. читателям, редакция просит считать «Дощеч-

ку №5» неверной. Скоро будет напечатан правильный текст «Дощечки № 5».

«Жар-птица», март 1958 г.

Напечатав тексты дощечек теперь, раньше чем ученые их освоили и изучили, мы оградили эти тексты не только от искажений и, даже, что могло быть, от уничтожения, но сохранили их не только на бумаге, но и в памяти тех, кто любит и ценит нашу родную старину. Вся эта работа, опубликовать полностью тексты, была тяжелая и каторжная. Работа кропотливая, изнуряющая и очень медленная, работа черная.

Теперь это все позади. Народ и его ученые имеют эти тексты. Теперь все за учеными специалистами. Они должны или принять их на основании их истинной науки или отвергнуть, объяснив точно, ясно причину.

Они должны исследовать их, изучить всенаучно и дать их перевод на нашем теперешнем языке, со всеми комментариями, необходимыми для этой цели.

Тексты «Дощечек Изенбека», как я их понимаю, являются величайшим историческим документом нашего времени, и не только для нас, русских, но и для остальных народов белой расы.

Эти документы уже произвели грозную революцию в понимании нашей начальной истории, но они произвели революцию и в языковедении, указав, что древнерусский язык является отцом так называемых славянских наречий.

Дощечки точно и веско утверждают, что основа нашего народа были «кимры» и те народы, которые позже явились на нашу древнюю территорию. Это подтверждается и археологией, которая нашла нашу Прародину именно здесь, на нашей территории, а не где-нибудь в иных местах...

...По текстам «Дощечек» готы, или, говоря языком текстов — «годь», не являются какой-то культурной народностью, как расписывал их Иорданес, готский историк. Прежде всего, это шайки пришлого из Азии народа, жившего исключительно за счет русских племен... Древние русы били этих готов и в текстах рассказывается подробно про все эти битвы...

Эти свидетельства уже и есть настоящая история. И это страшнейший удар норманистам и их норманнским теориям. И это конец норманнской школе историков.

А. Кур.

«Жар-птица», ноябрь 1958 г.

Нравится или не нравится гг. «норманистам», но дело Начального периода Русской истории сдвинуто с места...

Наш великий ученый М.В. Ломоносов еще во времена, когда Рос. Академия Наук только была создана, утверждал, что прошлое русского народа началось отнюдь не с варягов.

Сейчас г. Парамонов в Австралии доказывает то же самое. А.А. Кур в Сан-Франциско не только дает в своих статьях подтверждение этой теме, но доказывает и древнейшее происхождение Русского народа на основании научных данных, археологии. Библии и Ассиро-Вавилонских данных...

Мы предлагаем, если и теперь гг. «норманисты» не сдадутся, считать их вне науки и прекратить даже спорить с ними, ибо они руководствуются не Историей, но желанием и «мнением», что, конечно, далеко от логики и никак в счет идти не может.

Ю. Миролюбов.

«Жар-птица», май 1959 г.

Видя, что публикации древних текстов «утяжеляют» журнал, да и многих раздражают своей непонятностью Ю.П. Миролюбов предпринимает новый шаг.

Он начинает публикации «Сказов Захарихи», а также «южнорусского эпоса», который Ю.П. Миролюбов стал записывать еще в детстве в деревне Антоновке и в других местах, а потом продолжил в духовном училище и в гимназии, вначале по принуждению матери, а потом по просьбе инспектора Н.Г. Попова, собиравшегося создать книгу о южнорусской истории. Именно это воспитание, выработанная в детстве и юности привычка и подвигли его потом также переписать и «Книгу Велеса».

Сказы написаны языком отчасти понятным. Это южнорусский «суржик». Смесь русского и украинского языков, с примесью архаики полукнижного, полупольклорного происхождения. Насколько могу судить, для русских украинцев (в смысле русских граждан Украины) этот язык близок. И потому в среде эмиграции и среди читателей журнала «Жар-птица» эти «сказы» получили даже больший отклик, чем «непонятная» публикация «дощък».

То же представляют из себя сии «сказы»? Нельзя сказать, что этот источник фольклорный, как это понимается в современной фольклористике. Да и сам Ю.П. Миролюбов не скрывал, что некоторые «сказы» он восстанавливал по памяти (то есть досочинял), см. об этом предпоследнюю

главу из его книги «Славяно-русский фольклор». Баба Захариха, на которую он часто ссылается, по его описанию суть провинциальная поэтесса, имевшая библиотеку и читавшая по крайней мере всю классику: Пушкина, Жуковского, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевского (см. «Собрание сочинений Ю.П. Миролюбова», т. 5, «Захариха»). Ее муж, Захар, зарабатывал на жизнь тем, что переплетал книги (значит, было что переплетать в Антоновке). Так что, они могли иметь в своей библиотеке, к примеру, мифологов-славяноведов Костомарова, Фаминицына и Леже (изданного недалеко, в Воронеже, в 1908) и т.д. И Захариха, и продолживший ее дело Ю.П. Миролюбов, по сути люди одного культурного уровня. И у них есть предшественница «прабабка» Захарихи, жившая в XIX веке, на которую ссылалась ее внучка.

Дословно ли передали «сказы» прабабки Захариха, а затем Ю.П. Миролюбов? Очевидно, нет. В этом отношении «Сказы» можно сопоставить со «Сказами Артынова», созданными в XIX веке, и другой подобной литературой творцов «из народа». В них непросто выделить собственно фольклорную основу, и в них часто встречаются переделки «под фольклор» сюжетов, почерпнутых из понравившихся книг. Хоть они тоже достойны изучения, записей, ибо и в них есть и подлинные народные легенды.

Своеобразное это чтение «Сказы»! И, разумеется, их бы тоже нужно издать у нас и все, даже те, что не смог издать сам Ю.П. Миролюбов. Хоть и небольшим тиражом, для ученых славяноведов. Кое-что, причем самое интересное, уже было издано в 2-х томнике «Сакральное Руси» (М., 1996). Однако, на мой взгляд, как литературное произведение «Сказы Захарихи» и др. подобные песни из сборника Миролюбова, имеют не очень большое значение, и они не будут восприняты русским читателем, но могут, по всей видимости, вызвать некоторый интерес на Украине, в областях, где сей язык и ныне распространен.

Нельзя не заметить и того, что подобных и даже просто созвучных сказаний до их пор не обнаружено в богатейшем наследии южнорусского и украинского эпоса. Ни одной

Ю.П. Миролюбов

песни, опубликованной Ю.П. Миролюбовым, не было обнаружено в сотнях этнографических экспедиций ни на Кубани, ни на Украине.

Однако это еще не значит, что они заведомо от начала и до конца сочинены самим Ю.П. Миролюбовым. Сколько могу судить, сравнивая ситуацию с известной мне волжской традицией, подобные легенды не являются общеизвестными. У волжан

сродные легенды сохранились только в кратких пересказах, быличках, а старые песни по большей части отмерли. И если бы кто-то собрался заново сочинить их по известной сюжетной канве, то, возможно, и получилось бы что-то подобное «сказам» Миролюбова. Литературная ценность подобных песен уже будет зависеть от таланта сочинителя. И фольклористы почти всегда проходят мимо подобных новосочиненных песен. Но при этом, к сожалению, теряется и их подлинная легендарная основа.

Конечно, менее всего интересно в Миролюбовских «сказах» то, что явно взято из книг по античной истории. Читать безыскусные переделки рассказов Геродота, Бероуза и пр. скучновато. Образы царя Куряки, в коем узнается персидский царь Кир, и Дурия царя, в коем нельзя не узнать Дария Кодомана, довольно плоски. Песни о сих царях слепо следуют именно рассказам античных историков. Таковой не может быть независимая народная традиция (ср., например, былины о Владимире Красное Солнышко и летописи о нем же). И кто прочитал и переделал рассказы о сих царях, сам Миролюбов, Захариха, или ее прабабка, нас мало занимает. Но отмечу, что для подобной народной литературы это обычное явление, такова специфика жанра.

Более занимательны «сказы» о царях и прародителях, которые нам известны также по «дощечкам» «Книги Велеса». Только ли по ним? Отнюдь нет! Некоторые из них мы встречаем и в «Веде славян», т.е. в эпосе болгар (а он издан за сто лет до «Книги Велеса»). Известны эти прародители и по легендам волжской традиции, а она до сего времени не представлена должным образом в изданиях фольклористов.

В пахаре Орае из «Сказов», в Усиле добром, в Паньке, нельзя не узнать Оря, Асилу и Бана «дощечек». Однако «сказах» мы встречаем и прямые пересечения, заимствованные выражения «из дощечек», а также там появляются персонажи прямо из «Гетики» Иордана и византийских летописцев, и именно в передаче сих историков (например, «княгиня Сван», Лебедь) и пр.

Все это указывает на «руку» самого Ю.П. Миролюбова, подтверждается кругом его чтения. И здесь он также почти всегда следует своим источникам, ничего не добавляя от себя.

Но все же некоторые «живые краски», появляющиеся в сих рассказах, заставляют нас предположить, что в эти песни и в самом деле вошло кое-что и из подлинной южнорусской традиции. Он же жил там, и его фольклорные записи, наблюдения за обычаями, часто поражают своей глубиной. Это не из книг вычитано. Легенды (в виде кратких упоминаний, пословиц и прочего) о пахаре-Орае, научившемся пахать у некого Житняка, а также о царе Панько, сидящем в болотах, и грозящем кием, вполне могли быть услышаны Ю.П. Миролюбовым или той же Захарихой. Но потом они подверглись переработке.

Представляется вероятным рассказ Ю.П. Миролюбова о том, что он записывал в детстве и юности рассказы о сих царях. Разумеется, эта традиция уже находилась в последней стадии разрушения. Это только эхо древнего эпоса. И в нем стародавние степные князи уже нередко являются с ружьями. Но, подумаем, а если в той же южной Руси в XVIII и XIX веках была жива традиция, подобная той, что есть в «Веде славян», могло ли от нее остаться в XX веке что-нибудь иное?

Да и многое ли могло сохраниться в памяти Ю.П. Миролюбова от песен, слышанных в детстве? Полагаю, что с тех времен, если и осталась у него тетрадка, то только с заметками, пересказами, не более. Слишком уж велика и очевидна доля в этих «сказах» творчества самого Юрия Петровича Миролюбова. Это творчество находится в том же русле традиции, что и песни упоминаемых им Захарихи, Варвары, кобзаря Олексы и прочих. И он также, как они, наивно перерабатывал и смешивал в «сказах», и то что слышал в детстве, и то, что прочел в книгах, и то, что понял в «дощках».

Это делалось не с целью кого-либо обмануть, ибо и сам Миролюбов не скрывал сущность своего подхода к созданию «сказов», это просто такой жанр, традиционный для народной литературы.

И конечно, напрасно Ю.П. Миролюбов ставит рядом «Сказы», и «Дощки», и даже ассирийские таблички, и т.д. Для историков такое сопоставление вообще невысказано, ибо эпос, а тем более его переработки, никогда не считаются историческим источником. Подобный подход мог бы считаться разумным для мифологов (скажем, «Калевала», созданная в XIX веке, на основе подлинных песен рунопевцев, таким источником считается), однако «Сказы» не отмечены литературными достоинствами, чтобы стать важным источником по славянской мифологии и при таком к ним отношении.

Объясняется это тем, что сам Ю.П. Миролюбов не осознал, что значат «дощечки», не был филологом, да и о фольклоре имел представления своеобразные.

И на мой взгляд, подобная публикация «сказов», пусть даже Ю.П. Миролюбов оговаривает то, что они наполовину им сочинены, наводит немало «тумана». Неискушенному читателю трудно разграничить «дощечки» и «сказы», ибо и те и другие тексты читаются трудно, и те и другие повествуют о древней истории славян. И этим потом воспользовались противники «Книги Велеса».

Но что делать! Таким был Ю.П. Миролюбов. И если бы в его роде (старинном, казачьем!) не было такой традиции береж-

ного отношения ко всему, что имеет отношение к древности, то не были бы им сохранены и тексты «Книги Велеса».

Публикации «дощек» 1953 — 1959 гг. были первыми, и многие из них ныне являются единственным первоисточником. Из-за болезней и нищеты эмигрантов, первых издателей, им многое не удалось опубликовать, кое-что не дошло и до нас.

Главный вывод, который следует из изучения первых публикаций в «Жар-птице»: в те годы копий дощечек было больше, чем мы имеем сегодня.

Были фотостаты и фотографии, которых ныне нет. Доселе не найдены: фотостат дощечки № 16 (большая копия с рисунками); фотостат дощечки № 11 («Прославление Триглава»); фотостаты связки дощечек № 7 (9 сторон). Ряд текстов мы имеем только в цитатах. Итак, с задачей публикации древних текстов Ю.П. Миролюбов и А.А. Куренков не справились и на треть.

В 1959 году в мире разразился очередной экономический кризис. Жизнь подорожала. К тому же средства, унаследованные от Изенбека и накопленные в Бельгии, стали иссякать. Семья Миролюбовых с трудом сводила концы с концами на скромную зарплату Жанны, работавшей медсестрой. И потому Ю.П. Миролюбов, все более слабеющий из-за болезни, был вынужден свой журнал закрыть.

Но он еще работает, пытается предложить «Дощки Изенбека» разным эмигрантским изданиям. Некоторый интерес проявляет только издатель «Свободного слова Руси» М.И. Туряница (но и он скорее был готов публиковать «сказы»). К коему и начали тогда стекаться материалы о «дощечках», от Ю.П. Миролюбова, С. Лесного, П.Е. Соколова и других.

Сей М.И. Туряница работает поныне в Нью-Йорке, несмотря на преклонный возраст. С его сотрудником В.В. Штепой, который потом переехал в Швецию и основал свой «велесоведческий» журнал «Факты», я встречался в Москве в 2000 и в 2001 годах. И получил немало интереснейших материалов о «Книге Велеса».

Юрий Петрович и Жанна Миролубовы

Кто такой М.И. Туряница? Вот что рассказал о нем В.В. Штепа.

«М.И. Туряница родился 4 октября 1912 года в г. Свалява в Закарпатье. Русские люди почти ничего не знают о борьбе карпаторосов за вхождение в состав Российского государства. Считается, что Закарпатье сохраняло чистейший русский язык, близкий к великорусскому наречию, около 2 000 лет.

Наконец, в 1944 году на их земли пришла Советская армия. Перед этим делегация карпаторосов во главе с доктором Гровским пыталась довести до сведения Советского правительства о желании Карпатороссии избежать включения в Украину и войти в РСФСР. Но И. Сталин делегацию не принял, а земли карпаторосов разделил между соседями: Пряшевскую Русь отдал Чехословакии, Лемковщину Польше, часть Буковины — Венгрии, а Свалява досталась Украине. Немедленно началась украинизация всего Закарпатья, сам Михаил Ильич был назначен директором средней школы, в которой учителя вынуждены были заниматься изобретением слов украинского языка. Будучи полностью несогласным с таким поворотом событий и крахом тысячелетней мечты карпатчан, он, как многие интеллигентные карпатороссы,

перешел границу с Чехословакией, потом после долгих странствий оказался в Нью-Йорке.

В Нью-Йорке Михаил Ильич основал журнал, который вначале назывался «Свободное Слово Карпатской Руси». Со временем доля подписчиков-россиян перевесила, и журнал сократил свое имя до «Свободное Слово Руси». После закрытия «Жар-птицы» Юрий Миролюбов списался с Михаилом Ильичом и стал печатать свои статьи и «Сказы Захарихи» в «Свободном Слове Руси» уже с 1961 года».

В архивах Туряницы и Штепы нашлась огромная пачка писем Ю.П. Миролюбова, оригиналы их были переданы мне, но лишь два из более чем сорока писем имеют отношение к «дощечкам».

Письма Ю.П. Миролюбова к М.И. Турянице

Дорогой мой брат, Михайло Ильич... Получил Ваше письмо и журнал. Спасибо! Особенно рад, что и др. С. Лесной-Парамонов работает там же. Он — человек тяжелый, но у него есть идея, — очистить Русскую Историю от «норманизма». Разве можно оставить это «норманизм», чтобы и дальше от нас скрывали, что мы, русы, народ древний, славный и могучий?

И несмотря на то, что С. Лесной меня ругает даже в своей «Неизвращенной Истории Русов», я все же приветствую его у Вас! Надо, чтобы он писал. Мы ведь «последние могикане», и после нас — пусто. В СССР людей учат по-другому. И за границей совсем не учат «ни по-какому». Кто же передаст нашу православную традицию?

Почему я так поступаю в отношении С. Лесного-Парамонова? Потому что, для успеха дела так надо поступать. А там, ругает, ну так и — черт с ним!

Недатированное письмо, около 1960 г.

Я прочел Ваше обращение в «Знамени России». Уже год, как я закрыл по болезни мой литературный журнал «Жар-Птица». Лежу больной тяжелым артритом, уже пятый год...

Пришлю Вам комплект моего журнала, и из него Вы увидите, что старый Документ, так называемые «Дощки Изенбека», писанные на славянском наречии, близком к гуцульскому, вероятно составлен в Карпатах. Если присмотритесь, то увидите, что это так. Значит, вопрос этот, который меня трогает и прирос к моему сердцу, тоже и Ваш вопрос...

Письмо, посланное из Сан-Франциско в Нью-Йорк от 26 декабря 1960 г.

«Карпатская» теория происхождения «дощек» впервые была введена в оборот С. Лесным в качестве возможного допущения. С. Лесной так же как и Ю.П. Миролюбов надеялся на поддержку карпато-русса М.И. Туряницы и его журнала. Ныне об этой «теории» напомнили академик Ю.К. Бегунов и профессор Б. Яценко.

И это были последние действия Ю.П. Миролюбова, которые он предпринял, чтобы опубликовать тексты «дошек». В последнее десятилетие своей жизни он уже, как кажется, не участвовал в публикациях по этой теме. И даже все свои архивы передал Музею русской культуры.

Вскоре, в конце 60-х, С. Лесной умер. Существуют письма украинского ученого Н. Скрипника, согласно которым С. Лесной перед смертью связывался с Лувенским университетом и получил данные о том, что дощечки попали в его манускрипторий. И будто бы об этом, и о получении С. Лесным копий дощечек из университета заявил его сотрудник И.И. Гапанович, умерший вскоре, в 1971 году. Но тогда был жив и сам Ю.П. Миролюбов, а он об этой истории вроде бы не знает... Однако именно тогда Ю.П. Миролюбов засобирался обратно в Европу, не было ли это одной из причин такого решения?

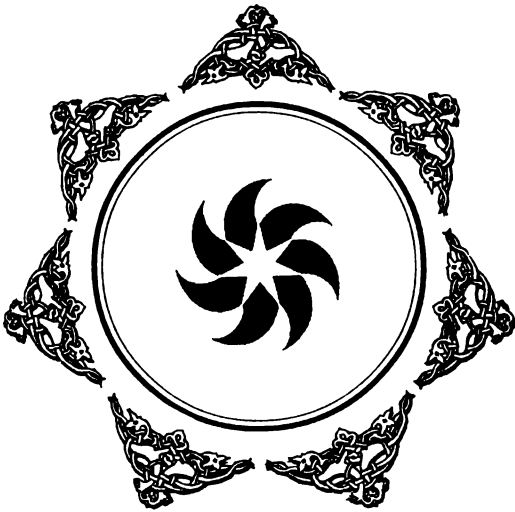
Журнал был закрыт. Деньги подходили к концу, да и Жанна вышла на пенсию по возрасту. В Америке их уже ничто не держало. И Жанне, и Юрию Петровичу захотелось вернуться в Европу, там друзья и родственники, и не все решают деньги...

И тогда, в 1970 году, они погрузили свои пожитки на торговое судно «Виза» и отправились в путь. В Атлантике Юрий Петрович заболел воспалением легких... и старый организм не справился с болезнью, вскоре пришла смерть. Перед смертью он завещал Жанне издать все его сочинения. И она поклялась исполнить его волю...

**Признание
«Книги Велеса»**

Борьба за «Книгу Велеса»

История находки и издания «Книги Велеса» по О.В. Творогову

Изложенная ранее история находки и публикации «Книги Велеса», со всеми подробностями, с обширным цитированием редких печатных и подлинных архивных документов, важна и интересна не только сама по себе, но также потому, что только так, с документами в руках, можно противостоять попыткам фальсификации этой истории.

Природа «научных школ» такова, что стоит только кому-нибудь, обладающему соответствующей степенью, запустить ложную идею, как эта идея, уже без проверки, будет повторяться бесконечно. Кто-то полвека (если не век) назад что-то сказал, и с тех пор в научных публикациях на него ссылаются, работы от ссылок на авторитет обретают «научный вид», и так рождается устоявшееся мнение.

Так, например, в глазах «науки» было опорочено имя А.И. Сулакадзева, первого хранителя дощечек «Книги Велеса». Уже полтора года лет в десятках статей, книг, брошюр, порочат его, и при этом никто до последнего времени так и не удосужился изучить его архивы и опубликовать то, что от них осталось.

Похожий метод был избран и для борьбы с «Книгой Велеса». Мы не имеем возможности и желания разбирать здесь каждую такую публикацию. Но пройти мимо работ известного «антивелесоведа» О.В. Творогова мы уже не можем, потому что они получили широкую известность. Он неоднократно выступал с изложением своих идей в печати и на телевидении.

В сущности, отчасти мною самим и был порожден «феномен О.В. Творогова». Кто бы знал о нем, кроме узких специалистов-источниковедов? Кто бы стал его приглашать на телевидение, если бы мною не было названо его имя? В таком противостоянии мнений наиболее легко добивается победы тот, кто не замечает противника с начала битвы. Однако, когда борьба уже начата, поздно уходить в сторону от противника.

Вначале я не хотел вступать в эту борьбу, даже радовался, что некий ученый занимается «дощками», пусть борется с ними, но работает. Значит, тема задела за живое, и значит, это «живое» есть. Но логика жизни, и в большей степени воля работодателей, редактора журнала, режиссера телепрограммы, толкнула и меня в это сражение. Им для привлечения внимания нужна была эта борьба, и они ее устроили, и я не сумел от этого отказаться, ибо и мне было важно привлечь интерес к «Книге Велеса».

Но боюсь, что это было одной из самых трудно поправимых ошибок, ибо никогда не нужно ввязываться в борьбу, если ее можно избежать.

И вот, он пересмотрел свою точку зрения, но мне по-прежнему приходится бороться с его давними заблуждениями, «фантомом» О.В. Творогова, поскольку противники «Книги Велеса» не замечают его ухода от борьбы и по-прежнему ссылаются на его старые работы, от коих он уже начал отказываться.

Итак, кто же такой О.В. Творогов?

Творогов Олег Викторович — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук.

Он родился 11 октября 1928 года. Закончил филологический факультет Ленинградского университета. Работал и занимал посты в Историко-филологическом отделении АН СССР, отделении русского языка и словесности. В «Энциклопедии “Слова и полку Игореве”» (СПб., 1995), указано 240 его научных статей и работ. Но, замечу, среди них нет ни одной по палеографии, эпиграфике или берестоведению, за исключением той, что относится к анализу «Книги Велеса».

Учителями его были ленинградские лингвисты и источниковеды и его научной специальностью было и есть «содержание текста, литературная его форма и языковое воплощение» (см.: А.А. Алексеев. К юбилею ученого // Русская литература, 1998, № 4). Никогда его научной специальностью не было определение подлинности памятников письменности

*О.В. Творогов. Передача
«Тайны "Книги Велеса"».
ТВЦ, 1998 г.*

с точки зрения истории языка и письма, и он не является специалистом по старославянскому и древнеславянскому языкам, это отдельная область знания.

Так же, как отмечается в статье «К юбилею ученого», его работам всегда был присущ «строгий позитивизм», в них не было и нет «места «квасному патриотизму», облюбовавшему Древнюю Русь, как удобное сидалище». Кстати, не ясно, с какими это «квасными патриотами» так воюет А. Алексеев и О.В. Творогов? К сим патриотам обычно причисляют ученых школы Б.А. Рыбакова, например, из почивших: А. Кузьмина, В. Кожинова... Это о них речь? Не обо мне же? Озвучьте список!

Особенно в сей статье отмечался «исторический момент» для дирекции Пушкинского дома, когда он вступал в ряды КПСС. Это привело к «умиротворению» пылавших там страстей. Но это, конечно, дела старые.

В его статьях собраны по сути все дилетантские и поверхностные суждения, которые когда либо возникали в связи с «Книгой Велеса», и к ним он также добавил немало своих. Но если суть идей, касающиеся узкоспециальных вопросов языкознания, палеографии, может быть понята очень немногими (эти вопросы мною разрешены в монографиях), то суть его метода, касающегося фальсифи-

кации истории нахождения и публикации памятника при наличии документов, становится очевидна всем. Покажем это на примере его статьи, опубликованной в журнале «Труды отдела древнерусской литературы» (т. 43, 1990). Основные мысли ее неоднократно повторялись им и в иных публикациях, также в телеинтервью передачи «Тайны «Велесовой книги»» (ТВЦ, 1998).

Эта статья О.В. Творогова выходит за рамки не только обычного «научного» скептицизма, но и просто за рамки научной этики. Не имея под рукой всех материалов, например, публикаций в «Жар-птице» (имевшейся, кстати, в ИНИОН с 50-х годов), не прилагая никаких усилий к спасению еще существовавших тогда материалов по славянской рунике, О.В. Творогов подтасовывал имеющиеся данные, и только. И тем ввел в заблуждение широкую научную общественность.

Приведем примеры его мистификаций, цитируя и комментируя эту работу.

«Влесова книга»

Предлагаемая читателю работа необычна по своему жанру и теме для научного ежегодника, коим являются «Труды Отдела древнерусской литературы», исследуется источник, являющийся как мы попытаемся доказать, фальсификатом нового времени — середины нашего века.

Здесь и далее О.В. Творогов «пытается» фальсифицировать архивные данные (которые у него были в малом объеме), первые публикации, и т.д. с целью доказать абсурд, будто «Влесова книга» была создана где-то с 54 по 59-й год Ю.П. Миролюбовым. Это основная его идея, кою он теперь широко растиражировал.

Название «Влесова книга» дано рассматриваемому памятнику одним из энтузиастов его изучения публикации — С. Лесным. С. Лесной — псевдоним доктора биологических наук, специалиста по систематике двукрылых С. Парамонова. Парамонов бежал из Киева в 1943 году и впоследствии обосновался в Австралии (см. *Шарлемань Н.В.* Сергей Парамонов и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16.)

Это не так. На самом деле название впервые ввел в оборот А. Кур (см.: «Жар-птица», 1955, № 2), но О.В. Творогов не имел публикаций «Жар-птицы», он основывался только на книге С. Лесного, которую прислал в Пушкинский Дом энтузиаст изучения «Книги Велеса» Б. Ребиндер.

Здесь О.В. Творогов также ссылается на легенду о С. Лесном, как пособнике фашистских оккупантов, запущенную Н.В. Шарлеманем. Вот ведь наука! Достаточно ссылки, и клевета обретает видимость основательности.

Этому слуху потом следовали и Б.А. Рыбаков, В.И. Буганов и Л.П. Жуковская, писавшие в статье «Мнимая “Древнейшая летопись”» (Вопросы истории, 1977, № 6,) что С. Лесной в 1943 году бежал из Киева «вместе с фашистскими оккупантами». Тогда как С. Лесной, советский ученый и антифашист, был нацистами брошен в концентрационный лагерь Мюнден за борьбу с оккупационным режимом.

...Под псевдонимом С. Лесной он опубликовал несколько дилетантских книг об истории Руси и «Слове о полку Игореве». В его сочинении «Влесова книга» — языческая летопись до-Олеговской Руси» наиболее подробно изложена история находки и публикации памятника. История эта такова.

Несмотря на то, что работы С. Лесного походя названы дилетантскими, а их тогда в Советском Союзе никто и не видел, далее О.В. Творогов обильно и дословно именно их и цитирует.

Он берет из книги С. Лесного историю находки Изенбеком дощечек и первых публикаций о них, разумеется, без всякой благодарности автору, «незакавычивая» его слова. Складывается впечатление, что все эти сведения О.В. Творогов сам где-то «раскопал». Здесь скрытую цитату из книги С. Лесного в работе О.В. Творогова мы опускаем.

...И вот в ноябре 1953 года в журнале «Жар-птица», издававшемся русскими эмигрантами в Сан-Франциско (первоначально — ротапринтом), публикуется следующая заметка: «Колоссальная историческая сенсация».

Далее опять мы опускаем страницу, заимствованную О.В. Твороговым из «Жар-птицы» и книги С. Лесного.

Заметим попутно, что более 90% его работы, коя характеризовалась потом как «фундаментальный труд», опровергающий подлинность «Книги Велеса», состоит из таких вот цитат, к коим он только добавляет свои мелкие придирки.

...Не менее странно другое: объявив о находке дощечек в 1953 году, редакция не спешит публиковать тексты. В течение трех лет публикуются лишь статьи А. Кура, в которых в общей сложности воспроизведено около 100 строк текста из ВК, но публикации полного текста отдельных дощечек начались лишь с марта 1957 года и продолжались до 1959 года, когда журнал «Жар-птица» прекратил свое существование.

Здесь мы прочли повторение «критики» С. Лесного, без ссылок на него. Однако, на мой взгляд, «не менее странно другое»: с 1959 года и поныне (уже полвека!) АН СССР, а теперь и РАН, ограничивались куцыми «опровержениями» подлинности дощечек и не прилагали никаких усилий к их изучению.

Не менее странно также и другое: чтобы опубликовать три своих «разгромных» статьи, О.В. Творогову понадобилось столько же лет, сколько Ю.П. Миролюбову и А. Куру для опубликования части самих дощечек с комментариями о них. Как же иначе это можно было сделать в той обстановке?

В конце 60-х годов о ВК упоминает в своих книгах «История русов в неизвращенном виде» (Париж, Мюнхен, 1953–1960); материалы о ВК — в вып. 6–10) и «Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси» (Виннипег, 1964) С. Лесной.

Затем он посвящает ей специальную работу — уже упомянутое издание «Влесова книга».

В 1963 году С. Лесной опубликовал тезисы своего предполагаемого сообщения о ВК на 5-ом Международном съезде славистов, однако на съезде он не присутствовал и доклада о ВК не делал.

После смерти С. Лесного о ВК на Западе забыли.

Правда, забыли? И на сколько дней? Приведем только библиографию крупных работ о «Книге Велеса, опубликованных в те годы, когда о «Книге Велеса» по О.В. Творогову вдруг кто-то «забыл».

Последняя работа С. Лесного о «Книге Велеса» была опубликована в 1966 году, а умер он в 1967 году. В том же году вышла книга протоиерея С. Ляшевского, посвященная «Книге Велеса». И первое издание части переводов Скрипника и Качура.

Ю.П. Мироллюбов и А.А. Кур умерли в 1970 и 1971, при этом они публиковали материалы о ВК на страницах газет и журналов до последних дней. В 1970 году вышел перевод «Книги Велеса» на украинский Шкавритко в Канаде. Новая книга С. Лесного вышла в 1972 году в Австралии.

Далее была первая книга Ю.П. Мироллюбова в 1974 году в Испании. Издания переводов на украинский язык Н. Скрипника и А. Кирпича выходили в 1972–1975 годах в Лондоне и Гааге. Тогда же начал публикацию своей «Симфонии Руси» с переводом дощечек П.Е. Соколов в США в «Новом слове Руси».

В 1975 году В. Качур опубликовал перевод «Книги Велеса» на английский язык в США. В.Е. Лазаревич в эти же годы опубликовал свой перевод «Книги Велеса», на который ссылался С. Ляшевский в 1977.

Я уж не говорю о газетно-журнальной полемике об этих изданиях, о работах и переводах Шаяна, П.Е. Ковалевского и т.д. (см. библиографию). Где здесь О.В. Творогов усмотрел «забывчивость» на Западе о «Книге Велеса»? Это утверждение суть мистификация.

Интерес к ней вновь пробудился в середине 70-х годов, когда издаются несколько выпусков серии «Влес книга».

По сообщению Б.А. Ребиндера к моменту его знакомства с энтузиастом изучения ВК Н.Ф. Скрипником «имелось два перевода на русский. Один сделал Лазаревич, а другой Соколов в Австралии. Перевод на украинский сделал Кирпич. Имелись также перевод на английский, сделанный Качуром, а также на украинский, бытующий в Канаде».

С этими публикациями нам познакомиться не удалось, но перевод ВК на русский язык, осуществленный Б.А. Ребинде-

ром (автор любезно прислал нам два выпуска своей работы «Влесова книга», изданной ротاپринтом), опиравшимся на все предшествующие издания и переводы, свидетельствует о том, что серьезного научного анализа текста ВК и ее содержания не проводилось.

Может быть и так, но исследователи, в том числе и крупные ученые, анализировали настолько, насколько это было в их силах. Задача-то сложнейшая!

И не О.В. Творогову критиковать их, так будто сам он опубликовал серьезный анализ, а не «отписку», наполненную к тому же неверными суждениями.

Посмертная публикация сочинений Ю.П. Миролюбова, осуществленная в Мюнхене в 1977 — 1984 годах, вносит важные коррективы в приводимые здесь сведения, но сочинения эти не были, вероятно, известны ни Ребиндеру, ни Лесному. Поэтому и мы обратимся к их анализу в заключительной части работы...

Вновь О.В. Творогов дает неверные сведения. На сей раз об изданиях Ю.П. Миролюбова. Первый том его сочинений вышел в 1974 году и в Мадриде, второй том вышел в 1975. Видно, что вся статья написана кое-как, чуть не каждое суждение ошибочно.

И насчет того, что Ребиндеру и Лесному сочинения Миролюбова не были известны, О.В. Творогов ошибается. Были известны, в частичных прижизненных изданиях, а также в рукописях.

...Когда и зачем была создана «Влесова книга»? В запасе у защитников ВК есть еще один аргумент. «Если мы представим, что «Влесова книга» — фальсификация, — писал С. Лесной, — мы не можем найти ни малейшего объяснения для ее создания в наши времена, даже если это время рассматривать очень широко, хотя бы в пределах двух столетий».

О том же писал и И. Кобзев: «С какой целью стал бы кто-то заниматься столь кропотливым и изощренным трудом подделки древней книги, если никому она не принесла за долгие годы ни славы, ни доходов, ни другой своекорыстной выгоды?» Даже отклонив соображения меркантильного характера, мы

все равно останемся перед вопросом: зачем было создано это огромное сочинение?

Некоторые данные для ответа на этот вопрос мы найдем в сочинениях Ю.П. Миролюбова, вышедших в 1975 — 1984 годах в Мюнхене уже после смерти автора (он умер в 1970 г.). Первые три тома содержат рассказы, стихи и этнографические зарисовки об обрядах и религиозных праздниках в русской деревне. Остальные шесть томов посвящены «праистории» славян и религии древних «русов». Нет смысла подробно охарактеризовать эти крайне дилетантские штудии, но стоит упомянуть основные выводы автора.

На самом деле нет смысла приводить вырванные из контекста цитаты из размышлений об истории Ю.П. Миролюбова, тем более в изложении О.В. Творогова, сторонника концепции об отсутствии истории у славян до Рюрика, «цивилизаторской» миссии норманнов и византийцев. Тем более мы не ставим задачи создать видимость «фундаментального труда», заполненного для объема скрытыми и явными цитатами.

...Легкость, с какой он обращается со всемирной историей, говорит сама за себя, не нужно пояснять, что никаких серьезных доказательств в книге мы не найдем. Читатель уже, вероятно, заметил переключку историографической «концепции» Миролюбова с некоторыми намеками, содержащимися в ВК (приход русов с востока, упоминание иранцев, «египетского солнцепека», гор сирийских и т.д.).

Вторая, не менее «значительная» идея Миролюбова состоит в том, что религия древних славян — это «испорченный временем, обстоятельствами, событиями и переменой местожительства ведизм». После того как предки славян покинули прародину, их «жречество огрубело, забыло ведический язык», который «стал быстро меняться», и «скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски» (Т. 4. С. 92–93). Другой вывод Ю.П. Миролюбова заключается в том, что языческая религия славян будто бы оказалась созвучной... христианству. «Трудно сказать, что вышло бы из славяно-русского язычества, если бы не было насильственно введено византийское христианство... Мало того, христианство только потому и привилось, что было облечено на Руси в языческие формы и совпало идеологически с ними (т. 7. С. 80).

Миролюбов считает, что «славяне должны были обладать, хотя бы вначале, своей письменностью. Не могло ведь быть, чтобы, выйдя из арийских степей, зная и даже сохраняя ведизм, славяне не знали бы письменности, на которой Веда была писана!» (Т. 4. С. 177). Таким образом, важный вывод основан лишь на ничем не доказанном отождествлении древних славян с древними индийцами. Все интересы и страсти Миролюбова обращены в самое отдаленное прошлое.

Здесь О.В. Творогов показывает то, что он не разбирается в данном предмете, а ведь о ведических корнях древнерусской религии писали с древнейших времен поныне сотни авторов. О.В. Творогов смешивает иранцев (древних персов) и иронцев (древний осетинский род).

Приписывает Миролюбову отождествление древних славян с древними индийцами, в то время как тот говорил об индоевропейской общности многих народов, о славяно-арийских корнях.

Миролюбов лишь повторял, казалось бы, чуть ли не общеизвестные истины. Может быть, он это делал несколько поверхностно и наивно, но и только. Почему Творогову-то все это неизвестно?

Есть целые научные школы, развивающее это направление в науке. Но все это для О.В. Творогова — новость. Видимо, он давно не перелистывал лекции, которые ему читали в Ленинградском университете.

...Мы с нетерпением жаждем узнать об источниках, на основании которых Миролюбов переворачивает мировую историю и историю отечественной культуры. Читая его сочинения, мы видим немалое число совпадений с ВК: это и рассказ о праотце Ории, и утверждение, что русичи всегда мыслили о себе как о «Дажьбожьих внуках», и сведения о битвах с готами и костобоками и многое другое.

А О.В. Творогов, конечно, против и «Дажьбожьих внуков». Он, видимо, и «Слово о полку Игореве» подзабыл.

Особенно сближают «концепсию» Миролюбова и ВК сведения о древнерусском язычестве, причем стоит подчеркнуть, что это сходство проявилось не только в упоминании основных

STUDIENZENTRUM DES VELES-BUCHES
J. MIROLUBOFF
AACHEN

<p>ЮРИЙ МИРОЛЮБОВ</p> <p>ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ И ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ. (ВРЕМЕНА ДО КНЯЗЯ КИЯ И ПОСЛЕ НЕГО).</p>	<p>ЮРИЙ МИРОЛЮБОВ</p> <p>СЛАВЯНЕ В КАРТАХ</p>	<p>ЮРИЙ МИРОЛЮБОВ</p> <p>БАБУШКИН СУНДУК</p> <p>Сборник рассказов</p> <p>МАЙНКА 1974</p>
---	---	--

Вверху публикации трудов Ю.П. Миролюбова в России.

Внизу публикации Собрания сочинений

Ю.П. Миролюбова его женой Ж. Миролюбовой

(Центр изучения «Книги Велеса» в Аахене)

мифологических персонажей (Перуна, Стрибога, Велеса, Сва-рога и др.), что совершенно естественно, но и в совпадении имен и понятий, которые известны нам лишь из ВК и сочинений Миролюбова.

Так, он неоднократно пишет о «Яви», «Прави» и «Нави», тут же подчеркивая при этом, что «несмотря на все усилия, автору этой статьи не удалось разыскать даже следов подобных верований в народе... Позже только в «Дощках Изенбека» удалось найти упоминание о «Яви, Прави, Нави»...»

И что? Где криминал? Ну не нашел Миролюбков упоминаний, а другие находили. Эти слова есть не только в «Книге Велеса». Сам же Миролюбков все сведения брал из дощечек, насколько смог их понять.

Далее же О.В. Творогов долго на двух страницах пересказывает и другие пересечения текстов ВК и размышления о них Миролюбкова. Как будто могло быть иначе, если Миролюбков переписывал тексты и кое-что в них все же понял.

Но к нашему изумлению, в большинстве случаев, рассказывая историю древних славян или реконструируя древнерусскую (древнеславянскую) мифологию, Миролюбков ссылается не на ВК, а на совершенно иные источники.

Только что О.В. Творогов привел Миролюбковскую ссылку на «Дошки Изенбека», но вот он уже развивает пока еще не додуманную до конца фальсификаторскую мысль, будто бы Миролюбков то ли скрывал то, что многие сведения о прошлом славян он брал именно из дощечек, то ли их и не было в то время. Вскоре О.В. Творогов эту мысль додумает и изложит.

Сведения о языческом пантеоне он получил якобы не только «в народе», но и «от старой Прабки Варвары, то есть от няни, воспитательницы отца» (Т. 6, С. 13). Именно Прабка (так! — О.Т.). Варвара поименно вспоминает все языческие бо-жества.

Почему «только в народе»? Что за придирки? Миролюбков читал много исторической литературы, и старой и современной, слушал лекции самого Л. Нидерле. Его образование в этом отношении даже выше, чем у О.В. Творогова. И он

вовсе не скрывал этого. Зачем же его представлять эдаким «пейзаном»?

Да и относительно «прабы» что возмутило? Это же обычный южнорусский говор. Он использовался и в литературе, к примеру, А. Толстым. Но О.В. Творогов, полагаю, лишь монографии да газеты читает.

Далее О.В. Творогов опять долго и несколько путано приводит цитаты из эссе Ю.П. Миролюбова о южнорусской «традиции».

Как уже отмечалось, известная часть сведений об этой традиции в изложении Миролюбова более чем сомнительна, то есть лежит в области литературной фантазии, и по большей части не самого Миролюбова, а его информатора «сказительницы» Захарихи, провинциальной поэтессы, имевшей обширную библиотеку.

Хоть мы и встречались с очень архаичными обычаями и преданиями в разных местностях России, но совсем не такими, как их описывает Миролюбов. Да, была подобная «народная литература», распространенная в XIX веке среди «грамотеев», («Сказы Артынова», например), а потом имевшая продолжение и в начале XX века. Но даже если она и имеет некоторые фольклорные корни, она не может быть предметом научного обсуждения.

Речь идет об историческом источнике, а «Сказы» — таковым не являются уже по самой заявке: сочинены Захарихой, а потом и досочинены Миролюбовым, что он и не скрывал. Здесь же О.В. Творогов намеренно не делает разницы между литературой и монографией.

Такое же намеренное «неразличение» касается теперь и моих книг, принадлежащих в том числе и жанру фэнтези, поэтических сборников и т.п. Сведения из них причудливо смешивают со сведениями из моих переводов и научных монографий. Это все равно что научные труды по истории и мифологии Р.Р. Толкина приписывать хоббиту Бильбо Баггинсу.

Звучит смешно, для тех кто не в курсе трудов писателя и ученого. И это крайне нечистоплотный и антинаучный

метод борьбы, не достойный тех, кто почитает себя учеными.

Таким образом, реконструкция славянской истории и мифологии основана у Миролюбова на рассказах двух старушек да на наблюдениях за обычаями жителей трех сел — Юрьевки, Антоновки и Анновки. Видимо, и сам Миролюбов чувствовал ненадежность этих источников для решения поставленных им грандиозных научных задач, чувствовал и попытался «научно» обосновать их достоверность.

Миролюбов не ставил «грандиозных задач», он всегда подчеркивал, что он по образованию химик, его статьи «любительские», и он находится «далеко» от филологии (см., к примеру, его письмо к С. Лесному). Но он видел и ложность «концепсий» ученых вроде О.В. Творогова, потому насколько мог возражал им. И никогда не опускался до склок и фальсификаций.

Объясняя, как и почему языческие традиции сохранились в селе Юрьевке, Миролюбов пишет: «Думается, от того, что ближайшая станция железной дороги была в верстах ста, а Днепр с его пароходами находился в пятидесяти верстах, если не больше. Городская «культура»... юрьевцев не коснулась. Они остались вне ее влияния, как бы застыв на целую тысячу лет в своих традициях (Т. 4. С. 138).

Не стоит недоумевать, как может сохраниться тысячелетняя традиция в украинском селе, столь удаленном, впрочем, от железной дороги и реки, сам Миролюбов в другом месте говорит, что село это находилось на Днепре, вблизи Кобеляк (Т. 9. С. 22), верстах в десяти от железной дороги. С пафосом предъявленное «научное» обоснование оказывается не только безграмотным, но и лживым.

Уж если это и «ложь», то никак не Ю.П. Миролюбова. Это замечание вполне можно отнести к самому О.В. Творогову. Достаточно взглянуть на карту Украины, чтобы найти и Бахмут (Артемовск), где родился Ю.П. Миролюбов, и Юрьевку, которая и ныне весьма далека от рек и крупных центров.

А в другом месте у Миролюбова говорилось об ином селе, которое близ Кобеляк на Ворскле. А то, что Миролю-

бов написал, будто село располагались где-то «на Днепре», то это фраза имеет обобщенный смысл (это в норме русского языка, коим так плохо владеет О.В. Творогов), до Днепра там вёрст пятьдесят по прямой, а по дороге и все сто.

Но, размышляя над источниками, на которых строит свои концепции Миролюбов, мы не можем не задаться вопросом: а разве ВК, посвященная тем же самым проблемам и неоднократно текстуально перекликающаяся с его «фольклорными» источниками, не была использована им как источник первостепенного значения, более надежный хотя бы уже потому, что автор ВК старше Прабы Варвары и Захарихи по крайней мере на 1100 лет? И вот тут начинаются загадки.

Никаких загадок. Ю.П. Миролюбов часто ссылался на «Дошъки Изенбека» и всегда подчеркивал, что он их «не понимает интегрально». А в художественных эссе, в рассказах, в стихах, написанных «под старину», он использовал материал «дошъек», часто и не ссылаясь на них по законам жанра.

И по другому он не мог поступить, справедливо полагая, что раз он не понял текстов, то «строить на их основании новые теории» он не имеет права, а свои догадки об их содержании логичнее вставлять в уста полу-придуманных персонажей.

Тут ведь и придаться, по сути, не к чему, он же не выдает себя за «специалиста по древностям». Но О.В. Творогов удалось -таки найти «зацепку» и всё перевернуть с ног на голову.

Сочинение «Ригведа и язычество», завершенное в октябре 1952 г., заканчивается следующей знаменательной фразой: «Большого о славянах мы не знаем и считаем пока нашу тему законченной. Может быть, новые данные и заставят нас к ней вернуться, но пока мы этот труд заканчиваем, так как лишены источников, могущих нам служить в этом вопросе» (Т. 4. С. 251). А ВК, разве она не явилась таким источником?

Новая «дутая сенсация», а по сути фальсификация. Ну и что? Можно из сей фразы сделать вывод, что Миролюбов

признал отсутствие у него копий дощечек? Фраза Миролюбова вновь вырвана из контекста.

Он же здесь сожалеет о том, что ему, как эмигранту, не доступны источники (летописи и пр.), находящиеся в российских библиотеках! Об этом он часто сетует в письмах и на страницах своих книг. А говоря о новых могущих появиться данных, он как раз и имеет в виду пока не расшифрованные «Дощьки Изенбека» из его архива, о коих он несколько раз писал ранее в этой же книге. Кстати, опубликованной теперь и у нас издательством «Золотой Век». Этого О.В. Творогов явно не ждал, полагая, что его книги так и останутся никому не доступными за границей.

Далее в своей статье О.В. Творогов вновь «по второму кругу», повторяя не только Миролюбова, но уже и самого себя, пересказывает «пересечения» мыслей «Книги Велеса» и данного сочинения Ю.П. Миролюбова, забывая указать о его ссылках на «дощьки» березового дерева с письменами (см., например, «Сакральное Руси», т. 1, кн. 1, «Ригведа и язычество», М., 1996. С. 161 и далее).

Ю.П. Миролюбов в данной книге не упоминает только историю находки Изенбеком дощечек. Ну так и что? Не об этом же здесь речь, об этом он пишет в других сочинениях, письмах, и более ранних, посвященных именно этому вопросу.

Итак, можно заключить, что в 1952 году ВК еще не существовала, но велась, вероятно, подготовка к ее созданию: придумывалось ее содержание, а вопрос о типе письма уже был решен — оно должно было включать элементы «санскритского» письма. С этой задачей создатели ВК не справились, но следом этого является написание букв под горизонтальной чертой на дощечке № 16.

В сочинении «Русский языческий фольклор: очерки быта и нравов», законченном, вероятно, до конца 1953 года, есть любопытные сведения, во-первых это ссылка на лекцию г. Куренкова.

Далее О.В. Творогов вновь искажает данные: упоминает о лекции А.А. Куренкова, посвященной русскому руничес-

кому письму, будто бы письмо придумывал и А.А Куренков еще до публикаций текстов дощечек.

Однако материалы о дощечках начались публиковаться за год до того, как Ю.П. Миролюбов приехал в США и там мог слушать эти лекции Куренкова. Следовательно, и книга «Русский языческий фольклор» писалась позже, после 1954 года! Далее на двух страницах О.В. Творогов цитирует Ю.П. Миролюбова и утверждает, что это цитата первого свидетельства о дощечках, причем очень поздняя.

Это не так. Первый юридический документ, свидетельские показания о завещании А. Изенбека, с упоминанием о дощечках, относится к 1941 году (согласно данным Государственного архива РФ). А есть и более ранние: публикация А. Куренкова со свидетельством о существовании переложений дощечек еще в 1928 году.

Итак, во время написания этой книги Миролюбов вдруг вспомнил о виденных им дощечках — том самом источнике, на отсутствие которого он жаловался за год до этого!

Но вот что примечательно. Во-первых, история знакомства с дощечками представлена иначе: нет ни слова о том, что Миролюбов в течение 15 лет тщательно копировал огромный и трудный текст, — здесь всего лишь воспоминание о выпавшем «счастье видеть» и смутное обещание дать подробный разбор тех дощечек, «которые... удалось прочесть».

А разве можно копировать, не видя? Что за придирки? В более ранних статьях как раз и сказано о 15 годах. Здесь О.В. Творогов занимается софистикой, цитируя документы так, как ему удобно.

...В 1954 году Миролюбов работает над книгой «Русский христианский фольклор. Православные легенды», вошедшей в 8-ой том его сочинений. Здесь он обращается к ВК дважды. Первый раз — в связи с гипотезой о времени создания славянской письменности. Как и в других случаях, у него ценнейшим источником является «народное предание»... Далее читаем: «На этот вопрос дают ответ брюссельские (странное определение! — О.Т.) «Дощьки Изенбека». Грамота действительно существовала, и была она основана на смеси готских, греческих и ведических знаков»...

Странное, если не сказать больше, замечание! Может быть, О.В. Творогову не понравилось, что дощечки не были названы «сан-францисскими», по его «теории»? Отказываюсь признать у О.В. Творогова даже обычный «научный скептицизм». Это придирки, выходящие за рамки здравого смысла и научной этики.

Важно, что Миролюбов говорит здесь о выжженном тексте, тогда как в письме к С. Лесному от 11 ноября 1957 года он говорит, что текст «нацарапан шилом».

Об этом «криминале» О.В. Творогов широко оповестил общественность на телевидении. А на самом деле Ю.П. Миролюбов писал, что часть текста «возможно» процарапана, а часть «выжжена». И это только предположение, ни к чему не обязывающее.

Далее на двух страницах О.В. Творогов вновь, следуя избранному принципу искажения идей неизвестных читателю книг Ю.П. Миролюбова, обильно цитирует их, по третьему и четвертому кругу повторяя одни и те же придирки.

Опустим это, ибо подобная «обвальная» фальсификация сильно утомляет. Нужно же каждый раз смотреть в сочинения Миролюбова, изумляясь причудам «кривого зеркала» восприятия О.В. Творогова.

...Итак, предложим свое объяснение тому, как возникла ВК. В 1952 году, когда Ю.П. Миролюбов работал над своим сочинением «Ригведа и язычество», ВК еще не существовала (ему мог быть известен лишь «образец» для будущей книги, о чем ниже).

Здесь О.В. Творогов, и так не блещущий обилием своих мыслей, повторяет идею А.Л. Монгайта (по обыкновению не сославшись) о том, что Ю.П. Миролюбов мог видеть Сулакадзевские «подделки».

Но еще о. Стефан указал: зачем было Ю.П. Миролюбову подделывать дощечки, когда они уже существовали в количестве 44 штук в XIX веке?

Впрочем, впоследствии в книжке «Что думают ученые о «Велесовой книге»» О.В. Творогов, оправдываясь, утверж-

дал, что о работе А.Л. Монгайта, вышедшей в статьях и книге общим тиражом несколько млн. экземпляров, он и не знал. Это удивительно для источниковеда: даже и не знаю, насколько этому можно верить...

Но идея о желательности подобной «находки» уже возникла. Поэтому Миролюбов, с одной стороны, сетует на то, что он «лишен источников», а с другой — не только утверждает, что была древнейшая письменность, что «она однажды будет найдена», предвкушая посрамление «критиков». В 1954 году работа уже ведется, и Миролюбов невольно «проговаривается» об этом в своих сочинениях.

На самом деле, в это время уже идут первые публикации «дощечек». Пропускам новую серию мелочных придинок.

Критика сенсационной находки испугала Миролюбова. Ему важно было спасти те идеи и «факты», которые были включены в ВК и нужны были ему для обоснования своих историографических и религиоведческих «концепсий». И чтобы спасти концепсии, он предал дощечки.

Именно поэтому он ссылается на своих информаторов — Прабу Варвару и Захариху, а также на собственные этнографические наблюдения (их проверить было уже невозможно), а о дощечках говорит вскользь, перепоручает их изучение и защиту подлинности А.А. Куру и даже утверждает, что ценность их лишь в том, что они «не противоречат Традиции», которая лучше всего сохранена в сказах Захарихи и обычаях Прабы Варвары.

Так постепенно затухает ярко вспыхнувшая в 1953 году сенсация даже в сочинениях одного из основных ее создателей — Миролюбова.

Все вышеизложенное говорит лишь об одном. Ю.П. Миролюбов так до конца и не понял ценность дощечек. Для него копирование их и поверхностное осмысливание были делом попутным (этим объясняется и неполное их описание, отсутствие порядка в нумерации текстов и т.д.). Важнее для него в Брюсселе была работа на химическом заводе, а потом и публикация собственных сочинений (в том числе и на темы современного естествознания).

Это так. Но это говорит лишь об одном: приписывание ему (больному 60-летнему старику!) создания грандиозного

исторического, философского, религиозного и т.д. полотна «Книги Велеса», одного из величайших памятников мировой культуры, является не только фальсификацией, но и признаком отсутствия здравого смысла у обвинителей, если они и в самом деле думают то, что пишут. Но скорее всего здесь речь идет лишь об исполнении «заказа»: политического, административного и т.д.

К сожалению, к словам О.В. Творогова поныне прислушиваются многие. Нападки его и К⁰ привели к увольнению защитника «Книги Велеса» доктора филологических наук, академика Ю.К. Бегунова из Пушкинского дома. И этому нет оправдания.

Но пора уже перевернуть эту страницу. И я призываю будущих «антивелесоведов» вести честную борьбу. Борьбу идей. И не опускаться до склок и навешивания ярлыков.

И не лучше ли, если вы почитаете себя учеными, заниматься наукой в ее истинном понимании? Думать, и не следовать внушению людей предвзятых.

— * * * —

В заключении этой статьи следует сказать, что данная история получила продолжение. Ранее, в монографиях и статьях, начиная с 1994 (см. Наука и религия, №4) я уже публиковал критику этой и других статей О.В. Творогова.

И вот ныне, в 2004 году, то есть спустя 10 лет, в монографии «Что думают ученые о “Велесовой книге”» Олег Викторович, наконец, мне ответил. В этом ответе есть и то что огорчает, и то что уже радует. Понимаю, что пересматривать свои взгляды, пусть даже частично и в столь преклонном возрасте, непросто.

Общий тон монографии: главная крамола защитников памятника — якобы имеющийся коммерческий успех наших публикаций (прежде всего моих). Это совсем не так, мы все работаем и занимаемся изданием памятников, монографий за счет личного времени. Понимаю, на зарплату ученого теперь трудно выжить, но уж в этом-то мы не виноваты совершенно. И если уж начистоту — нам труднее, нам госу-

дарство не платит вообще, у нас нет и научных грантов, а есть только ответственность перед родной историей и культурой, которой мы бескорыстно служим.

В заходной статье этой монографии О.В. Творогов честно и впервые признается: *«текст ВК в некоторых академических инстанциях как идеологически опасный и не подлежащий широкому распространению»*, и далее ставит себе в заслугу публикацию копии памятника в научном сборнике ТОДРЛ и даже сожалеет, что не удалось эту публикацию сделать отдельным изданием.

С благодарностью он вспоминает переписку с некоторыми защитниками подлинности памятника, которые с ним не воевали. Уже одно это является пусть и косвенным, но все же неожиданным признанием важности памятника с его стороны. Разве можно гордиться публикацией подделки?

Нужно только идти до конца и признать то, что пришлось в той обстановке играть по установленным правилам. Поймем и простим! Все же Олег Викторович не просто воевал против дощечек, но и работал.

Несколько иную реакцию вызывают работы его сотрудника лингвиста А.А. Алексева. В сборнике мы находим краткие и непоследовательные попытки покритиковать, но и одновременно исправить мой перевод со стороны этого ученого. Если уж встал в ряды антивелесоведов, то зачем исправлять перевод? Или это завуалированное предложение сотрудничества? Эта уже вторая попытка «помочь переводу» показывает только одно: человек владеет на некотором уровне старославянским языком, но, к сожалению, «плавает» в вопросах истории языка. Впрочем, возможно это от поверхностного подхода к предмету.

Даже если у нас появится возможность привлечь к разбору спорных мест в переводе этого памятника новых специалистов, вряд ли это будет А.А. Алексеев. И не из-за ошибок лингвистических, они исправимы. А из-за того, что этот ученый при разборе памятника высказался по вопросам философским с позиций неоязыческих. «Книга Ве-

леса» по А. А. Алексееву слишком благостна, как «хор гимназисток», то есть там нет кровавых жертвоприношений и т. п. Так он по сути обратился за союзом к противникам «Книги Велеса» из лагеря неоязычников, среди которых немало и откровенных сатанистов.

Но напрасны его надежды найти поддержку там. Неоязычники, в целом также нищие, и озлоблены они от этого. Они не любят и «своих». Там идет война всех против всех.

В этом отношении даже позитивистская и атеистическая позиция О. В. Творогова более симпатична.

Вполне можно принять и то, что О. В. Творогов не смог «переварить» заход «Гамаюновых песен» в издании «Русские Веды» (1992), где мною говорится о слушании песен птицы Гамаюн (между прочим, вслед за В. Высоцким: «То мне птица Гамаюн надежду подает»), и о том, что я при работе над песнями чувствовал себя древним волхвом Бусом Кресенем — тогда в этой роли я снялся в научно-популярном фильме «Внуки Дажьбога» (Центрнаучфильм, 1992). Для издания поэтического сборника, на мой взгляд, это вполне обоснованно (в издании переводов памятника 1993 года этот псевдоним уже поставлен не мною, а издателями). Но что ж поделаешь, Олегу Викторовичу всегда было трудно провести границу между литературой (в данном случае поэзией) и монографией.

Приводит Олег Викторович и мои размышления о том, что к копии Миролюбова и его рассказу нужно относиться критически. Да, я так тогда думал, поскольку не все архивные документы были мне доступны. В первоначальном периоде работы над памятником неизбежен критический подход. Сейчас я думаю иначе, многие поставленные тогда вопросы разрешены.

Неожиданно Олег Викторович признает, что мимо его глаз прошла публикация о Велесовой книге А. Л. Монгайта, и о ней он узнал только из моей монографии. Нда... «слона-то я и не заметил», ведь в отличие от иных тиражи статей А. Л. Монгайта перевалили за пять миллионов. Ну

что ж, бывает. Признание прошлых ошибок — нормально для ученого; не ошибается тот, кто не работает. Это можно поставить и в заслугу.

Но тут же Олег Викторович критикует меня за то, что я якобы не отвечал на критику В.П. Козлова, И.Н. Данилевского, А.А. Алексеева и других, а это совсем не так.

Чтобы не показалось, что союзников у него в сей борьбе ныне всего-то трое, и не слишком авторитетных ученых Олег Викторович добавляет еще с десятков фамилий: студентов, младших сотрудников, да и просто дилетантов, даже не имеющих соответствующего образования! Вот уж противники! И на их нападки я тоже должен отвечать?

Поминает он и имя покойного Г.А. Хабургаева, весьма авторитетного для меня лингвиста, коего я и сам почитаю учителем, хоть лично не был с ним знаком. Но ведь он просто не работал над этой темой. Не успел, а жаль. Его-то в антивелесоведы записывать не следует.

Поминает он и имя также авторитетного для меня историка академика Б.А. Рыбакова, поддержавшего меня в споре с Д.С. Лихачевым. Борис Александрович назвал одну мою раннюю работу, в которой я упомянул и о «Книге Велеса», «заявкой на докторскую диссертацию» («Наука и религия» №4-5, 1992). Так что его мнение о памятнике не было однозначным, как это пытается представить Олег Викторович Творогов.

В сборнике «Что думают ученые о «Книге Велеса»» приведена очень старая и краткая статья-отзыв Бориса Александровича с соавторами, направленная против памятника. Я обсуждал с ним эту статью. И оказалось, что он ее только подписал из-за давления тех самых академических (и далеко не только академических) структур, о коих упомянул Олег Викторович. То что это так подтверждает нарочитая абсурдность многих заявлений той статьи, например о том, что «не существовало рода Донцовых», а значит, и самого Великого Бурлука, где были найдены дощечки. С этого статья и начинается.

В действительности позиция академика Бориса Александровича Рыбакова была сложнее. Во-первых, он внача-

ле не владел всей информацией и думал, что речь идет об одной дощечке, которую лингвисты и источниковеды считают подделкой (сам он ни лингвистом, ни источниковедом не был и полагался на мнение авторитетов). Узнав же о позиции источниковеда и лингвиста Ю.К. Бегунова, а также археолога, открывшего берестяные грамоты, А.В. Арциховского, Борис Александрович Рыбаков мне сказал буквально следующее: «нужно проводить расследование», т.е. искать дощечки. И с этим предложением он намеревался обратиться в соответствующие инстанции, но, очевидно, не добился результата.

Что касается упомянутых выше трех союзников Творогова, то к сведению Олега Викторовича, на их статьи я отвечал, но, конечно, не во всех изданиях подряд. Эти работы опять-таки прошли мимо глаз Олега Викторовича. Я не считаю нужным на мелкую критику отвечать широко и публично, тем более постоянно. Хотя бы потому, что читатели у нас разные и тиражи несопоставимы. И это понятно: узкоспециальные споры интересны немногим.

Разумно было бы вести их на страницах академических изданий, но страницы этих журналов для меня и сейчас закрыты. Наши противники и в последней монографии не замечают, что на их «замечания» ответили, в том числе и доктора филологических наук, крупнейшие палеографы, языковеды, и по прежнему ссылаются, перепечатывают старые статьи, даже если их авторы изменили свою точку зрения, а это ничто иное как мистификация, а вовсе не научный спор. Сейчас появилась возможность «скрестить мечи» в Интернете.

Например, на моем сайте www.acov.m6.net открыт интернет-журнал для научных публикаций, для споров велесоведов и антивелесоведов. И там я готов размещать любые интересные работы, отвечать на любые вопросы ученых, для сего достаточно только иметь научную степень в данной области. Эти статьи читают десятки тысяч людей, в том числе ученых-славяноведов. Эта информация открыта для всех. Борьба будет честной только, если она ведется на одном поле.

Особо хочу подчеркнуть главную итоговую мысль, высказанную О.В. Твороговым.

Вот она: *«Подведем итог... На мой взгляд, защитникам ВК не удалось доказать ее подлинность. Главным препятствием является не содержание ВК... а прежде всего ее язык... Асов прав: из этого (якобы имеющихся противоречий и проговорок Ю.П. Миролюбова) еще не следует вывод о «поддельности» памятника...»* Таким образом Олег Викторович снял чуть не все свои прежние претензии, даже запретил переиздавать в сборнике свою работу из ТОДРЛ. То есть по существу принял критику, и это больше, чем можно было ожидать.

И таким образом ответственность за признание (или не признание) памятника он сложил со своих плеч на плечи лингвиста А.А. Алексеева, который как будто продолжил дело покойной Л.П. Жуковской.

Разбор кратких замечаний А.А. Алексеева, неинтересных широкому читателю и имеющих малое научное значение, оставляю академическим монографиям и публикациям в Интернете. Но ситуация с работой Л.П. Жуковской существенно иная.

Строгие доказательства подлинности «Книги Велеса» по Л.П. Жуковской

Критики «Книги Велеса», такие как О.В. Творогов и К°, по сию пору ссылаются на анализ Л.П. Жуковской текста десяти строчек одной дощечки II 16, сделанной ею в 1960 году (впоследствии она делала только краткие замечания по этому вопросу). И в самом деле, это единственная статья квалифицированного палеографа со стороны Академии Наук нашей страны. Обращение к этой статье и сейчас имеет смысл, тем более, что она ныне переиздана в сборнике «Что думают ученые о «Книге Велеса»» (М., 2004). Разумеется, переиздана она была антивелесоведами без разбора и не только моего, но и доктора филологических наук Б. Яценко, что является намеренным введением в заблуждение читателя, ведь с тех пор не только наука шагнула вперед, но изменилась и

политическая ситуация, которая в том далеком 1960-м и определила выводы статьи.

Много лет прошло? Да, полвека — срок немалый. Но с тех пор наша наука по сути не обращалась к палеографическому анализу этого объемного, многосложного памятника. Не считать же таковым политико-источниковедческие статьи О.В. Творогова? Или поверхностные статьи А.А. Алексеева? Их палеографические замечания настолько дилетантские, что не стоят здесь разбора (он сделан в комментариях к изданию памятника 1994 года). Других же сопоставимых с палеографическим анализом Л.П. Жуковской 1960-го года по сию пору не было.

Почему наша наука столь медлительна? Ответ на это можно найти у той же Лидии Петровны в ее книге «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (Москва, 1976):

Вспомним ошибочный прогноз А.С. Пушкина, отмечавшего, что «теперь у нас дороги плохи», но «со временем (по численью философических таблиц, лет чрез пятьсот) дороги верно, у нас изменятся безмерно» (Евг. Онегин, гл. 7). Будем надеяться, что в нашем случае 500 лет не понадобится, что текстологический анализ сохранившихся рукописей впоследствии будет проведен на максимуме списков каждой летописи в обозримое время, а тем самым лингвисты получат возможность для доброкачественных выводов по истории языка в разных ее аспектах...

Очевидно, это правда. При нынешних темпах работы нашей академической науке и 500 лет может не хватить для работы с дощечками «Книги Велеса». Ведь за последние 50 лет дело не сдвинулось с анализа 10 строк из памятника, а это менее 1% текстов.

Итак, первая статья кандидата (а впоследствии доктора) филологических наук Л.П. Жуковской, опубликована была впервые в журнале «Вопросы языкознания» № 2, 1960. Называлась она «Поддельная докириллическая рукопись», но не смотря на вид «опровержения подлинности» имевшейся тогда в ее распоряжении одной стороны дощечки II 16 из «Книги Велеса», эта статья на деле содер-

жала строгое палеографическое и лингвистическое доказательство подлинности памятника.

К такому же выводу независимо от меня пришел и доктор филологических наук, переводчик «Книги Велеса» из Украины, Б. Яценко (см. его труды и переводы, его отзыв я также поместил на своем сайте).

И это становится особенно наглядно видно, если поставить рядом работы Л. П. Жуковской, касающиеся берестяных грамот (из ее книги «Новгородские берестяные грамоты, М., 1959), и работы о дощечках «Книги Велеса», что мы и сделаем.

Начиналась статья Л. П. Жуковской со вступления от редакции журнала «Вопросы языкознания».

Как сообщает в своей книге «История руссов в неизвращенном виде» (вып. 6, Париж, 1957) Сергей Лесной (С. Парамонов), в 1919 г. А. Изенбек вывез из какого-то имения Орловской или Курской губ. деревянные дощечки с текстом, по всей видимости, славянским, получившие позднее название «Влесовой книги». После смерти А. Изенбека (1941 г.) дощечки были утеряны. Сохранилось лишь несколько фотографий и переписанный, вернее, транслитерированный текст «Влесовой книги», выполненный Ю. П. Миролюбовым. Этот текст в настоящее время издается в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско).

В своих статьях «Влесова книга» — летопись языческих жрецов IX в., новый, неисследованный исторический источник» и «Были ли древние «руссы» идолопоклонниками и приносили ли они человеческие жертвы», присланных в адрес Славянского комитета СССР из Австралии (г. Канберра) С. Лесной призывает специалистов признать важность изучения «дощечек Изенбека», в которых он видит подлинную древнерусскую рукопись IX в., не предлагая, впрочем, необходимого для обоснования подобного мнения палеографического и лингвистического анализа текста.

Публикуем в разделе «Письма в редакцию» ответ Л. П. Жуковской на просьбу редакции высказать свое мнение относительно опубликованной С. Лесным («История «руссов»...», вып. 6) фотографии одной из «дощечек Изенбека», содержащей начало «Влесовой книги».

Знаменательно само по себе, что в этом редакционном «врезе» в названии статьи Лесного слово «руссы» поставле-

но в кавычки, чего в оригинале, конечно, не было. Эмигранты еще не додумались до введения в правила орфографии указания: ставить в кавычки самоназвание русского народа, при этом оставляя в качестве орфографически правильного лишь прилагательное «русские». Очевидно, что редакцию данного журнала тогда и представляли «русские», в этих самых кавычках.

Критика же работ эмигранта С. Лесного, неизвестных тогда в СССР, который якобы не предложил «необходимого обоснования», выполнена в «лучших» отечественных традициях борьбы с инакомыслием. Что считать «необходимым»? Всесторонний лингвистический анализ он не проводил, не успел: нужны для сего иные условия и годы работы. Но, конечно, об этом можно писать и многотомные монографии, и в свое время этот научный подвиг. Однако перейдем к статье Л.П. Жуковской.

Л.П. Жуковская: Фотография, опубликованная С. Лесным, не является снимком с доски. В ней на расстоянии 2—2,5 см, 6,5 см, 10,5 — 11 см, 15,5 см от левого края прослеживаются тени, образовавшиеся, по-видимому, от сгибов материала, с которого производилось фотографирование. С доской этого произойти не могло.

В правой половине снимка начертания многих букв расплылись, следовательно, фотографировался не твердый материал с начертаниями, выполненными посредством прорезывания и выщербления его, а письмо, расположенное в одной плоскости, нанесенное красящим веществом.

Все это говорит о том, что фотографировалась не сама «дощечка», а бумажная копия с нее (т.е. «копия с подлинной дощечки», на бытие коей прямо указывает Л.П. Жуковская — А.А.) или прорись. Есть основания полагать, что при изготовлении снимка была произведена ретушевка. Все это совершенно недопустимо при научном воспроизведении текста.

В целом, эти замечания можно было бы признать справедливыми (С. Лесной, к примеру, писал о том же и теми же словами).

Однако такое небрежное документирование «дощечек» можно было бы назвать «недопустимым» только в том случае, если бы эти слова относились к работе инсти-

тута, а не Ю.П. Миролюбова, бедствующего эмигранта, который и не предполагал, что его снимок будет иметь впоследствии такое значение.

Далее: всё, что сказано выше, может относиться именно к снимку с дощечки. Появление теней, расплывчатый текст, пятна объясняются ретушевкой снимка плохого качества, тем, что он был помят и т.д., ведь он пролежал в архиве Ю.П. Миролюбова с 1928 года до публикации в феврале 1955 (и публикации это не скрывали).

И, замечу, такой вид копии, безусловно, подтверждает ее подлинность. Поддельщик, уж поверьте, нашел бы полчаса, чтобы вырезать шилом текст в десять строк на какой-нибудь доске, а потом сделал бы «безупречный» снимок. Что значит эта «работа» по сравнению с созданием текста «Книги Велеса», за которым стоит тысячелетняя культура?

Нет, мы имеем дело именно с копией Ю.П. Миролюбова, для коего был интересен (и то относительно) лишь текст, и по этой причине он сэкономил на качестве снимка.

Однако замечательны сами слова Л.П. Жуковской, которая здесь (в самом начале статьи) признает, что были и дощечки, и по ее предположению с них потом была снята бумажная копия, а уж с нее была сделана фотография (непонятно, правда, кем: если С. Лесным, то удивляться нечему, он явно снимал с «бумажной копии», то есть с публикации в журнале «Жар-птица»).

Но пусть даже так. Главное: Л.П. Жуковская прямо говорит, что дощечки были! А то, что написано далее в этой статье, суть также подтверждает ее первоначальную мысль, нужно только правильно понять это.

*Л.П. Жуковская
(1920–1994 гг.)*

Для сего, конечно, нужно иметь филологической образования, и я надеюсь, что среди читателей этой книги найдутся и специалисты-филологи. Впрочем, многое будет понятно и неспециалистам, особенно если они предварительно прочитают пособия по старославянскому языку (например, учебник Г.А. Хабургаева «Старославянский язык»). У иных же прошу прощения за включение это сугубо лингвистической статьи в научно-популярную книгу. Но нам, к сожалению, не предоставляют возможности печатать научные статьи в академических сборниках, а отвечать нужно.

Л.П. Жуковская: Г р а ф и к а. Текст, изображенный на фотографии, написан алфавитом, близким к кириллице: помимо букв кириллицы, совпадавших с буквами греческого устава IX века, в графике «дощечки» имеются свойственные кириллице буквы **Ѣ, Ж, З, Ш, Щ, Ъ, Ы**.

В отличие от кириллицы в графике «дощечки» отсутствуют буквы, обозначавшие носовые гласные — **Ѡ, ѡ, Ѣ, ѣ**, буквы **К, Ф, Ѡ, ѡ, Ѡ, ѡ, Ѡ, Ѡ**, а также имеются следующие особенности: буква **У** отсутствует, ее заменяет буква **Ц**, вследствие этого буква **Ц** в «дощечке» соответствует двум кириллическим буквам — **Ц** и **У**²²; отсутствует буква **Ю**, ее, видимо, заменяет сочетание десятеричного **І** с буквой **У**; отсутствует кириллическое **Н**, звук **н** передается буквой **Н**, т. е. начертанием с горизонтальной, а не косой перекладной; при этом звук **и** передается буквой **І**: отсутствуют буквы **Ъ, Ъ, Ы**²⁴; из них букве **Ъ**

²² В статье 1960-го года буква «кси» дана именно в греческом начертании **ξ**, а не в кириллическом **л**. Эта очевидная ошибка наборщика повторена и в издании 2004 года (при том что соседние буквы приведены в соответствие с кириллической графикой). В новом издании также имеется изрядное количество новых опечаток. Это говорит о небрежности нового издания и отсутствии знания основ палеографии у современных антивелеведов. — А. А.

²³ На самом деле в «велесовице» есть обе буквы, они только близки по начертанию: **ц** (**ц**) и **ц** (**ц**). — А. А.

²⁴ Очень ценное замечание об отсутствии буквы **□** в этой фотокопии, подтвержденное затем отсутствием её во всех фото- и светокопиях. В транслитерации она появляется, но Ляшевский после писал, что некоторые из них, если не все, вставлены Ю.П. Миролубовым (по свидетельству А. Кура), когда тот делал в Брюсселе копию для себя (чтобы понять смысл текстов), а потом они не были убраны при последующих публикациях. Как относится к этому свидетельству — не совсем ясно, но в любом случае иных ненамеренных искажений в копии Миролубова нет. — А. А.

самой по себе и букве **Ѣ**, являющейся составной частью кириллической буквы **Ѣ**, в рассматриваемом тексте соответствует буква **У** с небольшой развилкой вверху²⁵, вследствие чего она несколько напоминает кириллическую лигатуру **Ѣ**; звук **у** при этом передается чаще буквой **У**, реже — двубуквенным написанием **ѢУ**; возможно, что некоторые буквы в виде **У** (то есть **О** с развилкой) обозначают также **у**; в тексте представлены два графических варианта для передачи звука **с** и два — для звука **е** (оба последние после согласных, а не **ј**).

В графике «дощечки» имеются знаки, которые отсутствуют в кириллице; из них лишь некоторые могут быть возведены к греческим начертаниям. Так, одно из указанных начертаний буквы **с** не встречается в кириллических почерках и напоминает **ς** или **ζ** некоторых типов древней греческой письменности.

В тексте имеется греческая «дигамма», восходящая к мийской «гемме» и встречающаяся также в курсивном маюскуле и римском унициале. Эта буква обозначает, по-видимому, какой-то или какие-то губные звуки, но не **л** и не **м**, так как для обозначения последних употреблены соответственно буквы **П** и **М**²⁶.

На фотографии указанная буква находится в строке 1 — № 19, 31, в строке IV — № 5, V — № 5, 29, 40, 51, VI — № 32. Начертания указанных знаков не вполне идентичны, поэтому нет полной уверенности, что во всех этих случаях написана одна и та же буква. Видимо, для буквы **В** имеется графический вариант, представляющий как бы соединение буквы **Г** нормального размера с наложенной на нее в нижней части небольшой буквой **В**; при этом совмещены мачты обеих букв. Этот знак имеется в строке 1 — № 40, II — № 13, 23, VI — № 18, VII — № 17.

Буква **А** (**Ἀ**) пишется, как в латинском курсивном маюскуле, и напоминает начертание современной греческой **λ**; буква **Ἄ** сохраняет эту особенность начертания.

Своеобразна буква **Т** (**Ἐ**): ее переключатель чаще переключается мачту, а не размещается поверх нее.

Имеются знаки, не поддающиеся интерпретации: таковы, например, № 10 в строке V и № 8 в строке IX, которые представляют вертикальную черточку, не доходящую до нижнего уровня

²⁵ Ну, разумеется, и эта особенность Жуковской отмечена, и она поняла, что это признак подлинности дощечки (по Арциховскому!).

²⁶ Это буква **Γ**, повторяющая шведско-норвежскую руну и означающая как и в рунах губной звук «б». — А. А.

ня букв текста²⁷, а также совершенно своеобразный знак № 42 в строке П²⁸.

Таким образом, графика «дощечки», имея некоторые особенности кириллицы, не столь совершенна при передаче звуков славянской речи и в ряде черт приближается к другим древним алфавитам.

И против этого подробнейшего анализа графики дощечки возразить нечего, ибо он вполне доказывает подлинность дощечки, ибо «придумать» такой шрифт весьма затруднительно. Для того только, чтобы понять все особенности графики сего шрифта, уже нужно быть специалистом не меньшего класса, чем Л.П. Жуковская. А таких в 50-х годах XX века на весь мир было можно пересчитать по пальцам одной руки. Более того, лишь после открытий грамот на бересте стало возможно говорить о написании на бересте и дереве подобных букв у славян, а тексты дощечек были известны задолго до этого.

Л.П. Жуковская: П а л е о г р а ф и я. Как известно, метод палеографического анализа состоит в сопоставлении неизвестного материала с известным, территориально приуроченным и датированным. Поэтому при палеографическом анализе рассматриваемого памятника, который объявляется древнейшим, исследователь не может опираться на твердые данные палеографии, и приметы ранней кириллицы могут представлять лишь косвенное доказательство²⁹.

Специфичными в этом плане являются буквы **р**, **х**, **ѳ**, расположенные в строке и не выходящие в межстрочные поля. Однако буквы **ѳ** и **р** при этом иногда значительно наклонены вправо, выполнены небрежно, как это свойственно новейшим почеркам, имитирующим печатные буквы.

Буква **ц** в некоторых случаях также размещена в строке, что присуще наиболее древним почеркам кириллицы³⁰. Древними

²⁷ Л.П. Жуковская располагала помятым при пересылке снимком (у нас есть лучшие), потому не узнала, что эти «черточки» являются частью вариантов букв **з** и **г**. — А. А.

²⁸ Чуть искаженная буква **к**. — А. А.

²⁹ А для берестяных грамот, о коих Л.П. Жуковская внезапно «забыла», и прямое! — А. А.

³⁰ И здесь следует заметить, что подобное расположение и начертание этой буквы для древнейшего новгородского по происхождению до-

являются симметричное Ж и буква М с овалом, провисающим до середины высоты буквы, что сближает ее с соответствующей буквой в Надписи царя Самуила 993 г.

За древность говорит так называемое «подвешенное» письмо, при котором буквы как бы подвешиваются к линии строки, а не размещаются на ней. Для кириллицы эта черта неспецифична, она ведет скорее к восточным (индийским) образцам.

В тексте сравнительно хорошо выдержана сигнальная линия, проходящая у всех знаков по середине их высоты, что является свидетельством в пользу наибольшей возможной древности кириллического памятника.

Следует особо отметить, что начертания буквы Д (Δ), представленные на фотографии, соответствуют греческим уставным, а не кириллическим образцам, хотя и те и другие близки между собой. Буква Ц (Ц) также больше напоминает некоторые древние начертания Ψ, чем Ц кириллицы. Своеобразно начертание Ш (Ш) с сильно заниженными и разведенными от центра крайними мачтами, что также позволяет сближать его с греческим Ψ, а не только с кириллическим Ш.

Таким образом, данные палеографии хотя и вызывают сомнение³¹ в подлинности рассматриваемого памятника, в то же время и не свидетельствуют прямо о подделке. Но при этом необходимо учитывать, что без сопоставимого материала палеография бессильна³². Да и сама фотография сомнительна, так как является снимком не с оригинала (хотя бы и поддельного), а с прориси или с копии, в результате чего начертания огрублялись и изменялись в лучшем случае дважды (при изготовлении прориси или бумажной копии и при фотографирова-

кумента впервые было отмечено только в берестяной грамоте № 78, найденной в октябре 1952 года, а опубликованной и исследованной только ко второй половине 1954 года. См.: Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 года. М., 1954 г., подписанную к печати 12. VI. 1954, а вышедшую в ноябре-декабре, не ранее (в Штаты, в библиотеку Конгресса, весьма далекую от Сан-Франциско, она могла попасть только к середине 1955, где ее так никто и не читал). В этой работе А.В. Арциховским и М.Н. Тихомировым впервые указан этот признак, как датирующий новгородские документы временем ранее XI века (по сравнению с надписью на корчаге из Гнездова и надписью царя Самуила). — А.А.

³¹ Сомнение она высказала выше только по поводу «небрежности» начертания двух букв, причину чего она же и объяснила ниже. А так все в ее статье указывает именно на подлинность. — А.А.

³² А как же надпись царя Самуила? И почему Л.П. Жуковская упорно молчит о берестяных грамотах? Ведь именно по ним она являлась в то время крупнейшим специалистом! — А.А.

нии, в процессе которого была допущена ретушевка). Поэтому окончательные данные могут быть получены только в результате лингвистического анализа, для которого исследователь имеет твердые факты.

Это и есть строгое, последовательное палеографическое доказательство подлинности.

Какого класса должен быть (фантастичный, конечно) поддельщик, чтобы во-первых: выдержать сигнальную линию, как в древнейших кириллических надписях, а буквы написать как в древнейшей датированной надписи царя Самуила, например, не говоря уж об ином. И, кстати, надпись царя Самуила была открыта только в 1894 году (см. об этом: *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1986, с. 39). Таким образом, одно только это особое начертание буквы М уже отвергает в качестве «предполагаемого автора» памятника А.И. Сулакадзева, умершего в 1831!

Да и для «создания» после 1894 года «дощечек Изенбека» нужно было быть, как минимум, высоко квалифицированным палеографом. Да и обо всем этом вообще стало известно не только узким специалистам лишь к середине XX века, и чуть ли не впервые о многом было заявлено именно в этой работе Л.П. Жуковской!

Единственно, что следует заметить: по меньшей мере странным выглядит на этом фоне полное молчание Л.П. Жуковской о берестяных грамотах, о коих она выпустила книгу за год до этой статьи. Нет сопоставления не только палеографического, но и в дальнейшем лингвистического. Как будто и не было этих находок. И это объясняется, на мой взгляд, только одним: соответствующие фрагменты статьи Л.П. Жуковской были изъяты при ее «научном» редактировании. Но и того, что осталось, вполне достаточно.

Все эти замечания суть пункты строгого палеографического доказательства подлинности памятника. Сомнения (скажем, наклоны некоторых букв), на которые она указывает в конце главки, она же сама и разрешает ссылкой на ретушевку и огрубление при делании бумажной копии. И, разумеется, этого нам нельзя исключать.

Но суть-то в том, что все это — абсолютно строгое и безоговорочное палеографическое доказательство подлинности имевшейся тогда в распоряжении Л.П. Жуковской копии дощечки.

Орфография и язык. Анализ графики и палеографии показал, что если «дощечка» подлинна, то ее следует датировать периодом до того времени, когда основным алфавитом у славян стала кириллица, т.е. периодом до X в.

В этот период предкам всех славянских языков (вопроса о конечной стадии общеславянского языка мы намеренно здесь не касаемся) были свойственны открытые слоги, носовые гласные, особые фонемы **ѣ**, **ѝ**, **ѥ** и другие черты фонетики и морфологии, позднее исчезнувшие или изменившиеся в отдельных славянских языках.

Орфография «дощечки» не позволяет выявить судьбу этимологических редуцированных, так как для нее характерен пропуск букв, обозначающих гласные звуки вообще³³, а не только редуцированные в том или ином положении (это позволяет сблизить письмо «дощечки» с семитскими системами письма).

Лишь написания **вѣждаѣ** — IX строка и **дѣ** — IX строка с буквой **ѣ** (т. е. **ѝ**) на месте этимологического **о**, если они интерпретированы нами правильно, указывают на близость звуков **ѝ** и **о**, что для IX — X вв. нереально.

На самом деле, тут лучше сказать «вполне реально», либо даже «более чем реально». И не только для IX века, а всегда, ибо редуцированный звук **ѝ** всегда близок к «краткой» **о**, являясь ее редуцированным, то есть «сверхкратким» произношением.

И что ж тут удивляться, что в «велесовице» для краткого и сверхкраткого произношения одного и того же звука используется одна буква, это вполне закономерно и даже неизбежно для этого этапа развития и становления славянской азбуки. А как иначе? Это доказывает подлинность текста, а не наоборот!

³³ Это верное наблюдение Л.П. Жуковская впоследствии как бы «забыла» в заказной статейке «Влесова книга..» почему же не Велесова? // Русская речь», №4, 1980. А ведь именно оно отвечает на заданный в заглавии вопрос.

Здесь (как и далее) Л.П. Жуковская на самом деле говорит о том, что для известных кириллических рукописей (книг, пергаментов) такое смешение не характерно. И это абсолютно верно. Но только для книг и пергаментов, которые писали высокоученые монахи.

А для берестяных грамот, которые писали порой малограмотные люди, не только характерно, но и обычно! И об этом открытии за год до этой статьи упоминала и сама Л.П. Жуковская! На это она здесь и намекает: мол, если не читали мою книгу, то и не поймете — зачем же я ее тогда писала?

И, кстати, сделано это открытие было опять-таки А.В. Арциховским, и впервые опубликовано в его книге о берестяных грамотах, вышедшей в конце 1954 года, посвященным недавним раскопкам в Новгороде. И как тут не заметить, что за год до этого уже начались публикации текстов «Дощечек Изенбека» с этим самым признаком в каждой строке!

А в сущности, здесь мы имеем дело с одним из возможных вариантов написания: по всей «Книге Велеса» Ѹ обозначает как звук Ѣ, так и О.

В данной дощечке нет буквы Ѣ, но в других текстах (в транслитерациях) она есть, во второй имеющейся фотографии есть и буква Ѣ.

Но в любом случае, взаимная замена букв Ѣ и О в транслитерации, а также вероятная близость звуков Ѣ и О, отмечаемая Л.П. Жуковской, не только «вполне реальны» для древнего новгородского диалекта. Но и, подчеркиваю, являются безусловным и безоговорочным признаком подлинности текстов дощечек «Книги Велеса», ибо этот признак был неизвестен до того, как его выделили в языке берестяных грамот А.В. Арциховский и Л.П. Жуковская, то есть после публикации текстов «Книги Велеса».

В связи с чем мы ей и предоставляем слово. Далее цитируется ее книга «Новгородские берестяные грамоты», М., 1959 г. (§ 2. Чтение новгородских берестяных грамот). Нужная часть подчеркнута.

Анализ письма, языка и текста новгородских берестяных грамот начинается с чтения их, что представляет уже известные трудности и зависит:

- 1) от того или иного прочтения отдельных букв;
- 2) от того или иного деления неразделенного текста на слова;
- 3) от различного толкования отдельных слов, которое обусловлено, с одной стороны, отсутствием больших контекстов, помогающих определить общий смысл каждой грамоты, а с другой — особенностями новгородского диалекта того времени, вследствие которых отдельные буквы могли взаимно заменять друг друга (о — ъ; е — ь — Ѹ — и; ц — ч).

Прежде всего необходимо установить правильное чтение отдельных букв. Как показывает история изучения берестяных грамот, в ряде случаев установление самих букв, имеющих в них, бывает затруднительным.

Итак, первый пункт лингвистического доказательства подлинности «Книги Велеса», отмеченный Л.П. Жуковской. Он состоит в том, что только в языке дощечек и только в новгородских берестяных грамотах (открытых и изученных после нахождения и опубликования дощечек Изенбека) есть общий признак, который невозможно было «смоделировать», а именно: взаимная замена в текстах букв Ѹ и ъ.

Нельзя не заметить также, что эта замена конкретно при передаче буквы Ѹ (Ѹ!) для звука ы, на которую обратила Л.П. Жуковская, также является бесспорным и блестящим доказательством подлинности дощечек «Книги Велеса», ибо впервые подобную замену при написании берестяных грамот отметил только в 1954 году А.В. Арциховский «Раскопки 1953 года в Новгороде», «Вопросы истории», М., 1954, № 3). До этого сия особенность была никому не известна.

До этой статьи (и монографии, вышедшей в конце того же года) даже вопрос о подлинности берестяных грамот был открыт, и та статья была по сути первой научной публикацией на эту тему. Ранее, до находки первых десяти грамот XIV–XV веков в 1951 году, о грамотах на бересте не было известно вообще, а заметные исследования начались только после раскопок 1953 года, принесших уже несколько десятков грамот, и только в 1954 году начались относительно крупные научные публикации на эту тему. Конечно, кое-кто и

сейчас спекулирует³⁴ на тему: мол, статья А.В. Арциховского вышла в марте 1954, а фотография дощечки П 16 впервые была опубликована в «Жар-птице» в феврале 1955 года (девять месяцев! вот оперативности!). Конечно, жаль что не раньше. Но и А.А. Куренков и Ю.П. Миролюбов об открытии берестяных грамот узнали только в 1959 году, судя по их архивам, и то по кратким публикациям в американской прессе, а специальные советские академические журналы до них никогда не доходили.

Ну да даже не в этом дело, и не в том, что данный номер журнала «Вопросы истории» можно было в США добыть через значительное время после выхода и то, верно, лишь в библиотеке Конгресса, для чего нужно было б, например, А. Куру съездить из Сан-Франциско в Вашингтон (сам же Ю.П. Миролюбов в то время был еще в Брюсселе и работал на химическом предприятии). Разумеется, ничего этого не было и быть не могло. Им всем было не до того, чтобы отслеживать новейшие исследования в России.

Главное то, что сама фотография была послана Ю.П. Миролюбовым, еще из Бельгии в США 10 января 1954 года, то есть за три месяца до публикации А.В. Арциховского. И документ этот, точно датированный, у нас есть (публикуется он и в данной книге). И все это происходило на глазах многих свидетелей, которые и сейчас живы. К тому же, оригиналы негативов 20-х годов и сегодня хранятся в Музее русской культуры в США (архив П.Т. Филиппьева) и при желании нетрудно подтвердить их датировку (20-е годы).

Если кто-то еще сомневается (все же это архивные документы), можно вспомнить и публикацию в февральском 1954 года номере «Жар-птицы», вышедшем за месяц до работы А.В. Арциховского. А в этой статье (она есть в ИНИОН) на стр. 33 приведен значительный отрывок из «Книги Велеса», в том числе там можно прочесть: «НѢЛѢЗѢ НѢ НѢ!». Именно поэтому (повторим!) А.В. Арциховский всегда пуб-

³⁴ Как это делала, вслед за одним безграмотным журналистом из газеты «Коммерсант» и др., некая кандидат фил. наук Е.В. Уханова. У истоков славянской письменности. М., 1998, С. 220.

лично признавал подлинность текстов «Книги Велеса»³⁵. Об этом мне сообщил и Б.А. Рыбаков при обсуждении моей работы о письменности в 1992 году.

И даже если кто-то вспомнит, что первая новгородская берестяная грамота была найдена несколько раньше, то мы можем напомнить, что в Музее русской культуры, в Сан-Франциско, а также в архиве Ю.П. Миролюбова есть письмо о дощечках «Книги Велеса» за 1948 год, я уж не говорю о всех свидетельствах об исследовании дощечек до войны, да и о следах, оставленных этой книгой в XIX веке.

Да и что значит десять первых найденных тогда грамот XIV–XV веков, когда есть и рукописи подревнее? Только раскопки 1952 года дали несколько древних грамот (XI века), и о них первые исследования вышли уже после публикаций в «Жар-Птице», в конце 1954 года.

Только к 1954 году был получен достаточный материал для первичных исследований языка грамот, и только в 1954 году появились первые относительно заметные работы на эту тему. Только в 1958 году грамоты стали уверенно датировать. И только в 1959 году вышла первая книга о языке берестяных грамот.

А отдельные новые языковые явления были выяснены только в 60 — 80 годах! И они опять-таки совпали с тем, что было известно из текстов «Книги Велеса». Речь идет прежде всего о древнейших найденных в Новгороде берестяных грамотах с азбуками № 460 (XII века), найденной в 1969 году, а также азбуки в грамоте № 591 (XI века), найденной только в 1981 году, в коих знак Ъ заменяет знак Ь.

И это отличие от привычной кириллицы позволило академику В.Л. Янину заявить, что теория о Шафарика о самобытном происхождении славянской азбуки, и о том что Кирилл на самом деле изобрел «глаголицу», кажется весьма вероятной (Путешествие в древность, М., 1983). Ибо только с XVI века славянскую азбуку стали называть кириллицей. К тому же в одном из кириллических памятни-

³⁵ См. об этом: *Осокин В.С.* Что же такое «Влесова книга». // В мире книг, № 10, 1981. С. 73.

ков XI века сказано, что он переписан с «куриловице» (т.е. как мы бы теперь сказали: «с глаголицы»).

Потому мы вправе говорить о том, что все доселе неизвестные особенности древнего новгородского диалекта, обнаруженные позже в языке и графике берестяных грамот, будучи также обнаруженными и в языке дощечек (изданных с 1954 по 1959 годы, то есть до значимых исследований новгородских грамот достаточной древности), являются безупречными доказательствами подлинности дощечек «Книги Велеса».

Мы вполне можем, как уже было показано, выяснить в каждом конкретном случае, когда была найдена та или иная грамота, текст коей отражал то или иное языковое явление, а также когда впервые об этом было заявлено в научной печати, а потом мы без труда можем найти это же языковое явление в текстах дощечек, опубликованных до этого времени.

Теперь перейдем ко второму пункту доказательства подлинности, продолжая цитировать статью Л.П. Жуковской из журнала «Вопросы языкознания» за 1960 г.

Примерами, характеризующими носовые, по-видимому, могут быть следующие: **меск** — II, IV строки, **грендеме** или **гренде** — VI при **гредехѣм** — VIII в том же корне, **савен** — IX, **пршен**, **дшен** — X (если здесь действительное причастие глаголов IV класса), **женѣ** — III, **малоу** или **малоу** — V (понимание слова зависит от того, как читать дигамму), **се** — VII, VIII, **моли** — IV, **наша** — VIII строка (если это вин. падеж мн. числа). Вряд ли этот материал показывает, что писавший текст не умел обозначать носовые. Скорое можно полагать, что он вообще не имел их в своей речи³⁶.

Ни один из славянских языков в указанное время не мог иметь подобный комплекс черт, характеризующих этимологические носовые. Картина здесь представлена следующая: 1) уже начался процесс деназализации, в ходе которого **ѡ**, совпадало с **у**, а **ѣ** — с **е** (т.е. как позднее в сербском); 2) в положениях, где

³⁶ Замечание тонкое, но все здесь предположительно. И если вспомнить, что Ягила Ган был родом из западнославянских земель, то в его речи могли быть любые переходы от носовых к «ен» и пр. Он то пишет почти «по-польски», то сбивается на восточнославянское написание и, может быть, произношение. И по иному быть не могло у человека с таким происхождением и географией странствий. — А.А.

носовые сохранялись, они акустически и артикуляционно близки; ср. **менж** и **грезде** (т.е. как позднее в польском); 3) процесс деназализации начался с отдельных слов, корней и форм, причем в других корнях и глагольных формах носовые гласные задерживались.

Здесь лучше было бы сказать: «все славянские языки в указанное время имели подобный комплекс черт, будучи не только родственными, но и лишь недавно разошедшимися от одного корня».

Относительно отмеченного якобы специфически сербского языкового явления замечу: то же явление ранее отмечалось и в восточном и в западном славянском! Да и сами южные славяне (в том числе сербы) пришли на Балканы частью из западнославянских земель, а частью из под Смоленска. И было это в VI веке, всего за триста лет до Ягайлы, потому не стоит удивляться общности некоторых черт в столь родственных славянских языках.

Между прочим, это «азы» фонетики. Откроем, к примеру, вузовский учебник Г.А. Хабургаева «Старославянский язык» (М., 1986) на странице 46. Там однозначно сказано, что старославянской фонеме **ѡ**, в русском языке (отнюдь не в сербском!) соответствует именно звук **у**. Это явление было хорошо известно и Л.П. Жуковской, коли она тут же обнаружила его в тексте «дощечки», а уж только сербам оно приписано по недоразумению (а может быть, и намеренно «по разумению», дабы запутать читателя).

Что касается интерпретации переходов носовых звуков, процесса назальности (или ринезма — носового образования), а также деназализации, все эти наблюдения носят предположительный характер (это замечает и сама Л.П. Жуковская), ибо нет твердой уверенности в том, как запись дощечек «Книги Велеса» отражает данные черты произношения. Поскольку, во-первых, в ней нет специальных букв для обозначения носовых, в то время как они могли быть в речи, причем при написании они могли обозначаться сочетаниями букв «Н, УН, к примеру.

Замечание, что данный признак присущ польскому языку, также служит подтверждением подлинности «дощечек», созданных Ягилой Ганом из западнославянского рода.

Напомним, Г.С. Белякова, известный специалист по славянским древностям, автор книги «Славянская мифология», М., 1995., а также кандидат филологических наук и именно в области польского языка, заявляла, что автор дощечек «Книги Велеса» вполне мог быть пра-поляком. Ее слова цитировал писатель В.С. Осокин в статье «Что же такое “Влесова книга”» (В мире книг, 1981. № 10, С. 73).

Берестологи академик В.Л. Янин и А.А. Зализняк именно для языка древнейших новгородских берестяных грамот отметили это явление. И оно также является доказательством подлинности «Книги Велеса», ибо к этому выводу ни пришли после ее публикации на основании анализа сотен грамот и данных археологии. См. об этом, например, в статье В.Л. Янина «Дары новгородской почвы» (Родина, 2006, № 4):

Установление суммы отличий древненовгородского диалекта направило исследовательскую мысль на поиски аналогов этим диалектным признакам в других славянских языках. Результатом таких поисков стал вывод о том, что исходная область славянского заселения Псковского и Новгородского регионов находилась на территории славянской южной Балтики. Именно в языках живших здесь славян, в первую очередь в лехитских (древнепольских), обнаружена сумма аналогов древненовгородскому. Этот вывод совпал с капитальными наблюдениями над древностями курганов и поселений недавно ушедшего из жизни выдающегося исследователя древнего славянства академика Валентина Васильевича Седова.

Неустойчивая орфография, взаимные замены букв, означающих гласные и согласные (впрочем, в строго определенных границах), позволяет делать лишь предположения о фонетических явлениях в речи писавшего тексты дощечек. Но одно совершенно бесспорно, в данных текстах происходят замены букв, означающих гласные звуки, в том числе и предполагаемых носовых, точно так, как и в древней-

ших славянских документах, подтверждая тем подлинность дощечек.

И это Л.П. Жуковской, и между прочим вначале только ей, было отлично известно. Она чуть ли не первой отметила этот особый языковой признак. И потому в статье о дощечках «Книги Велеса» она сразу обратила на это внимание. И это замечание является по сути вторым безоговорочным лингвистическим доказательством подлинности дощечек, ибо этот признак невозможно было смоделировать.

Приведем для подтверждения этого положения слова самой Л.П. Жуковской, писавшей в книге «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (Москва, 1976) буквально следующее.

Нужно постоянно иметь в виду явления графики и орфографии, относящиеся к закономерным, существующим и сменяющимся явлениям языка: Разная сохранность редуцированных, регулярные замены Ѣ — е, Ѡ — о, Ѣ — и, ѣ — ѣ в сербских, болгарских и русских рукописях, Ѹ — Ѹ при транслитерации глаголицы и т.п.; замены старославянского Ѹ в неполногласных сочетаниях через е в древнерусских списках.

Последнее отметим особо (регулярные замены Ѹ, е, ѣ): ибо это тонкое наблюдение Л.П. Жуковской блестяще подтверждает подлинность и древность текста «Книги Велеса». Именно на это она обращает внимание в своей первой статье о памятнике.

Уверен, что ей принадлежат только наблюдения этих регулярных замен, а дальнейшие слова о том, что это невозможно — редакторская правка. Это явно видно по совершенно не свойственному Л.П. Жуковской «ляпу»: вдруг она начала приписывать эти явления только неким загадочным «восточным болгарам» (как ранее «сербам»).

Да и знала ли она эти языки? Не известны ее переводы ни с сербского, ни с болгарского (я переводил с обоих языков, и знаю, что это очень непростая работа). Судя по всему, она только заглядывала в соответствующие словари (но не в грамматики) и «нахваталась» кое-каких сведений по этим языкам.

Что за «восточные болгары»? Чем они, интересно знать, тогда, в IX веке, отличались от западных, если это был и есть небольшой европейский народ с единым языком, который никогда не делился на западную и восточную часть (диалектные особенности там накапливаются в направлении север-юг).

Не о волжской же Булгарии она тут вдруг вспомнила, ведь от тех болгар не дошло до нас ни одного документа: «Джагфар-тарихы» не в счет, ибо оригинала сей рукописи нет, есть только перевод на русский язык.

Да и о языке болгар IX века мы можем судить и то косвенно только по редчайшим памятникам, написанным к тому же не на разговорном болгарском, а на церковнославянском (македонском по происхождению) языке, который много ближе к сербскому и русскому, чем собственно к болгарскому. Это отличные и далекие языки: болгарский выделился из славянской группы языков еще в Булгарии на Волге, он имеет совершенно другую оригинальную грамматику, не говоря уже о лексике!

Потому полагаю, что эта нелепица принадлежит не Л.П. Жуковской, а некому безвестному «научному» редактору из журнала «Вопросы языкознания», иначе пришлось бы заподозрить Лидию Петровну в крайней некомпетентности. Но этому мешают все же ее тонкие наблюдения за языковыми явлениями в тексте дощечек «Книги Велеса», которые стоит также привести и здесь. Итак, дадим ей слово.

Буква **ѣ** в соответствии с этимологией написана в словах: **прѣще** — V, **лѣмѣ** — VIII, **нѣнѣ** — IX и, возможно, **сѣтѣ** — IV строка; буква **ѣ** вместо **е** написана: **вѣнѣ** **врѣнѣ** — II, **вѣ** **вѣгдрѣ** — II, **рѣмѣ** — VIII, **о** **кѣдѣснѣцѣ** — X строка; буква **ѣ** вместо **ѣ** написана в следующих случаях: **лѣмѣ** — VII, **вѣ** **ѣ** **до** **вѣ** — IX, **мѣ** (или **мѣ**) — V, **прѣ** — IX, **вѣ** **сѣ** — X строка; буква **ѣ** вместо **ѣ** пишется в слове **вѣ** — 4 раза и, возможно, в других случаях, более сомнительных.

Написание **ѣ** вместо **ѣ** еще можно было бы объяснить для более позднего периода, если видеть в авторе восточного болгарина (? — А.А.), но написание **ѣ** на месте этимологического **ѣ** для этого периода объяснено быть не может. Совмещение в одном памятнике, причем памятнике оригинальном, указаний на зак-

рытое и одновременно на открытое произношение звука, восходящего к *i*, а также этимологически правильных написаний свидетельствует против его достоверности.

Здесь вполне можно было бы написать: «однозначно свидетельствует в пользу его подлинности».

Во-первых, исправлю ошибку: гласный звук, восходящий к **ѣ**, правильно для говоров моравских и древнерусских обозначать: **ѣ** ибо он обладал тогда высоким подъемом (см.: *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1986. С. 46). Чаше его обозначают знаком **э** (для церковнославянского языка книжников Древней Болгарии, а потом и Руси).

Вообще, приведенное замечание о «невозможности замены **е** и **ѣ** для указанного периода» прямо противоречит абсолютно точно установленному явлению регулярных замен букв (**ж**, **ѣ**, **ш**), означающих эти звуки, во всех славянских памятниках этого периода. Это характернейшая черта праславянского языка.

И следует заметить, что это выяснилось только в 1957 году. Впервые об этом осторожно заявил Н. Ван-Вейк в книге «История старославянского языка» (М., 1957), в коей говорилось о том, что «можно предположить одинаковое произношение *a* после *i* и мягких согласных и праславянского **э**».

Конечно, Л.П. Жуковская внимательно прочитала сей труд, и потому в ее работах, в том числе и в книге «Новгородские берестяные грамоты» (М., 1959) есть указания на подобную замену в грамоте № 154 **рѣвѣж** при постоянном **рѣвѣѣ**. Правда, Л.П. Жуковской это написание показалось необычным, если не ошибочным, эту же «ошибку» она нашла и в «Книге Велеса».

То есть на самом деле речь идет об указании на еще одно, третье, языковое доказательство подлинности дощечек «Книги Велеса».

Дело портит только совершенно абсурдная с точки зрения науки о языке фраза о «невозможности совмещения...» но чего? Что за «открытое и закрытое произношение» (закрытое... это произношение с закрытым ртом?!)?

Бывают открытые и закрытые слоги, но произношения не бывает, фраза «научная» на слух и по виду, но антинаучная и бессмысленная по сути. Опять «правка редактора», или это небрежность самой Л.П. Жуковской³⁷?

Она здесь, кажется, хотела сказать, что нельзя в одном тексте совмещать «грамотное» написание и «безграмотное». Да как же могло быть иначе, если грамматика тогда еще не устоялась?

Ягайла Ган, видимо, уже читал и христианские книги, ведь тогда уже был и перевод Библии на русский язык (тот самый, что современник Ягилы Кирилл «видел в Хорсуни»), так что мог Ягайла запомнить и некоторые традиционные написания отдельных слов. Да и позднюю перепись не стоит сбрасывать со счета.

Более столетия тогда оставалось до начала борьбы с «язычеством», и даже в Киеве и Новгороде в ведических храмах могли переписывать эти дощечки, скажем, во времена Владимира Святославича. А тогда были уже и христианские грамматические школы, и после деятельности Кирилла прошло более столетия.

Да и кто сказал, что не было ведических грамматических школ? До IV столетия они явно были, судя по изощренной грамматике «Боянова гимна».

Однако вернемся к статье Л.П. Жуковской, ибо она обратила внимание и на следующий, четвертый, языковой признак подлинности дощечек.

Известному факту мягкости шипящих и **ц** в указанный период противоречат написания **кудъсаѣцѣи** — X с окончанием **ѣи** вместо **и** в именительном падеже множественного числа...

Оставим в стороне обычную для русского языка всех времен замену **ы** на **и**, и обратим внимание на заявление Л.П. Жуковской о будто бы имевшем место в языке IX века явлении мягкости шипящих и **ц**.

³⁷ В статье «Мнимая древнейшая летопись» (Вопросы языкознания. 1977, № 6) Лидия Петровна правильно говорит о бытовании у славян открытых слогов (оканчивающихся на гласную), но здесь-то о чем речь? — А. А.

Речь идет о уже произошедшем к XI веку (ко времени древнейших славянских памятников) падении редуцированных, повлекшем за собой и регрессивное смягчение согласных (в том числе и шипящих и *ц*).

Ну так это к XI веку! Нет никаких причин полагать, что за 200 лет до этого падение уже произошло. В то время этот процесс мог начаться и причем только для отдельных слов, а мог и не начинаться. Из-за упрощенной орфографии «Книги Велеса» это трудно отследить, на что указывала и сама Лидия Петровна Жуковская.

Вспомним, что ранее, в начале этой статьи, Л.П. Жуковская также писала о шипящих в тексте памятника: «буква *У* отсутствует, ее заменяет буква *Ц* вследствие этого буква *Ц* в «дощечке» соответствует двум кириллическим буквам — *Ц* и *У*». На самом деле обе эти буквы в тексте есть, но они близки по начертанию, потому смешивались и, видимо, как самим автором «Книги Велеса», так и переписчиками дощечек.

И впоследствии, в статье «Мнимая “Древнейшая летопись”», опубликованной в журнале «Вопросы истории», № 6, 1977 (лингвистическая часть которой принадлежит Лидии Петровне), она согласилась с этим и уже писала следующее (повторим этот аргумент).

Как известно, языки развиваются во времени, но это развитие неодинаково реализуется в пространстве. В результате, в определенное время и на определенной территории язык характеризуется сочетанием только ему присущих особенностей. Благодаря этому можно установить предыдущие и последующие этапы развития языковых черт.

Историкам, знакомым с древнерусским средневековыми письменными источниками новгородского происхождения, хорошо известно, например, «цоканье» — неразличение на письме (вследствие неразличения в устной речи) букв *ц* и *ч*, *Ф* и *Ѡ*. Позднее начнется неправильное употребление *Е* — *ять* (*ѣ*). Однако в рукописях XII — XIII вв. (если исключить смоленские грамоты с их ранним смещением *Е* и *ять*) таких ошибок нет, так как в то время все названные звуки произносились различно в соответствии с происхождением (этимологией).

«Велесова книга» выдается за текст, написанный до того, как у восточных славян появились глаголица и кирилли-

ца³⁸. Но орфография «дощечек» показывает, что тот, кто их написал не умел обозначать носовые: он воспроизводил их в соответствии с тем, как это гораздо позже делалось в польском языке... (заметим, о носовых мы уже говорили ранее, да и «польские» черты в тексте дощечек были неизбежны, и, кстати, кандидат филологических наук в области польского языка Г.С. Белякова писала, что автор «Книги Велеса» вполне мог быть и праполяком — А. А.).

Во «Влесовой книге» отражено смещение Е и ять (ѣ), которое появится только в смоленских грамотах в начале XIII века (и, замечу, поскольку это древнейшие смоленские грамоты, они прямо указывают на подлинность «Книги Велеса» — А. А.), отверждение щипящих и Ц — процесс еще более поздний в славянских языках...

Содержание «Влесовой книги», ее язык, свидетельствуют, что перед нами подделка.

После такой псевдонаучной словесной эквилибристики можно уже писать что угодно: «подлинный», «написан инопланетянами» и т.п. Человек, не сведущий в языке, может поверить уже чему угодно.

И поверили! Особенно доводу о «щипящих и Ц». Это ж так просто. Нужно только понять, что же не устроило ученых. Итак, вначале, в 1960 году, Л.П. Жуковская писала, что в указанный период, т.е. в IX веке, было явление «мягкости щипящих и Ц», она же в статье 1977 года повторила ссылку на это явление, заявив, что явление отверждения щипящих и Ц — «процесс более поздний в славянских языках». Заявление мягко говоря спорное, но даже если это и принять, почему тексты «Книги Велеса» сему противоречат? Их упрощенная орфография не может служить тому безоговорочным доказательством.

Здесь же она выразила и еще одно недовольство щипящими в текстах «Книги Велеса», обратив внимание на различие на письме букв Ч и Ц, и заявив, что в рукописях XII — XIII веков таких ошибок еще нет.

Позднее это ее недовольство щипящими разделил и О.В. Творогов, а потом и историк В.П. Козлов в своей статье

³⁸ Чего ради? Это не так, ибо в самой «Книге Велеса» есть споры с Кириллом! — А. А.

(Родина, 1998, №4) повторил довод Л.П. Жуковской и О.В. Творогова, что древние новгородцы не могли смешивать «ч» и «щ», сочтя это «убийственным доводом» против «Книги Велеса», достойным до доведения его широкой научной общественности. Они, по-видимому, решили, что вполне поняли о чем речь, ибо эти буквы, в отличие от юсов («носных») были им знакомы.

Так что же в «Книге Велеса» происходит с щипящими и «ц»? Да ничего особенного. В самом деле, в текстах постоянно смешиваются «ч», «щ» и «ц», что вполне может служить прямым указанием на «цоканье» в речи автора (древнего новгородца).

Так было ли «цокание»? Л.П. Жуковская в статье 1977 года утверждает, что «нет», «не было». Однако именно Л.П. Жуковская нашла это самое явление еще в 1959 году в берестяных грамотах! Это было ее открытием! Этому она посвятила целый § 7 главы IV в своей книге «Новгородские берестяные грамоты». Он так и назывался: «Цоканье в новгородском диалекте» (см. также с. 235).

Отсюда очевидный вывод: нахождение в сотнях берестяных грамот примеров неразличения на письме «ц» и «ч», совпадающее с точно таким же явлением в текстах дощечек «Книги Велеса», и при полном отсутствии этого явления в иных древнейших письменных источниках (это полностью исключает возможность знакомства с этим явлением мифического фальсификатора) является строгим, безусловным доказательством подлинности текстов дощечек «Книги Велеса». И оно было бы безоговорочным, если бы не упрощенная орфография памятника.

А поскольку это явление было присуще только жителям Древнего Новгорода, предположение о «копировании» дощечек «Книги Велеса», скажем, в Древнем Киеве должно быть отклонено (киевляне не «цокали» и поправили бы рукопись). Ю.П. Миролубов имел дело с подлинными дощечками, созданными новгородцем, и наиболее вероятно самим Ягайлой Ганом!

На это и «намекала» Л.П. Жуковская, прямо указывая на «цокание», обнаруженное ею в текстах «дощечек». По-

тому после цитирования работ Л.П. Жуковской с указанием на «цокание» в «Книге Велеса», мы приведем также раннюю и блестящую работу Л.П. Жуковской, посвященную открытию явления «цоканья» в берестяных грамотах Древнего Новгорода.

Новгородские берестяные грамоты показывают, что в новгородском диалекте уже с XII века было цоканье, т.е. на месте разных этимологических аффрикат «ц» и «ч» в нем произносилась одна аффриката. Качество этого звука новгородские берестяные грамоты, конечно, не показывают, потому что написания буквы ч на месте «ч» и «ц» не свидетельствуют о произношении [ч], похожего на современный звук [ч'], так же как написания ц на месте «ч» и «ц», не говорят о произношении [ц]. Смещение на письме букв ч и ц указывает лишь на близость, даже на полное совпадение звуков, которые произносили в этих случаях жители Новгородской земли.

О неразличении двух аффрикат свидетельствует также написания какой либо одной буквы на месте этимологических «ц» и «ч». Характерно, что среди рассмотренных берестяных грамот нет таких, в которых употреблялась бы только буква ч в полноценном материале (то есть на таком, в котором имеются примеры с тем и другим этимологическим звуком). Но написание только буквы ц на месте «ц» и «ч» широко представлено (грамоты № 4, 19, 21, 22, 25, 31, 43, 45, 54, 94, 136, 141).

Неразличение двух аффрикат нашло свое выражение и в грамотах № 138 и 154, в которых, видимо, по странной случайности буква ч написана для этимологического «ц» и буква ц для «ч».

О совпадении двух аффрикат свидетельствует написания ч при отсутствии материала о передаче «ц». Сюда относятся грамоты № 14, 23, 24, 30, 32, 41, 49, 53, 68, 82, 135, 140, 147, 169, а также грамота № 155, если в ней читать имя полоцькь (в грамоте и полоцька). К этой группе принадлежат грамоты № 61 и 119, в которых на месте «ч» пишутся буквы ц и ч (при отсутствии материала на этимологический «ц»), и грамоты № 69 и 167 с таким же правописанием на месте «ч» и написанием ц на месте «ц»... и т.д.

В дальнейших строках статьи из «Вопросов языкознания» Л.П. Жуковская останавливается на некоторых чертах морфологии памятника и допускает ряд ошибок грамматического характера, о чем я подробно писал в монографии «Велесова книга» (М., 1994. С. 247).

На это указывал и о. Стефан (Ляшевский), безусловный авторитет в области старославянского языка.

К примеру, Л. П. Жуковская указывает на невозможность формы: **всжды** для существительного единственного числа («будь славен вождь»). Я вслед за А.А. Куром, С. Лесным и Б. Ребиндером также вначале считал, что здесь обычная замена гласных, потому вначале перевел также: «вождь». Грамматических и языковых причин для безусловного избрания другого перевода нет (хоть мне еще с 1992 года был известен возможный второй вариант перевода).

Однако, о. Стефан указал (см. его статью, цитировавшуюся ранее), что эта фраза взята из церковной службы, сохранившейся в «мазурском» наречии, где употребляется именно слово «вожды», в значении «всегда» (по типу: «однажды», «многожды»), что впервые было отмечено еще переводчиком В.И. Лазаревичем. И хоть я до сего времени не видел таких записей сей церковной службы (что явилось бы безусловным аргументом в пользу такого перевода), но авторитет о. Стефана, его знание литургии, в том числе и особенностей ее у разных народов, заставляет меня согласиться с таким толкованием.

Поскольку в последующем абзаце статьи Л.П. Жуковской есть только ошибки и нет ничего замечательного (в смысле доказательств подлинности дощечек), мы его опускаем.

А конец статьи посвящен указанию на архив А.И. Суакадзева и на автора «Книги Велеса», Ягайлу Гана. Эту часть статьи мы приводили. Она имеет крайне важное значение, ибо также является источниковедческим доказательством подлинности памятника.

Итак, Л.П. Жуковская в своих работах указала на 5 палеографических, 4 языковых и одно источниковедческое доказательство подлинности «Книги Велеса». Итого 10 доказательств. К ним можно прибавить еще несколько, чему будет посвящены последующие работы палеографов и языковедов, но основное уже сделано.

Воздадим же должное Л.П. Жуковской, и простим ей то, что, живя в реальном мире, ей пришлось идти на компромиссы, противоречить себе, просто для того чтобы выжить.

И ситуация эта настолько привычна в «научном мире», что ныне я не вижу выхода. В науке должно смениться поколение, и будем надеяться, что новые ученые переболеют «старыми болезнями» в более мягкой форме.

Подведем итог:

I. Открытые палеографические доказательства подлинности «дощечек» от Л.П. Жуковской:

1) Графика «дощечки», в ряде черт приближается к другим древним алфавитам.

2) Буква **Ц** размещена в строке, что присуще наиболее древним почеркам кириллицы.

3) Древними являются симметричное **Ж** и буква **М** с овалом, провисающим до середины высоты буквы, что сближает ее с соответствующей буквой в надписи царя Самуила 993 г.

4) За древность говорит «подвешенное» письмо.

5) В тексте хорошо выдержана сигнальная линия, проходящая у всех знаков по середине их высоты, что является свидетельством в пользу наибольшей возможной древности кириллического памятника.

II. Скрытые лингвистические доказательства подлинности «дощечек» от Л.П. Жуковской:

6) Замена **У** и **Ъ** (особенно при передаче звука **ы**), известная только в текстах «Книги Велеса» и берестяных грамотах. Причем в берестяных грамотах она отмечена после публикации текстов «Книги Велеса».

7) Разная сохранность редуцированных, регулярные замены **Ѣ — ѐ, ѡ — ѡ,** **Ѥ — Ѥ, Ѧ — Ѧ** в сербских, болгарских и русских рукописях, отмечаемая также и в дощечках «Книги Велеса». Причем то, что это было присуще древнейшим новгородским берестяным грамотам (из-за особенностей новгородского говора) стало известно после публикации «Книги Велеса».

8) Написание **Ѥ** вместо **Ѥ** и написание **ѐ** на месте этимологического **Ѥ** (а также **ѡ**) в «дощечках» и ранних новгородских грамотах.

9) Смешение на письме букв **Ч** и **Ц** как в текстах «Книги Велеса», так и в новгородских берестяных грамотах, указывающее на «цокание» новгородцев того времени, подтвержденное только после находок древних берестяных грамот.

III. Скрытое источниковедческое доказательство подлинности «дощечек» от Л.П. Жуковской:

10) Памятник был известен с начала XIX века. Он находился в архиве антиквара А.И. Сулакадзева, и в его каталоге был отмечен его автор: «Ягила Ган», живший в Ладогe IX века.

Новейшие открытия, удостоверяющие «Книгу Велеса»

Споры о подлинности «Книги Велеса» не прекращаются. По-прежнему они ведутся на уровне газетно-журнальной полемики, где преобладают мнения политически ангажированных журналистов и людей, далеких от науки. А между тем и в наше время делаются открытия, подтверждающие подлинность «Книги Велеса»

Безупречным доказательством подлинности дощечек «Книги Велеса» являются не только открытия в археологии, но и существование независимой литературной традиции, восходящей к образам, известным по текстам дощечек, а также других древних языческих и ведических источников, которые были открыты после публикации текстов дощечек.

В самом деле, если таковые источники существуют и они не могли быть известны ни А.И. Сулакадзеву, ни Ю.П. Миролюбову, коим приписывают создание «Книги Велеса», но тем не менее они содержат сведения, имена, сюжеты мифов и т.п., имеющиеся в «дощечках», значит мы имеем дело с подлинными источниками. Они удостоверяют подлинность друг-друга.

Лучшим доказательством подлинности «Книги Велеса» было бы нахождение ее самой, но для сего нужны переговоры на высшем уровне с Ватиканом. Другим доказательством

было бы нахождение каких-либо берестяных грамот с цитатами из «Книги Велеса», например, найденных при раскопках какого-либо ведического храма.

Косвенным доказательством подлинности уже могут быть представлены результаты ведущихся в последние годы археологические раскопок. В начале данной книги, где рассказывалось об авторе «Книги Велеса» Ягайле Гане, уже была дана картина переселения новгородцев из венецианских земель. Ни в каких иных источниках, кроме «Книги Велеса» этих сведений нет. И это подтверждается теперь также новейшими данными антропологов и археологов.

Так, в книге В.В. Седова «Славяне в раннем средневековье» (М.: Институт археологии РАН, 1995). сказано: «Узколицы суббрахицефалы Новгородской земли обнаруживают ближайшие аналогии среди краниологических материалов балтийских славян. Так, черепа ободритов также суббрахицефальны (черепной указатель 76,6 и 72,2) и узколицы (скуловой указатель 132,2 и 132,1). Весьма близки они и по другим показателям. Все эти данные свидетельствуют о том, что славяне, осевшие в Ильменском регионе, имеют не днепровское, а западное происхождение. Как и предки кривичей, они вышли, нужно полагать, из земель Среднего Повисленья...»

О том же, по Седову, говорят и данные топонимики: «О происхождении населения, создавшего в Новгородско-Псковском крае рассматриваемую культуру (длинных псковских курганов), из среднеевропейского региона говорят и данные топонимики. Так, картография гидронимов с лексемой «териб» (от глагола терить, расчищать землю) показывает, что бассейны озер Ильмень и Псковское составляют общий ареал с Повисленьем, Чехией и Словакией. Объяснение этому может быть только одно — какая-то часть земледельческого населения, очевидно, с Повисленья, переселилась в Ильменско-Псковские земли...»

О тех же связях говорят и очевидные «древнепольские» черты в языке дощечек «Книги Велеса», отмеченные известным полонистом Г.С. Бебяковой и велесоведом Борисом Яценко, о чем уже было сказано. Иных языковых и палеографических до-

казательств подлинности «Книги Велеса» отмечено также немало в связи с последними открытиями берестоведения.

Очевидно также, что важные доказательства, в том числе и берестяные грамоты язычников, могут дать раскопки в Арконе, Полагене, долине Свинторога, центрах ведической учености с известными храмами, где службы велись до XIII века. Более древние храмы IX века, можно было бы найти и Новгороде, и в Ладоге, но пока таковых найдено не было — не там искали. Может быть, что-то и замалчивается: тема рунологии почти запретна в современной науке, не смотря на обилие рунических славянских памятников (эти открытия приведены в книге «Руны славян и «Боянов гимн»» (М., 2006).

И теперь мы рассмотрим те славянские ведические славянские памятники, которые были опубликованы в последние годы, которые одним своим существованием доказывают подлинность «Книги Велеса». К ним прежде всего относится «Боянов гимн», а также болгарская «Веда славян».

Открытие «Боянова гимна» подтверждает подлинность «Книги Велеса»

Уже было рассказано, как дошли до нас тексты новгородских волхвов благодаря подвижнической работе А.И. Сулакадзева. И среди этих текстов кроме «Книги Велеса» («Патриарси») был также известен с начала XIX века «Боянов гимн». А причиной того, что они не были введены в научный оборот явилось засилие норманистов в российской академической среде тех лет.

Исследования последнего времени позволили определить наиболее вероятный источник этих книг — а именно библиотеку Анны Ярославны. Можно быть уверенными в том, что свиток «Боянова гимна» и другие древнеславянские рукописи из библиотеки Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого и впоследствии королевы Франции.

Ныне в научных кругах принято без всяких оснований называть Александра Ивановича фальсификатором. Случается и так, что А.И. Сулакадзева ныне именуют поддельщиком просто по неразумению, либо в силу уже сложившейся традиции, жела-

ния имитировать «научность» своих работ и оградить их от нападков. Однако ни одной фальсификации А.И. Сулакадзева до сих пор не известно. Многие безусловно подлинные книги XIII–XVII веков из его собрания и ныне хранятся в главных отечественных древлекранилищах.

Но если оставить в стороне все современные споры, касающиеся личности Александра Ивановича, и вернуться в начало XIX века, выясняется, что тогда фальсификатором его считали только губители отечественной культуры, часто имеющие высокие научные звания. А такие подлинные авторитеты, как Н.М. Карамзин — великий историк, крупнейший палеограф Е. Болховитинов, а также Г.Р. Державин поддельщиком его отнюдь не считали.

И у них были на то основания. Полагаю, что Евгений Болховитинов и Гаврила Романович Державин видели рунические рукописи из собрания А.И. Сулакадзева еще тогда, когда они принадлежали не ему, а когда они были «библиотекой Анны Ярославны», привезенной П.П. Дубровским из Франции. Как свидетельствуют современники, они посещали Музей П.П. Дубровского еще в 1804–1805 годах.

Благодаря интересу к «Боянову гимну» поэта Г.Р. Державина он сохранился до наших дней. В 1810 году поэт заказал у А.И. Сулакадзева копию «Боянова гимна». Потом, в 1816 году, в 6-ом выпуске «Чтений в Беседе любителей русского слова» он опубликовал восемь строк этого гимна. Также пересказ содержания «Боянова гимна» опубликовал в 1827 году Евгений Болховитинов в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина». И именно та копия гимна, которую сделал А.И. Сулакадзев для Г.Р. Державина, была недавно найдена среди бумаг поэта.

В выпущенной в 1994 году «Книге Велеса» мной был помещен призыв начать поиски архива А.И. Сулакадзева. Началась долгая, кропотливая работа по поиску следов утерянных рукописей. Кто работал с архивами, тот знает, сколько уходит сил и времени на отработывание различных версий, следов данных намеком, уводящих в архивы разных городов, а то и в разные страны. Поднимаются бумаги, письма, которые не изучались десятки и сотни лет... Я выяснил, что боль-

шая часть архива Г.Р. Державина находится в Санкт-Петербурге, в Государственной Публичной библиотеке. И вскоре на мой стол легла копия текста.

Первая публикация полного текста «Боянова гимна» и его перевода была осуществлена мной в журнале «Наука и религия» в 1995 году № 4. Провиденциально то, что эта публикация состоялась как раз к 1700-летию со дня рождения Буса Белояра (20 апреля 295 года, согласно тексту этого гимна). И сей публикацией было положено начало изучению этого памятника. С тех пор он публиковался десятки раз, в том числе совместно с «Книгою Велеса», был переведен на чешский язык, включен в программу ряда университетов в России, на Украине, в Белоруссии и в Чехии. И так получил широкий отклик.

Однако дискуссии по его поводу в российской академической прессе так и не последовало. Его, в отличие от «Книги Велеса», не заметили! А ведь прошло с тех пор уже много лет. Конечно, это только подтверждает мысль, уже давно преследующую меня: российского славяноведения не существует. Есть лишь «фантом», с которым и бороться-то бессмысленно.

Наши критики изображают глухоту и продолжают делать вид, что борются с «Книгой Велеса». На самом же деле диалога как не было, так и нет. Они перепечатывают то, что было уже ими сказано десятки лет назад, и на что ответили еще первые велесоведы-эмигранты. Это продолжение стародавней дискуссии, начало которой положено еще в советские времена по приказу из «вышестоящих инстанций». Им важно теперь досидеть свой век на своих местах в институтах и сохранить вид, что они занимались делом, оправдаться перед своими учениками. Сейчас же таковых приказов «свыше» нет, и потому они не отвечают и не комментируют публикации «Боянова гимна», «Веды словена», не изучают Бусов монумент с рунами и другие рунические памятники.

Впрочем, тексты дощечек «Книги Велеса» могут постоять за себя и сами. Даже когда они попадают под критику предвзятых ученых, они все же не гибнут окончательно, ибо подлинность их понятна даже неспециалисту, а просто грамотному человеку с ясным умом. И даже когда их пытаются переводить дилетанты, то и они не натворят непоправимых бед: доски останутся доска-

ми, часть содержащейся там информации можно понять близко к тексту и без перевода.

Но не так дело обстоит с рунами «Боянова гимна». Подлинность и однозначность перевода памятника невозможно понять без базовых знаний в объеме курса старославянского языка филологического вуза. И насколько я могу судить, даже филологи и даже с учеными степенями, изрядно подзабыли сей курс, не говоря уже о дилетантах.

Подлинность «Боянова гимна», полный пословный перевод текстов, палеографический разбор рун гимна, мной приведены в монографии «Руны славян и «Боянов гимн». И лучше смотреть исправленное издание 2006 года, где нет ошибок наборщиков (ранее сложные научные тексты приходилось набирать неспециалистам, теперь же я эту работу полностью беру на себя).

И следует заметить, что доказанная подлинность текстов «Боянова гимна», имеющийся точный перевод, удостоверяет и подлинность дощечек «Книги Велеса». Имеющаяся в архивах копия гимна удостоверяет, что А.И. Сулакадзе имел подлинный документ IV века, а значит, он имел и подлинные дощечки книги «Патриарси», которые мы вправе индентифицировать как «Книгу Велеса».

И любые нападки на «Боянов гимн», разбиваются тем аргументом, что есть также «Книга Велеса». И наоборот. Это два манускрипта, связанных между собой происхождением, оба они имелись у А.И. Сулакадзева. Значит, Миролубов уже отвергается как возможный «автор».

Но и А.И. Сулакадзе не мог создать их. Вспомним, что имевшиеся в то время подозрения в отношении «Слова о полку Игореве», А.С. Пушкин отвергал на том основании, что никто не был бы в состоянии их создать, не было людей, столь знающих древний язык, а тем более тех, кто мог бы на сем умершем языке создать поэтический шедевр...

Действительно, сейчас являются поддельщики, желающие сделать себе имя на публикации якобы древнего документа. Речь к примеру о «Славяно-Арийских Ведах» некого Патер Дыя (А. Хиневича), но это лишь бездарный новодел, смешанный с плагиатом: он там выдает за свой классический перевод Стеблин-Каменского скандинавской саги

об инглигах. Впрочем, оговорюсь, литературная мистификация (не плагиат!), при наличии таланта, имеет право на существование как жанр. Так же и реставрация эпоса, даже и на вымерших или вымышленных языках. Но к науке это не имеет прямого отношения.

Кстати, критические работы со стороны «официальной науки» мной всегда изучаются с интересом, ибо если и не в вопросах языка, то в вопросах литературоведческих, архивных они могут сообщить немало полезных сведений. Потому подобную критику я приветствую, за ней стоит конкретная работа, поиски в архивах и пр.

Но если бы сим исчерпывались отношения с официальной наукой. К сожалению, ученые старой школы в научные споры всегда примешивают политику и идеологию. И если раньше защитников древних памятников обвиняли в симпатиях к религии, а значит, в борьбе с материалистическим мировоззрением, то теперь те же люди обвиняют нас в язычестве и борьбе с христианством.

Видимо, все же будут нападки на памятник и на мою книгу со всех сих позиций. Ныне, после издания «Боянова гимна», кто-нибудь в очередной раз напомнит о «незыблемых истинах»: не было письменности до Кирилла и Мефодия, не было государственности до Рюрика, не было и славян до VI века.

Возможно, кто-нибудь подвергнет критике этот памятник и с точки зрения языкознания. Вновь будет заявлено об «искусственном языке», бессмыслице, так как это уже говорилось в отношении «Книги Велеса». Но позвольте, речь идет о памятнике письменности IV века. Этот текст, в силу его краткости, не позволяет получить полного представления о славянском языке того времени (в отличие, скажем, от «Книги Велеса», которая дает полное представление о языке Древнего Новгорода IX века).

И критиковать его «за неправильность языковых форм» просто невозможно, ибо не с чем сравнивать, нет сопоставимых текстов (кроме нескольких строк на постаменте статуи князя Буса). Все, что будет написано в таком духе, будет иметь очень отдаленное отношение к науке. Это настолько

ясно, что я бы советовал тем, кто считает себя специалистами, не тратить на это силы и время.

Одно можно сказать точно. Не признавать подлинность «Боянова гимна» возможно только вместе с «Велесовой книгой». Ибо эти тексты связаны. Оба источника говорят о князьях Словене и Бусе, о разгроме Германареха, о Киеве IV века, о «зеленом свете» ведического знания. И если человек отворачивается от этого света и уходит в тьму, то он уйдет и от «Книги Велеса», и от «Боянова гимна».

Признав «Книгу Велеса» подлинником, следует признать подлинным и «Боянов гимн». Невозможно представлять человека, сочиняющего «Боянов гимн» в XIX веке, если он не читал «Книгу Велеса». А ведь переведена «Книга Велеса» была только в 1992 — 1994 годах.

О лингвистических, палеографических, исторических доказательствах подлинности «Книги Велеса» я уже писал. Так что вначале следует опровергнуть их, а потом уж говорить о «Бояновом гимне». Те же аргументы верны и в отношении «Велесовой книги», она подлинна, если доказана подлинность «Боянова гимна».

Многое мне пришлось претерпеть за издание прошлых книг. Разумеется, появились и ученые, осознавшие, что «Книга Велеса» и «Боянов гимн» — подлинники. Но не многие из них рискнут пробивать стену, возводившуюся тысячелетие. И все же такие люди есть и их становится все больше: это доктора филологических наук Ю.К. Бегунов, Р. Мароевич, Л. Сидяков, академик Ю.А. Шилов, кандидат филологических наук. Ж. Синичина, и др.

Юрий Алексеевич Шилов в 2001 году выпустил энциклопедию «Джерела» («Источники»), в которой рассказал и о «Книге Велеса» и о «Бояновом гимне», сделал о ней доклады на встречах славяноведов в Киеве и Ялте. Также в 2002 году прочитал по этим памятникам доклад в Нью-Йорке (США) на конференции, организованной Польским историческим обществом.

И отныне «Боянов гимн», так же как и «Книга Велеса» существуют. И я уверен, они будут существовать всегда в русской и мировой культуре.

Открытие «Веды славян» доказывает подлинность «Книги Велеса»

В 2003 году впервые на русском языке был мною опубликован перевод с болгаро-помакского священных текстов болгар. Издание вышло под названием «Славянские Веды».

Эта книга принадлежит к той же традиции, что и «Книга Велеса». В ней впервые были опубликованы русские переводы текстов ведических преданий и песен, собранных в Родопах и Македонии в середине XIX века южнославянским ученым Стефаном Ильичом Верковичем. Часть этих песен была опубликована тогда, полтора столетия назад, на болгаро-помакском языке в двухтомнике «Веда словена». Также в моем издании впервые были опубликованы песни из третьего тома, оставшегося неизданным в XIX веке.

Что это за источник? Как он соотносится с иными ведическими памятниками, известными у нас, такими как «Книга Велеса», «Боянов гимн», «Слово о полку Игореве»?

По сути, мы имеем дело не с одним памятником, а с околками литературы (песни, сказания) одного крайне интересного своими архаичными обычаями славянского народа, родопских болгар-помаков, македонцев, сохранивших до настоящего времени древнюю традицию. В Болгарии эту культуру, песни изучают давно и успешно, существует обширная научная литература, посвященная этому вопросу. Последнее переиздание «Веды славян» было осуществлено в Софии в 1997 году при поддержке института «Открытое общество». Это издание сопровождается комментариями известных болгарских филологов, как классиков XIX века, так и нашими современниками: С.И. Верковичем, Михаилом Арнаутовым, Иваном Богдановым и иными.

Да и в России о «Веде славян» знают с середины XIX века, тогда появились первые русские публикации болгаро-помакских песен из собрания известного южнославянского ученого Стефана Ильича Верковича. Затем, в 1881 году, в Санкт-Петербурге С.И. Верковичем было выпущено отдельное издание: книга «Веда славянъ» (Обрядныя пьсни языческаго

Стефан Ильич Веркович

времени, сохранившіяся устнымъ преданіемъ у македонскихъ и фракійскихъ Болгарь-Помаков. Кн. 2. — СПб., 1881). Первый же том этой книги был выпущен С.И. Верковичем в Белграде еще в 1874 году. Благословил публикацію второго тома и выделил средства для этого издания сам государь-император Александр II, поддержали издание и другие члены царской семьи, многие богатые люди России. А ранее, в течение многих лет, они же выделяли средства и на собираніе этих песен. Вот с кого нужно брать пример нашимъ современнымъ меценатам!

Поддержка, оказанная книге государем, в те годы заставила смолкнуть голоса недоброжелателей. И противодействие из громогласного перешло в молчаливое. Книгу Верковича просто перестали замечать, о ней надолго забыли. Умолчанию о трудах Стафана Верковича помогло и то, что он не успел сделать перевод Родопских песен на русский язык, которым он не владел в достаточной степени. «Веда славян» написана и опубликована на помакском языке, одном из архаичныхъ диалектов южнославянской группы. Ни русско-помакского словаря, ни грамматики этого языка не существует и сегодня.

Кто же таков был Стефан Ильич Веркович? Почему его труды натолкнулись на столь мощное сопротивление, что «заговор молчания» вокруг «Веды славян» в России не прекратился до сего времени?

Боснийский серб Стефан Ильич Веркович в середине XIX века участвовал в работе по возрождению славянского самосознания среди македонцев, подверженных как греческой ассимиляции, так и турецкому игу. И тогда же в Родопских горах среди болгар-помаков он столкнулся с носителями живой ведической традиции.

Собирание помакских песен и стало главным делом всей жизни С.И. Верковича, которое только теперь начинает оцениваться по достоинству. Древнейшие песни были записаны от болгар-помаков Татар-Пазарджийской Каазы. Они называли себя мусульманами, носили турецкие имена. В ислам их пытались обратить турки, и они формально приняли его, ибо это казалось для них меньшим злом по сравнению с греческой ассимиляцией. Однако этим и ограничивалось влияние ислама. Имен ни Аллаха, ни Мухаммеда в песнях помаков, собранных Верковичем, нет.

Более заметно влияние на песни помаков христианства (греко-византийской культуры). Ярилу помаки называли святым Георгием (Гюргием), а небесных воинов — ангелами (в некоторых песнях). В остальном же архаичность текстов песен казалась невероятной. В своих гимнах помаки славили бога Вышня, Яра, Сиву, Злату Майю, Живу-Юду, Велеса, Друиду, Коляду. Былины помаков рассказывали о борьбе Коляды либо бога Яра с Черным Арапином, с Марой-Юдой, Суровой Ламией. Сохранность древних помакских песен, несравнимая с сохранностью песен соседних народов, говорила о непрерывавшейся древней религиозной традиции.

Помаки помнили и о своих святилищах, разрушенных византийцами и потом турками, об уничтоженных книгах. Они перечислили Верковичу сожженные книги. Назовем их и мы. «Вета» — общее название для всех священных книг славян. «Звезница» — содержала песни о том, что говорят звезды, и о том, что и когда произойдет. «Ясна книга» — свод песен, по-

ющихся при жертвоприношениях (думаю, имеет связь с книгой Ясна, авестийской ведической традиции). «Земница» — книга песен о том, по какой земле ходили предки славян, и о том, как они заселяли новые земли. «Петица» — птичья книга, полагаю, подобная легендарной русской «Голубиной книге».

Однако культура помаков была настолько высока, что они цитировали эти погибшие книги наизусть. В сущности, изданная Стефаном Верковичем «Веда славян» и состоит из цитат древних книг славян. Следует учитывать и то, что ведическая культура издревле была основана именно на устной передаче знаний. И даже после изобретения письма записям священных текстов не придавали большого значения либо даже запрещали их вести.

В начале, в 1874 г., в Белграде Стефан Ильич Веркович издал первый том своей книги, которая называлась тогда «Веда словена». Тексты этой книги сопровождались параллельным французским переводом.

В это издание вошла только незначительная часть из собранных Верковичем песен, иные же остались в рукописях, но судя по отзывам французских исследователей, ознакомившихся также и с рукописным собранием, кроме легенд о прародителях, о переселениях с древней прародине на Востоке, и с древнейшей на Севере, где правил бог Солнца, также в сих песнях рассказывалось об изобретении сохи, серпа, лодки, об участии славян в Троянской войне.

Французы, создавшие к тому времени крупнейшую в Европе школу, занимавшуюся изучением Вед Индии, заинтересовались Родопскими песнями (еще до их публикации). В 1871 году Французское министерство народного просвещения, дабы убедиться в подлинности этого сборника, поручило консулу в Филиппополе господину Огюсту Дозону — человеку, владеющему южнославянскими наречиями, к тому же занимавшемуся переводами болгарских песен, — произвести проверку «Славянской Веды» в Родопских горах. Огюст Дозон отправился в Серез и прожил там два месяца. Он познакомился со С.И. Верковичем, затем и с его сотрудником Иваном Гологановым, на которого тогда и пало подозрение в подделке (сочинении) этих песен. И Огюст Дозон пришел к выводу, что они никоим обра-

зом не могли быть причастны к созданию «Веды славян». Обо всем этом Огюст Дозон и составил отчет Министерству народного просвещения Франции, опубликованный потом в Париже¹. Также он опубликовал статьи в «Journal officiel» за 19 февраля 1873 года, а также в «Annales des missions scientifiques».

Огюст Дозон и сам в декабре 1871 года записал 7 песен, содержащих 6311 стихов, в том числе и песнь об Орфее (Орфене), вошедшую потом в сборник Верковича. В частности, песня «Свадьба на царе Барианса с млад Дунавска» (307 стихов) была опубликована им в научном сборнике². Также он издал фракийскую песню об Александре Македонском и его коне Буцефале³.

Затем известный французский славист Луи Лежар напечатал в журнале «Revue politique et littéraire» статью об открытии Верковича. После этого итальянский журнал «Giornal Araldico...» в июле 1872 года написал: «Песни «Славянской веды» по своей важности и обширности занимают первое место между всеми литературными памятниками старины, не исключая знаменитой Махабхараты».

После сего известный санскритолог, переводчик Махабхараты Эмиль Бурнюф, дабы лично удостовериться в подлинности Родопских песен, также совершил путешествие в Македонию и тоже подтвердил бытование ведических песен и обычаев среди болгар-помаков. И он в своей книге «Essai sur le Veda» утверждал, что эти болгарские песни имеют санскритское происхождение, а также что македонцы и иллирийцы принадлежат к «санскритской расе».

Окрыленный этими отзывами, Стефан Ильич отправился в Россию за поддержкой своих исследований. И успех к нему пришел в 1867 году в Санк-Петербурге, куда он привез первый том «Веды славян».

Восторженно об этом издании отозвался филолог и знаток болгарского языка Вячеслав Миллер, опубликовавший свой

¹ Les Chants populaires Bulgares. Rapports sus une mission littéraire en Macedoine, par M. Auguste Dozon. Paris. 1874.

² Bulletin de l'« école française d'« Athènes. 1870, №8.

³ Chansons populaire bulgares indites. Paris, 1875.

пересказ и (частично) перевод одной македонской песни об Орфее из сборника Верковича в «Вестнике Европы»⁴.

В тот же год, на I-м Археологическом съезде в Москве, Веркович докладывал об открытии песни об Орфее, и это вызвало живое внимание как участников съезда, так и самого государя-императора Александра II, под патронажем коего и проходил этот съезд.

Затем при поддержке российского дипломатического ведомства он получил назначение в итальянском консульстве в Серезе. Стефан Ильич Веркович регулярно с дипломатической почтой начал посылать в Россию, государю-императору Александру II, обширные экономико-этнографические материалы и отчеты о политической ситуации в Македонии, вышедшие потом отдельной книгой на русском языке, а также этнографические материалы и собственно ведические песни помаков.

В 1875 году в болгарских владениях Османской империи началось антиосманское восстание, жестоко подавленное турками. А затем, в 1877 году, царское правительство Российской империи объявило Османской империи войну, результатом которой явилось освобождение балканских славян от турецкого владычества. Тогда же, в связи с началом войны и угрозой ареста, С.И. Веркович был вынужден спешно покинуть Серез. И с 1877 года он вновь в России.

Оказавшись в России и ценой немалых усилий собрав необходимые средства, Стефан Ильич Веркович в 1881 году издал 2-й том «Веды Словена». Однако смерть императора Александра II, убитого в 1881 году народовольцами, а также угасание в российском обществе интереса к балканским делам с окончанием Русско-турецкой войны привели к прекращению государственной поддержки исследований культуры южных славян. Потому Верковичу так и не удалось завершить издание помакских песен и преданий. До сего времени многие из сих бесценных песен хранятся неизданными в архивах России и Болгарии, а многие утрачены.

⁴ Древняя болгарская песнь об Орфее... // Имеется в РГБ (издание без места, без года), в едином переплете с отзывами В. Миллера, А.Н. Пыпина из «Вестника Европы» // Хроника. Литературные заметки.

Итак, С.И. Веркович лишился высокого покровительства, и на IV археологическом съезде (в Казани) против его открытий выступил ряд российских филологов. Они основывались на мнении А.Н. Пыпина, которое было высказано им еще в 1867 году.

И, не смотря на то, что А.Н. Пыпин не владел болгарским языком и ни разу не был на Балканах, его мнение поныне у нас считается «официальным», ибо сей критик — «классик отечественной филологии». И это несмотря на то, что он известен только своими отрицательными отзывами о собрании русских сказок и народных песен И.П. Сахарова (на этот отзыв ныне мало кто обращает внимание при массовых изданиях этих сказок).

Также А.Н. Пыпин приложил немало усилий для того чтобы опорочить имя А.И. Сулакадзева, для того чтобы были признаны поддельными древние славянские рунические рукописи, в том числе «Книгу Велеса», «Боянов гимн» при том, что эти манускрипты он не только не видел, но и не знал, где они находятся. И так «за глаза» была признана несуществующей вся ведическая культура славян. На это мнение, а также на статьи, которые основаны на сем мнении, опираются и теперь многие российские филологи. Из-за обилия ссылок эта «школа» видится основательной. Но, полагаю, пора уже начинать излечивать нашу филологию от подобного гиперкритицизма, не имеющего ничего общего с подлинной наукой и разрушающего отечественное славяноведение.

После такого отклика на издание второго тома «Веды славян» С.И. Веркович покинул Россию, он возвратился в Македонию, затем, в 1891 году, он был представлен болгарским правительством к пожизненной пенсии за выдающиеся заслуги. Умер С.И. Веркович в 1893 году в Софии.

— * * * —

История же «заговора молчания» вокруг «Веды славян» также дает право считать «Веду славян» источником, совершенно не зависимым от «Книги Велеса». И наоборот. Отметим факты:

ВЕДА СЛОВЕНА.

БЪЛГАРСКИ НАРОДНИ ПЕСНИ
ОТЪ ПРЕДСТОИЧНО И ПРЕДХРИСТИЯНСКО ДОБА.

ОТКРИТЪ ОТ ТРАКИ И МАКЕДОНИИ

ОТ

СТЕФАНЪ К. ВЕРКОВИЧЪ

КНИГА I.

LE VEDA SLAVE

CHANTE POPULAIRES DES BULGARES

DE THRACE A DE MACEDOINE

DE L'ÉPOQUE PRÉHISTORIQUE A PRÉSENTÉENNE.

Decouvert et édité par

STEFAN K. VERKOVITCH.

VOLUME I.

БЕЛГРАДЪ,
ДРУЖБА СТАНКАРА 1906

Belgrad, Imprimerie de Г. Стол.

ВЕДА СЛОВЕНАХЪ.

ОБРЯДНИ ПЕСНИ ОТЪ ЯЗИЧЕСКО ВРЪМЯ.

УПРЕКЪ СЪ УСТА ВЪЗДАДИ ПРН МАКАРИЧЪ ГРАДИШЪ-ТО
БЪЛГАРЪ ПЕВЦИ.

СОБРАНИ И ИЗДАДИ

Стефанъ И. Верковичъ.

Книга друга.

Изпечатана съ подкрепението на Руския-то университетъ
и покровителъ на науката.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
1881.

Белградское и Санкт-Петербургское издания «Веды славян» С.И. Верковича

1) А.И. Сулакадзев умер за 50 лет до первой публикации в России «Веды славян».

2) С.И. Веркович не знал не только содержания «Книги Велеса», он не ведал даже о существовании в России библиотеки новгородских волхвов, ни будучи в Югославии и Болгарии, ни потом в России.

3) Ю.П. Мироллюбов не знал о «Веде славян». Он и русские источники по славянской мифологии знал не в полном объеме. В своих книгах, рукописях он ни разу не упоминает ни о чем, что могло бы послужить хоть намеком на знание южнославянских древностей (каких-либо!). И, разумеется, ему был неизвестен ни болгарский, ни тем более болгаро-помакский язык.

Итак, источник независим. Но в то же время мы в нем находим то, что есть также только в «Книге Велеса». И многое иное! Это развитие той же темы. И это, безусловно, подтверждает подлинность, как самой «Веды славян», так и наоборот — «Книги Велеса» и «Боянова гимна».

Отметим главные совпадения.

1) И в «Книге Велеса» и в «Веде славян» повествуется об отце Бане Оре, выведшем роды славян с Северной прародины. В «Книге Велеса» его именуют Орем (Арем), также и Баном (т.е. Правителем). Также и в «Веде славян» он именуется Баном и Орпием (то есть Орюшкой), а на «языке дедове», его именуют Арем.

2) И в «Книге Велеса», и в «Веде славян» даются сродные легенды о патриархе Богумире (Боге Имире, Благом Имире). В «Веде славян» он именуется Имой-царем. Он патриарх-прародитель, первый царь, он делает первые жертвоприношения, учит земледелию и т.п. Напоминает авестийского царя Йиму, скандинавского Блаина Имира и т.п.

Причем в «Веде славян» упоминается и столица Богумира, некий Коло-град. И в нем мы не можем не узнать Вару Йимы, а также... Уральским Аркаим, открытый всего несколько лет назад!

3) И в «Книге Велеса», и в «Веде славян» даются легенды о переселении славянских родов из Семиречья под водительством царя-пахаря Ария (Оря) Оседня. В «Веде славян» он пахарь-орий Сада-король, который ведет славян из некой Читайской Земли.

Должно отметить, что сей Сада-король напоминает иранского Феридуна (он же в Авесте Трайтаона, а у славян Оседень Тархович). Сей Феридун ведет свои роды также из Семиречья, из земли Чин (Китая). По иранской и китайской древним традициям сей патриарх был наследником Богумира, покорившего в древности чуть не всю Евразию, в том числе и Китай. А Семиречье, то есть Южный Урал, степи близ Алтая, были тогда провинцией Китая. И там сей патриарх скрывался после того, как его династия (скифо-арийская) была свергнута с трона Китая драконом. Тогда он скрылся в Семиречье. А после двинулся через Переднюю Азию в Европу.

Кстати, те земли и ныне называются Читайской землей. Там, за Алтаем, есть река Чита, также город Чита.

В «Книге Велеса» роды Оседня отправляются в странствие по совету некого старца, который рассказывает о том, что есть благодатные земли (и в «Веде славян» говорится о сем).

Также некоторое время роды Оседня живут в горах, где они пытаются сеять на камнях (но та земля «не подошла овцам»), об этом же говорит и «Веда славян». То есть мы имеем одну и ту же легенду.

Некоторая разница в произношении имен объясняется долгой жизнью традиции. Ведь с тех пор и языки разошлись, что ж говорить об изменении имен!

И тут следует заметить, что следующие легенды о Сада-короле, о битве его с Ламией, имеют пересечения с еще не опубликованным сказанием о такой же битве... но на Волге, у ее притока Ламы. Такая же битва состоялась у Волока Ламского, но, правда, в более древние времена: при переселении родов славяно-ариев с Севера и установления новых путей по волокам. Есть и такая легенда в волжской традиции. И как тут не заметить, что и сами болгары пришли на Родопы с Волги!

Причем в болгаро-помакской Веде, в цикле легенд об Оршо, дана и более древняя версия сего сюжета (борьбы короля с Ламией), где место Белого Дуная занимает Белое море, есть там и Новый город и т.п. Есть сродная легенда и о борьбе с Ламией святого Гюргия, за коим, без сомнения, виден бог Ярило.

Заметим также, что помощь Самовилы переселяющимся родам славян представлена также (и почти теми же словами) как помощь птицы Матери Сва (Самой, Своей Матери) и в «Книге Велеса».

В каждой строке «Веды славян» мы обнаруживаем пересечения с самыми архаичными пластами славянской ведической традиции. Есть совпадения и образов, и даже просто традиционных священных речений.

Приведем пример: легенды о Коляде, имеющиеся в «Веде славян», дополняются и пересекаются как с южнославянскими преданиями и песнями (например, по записям Вука Караджича), так и с восточнославянскими колядками.

Все эти традиции были соединены мною в восстановленной «Книге Коляды», в коей помещены также и переводы песен из «Веды славян», касающиеся Коляды. Так я соединил две части единого цикла легенд о Коляде и перевел сохранившиеся тексты на современный русский язык.

Здесь можно также сравнить следующие строки из «Книги Велеса» и из «Веды славян».

SVIATĪ IΔYUTĪ ΔY NIĪ. | TĪ SVIATY PEPBENY KYLIADY,
 I ΔPYZE IAPY | KPASHĪ GYPE, | YBSIENY VELIKY | MALY. |
 IΔIŠUYTY TK SVIATY, IAKYJBYΔE MYJY IΔIŠETĪ Y GPY-
 ΔY ΔY SELY YGNECYENSYTY, | KIEM ZE ME MIRE GRADETĪ
 YΔ NY ΔY INĪ | YΔ INĪ ΔY NY.

Перевод: «А те Свята приходят к нам. И первый Свято — Коляда, а другие — Яр и Красная гора, и Овсень Великий и Малый. И идут те Свята, как мужи, от града до села огнищанского, и с этим на землю мир грядет от нас к иным и от других к нам». (Лют. II, 4:5).

А теперь сравним этот текст с текстом и переводом из «Веды славян», т. 1 (с. 13).

Вутре е Личень-лень,
 Личень-день Коледов день.
 Слел си е Бога на земе,
 Лу да си трепне ясну сланце
 Лу да си трепне да си найде,
 Шедба ми са Бога пиета
 Уть града фафъ града,
 Уть селу на селу,
 Уть каша на каша...
 Дурь дойде Коледа-Бога,
 Дойде да дойде на трапеза,
 Да си седне на вечере..

Утром в Личен-день,
 в Личень-день, Коледов день
 слетел Бог на землю.
 Когда проснулось ясное солнце,
 когда проснулось, он пошел.
 И шел Бог пешком
 от града Святого града,
 от села к селу,
 от избы к избе...
 И дошел Коляда Бог,
 дошел до застолья,
 и воссел Он на навечерье...

Между прочим, сродные тексты известны и восточнославянскому фольклору, где нередко Бог (или св. Николай) приходит и садится за трапезу. Да и в «Сказах» Миролубова есть сродный текст (восходящий ли к «дощечкам», бог знает!).

Следует заметить также, что сам С.И. Веркович не всегда понимал суть записанных им песен и легенд. Об этом, например, говорит его французский перевод песен в первом томе.

Так, Птицу Матерь Сва, которую «Веда славян» именуется «Сива голабче», он, не поняв сути, трактует как «сивая или сизая голубка», ибо переводит на французский просто «синяя птица».

Он не знает даже «дивьих людей» из славянских мифов (нам, например, известны белорусские и уральские предания

о дивах). Потому он называет их по-французски просто «дикарями».

«Сурову Ламию», он переводит как «ужасный дракон», в то время как «Сурова» — это не только «суровая», но и «солнечная» (ибо Сурья — значит «Солнце»). А Ламией называют сие чудовище не только славянская, но и греческая традиция.

Этот ряд можно было бы и продолжить.

Итак, мы теперь имеем свод первоисточников славянской ведической традиции: «Боянов Гимн», «Велесову книгу», «Веду славян». К этой же традиции принадлежит «Слово о полку Игореве», также восточнославянский эпос. И мы вправе говорить о существовании великой славянской ведической культуры.

Путь к признанию «Книги Велеса»

«Велесоведение» в России и славянских странах

Теперь расскажем подробнее о всех значимых велесоведческих публикациях в России и славянском зарубежье.

Итак, в 1960 году Сергей Лесной при посредстве некоего Н.М. Кристисен, и, очевидно, по каналам советской внешней разведки, с коей он был связан, прислал в Советский славянский комитет фотографию дощечки из «Велесовой книги».

Именно тогда академик В.В. Виноградов поручил провести экспертизу снимка палеографу и языковеду Л.П. Жуковской. После изучения снимка Лидия Петровна опубликовала в журнале «Вопросы языкознания», 1960 г., № 2, статью «Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок)». Потом Л.П. Жуковская вспоминала (на вечере в Доме ученых), какое впечатление на нее произвел принос копии «дощечки» людьми «из органов», да еще вместе с письмом от того самого С. Лес-

ного, коего Н.М. Шарлемань в последнем т. 16 ТОДРЛ чуть не назвал «фашистским прихвостнем» (и это при том, что он был антифашистом).

Тем, кто не жил в советское время, трудно представить, какой ужас вызывали подобные ситуации. Так что, смысл отзыва Л.П. Жуковской был predetermined. Но даже и в этих обстоятельствах Л.П. Жуковская дала понять тем, кто разбирается в вопросе, что на самом-то деле она определила подлинность дощечек, она даже привела строгое палеографическое доказательство этого. Так понял ее статью не только я, но и независимо украинский филолог Б. Яценко.

И, кстати, Л.П. Жуковская могла тогда и просто проигнорировать посланную С. Лесным фотографию, это бы ее вообще тогда ни к чему не обязало. Уже сам факт ее анализа (с двойным дном) говорит о том, что она пришла к выводу о подлинности дощечки, и на это она и намекнула в своей статье.

После Л.П. Жуковской о «Книге Велеса» уже в многотиражной печати высказался и с той же неуверенностью и двойственностью позиции доктор исторических наук А.Л. Монгайт (Наука и жизнь, 1968, № 6, а также Надпись на камне, 1969). И кстати, О.В. Творогов, давший почти полную сводку о публикациях «Книги Велеса», статьи А.Л. Монгайта не упоминает, и возможно именно из-за его двойственной позиции.

После тех публикаций в Советском Союзе вопрос о подлинности «Книги Велеса» надолго ушел из научного обсуждения. Ограниченность контактов с зарубежьем приводила к тому, что книги исследователей-эмигрантов не доходили до России и представления о «Велесовой книге» поневоле основывались лишь на статьях Л.П. Жуковской, А.Л. Монгайта и слухах.

Так, например, поэт Игорь Кобзев, первый после них напомнивший о существовании «Велесовой книги», в 1970 году полагал, что она была найдена в Австралии. (См.: Кобзев И. О любви и нелюбви // Русская речь, 1970, №3.)

Лишь после того, как в Россию окольными путями стали доходить книги С. Лесного, Н.Ф. Скрипника, В Качура, Б. Ребиндера, и даже некоторые номера «Жар-птицы», в защиту памятника стали выступать многие люди. К обретению этой литературы приложил тогда немало усилий кандидат исторических наук (согласно его публикациям, но пускали также слух, что он был кандидатом философских наук) В. Скурлатов. В то время он занимал пост директора ИНИОН, и (ознакомившись с публикациями в «Жар-птице», пришедшими в спецхран по каналам внешней разведки, отслеживающим белогвардейскую литературу) он нашел даже валютные средства для закупки этой редчайшей литературы (книг Скрипника, Качура и др.). Правда, все это сразу попадало в спецхран. До 90-х годов все это было доступно очень ограниченному числу лиц (требовалась санкция КГБ).

«Заговор молчания» был разрушен в 1976 году. Тогда в газете «Неделя», № 18, В. Скурлатов и Н. Николаев напечатали статью под названием: «Таинственная летопись: Гипотеза на проверку. «Влесова книга» — подделка или бесценный памятник мировой культуры?» Авторы статьи писали о том, что «таинственная летопись» позволяет ставить вопрос о времени возникновения славянской письменности», о том, что она «изображает совершенно неожиданную картину далекого прошлого славян». Они обращали внимание на степное центрально-азиатское происхождение предков русов.

В том же году в «Неделе», №33, была опубликована еще одна подборка мнений о «Велесовой книге». В защиту памятника высказался писатель В. Старостин:

...Для меня и в маленьких отрывках, но большой смысл открылся, — писал он. — Одни имена уже неподдельны и неподражаемы: Богумир, Славуна, а вместо Рюрика — Ерек... Все это мог создать только народ. А найдись бы творец да сотвори все это пусть и в недавние времена единственно из сердца своего — значит, такой человек безмерно даровит. И в том, и в другом случае «Влесова книга» — бесценный дар, и недопустимо замалчиванием отстранять от нее читателей и писателей.

Итак, плотина дала течь. Но «антивелесоведы» стали предпринимать попытки залатать пробоины. Ответ последовал немедленно. Однако он был опубликован не в массовом издании, а в журнале, рассчитанном на узкий круг специалистов, и потому не дошел до большинства читателей предыдущих статей.

В журнале «Вопросы истории» (1977 год, № 6) академик Б.А. Рыбаков, историк В.И. Буганов и лингвист Л.П. Жуковская опубликовали статью «Мнимая “Древнейшая летопись”». Это было первым и единственным отзывом на «Велесову книгу» Бориса Александровича Рыбакова, археолога, крупнейшего отечественного специалиста по славянским древностям. Его выступление серьезнейшим образом ударило по позициям сторонников изучения «Велесовой книги», тем более что многие из них были воспитаны на его трудах.

Потом я спрашивал Бориса Александровича, как так получилось? Оказалось, что его убедили «подписать» ту статью, а своего мнения по данному вопросу у него просто не было, он был не в курсе дела. Да и ему казалось невероятным «чудо» обретения подобной летописи. Словом, это была только ничего не значащая короткая отписка, которую напрасно восприняли чрезмерно серьезно.

Позиции не были сданы. В том же 1977 году в журнале «Огонек» №13 писатель В. Жуков заявил о возобновлении изучения «Влесовой книги» и добавил, что необычность ее содержания явилась «предметом научных споров и даже обвинений в мистификации», дав понять, что эти обвинения лишь досадное недоразумение.

Затем на страницах «Литературной России» (1977, № 49) выступил поэт И. Кобзев со статьей: «Где прочитать «Влесову книгу»? Письмо в редакцию». В этой статье он, не называя из чувства такта имен, критиковал «некоторых слишком уж осторожных скептиков, которые еще до ознакомления советских читателей с полным текстом летописи объявили ее «подделкой» и “мистификацией”».

Ученые-слависты не стали ввязываться в дискуссию, тем более, что в то время они имели лишь одну фотографию до-

щечки, а об остальном тексте «Велесовой книги» судили по пересказам В. Скурлатова и Н. Николаева в газете «Неделя». Они-то были в курсе дела, имели и публикации «Жарптицы», но по неизвестным нам причинам (видимо, цензурным) не делали гласной всю информацию.

Через два года о «Велесовой книге» напомнил журнал «Новый мир» (1979, № 4). В рецензии Д. Жукова на книгу Н.Р. Гусевой «Индуизм: История формирования. Культурная практика» автор упомянул о «Велесовой книге», как об источнике, который следовало бы проанализировать Н.Р. Гусевой, так как эта недавно найденная книга могла бы заполнить пробел в знании об эпохе в истории славян после того, как они разошлись с ариями, ушедшими в Индию. Также он призвал к более глубокому изучению памятника, который «подвергается сомнению».

После этого выступления журнал «Техника — молодежи» (1979, № 12), поместил статьи дочери В. Скурлатова Ольги «Загадки “Велесовой книги”» и кандидата исторических наук Вадима Вилинбахова «Необходим научный анализ». Статья О. Скурлатовой в основном содержала пересказ статьи В. Скурлатова и Н. Николаева с той разницей, что О. Скурлатова не сомневалась в подлинности книги и обрушивалась с резкими нападками на «некоторых археологов», под коими сведущий читатель, без сомнения, узнавал археологов школы Б.А. Рыбакова. Она, опираясь на свидетельства «Велесовой книги», писала: «Таким образом, не Припятские болота, куда пытаются нас загнать некоторые археологи, а огромный простор Евразийских степей вплоть до Амура — вот наша истинная прародина». Как известно, Б.А. Рыбаков считал прародителями славян скифов-сколотов, живших в Поднепровье, в том числе у реки Припяти.

Обычно в пылу споров то, что уже тогда в защиту исследований «Книги Велеса» выступили два кандидата исторических наук В. Вилинбахов и В. Скурлатов, не замечают. Не заметил его и О.В. Творогов, давший обзор мнений о «Велесовой книге» и старавшийся убедить читателей, что ученым противостоят только дилетанты. Но

это совсем не так. Ведь можно вспомнить и то, что за рубежами России к «Книге Велеса» с интересом относились и такие крупные ученые, как П.Е. Ковалевский, Р. Пешич, не говоря уж о самих публикаторах, среди коих были и профессора старой школы, как Константинов и Башилов, да и к тому же памятник серьезно обсуждался в школе Г.В. Вернадского в Йельском университете, и рядом иных ученых. Все это «антивелесоведы» игнорировали тогда и стараются не замечать поныне.

Думаю, именно публикация в журнале «Техника — молодежи» с комментарием кандидата исторических наук привела к опубликованию новой статьи оппонентов «Велесовой книги». В журнале «Русская речь» № 4 за 1980 год была помещена статья члена-корреспондента АН СССР Ф.П. Филина и доктора филологических наук Л.П. Жуковской, в которой вновь «в двух словах» анализировался язык «Велесовой книги» и делался вывод: «Это совершенно явная и грубая подделка, в которой нет ни «таинственности», ни «загадок»...»

И эта статья, разумеется, не удовлетворила защитников памятника. В 1981 году в журнале «В мире книг», № 10, появилась статья В. Осокина «Что же такое «Велесова книга»?» В этой статье вновь пересказывалась история публикаций о «Велесовой книге». Правда, автор допустил несколько неточностей, которыми не преминули воспользоваться оппоненты (в частности, он утверждал, что зарубежные публикаторы посылали все свои материалы в Славянский комитет, на самом же деле до того времени ими была послана только одна фотография). Впрочем, В. Осокин был скорее прав, ибо по крайней мере книгу С. Лесного ученые уже имели, а в ней приводился текст 8-ми дощечек. О.В. Творогов, например, сетовал, что книга С. Лесного тогда не могла дать ученым достаточного представления о «Велесовой книге». (ТОДРЛ, 1990. Т. 43. С. 175).

Через три года журнал «В мире книг» (1984, № 3) продолжил разговор о «Велесовой книге». И. Кобзев в статье «Где нашли «Велесову книгу»?» рассказал об имени, в котором А.Ф. Изенбек обнаружил дощечки, а также сделал

**ЕЩЕ РАЗ
ТАК НАЗЫВАЕМОЙ
ВЛЕСОВОЙ КНИГЕ**

В последние годы в периодической печати публику-
ются о так называемой Влесовой Книге до 650 г. г.
славян, составленном в Восточной Европе по сведениям
полученным в прошлом такой книги якобы свидетелем
войны под Орлом.
Текст книги изобилует автором, который
впервые выложил, но явил ее. Сергеевскому
в статье Л. П. Жуковской и Ф. П. Филиппа
в статье Л. П. Жуковской (об одной подделке) (т.
26 4). Еще в 1930 году академик В. В. Виноградов (т.
в отделе — 1976. 24 16) и в 1980 году Л. П. Жуковской
и Филиппа в статье

РУССКОЕ ДЕЛО № 2117 1989

ПРОЩАТЬ ИЛИ НЕ

Вот тебе прощенье, вот тебе прощенье,
за что ты прощенье просишь, а прощенье
не прощенье, а прощенье.

ВЛЕСОВАЯ КНИГА

**ВЕЛИКАЯ
СЛАВЯНСКАЯ ЗАГАДКА**

Секрет СОПРИКАТОВА

**ЗАГАДКИ
«ВЛЕСОВОЙ КНИГИ»**

Вот тебе прощенье, вот тебе прощенье,
за что ты прощенье просишь, а прощенье
не прощенье, а прощенье.

предположение, что в этой усадьбе с «Велесовой книгой» ознакомился великий просветитель Г.С. Сковорода.

Затем Луиза Ивановна Сотникова на основе изучения «Велесовой книги» попыталась найти закономерности славянского алфавита. Она рассказала о своей работе газете «Московские новости» 1984 г., № 6. (Статья Дико Н. и Сучкова А. «Расшифрована тайна бога света?»)

Несколько ранее, в 1983, она же сделала о «Велесовой книге» доклад на IX Международном съезде славистов в Киеве, вызвавшем одобрительную реакцию со стороны всемирно известного ученого, профессора Белградского и Миланского университетов Радивоя Пешича. С критикой воззрений Л.И. Сотниковой тогда же выступил В.Н. Миротворцев, опубликовавший статью «Еще раз о так называемой “Влесовой книге”». (Русская речь, 1984, № 5).

Луиза Ивановна ответила на данную критику публикацией своей работы, увидевшей свет через год... в Гондурасе (Сотникова Л.И., Матуте К.Ф. «Родство — основа системы слова». — Тегусигальпа: Графицера, 1985). Можете себе представить, как огорчился Миротворцев, что к его мнению все таки не прислушались! Подобная перепалка, осуществляемая публикациями по разные стороны океана, при том что Сотникова и Миротворцев — москвичи, говорит о том, на какие ухищрения приходилось пускаться защитникам «Книги Велеса» в те годы, когда от позиции «ученых», подобных Миротворцеву, зависела сама возможность высказаться в печати на данную тему.

Наконец, осознав, что специальные журналы читают единицы, противник «Велесовой книги» О.В. Творогов выступил в массовом издании. 16 июля 1986 года в «Литературной газете» появилась статья О.В. Творогова «Что стоит за «Влесовой книгой»?». В той статье О.В. Творогов выдвинул против публикаторов «Книги Велеса» обвинения идеологические. Он сразу объявил ее фальсификацией «белогвардейского генерала» А. Куренкова, а заодно и Ю.П. Миролубова, которые являлись, по его словам, «носителями и пропагандистами враждебной идеологической концепции». Он же тогда признал, что целью сей «мистификации»

было: «служить против воинственного материализма», «советского строя», «политических врагов-большевиков».

Ответил на эту статью писатель Ю. Сергеев в «Книжном обозрении» 1987 от 2 октября: «А «Влесова книга»? ее давно пора издать. Но пока приходится слышать одни разговоры о том, не подделка ли это». К этому времени некоторые идеи из «Велесовой книги» попали в художественную литературу. О существовании языческих книг, писанных на бересте или досках, упомянул С. Алексеев в романе «Слово» и Ю. Сергеев в романе «Становой хребет».

Видя, что интерес к «Велесовой книге» усиливается не смотря ни на умолчание, которое выглядит подозрительным, ни на разгромные, но в сущности ни кого не убедившие (в силу своей краткости и беспочвенности) рецензии, оппоненты, наконец, перешли к крупным акциям.

Вначале, в феврале 1988 года, в журнале «Русская литература» вышла статья О.В. Творогова «Что такое «Влесова книга»?». В сей статье О.В. Творогов начал подготавливать почву для последующей «грандиозной» фальсификации источника.

Но, очевидно, что вопрос о памятнике тогда еще не считался решенным даже в академических кругах. В том же журнале, в № 4 вышла и статья, авторов коей можно смело отнести в стан защитников «Книги Велеса». Написали ее кандидат филологических наук и в последующем известный «велесовед» В.В. Цыбульский, а также М.А. Пономарева, ученые из Харькова. Статья называлась «“Березовые книги” дохристианской Руси: миф или реальность?» Статья была спокойной, неангажированной, и главное — за ней стояла конкретная и немалая работа поисков следов памятника на Украине, в окрестностях Великого Бурлука.

Однако «антивелесоведы» сию статью не заметили, О.В. Творогов о ней ни разу не упомянул, как и о работах доктора исторических наук А.Л. Монгайта, содержащих явный «позитив», поскольку он представлял дело так, будто в защиту памятника выступают только дилетанты.

Далее, в том же 1988 году, при Институте философии был выпущен тиражом 300 экземпляров сборник статей: «Фи-

лософско-эстетические проблемы древнерусской культуры», часть вторая. В ней были помещены две статьи. Авторы первой Н.Б. Пилюгина и Т.Б. Любимов («Реконструкция прошлого культуры средствами эстетики: возможности и границы») пытались подойти к памятнику с философско-эстетической точки зрения, однако они не имели хорошего перевода и потому не сделали окончательных выводов, лишь немного покритиковали позицию Л.И. Сотниковой о числовых закономерностях «велесовой грамоты», да приняли на веру мнение «специалистов» о фальсификации.

В более полном виде работа О.В. Творогова была напечатана в «Трудах отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ) в 1990 году в 43-м томе (тираж 3000). Там же был приведен неполный древний текст «Велесовой книги» в транслитерации Миролюбова, перепечатанный (к сожалению, с типографскими ошибками) с книги Н.Ф. Скрипника. Была воспроизведена и часть перевода французского эмигранта Б.А. Ребиндера. К тому времени Б.А. Ребиндер, энтузиаст изучения «Книги Велеса», бывший до революции соседом Задонских, прислал во все возможные центры славяноведения в России издания своих переводов «дощек», а также книг С. Лесного. Частичное переиздание работы Б. Ребиндера было по существу первым в России изданием «Велесовой книги» и, как надеялись публикаторы, последним. Могли ли они подозревать, что даже такое издание послужит на пользу «Велесовой книге»? Ибо и такое обсуждение — лучше молчания.

После отзыва Д.С. Лихачева и работы О.В. Творогова вопрос о подлинности «Велесовой книги», казалось, должен был быть снят с повестки дня.

Против выступил только самодеятельный историк В.В. Грицков, автор серии брошюр «Сказания русов», часть первая, «Влесова книга», выпущенной издательством Русского исторического общества тиражом 100 экземпляров (основные положения этой работы напечатаны затем в журнале «Наука и религия», 1993, № 7). Он подробно разобрал статью О.В. Творогова и критиковал лингвистические и исторические подходы автора к древнейшему памятнику славянской письменности. Одновременно он выдвинул ряд гипотез о судьбе

книги, о том, что Миролубов, скорее всего, имел не сами дощечки, а поздние рукописные копии. Однако, работа В.В. Грицкова долгое время оставалась никому не известной.

Затем, в первом выпуске нового литературного альманаха «Русская старина», появилась статья директора общественного музея «Слова по полку Игореве» Галины Беляковой, в которой она вновь пересказала историю находки «Велесовой книги», описала дискуссию вокруг этого памятника и определила возможные, по ее мнению, истоки текста, в связи с чем назвала книгу Стефана Верковича «Веда славянъ», изданную в Санкт-Петербурге в 1881 году.

После этого дискуссия перенеслась на страницы журнала «Наука и религия». Первое упоминание о «Велесовой книге» сделано было мной в примечании к статье «Узелковая письменность древних славян», «Наука и религия», 1992, № 4–5. На эту статью отозвались одновременно два академика Д.С. Лихачев и Б.А. Рыбаков. Причем Дмитрий Сергеевич критиковал ее, а Борис Александрович назвал «темой для докторской диссертации». Затем мною были осуществлены публикации нескольких песен из сборника «Русские Веды» и в № 10 за этот же год дан первый перевод из «Велесовой книги». «Велесова книга» затем упоминалась мной в статьях в № 3 и № 4 за 1993 год.

В конце 1992 года в качестве приложения к журналу «Наука и религия» вышла первая редакция книги «Русские Веды», в которую вошли первые, еще черновые, переводы из «Велесовой книги». Это была первая книжная публикация переводов памятника в России.

С этого момента начался следующий этап изучения данного памятника. С этого времени мы начинаем активно налаживать связи с хранителями архивов, касающихся «Книги Велеса» и с «велесоведами» старой школы. Вступаем в переписку с Жанной Миролубовой, а также с Музеем русской культуры в Сан-Франциско. К нам от Жанны Миролубовой при посредстве директора Института Мировой литературы Ф.Ф. Кузнецова поступает копия архивов Юрия Петровича, касающаяся «Книги Велеса». Потом в Аахен к

госпоже Жанне несколько раз приезжал украинский «велесовед» В.В. Гнатюк. Он и его супруга Юлия помогли мне в работе над «Книгой Велеса», сравнивали копии древних текстов, правили перевод. Также Валентин получил от Жанны Миролубовой и передал мне ряд интереснейших материалов.

Связи с Аахеном, с Сан-Франциско, а также с велесоведами Югославии, Англии, Швеции, Канады не прекращались с тех пор и поныне.

В это время и в стране начались радикальные перемены. Во-первых, в «Горбачевскую оттепель» пала цензура. И от позиции чиновников от науки перестала зависеть судьба «Книги Велеса». Она могла уже быть напечатана, и в хорошем переводе, если бы таковой к тому времени имелся. Включились и т.н. «рыночные механизмы», по крайней мере в книжном деле. Тогда с одной стороны обрушились прежние массовые тиражи книг, газет и журналов, основанные на централизованном распределении и общесоюзном рынке, а с другой стороны, к появлению новых издательств, расширению книжного «ассортимента», и не только за счет «масс-макулатуры». На прилавках появилась и прежде запретная историческая и даже т.н. «языческая» литература. И пошел настоящий «вал» статей о памятнике в самых разных изданиях.

Позиции «антивелесоведов» оставались сильны только на уже занятых ими рубежах в кабинетах ряда академических учреждений. Но сами эти учреждения теряли авторитет и влияние, им «урезалось» финансирование, там по существу прекращались какие бы то ни было работы, хоть на них по привычке ориентировалось наше высшее и среднее образование. Но и эта связь стала постепенно ослабевать. И если бы мы в то время были сильны в смысле научном и организационном, то можно было бы переломить ситуацию, но и мы находились под изрядным «прессом» обстоятельств (к примеру, лично я в то время не имел даже крыши над головой, и пару лет жил просто в редакции, «на стульях»).

И когда в 1993 году в Саратове издательство «Надежда» выпустило «Книгу Велеса» 100-тысячным тиражом (причем в моем переводе и с комментарием доктора филоло-

гических наук, академика Ю.К. Бегунова), а государственный заказ на школьные учебники не был выполнен, во многих школах эту книгу стали использовать как учебник за неимением другой учебной литературы. Был такой момент. И ученики, учившиеся тогда, ныне стали студентами, и скоро они явятся новым поколением ученых.

Работа продолжалась. Выходили в периодической печати многочисленные статьи в защиту памятника. Пересказ которых занял бы слишком много места (см. библиографию), да и они уже не носили характера борьбы, авторы зачастую уже не знали друг о друге и обращались напрямую к читателю, который уже просто запутался в хаосе мнений, слухов, полудостоверных и просто недостоверных, поверхностных суждений на данную тему. Высказываться стали все, кто хоть что-то краем уха слышал об этой теме, и потому получался эффект «испорченного телефона».

Стали сниматься фильмы, телепередачи. Да и сам памятник стал переиздаваться по крайней мере раз в год, и с каждым изданием перевод «дощечек» совершенствовался.

Во-вторых, развал Советского Союза привел к тому, что в бывших республиках перестало ощущаться давление наших политизированных академических структур.

Потому, например, на Украине стала развиваться своя независимая школа «велесоведения», которая заняла заметные позиции в украинской науке, а также в украинском среднем и высшем образовании.

Следует заметить, что в украинской академической печати как не было, так и нет статей «антивелесоведов». И среди многочисленных статей, книг, брошюр защитников «Книги Велеса» сиротливо смотрится только одна статейка «противника», некоего журналиста Льва Шульмана. Он в журнале «Слово і час», (Київ, 1991. № 9) опубликовал статью «“Влесова книга” — пам’ятка історії чи фальсифікація?», в коей заявил, что дощечки суть фальсификация, созданная по приказу ЧК и самого Лаврентия Берия (!!). Ну, да что смотреть на подобную «писанину».

Первые переводы на украинский язык некоторых текстов «Книги Велеса» были опубликованы еще в апреле 1990 года, то есть еще до развала СССР, и потому не в академическом издании, а в журнале «Дніпро» (№ 4, Київ, 1990). И это не смотря на то, что их опубликовал известный украинский ученый, заведующий кафедрой истории украинского языка Киевского госуниверситета, профессор О.И. Белодед в соавторстве с историком В. Киркевичем («З історії "Велесової книги"»).

Потом, уже в 1993 году, вышел перевод на украинский язык фрагмента «Книги Велеса» в переводе известного историка М.Ф. Слабошпицкого: «З голосу нашої Клію: Події і люди української історії». (Київ, 1993, 255 с.). А в книге «Словник давньоукраїнської міфології» (Київ, 1993) историка С.П. Плачинды тексты «Книги Велеса» оценивались, как документ, заслуживающий самого серьезного внимания.

Наконец, в 1994 году увидели свет первые публикации переводов, а в 1995 году и сама монография «Влесова книга». Легенди. Міти. Думи. Скрижалі буття українського народу», содержащая относительно полный перевод памятника, который осуществил известный ученый (неоднократно публиковавший свои работы, к примеру, в ТОДРЛ) доктор филологических наук, профессор Борис Яценко из г. Ужгорода.

Среди крупных и значимых работ последующих лет следует также отметить книгу крупного украинского ученого, кандидата филологических наук В.В. Цыбулькина «Быль "Влесовой книги"» (Харьков, 1998). А также статьи и брошюру в защиту «Книги Велеса» известного как в России, так и на Украине археолога, кандидата исторических наук Ю.А. Шилова (автора многих книг, в том числе нашумевшей «Прародины ариев»). И здесь я просто не имею возможности упомянуть о всех работах на эту тему, опубликованных на Украине (см. библиографию, далеко не полную).

Таким образом, на Украине в защиту «Книги Велеса» высказалась вся элита научной мысли, два доктора филологических наук опубликовали свои переводы памятника, вышли десятки статей и монографий. И после этого памятник стали изучать в школах и университетах, широко об-

суждать на страницах научно-популярных книг, страницах газет и журналов.

Издаются и переиздаются труды украинских ученых-эмигрантов Володимира Шаяна, президента Украинской Свободной АН (Лондон), Миколы Скрипника, Миколы Шкавритко. Теперь и президент Украины В. Ющенко в своей предвыборной речи сослался на «Велесову книгу», как священную книгу украинцев. И, между прочим, такое отношение к памятнику делает саму новую украинскую власть, обращающуюся к наследию древней культуры, легитимной. Российская же власть пока выжидает.

И кто в этом виновен прежде всего? По этому поводу можно заметить только одно: виновна косность российского славяноведения.

Российскую академическую науку опередила даже Латвия. На кафедре славяноведения Латвийского госуниверситета (зав. кафедрой профессор Л. Сидяков, кстати, также бывший сотрудник «Пушкинского Дома») в 1997 году защитила магистерскую диссертацию Ж. Синичина-Шмидт на тему «Славянский пантеон в «Книге Велеса»», причем в качестве базового материала при защите своей диссертации она использовала именно мои издания памятника.

Жаннета Синичина-Шмидт ныне представила к защите также и докторскую диссертацию. И, полагаю, вскоре среди защитников «Книги Велеса» будет и свой дипломированный доктор наук по «велесоведению». И это объясняется только одним: ныне позиция латвийского ВАК не зависит от позиции наших, все еще оглядывающихся в прошлый век академических структур.

На защиту «Книги Велеса» встала и филологическая наука Республики Югославия. Еще в 1993 году доктор филологических наук Югославии, а ныне декан филологического факультета Белградского государственного университета Радмило Мароевич помогал мне в обретении «Книги Велеса» в издании Николая Скрипника, а также дал рецензию на второе издание моего перевода этого памятника, выступил в защиту его и на страницах журнала «Наука и религия».

И делал он это именно потому, что в Югославии уже много лет шла интенсивная работа над памятником, начатая академиком Радивоем Пешичем (к тому времени уже покойным, он умер в 1991 году).

И тут нужно сказать, что Радивой Пешич — ученый с мировым именем. Он был генеральным секретарем Балканологического общества в Риме, ведущим сотрудником Института раннеславянских исследований в Лондоне, также профессором Миланского и Белградского университетов. И он же организовал центр по изучению «Влесовой книги» в Аахене (Германия), где жила супруга Ю.П. Миролубова Жанна, владевшая архивами и рукописями своего мужа.

И после смерти академика в Югославии и Англии продолжала его дело группа ученых, в нее входили его сыновья и дочь (Весна Пешич), издававшие его труды по «Влесовой книге». Также работал над памятником доктор филологических наук А.М. Петрович, археолог С. Давидович-Живанович. В 1997 году в Белграде вышел фундаментальный труд Р. Пешича «Велесова књига». (1 Део. Превод и коментари Радивоје Пешић. Београд: Пешић и синови. 1997. 200 с.), вполне показавший, насколько далеко продвинулись исследования памятника в Югославии.

А что же в России? К несчастью, российское славяноведение, представляющее позицию официальной академической науки, в лице ряда «антивелесоведов», пошло вразрез с мировой наукой. Так они оказались не только «на задворках» мирового славяноведения, но и дискредитировали как себя, так и в целом российскую науку.

И при этом наши «антивелесоведы», оказавшиеся по сути в изоляции, силятся представить дело так, будто именно они-то и идут в авангарде «научной» мысли, и при этом с статьях и в телепередачах мистифицируют общественность заявлениями, что будто бы в защиту памятника выступают одни дилетанты. Они называют С. Лесного «фашистом» и «ветеринаром», Ю.П. Миролубова «химиком» (и это при том, что Ю.П. Миролубов и не претендовал на понимание памятника, мало занимался им!), и при этом они «забывают» о работах

крупнейших ученых в этой области. И меня, поминая одну из моих прежних профессий, чествуют «геофизиком». В то время, как я давно оставил эту специальность.

Ныне я член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения при Международном Славянском университете им. Г.Р. Державина, также академик Русской Православной академии. Я член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей России. У меня 9 лет стажа работы литературным сотрудником в журнале «Наука и религия», а также более 20 лет стажа работы литературоведа.

Мне говорят, что у меня нет филологического образования. Но скажите, где и в каком учебном заведении преподают «велесоведение» и руническую грамоту? В настоящее время именно мною создаются такие образовательные курсы, которые я же и преподаю. А естественнонаучное образование, полученное в МГУ, а потом и в аспирантуре АН СССР, хорошо также тем, что оно организует мышление. Не мешает мне и математическое образование, знание астрономии, ибо мне приходится также заниматься календарно-астрономическими расчетами. И потом, мое образование включает в себя и «филологическую» составляющую, это и философия и изучение языков. По этим дисциплинам мной сданы и кандидатские экзамены.

У меня многое в прошлом, ну так и что? Не думаю, что это плохо. Разве занятия вопросами палеографии, языкознания — это приговор, запрещающий всякую иную деятельность? Языковеды — не монахи, коим не пристало быть к тому же геофизиками, актерами, художниками, поэтами, альпинистами и капитанами маломерных судов (всем этим я тоже увлекаюсь).

А геохронология (изучение древних катастроф), коей я два года занимался профессионально, является также и одной из исторических дисциплин, то есть она прямо примыкает к той области знания, в коей я работаю сейчас. Мною за эти годы опубликовано более 200 статей о древней культуре и истории славян, причем все эти статьи так или иначе опирались на «Книгу Велеса» (для сравнения, по экологии я выпустил только

две статьи), также мной было выпущено 21 издание переводов «Книги Велеса», и всего 16, посвященных сродным темам. И я уже преподавал курс «Истории и культуры Древней Руси» в филиале Армавирского педагогического института, принимал экзамены у студентов. У меня уже есть и защищенные кандидаты наук. По моим книгам преподают в школах и университетах России, Украины, Чехии, они переводятся на несколько языков. Нет статуса? Так что же, не визитке же дело, а в самом деле.

Да, я не нашел времени для пробивания «стен» в Российской академической науке. Хоть у меня были предложения стать кандидатом, а в перспективе и доктором наук. Но я пожалел во-первых на это время (есть дела и поважнее), а во-вторых и, разумеется, немалые для меня деньги. Ныне за некоторую сумму можно получить любую степень, что, на мой взгляд, дискредитирует само понятие «научная степень». И я считаю, что наличие степени, означающей признание моих работ чиновниками в структурах Российской АН — в большей степени нужно не мне, а самой РАН. И чем далее, тем менее меня это интересует. Сейчас гораздо важнее время, которого не хватает на работу. Впрочем, я не исключаю, что научную теперь вначале я получу в одной из славянских стран.

В славянских странах уже проявлен интерес к моим работам. В 2002 году чешским издательством «Dobra» выпущен очень качественный перевод моей книги «Книга Велеса» с издания 2001 года (на чешский перевела Велемира Железна). И в том же году изучение этого памятника было включено в программу Международного Пражского университета профессором Гарбицким С.Б. по дисциплине «Отечественная история», начались защиты рефератов.

В Югославии издательством «Пешич и синови» выпущена моя книга о славянской звездной и календарной традиции.

Гораздо больше, чем признание «чиновников от науки», я ценю признание моих работ такими выдающимися учеными, как Б.А. Рыбаков, Ю.К. Бегунов, Л. Сидяков, Р. Мароевич, Ю. Шилов, София Давидович-Живанович (Академия

1)

2)

3)

4)

1) Б. Ребиндер и М. Скрипник. 2) Радивой Пешич.
3) Ю.К. Бегунов. 4) Ю.А. Шилов

Нова, Лондон (Великобритания) — Новый Сад (Югославия)), также Ж. Синичина (Рига — Берлин) и другими исследователями.

И я крайне рад тому, что движение, направленное в сторону исследований памятника, уже начинается и в нашей академической науке.

Большую популярность получила неоднократно переиздававшаяся научно-популярная книга Е.А. Грушко, Ю.М. Медведева «Энциклопедия славянской мифологии» (М., 1996), со статьей о «Велесовой книге». Рецензентами этой книги выступили доктор наук (доктор педагогических наук А.Д. Белявский, доктор философских наук Н.А. Бенедиктов, доктор исторических наук О.А. Колобов, доктор философских наук Л.Е. Шапошников), то есть два заведующих кафедрами и декан Нижегородского педагогического университета.

Также недавно мои переводы «Книги Велеса» академиком Ю.К. Бегуновым были включены в хрестоматию: «Русская политическая мысль. VI—XV вв.» (СПб., 1999), выпущенную Балтийским государственным университетом.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Исторического музея В.Д. Кузнецов в первом выпуске возрожденного Сборника Русского исторического общества посвятил «Книге Велеса» в моем издании обширную статью: «Как наши далекие предки стали сыновьями скифского народа» //Сборник РИО. М., 1999, №1 (149). С. 76).

Материалы «Книги Велеса» использованы и в учебнике для вузов «Культурология. История мировой культуры» (Изд. 2-е, М., 1999.; переиздание 2001 г.) автором одной из глав кандидатом исторических наук Е.М. Скворцовой. Это издание вышло под грифом Министерства общего и профессионального образования РФ.

Также недавно Санкт-Петербургским профессором И.В. Базиленко был прочитан доклад «Русь и Иран: общерийское прошлое (по «Книге Велеса»). Проблемы историографии», который был включен в «Труды Международной конференции «Исламская революция: прошлое, настоящее, будущее». (М., март 1999).

«Велесова книга», наряду с реставрацией славянских мифов в книге «Русские Веды» была включена в учебники по литературе для 5-го класса (а теперь и 6-го) средней школы и в три школьные программы по литературе. (Например, Калганова Т.А. Литература. 5 кл.: Сб. упражнений, М., 2002. Также Литература 5-й класс. Учебник-хрестоматия для общеобразовательных учреждений: в 3-х частях М.: Просвещение, АО «Московские учебники», 2000; Просвещение, 2001). Также Литература для 5-го класса. I часть // Под ред. Нефедовой и Ладыгина. М., 2001.

Издательство «Белый город» в последние годы выпустило серию исторических научно-популярных книг Виктора Калашникова, рекомендованную Министерством общего и профессионального образования, которые опираются на мои работы и переводы: «Легенды Древней Руси» (М., 2001); Славянская мифология (М., 2001); «Боги древних славян» (М., 2002).

Этими отградными фактами ныне и исчерпывается реакция российской академической науки. Это уже немало, а в будущем, надеюсь, плотина возведенная Твороговым и К^о, будет окончательно прорвана.

Но не следует недооценивать и наших противников.

Следует заметить, что принципиальная позиция, скажем, Балтийского университета объясняется тем, что в этом учебном заведении не привыкли оглядываться на мнение известных «структур», определяющих в недавнем прошлом течение российской академической мысли. И за такой подход университет попал в «черный список» правительства США, к нему применены санкции (за то, что они будто бы передали иранским студентам «атомные секреты»).

А куда ныне пытаются направить нашу историческую мысль из-за океана? Туда же, куда и всегда: на борьбу с русской национальной идеей.

Дело дошло до того, что в филиале ЦРУ, Институте международных стратегических исследований (г. Вашингтон), известный своим махровым русофобством профессор политологии Уолтер Лакер в своей книге, посвященной политической ситуации в России³⁹ уделил «Книге Веле-

са» специальную главу. Оказывается, если верить Уолтеру Лакеру, главными идеологами нарождающегося «русского фашизма» являются С. Есенин вкупе с А. Пушкиным, а «священным писанием» признается непосредственно «Книга Велеса». Содержание же сей «фальшивки», по Уолтеру Лакеру, исчерпывается рассказом о том, как «Вещий Олег отмстил неразумным хазарам». По-видимому, о древней русской истории господин Уолтер Лакер знает только из сего куплета известной белогвардейской строевой песни, не подозревая ни о том, что этот текст взят из пушкинского стиха, ни о том, что сама «Книга Велеса» повествует о временах более древних.

И ныне последователи Уолтера Лакера явились и в России. Активнее всех в последнее время в зарубежной и отечественной печати (в том числе и в академической) выступает против «Книги Велеса» доктор исторических наук В.А. Шнирельман⁴⁰. Сей ученый муж при советской власти занимался изучением «происхождения скотоводства», а в новое время перекинулся на борьбу с русским национализмом и «язычеством», особенно яростно он стал выступать против идей «Книги Велеса». Причем это произошло после того, как он два года работал приглашенным ученым в Международном центре имени Вудрова Вильсона в Вашингтоне, где он и познакомился с Уолтером Лакером и, конечно, с его непосредственным начальником Збигневом Бжежинским, и стал ярым проводником их идей в области русской истории.

Вернувшись в Россию, В.А. Шнирельман и К⁰ организовали отделение Иерусалимского еврейского университета в Москве, также активно занялись проблемами межнациональных отношений в России, не скрывая особо ни источников финансирования, ни целей своей «работы», мягко го-

³⁹ Laqueur Walter. Black Hundred. USA, Washington, 1993. («Черная сотня или происхождение русского фашизма», перевод и издание: Москва, 1994.

⁴⁰ См.: Мифы неоязычества и «Книга Велеса» (из кн. Russian Neopagan Myths and Antisemitism. Jerusalem: АСТА №13, 1998.); Исследования по неотложной этнологии (№ 114. М., ИЭА РАН, 1998). Также в журнале «Итоги», (№ 15 (150) 1999).

воря, далекой от национальных интересов нашей страны (все это они сами подробно освещают в своем интернетовском сайте). Так они как эксперты со стороны науки занимались «урегулированием» межнациональных конфликтов в Татарстане, Чувашии, Чечне, Карачаево-Черкесии.

Сим «специалистам», полагаю, следуют и те, кто вчера порочил «Книгу Велеса» как творение зарвавшихся белоэмигрантов, будто бы создавших ее для борьбы с коммунизмом и атеизмом. Затем те же «ученые» продолжали бороться против нее, привлекая и псевдонаучные доводы, но уже под лозунгами новых хозяев, будто бы опасаясь того, что то ли коммунисты, то ли русские фашисты возьмут ее идеи на вооружение.

Возможно, это уже и не относится к самому О.В. Творогову и некоторым его союзникам, они это прямо отрицают в своей монографии «Что думают ученые о “Велесовой книге”». Но это они сделали сейчас, когда политическая ситуация в стране заметно изменилась.

Разумеется, нельзя обойти вниманием имеющую место непростую проблему использования символов и идей «Книги Велеса» ультра-националистическими группировками в России. Так же как и попытки облечься в одежды последователей «неоязычества» сатанистов, иных псевдорелигиозных групп, как и разного рода маргиналов, ищущих оправдания своих испорченных наклонностей в якобы известной им «традиции». Новое время породило и новые проблемы, бывшие при явлении «Книги Велеса» еще в самом зародыше. И этому нужно противостоять.

Скажем, академик Ю.К. Бегунов, выступавший против мондиализма и «тайных сил», подтачивающих Россию, под коими имеется в виду международный сионизм, «тайное правительство» и т.п., является в той же степени и противником фашизма, и именно как ленинградец, переживший блокаду, бомбардировки и пр., то есть не понаслышке знающий, что есть фашизм. Причисление его к «русским фашистам» — является ложью и провокацией.

И лично я также выступал против фашизма в своих публикациях, приуроченных к годовщинам Победы. Но, верно,

мало из-за занятости иными делами. Впрочем, этого уже хватило, чтобы с одной стороны, в «ультра-националистической прессе» появились нападки на меня, а с другой стороны, в сей прессе появились и авторы, берущие мое имя как псевдоним и выступающие уже якобы от моего имени.

Потому повторяю: приписывание ученым, занимающимся исследованием «Книги Велеса», писателям, художникам, композиторам неких симпатий к «ультра-правым», является намеренной клеветой. И замечу, лозунг борьбы с «русским фашизмом» уже используют наши старые противники в академической среде. И обо всем этом следует сказать подробнее и в своем месте.

Но не это ныне определяет суть происходящего вокруг «Книги Велеса», хоть сему и следует дать должную оценку, чтобы оградить исследователей «Книги Велеса» от клеветы и несправедливых нападков.

В последнее время усилился натиск на исследователей «Книги Велеса» со стороны издателей-пиратов. Поначалу это сделали с т.н. «переводом С. Лесного» из книги «Русь откуда ты?» (Ростов-на Дону, 1995). Но потом выяснилось, что это «пиратское» переиздание моего же чернового перевода 1992 года. И после судебного разбирательства авторские права были мне возвращены. Несмотря на это, ряд мелких издательств, а также интернет-сайтов, вновь и вновь переиздают устаревшие переводы, не обращая ко мне, что является обычным воровством.

Зная мое отношение к пиратам, теперь эти издательства решили поднять на щит другой перевод, а именно «перевод» скандального омского автора Н.В. Слатина, который нетребователен, ибо не слишком ценит свою работу, и потому удобен для пиратов.

Конечно, у нас свобода слова, потому каждый имеет право публиковать что угодно. И переводов в последнее время вышло немало. Это и «перевод Карпущина», и основанный на нем «перевод Дудко» (первое издание, а второе уже содержит цитаты из моих переводов, без разрешения). Гнатюки также издали свой перевод, основанный также на моем переводе, с моего же разрешения.

Эти авторы хоть и допускают обычные для начинающих переводчиков ошибки, но такие, что, если у них хватит сил и прилежания, то дело может пойти на лад. К тому же иногда у них бывают и важные находки.

Все они «канонизируют» нумерацию дощечек А. Кура, не зная что она случайна, и тексты дают в таком же порядке. Я же, в отличие от них, не только хронологически упорядочил тексты, но и дал им заголовки (подобно тому, как это сделал для библейских текстов Эразм Роттердамский, ибо и они ранее не были упорядочены).

Упомянутые авторы по сути не скрывают то, что они делали эту работу походя «из интереса», или чтобы подзаработать. Даже Дудко и тот, хоть и пытался что-то доказать, но работа его, явно сделанная за неделю-другую, говорит сама за себя.

В отличие от них Н.В. Слатин не просто дилетант, а дилетант одержимый, «научнообразный», много пишущий, уверенный в своей безусловной правоте и потому нападающий на всех и вся. И не смотря на свои «штудии» старославянского языка, он в нем запутался, потому составил свою собственную систему «перевода», не имеющую отношения к языковой науке. Среди убеждений Слатина показательна его уверенность в том, что в древности русские не знали грамматики и говорили на ломанном «священном» языке, и потому плохо понимали друг друга. Это свое убеждение он перенес и в перевод.

Вот пример его «перевода», с чего начинается его «Влес-книга»: «К чему нам помнить древние доблестные времена, идя куда невесть». К чему? К чему нам что-то помнить о древности, зачем вообще открывать эту его книгу? Не лучше ли сразу закрыть?

На самом деле, смысл этой строки в дощечках: «Напрасно забываем мы доблесть прошедших времен и идем неведомо куда» («Вотще упомятохом доблия наши стари часи да идемо камо невесте»). Слатин неверно перевел слово «упомятохом», оно значит «забывать», «запамятовать», а не «помнить» (приставка «у» не только в древнерусском придает слову смысл отрицания действия, ср. «уйти», «убрать» и т.п.). Смысл проти-

воположный. И так по всей книге, в каждой строке. Мнимая «близость к оригиналу» оборачивается абсурдом. Наиболее дикие (и часто просто неприличные) абсурды перевода Н.В. Слатина я привел также на своем сайте.

И тем не менее ломанный «под древность» слатинский язык производит кое на кого впечатление.

В настоящее время «информационный шум», создаваемый дилетантами, является серьезной опасностью для «Книги Велеса». И поскольку в российских академических кругах нет широкой поддержки изучению памятника, как нет поддержки и источниковедческим проектам, противостоять этому крайне сложно. Теперь памятник может погибнуть уже от натиска мнимых друзей.

Зная же обстановку в самой академической науке, я не исключаю, что даже после признания его подлинности, это положение усугубится. Почему? Я сужу только по уровню работ специалистов в родственных областях, которые высказываются и по теме «Книги Велеса». Этот уровень настолько низкий, что не видно даже перспективы. На личие мнимых друзей и отсутствие признанной научной школы уже привело к тому, что в будущем придется ограничить доступ к первоисточникам для их защиты.

К публикациям, губительным для престижа отечественного славяноведения и вносящим сумятицу в умы читателей, относится, например, статья «Иже херувимы» («Родина», №6, 2002) кандидата исторических наук Андрея Петрова, продолжившего нападки на памятник в духе прежних противников памятника.

Главный тезис, с которым выступает этот автор, следующий: «текст КВ представляет собой очаровательную абракадабру, в котором каждый читатель может прочесть абсолютно разные фразы». И приводится пример, три разные перевода как будто бы одного текста. Этот пример, без указания источника, в действительности взят из весьма поверхностной и предвзятой статьи, помещенной в книге историка И.Н. Данилевского⁴¹, где сей историк нападает не только на нас, но и на академика Б.А. Рыбакова с позиций норманнской, а также хазарской версии отечественной древней истории.

Однако к опубликованному в журнале «Родина» древнему тексту (дощечка II 7 а) имеет отношение только перевод Б. Ребиндера, другие переводы относятся к совершенно другим древним текстам. Это подтасовка. А. Петров, вслед за И.Н. Данилевским подложил первые попавшиеся под руку тексты — мол, и так сойдет, чем больше лжи, тем лучше: что-нибудь да пристанет! Это же подборка перепечатана в монографии «Что думают ученые о “Велесовой книге”» (М., 2004). А теперь и в книге «Великие мистификации» (М., 2006), где А. Петров поставил «Книгу Велеса» в ряду с такими по его мнению «подделками», как «Слово о полку Игореве» и «Повесть временных лет», что скорее работает на утверждение подлинности памятника.

Заметим также, что «расшифровка С. Лесного» на самом деле является переводом не только другого текста (дощечка I 4 б), но и другого переводчика А. Куренкова. Также совершенно иной, третий (дощечка I 3а) текст поэтически перекладывал поэт Игорь Кобзев. Что ж тут удивляться тому, что эти тексты содержат «абсолютно разные фразы». Более удивительно то, что А. Петров бездумно повторяет слова И. Данилевского. И это говорит о том, что он саму «Книгу Велеса» не читал и не изучал, да и вообще не в курсе дела. Но при этом полагает, что «мнений» его предшественников уже достаточно, чтобы включиться в компанию по дискредитации памятника.

По мнению А. Петрова, все мы — смотри выше имена ведущих славяноведов мира, докторов наук, заведующих кафедрами и т.д. — ничего не смыслим в древнеславянском языке, и напоминаем ему режиссера Якина из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», который из всего старославянского языка смог припомнить фразу «иже херувимы». Плохо, однако, учился у вышеперечисленных ученых А. Петров, если пошел против них и решился на подобный пасквиль. Надо полагать и ему, как и вышеупомянутому Ивану Васильевичу, уже пора менять свою профессию.

⁴¹ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 318.

Но нам не привыкать выслушивать абсурдные заявления и прямые оскорбления из стана наших противников. Ведь в сущности, иных откликов мы по сию пору и не имеем. С нашей же стороны таковые выступления ничем не были спровоцированы, ведь лишние скандалы не служат во благо делу.

Потому не буду останавливаться здесь подробно на высказываниях других моих противников, это оставлю для монографий и интернет-сайта. Это относится и к работам антивелесоведов (например, А.А. Алексеева, В.П. Козлова, Н.А. Соболева и прочих), так и велесоведов (Б.И. Яценко, В.В. Грицкова, Г. Лозко). И те и другие пытаются вызвать меня на спор в массовом издании, в целях саморекламы. Не думаю, что стоит идти на это.

Можно, конечно, утешиться тем, что в защиту памятника уже высказались крупнейшие российские ученые. Но до тех пор, пока свое отношение к памятнику не выскажут директора и заведующие соответствующими кафедрами всех крупнейших российских университетов и профильных НИИ (в частности, Института русского языка, Института языкознания, Института славяноведения и балканистики), либо они дадут задание высказаться по этому вопросу имеющимся в этих учреждениях специалистам, мы даже не будем знать, в курсе ли они данной проблемы. Причем свое отношение в этом случае просто необходимо высказывать в печати и подробно. Уверен, памятник сего заслуживает хотя бы потому, что в его защиту уже высказались крупнейшие славяноведы ряда стран.

В противном случае нам останется считать, что отечественного славяноведения не существует. Но будем все же надеяться, что ситуация переломится.

И мы открыты для сотрудничества с любым учебным или научным учреждением, музеем, архивом и т.п. Тем более, что имеется настоятельная необходимость все материалы, копии дощечек, переводы и т.п. сделать доступными ученым и исследователям в Интернете, на дисках и т.п. По сию пору они разпылены по миру, имеются в архивах и на руках частных лиц в единичных экземплярах. Этот проект может

*Дощечка из «Велесовой книги», без номера,
реставрированная по фотокопиям 20-х годов,
(поступление в ГАРФ в 2003 г.)*

быть осуществлен и при помощи какого-либо благотворительного фонда, спонсора.

Условия копирования на СД-диск, сканирования, перевода всех материалов в Интернет оговорены и на моем сайте (www.asov.m6.net). Это объемная работа, требующая вложений, и, главное, заинтересованности академических и иных структур.

Что имеется у меня в личном архиве и что может быть предложено для создания виртуального, доступного всем архива «Книги Велеса»?

I. Архивы и публикации с текстами дощечек КВ, имеющие статус первоисточника:

1) Архив Миролюбова-Куренкова. Прориси и машинописи 20-х годов Миролюбова (копия под копирку, преданная сотруднику «Жар-Птицы» Бутову), а также гранки 50-х годов для издания текстов в «Жар-птице», сделанные А. Куренковым с его же рукописной правкой (видно, что он вычеркивал, исходя из того, что текст может быть неясен при публикации, так восстанавливаются опущенные

им важнейшие тексты!) и его же комментариями. Листы неупорядочены, разбирать, кем текст напечатан Миролюбовым в 20-х либо Куренковым в 50-х, можно только по шрифту машинки (могу сделать и эту работу). Порядка 3% копий плохого качества, поскольку текст машинописных копий посыпался от долгого хранения и перевозок. Эти материалы прислала мне Жанна Миролюбова через посредство директора Института Мировой литературы Феликса Феодосьевича Кузнецова (вторая копия там) в 1994 году. (Количество: 160 стр).

2) Фотокопировочное издание Архивов Миролюбова, размноженное на ризографе Николаем Скрипником в 1972 году в Лондоне. Это та часть архива, которую он скопировал у Жанны Миролюбовой в 70-е годы в Брюсселе (впоследствии Жанна скопировала и часть архива ВК в Сан-Франциско и переслала эту часть мне, см. выше). Скрипник скопировал и издал только то, что не содержало правок, ибо счел правленные и «посыпавшиеся» копии сомнительными, тем более, что при издании они бы выглядели плохо. А на самом деле правка, осуществленная Миролюбовым, была сделана по имеющейся тогда у него рукописной копии. Так Скрипником было вычеркнуто около 30% текстов. (Количество 75 стр.)

3) Журналы «Жар-птица» 1953 — 1959 гг., копии страниц, с текстами КВ и статьями Миролюбова и Куренкова. Ряд древних текстов сохранился только в изданиях Жар-Птицы, их нет ни в гранках, ни в первоначальных копиях. (Количество: 182 стр.).

4) Несколько текстов (цитируемые строчки и две дощечки) имеются только в книгах Миролюбова об истории. Количество (ксерокс из книг): 5 стр.

5) Издание копий В. Штепы в Швеции, он копировал с копий С. Ляшевского, Соколова-Панина. В журнале «Факты». Количество около 20 стр.

5) Переписи текстов дощечек, сделанные мной в Госархиве с текстов дощечек, которых не было в иных архивах. Часть их дублировал потом цифровиком, собирал в фотошопе и сравнивал с экраным оригиналом. Количество: 25 страниц.

II. Первые издания и переводы КВ. (оригиналы и ксероксы также все имеются)

Книги С. Лесного (канадское и французские издания), С. Ляшевского (американское издание) Б. Ребиндера (французское издание), Кирпича (перевод с украинского на английский, США), П.Е.. Соколова-Панина (рукопись. Венесуэлла). Журналы «Факты» В. Штепы. См. также Библиография «Книги Велеса»

Эти издания также следовало бы просмотреть переводчику, исследователю и определить статус. Не исключено, что в них попали варианты текстов, неизвестных по другим изданиям, ибо они опирались на копии Миролюбова, не дошедшие до нас (он им высылал машинописные копии, сделанные под копирку). Сейчас я определяю эти издания текстов как вторичные по отношению к архивам, но побуквенную проверку во всех изданиях не проводил (кроме издания Лесного и Ребиндера).

Эти издания также чрезвычайно ценны открытиями: Ляшевский определяет имя автора КВ, Соколов-Панин датирует многие тексты по астрономическим данным. Делаются открытия в истории, лингвистике, этнографии, сравнительном религоведении и т.п.

Можно отсканировать и эти издания, страницы имеющие отношение в КВ (у меня имеется около 500 стр. текстов). В Госархиве РФ еще около 500 (газетные издания Симфонии Руси, архивы Филиппьева и т.п.)

III. Также имеются:

1) Каталоги Музея русской культуры в Сан-Франциско, касающиеся КВ.

2) Оригинальные рукописи (рукой писанные) Ю.П. Миролюбова. «Преистория Руси» и т.п.

3) Оригиналы переписки Ю.П. Миролюбова к М. Турянице (50 писем).

4) Архивные материалы П.Е. Соколова-Панина.

5) 4 оригинала журналов «Жар-птица».

6) Книги Ю.П. Миролюбова, изданные в Мадриде, Париже, Мюнхене.

7) Подборка статей (ксероксы) Монгайта, Жуковской, Творогова, Бегунова, Скурлатова, Беляковой и т.п. за 60–90-е годы.

8) Моя переписка с Жанной Миролюбовой и семейные фотографии Юрия и Жанны Миролюбовых в США, Аахене, сделанные в 60-е, а также Жанны в 90-е годы.

IV. Также мы можем взять на себя работу по переводу всех материалов о «Книге Велеса» из Госархива РФ на цифровые носители.

V. Отдельный архив материалов по Боянову гимну, по «Веде словена», по антикварным изданиям XV–XVII веков, касающихся славянской мифологии (зарубежные и отечественные).

Часть материалов уникальна, это архивные копии текстов, гравюр. Имеются они только в копиях, находящихся в плохо доступных архивах, хранилищах ряда городов Европы. Есть и архивы тайные, сектантские, о них также могут вестись переговоры. На основе этих материалов следовало бы организовать Государственный Музей «Велесовой книги», который может стать и культурным, учебным центром, где будет проходить научная работа, обучение древним языкам, изучаться руническая письменность, организовываться археологические экспедиции. Также проводятся фестивали, выставки и т.д. такой центр мог бы взять на себя организацию источниковедческих экспедиций в Ватикан, в герцогские и орденские библиотеки Италии, Франции, фольклорные исследования в Родопах. Программа таких работ приведена на моем интернет-сайте.

Все архивы «Книги Велеса», переводы, могут быть также выведены в Интернет, в открытый доступ. Но для сего нужно вложение средств. Нельзя оставлять такие архивы в руках частных лиц, во власти случая...

И это столь важно уже потому, что «Книга Велеса» уже имеет вес и общественной жизни страны, в отечественной культуре. И значение ее будет со временем только возрастать, как в России, так и в мире.

«Велесова книга» и будущее России

Ныне на сломе эпох Россия и весь славянский мир ищет объединяющую идею.

И каждый славянский народ ищет свою национальную идею. Ее русские называют «русской идеей», украинцы «украинской», поляки «польской», сербы «сербской» и т.д., и т.д. И случается, что эти идеи понимаются как противостоящие. Славяне разделены по вере, по языку, по общественным укладам.

Разделение внутри славянского мира продолжается. И, конечно, идея «разделения» подпитывается извне. Но в этом ли дело? Не мы ли сами поддаемся, оказываемся духовно слабы? XX век в очередной раз показал, что самые опасные, кровавые конфликты, ослабляющие славянство, возникают внутри самого славянского мира. Это и гражданские и межрелигиозные войны. А слабостью, разъединением славян, потом пользуются враждебные внешние силы.

И противостоять этому может только объединяющая всеславянская, славорусская идея. Именно такую идею провозглашает «Книга Велеса». На сорока дощечках «Книга Велеса» 34 раза употребляет слова с корневой основой «единение», и ни разу «разъединение».

Приведем такие призывы к единению славян из «Книги Велеса»:

Вспомним о том, как при отце Арии был единым род славян. А после отца три сына его разделили род на три рода. А потом русколане и веныды разделились на два рода. Так же было и с борусами, которые разошлись на две части. И потому мы имеем около десяти родов. И так будет продолжаться, если мы будем делиться до бесконечности. И та Борусь может быть единой и не разделиться, если те родцы и роды делиться не начнут.

Лют III, 3:3

И вот начнем вспоминать Моска, который славян объединил и о единстве земли заботился. И он разум имел. И о нас радел. А после мы пошли каждый своим путем. И некие роды потекли на Север, и были это суть вятичи и радимичи.

Лют II 6:1

И так решили на вече с вождями своими — идти до Дуная и далее. И оттуда мы повернули и стали тотчас вольными. Говорили о единстве наших родов, о согласии рода с родом. И победили силу великую, объединившись. И в то время отцы наши согласились на это.

Лют I, 3:3

Идея славянского единства проходит через всю «Книгу Велеса», и это основная ее идея. Более того, чуть не главной враждебной силой, ослабляющей славян, представлена идея обособления того или иного племени, рода.

И не только о славянском единстве говорит «Книга Велеса», но также призывает к единству с финскими и балтийскими народами (ильмерцами, земеголой, чудью), с кавказскими родами иронцев (алан).

Есть в ней даже скорбь о давнем разъединении с германскими родами, приведшем к войнам. А с родами гуннскими (угорскими и тюркскими) после войн славяне заключают союз и вечный мир. И эта идея в «Книге Велеса», суть «русская идея», в ее изначальном понимании. Почему русская? И кого «Книга Велеса» именуется русами?

В широком понимании под «русам» славяно-ведическая традиция понимает все народы белой расы. Не только славян, но и германо-скандинавов, романские народы, финнов, тюрков, кавказцев и иных.

Русы в славяноведической традиции суть потомки Дажьбога и Роси, расселившиеся по всему белу свету. Именно поэтому этнонимы и топонимы с корнем «рус» так распространены по всей Евразии.

Имя «рус» почитают своим и скандинавы. С давних пор они даже пытаются убедить, что именно они дали это имя нам, русским. А древние этрусски-пеласги, называвшие себя «расена», ставшие прародителями и учителями многих западно-европейских народов, и прежде всего древних римлян? Да что там говорить, даже имя города Ерусалим (др.-русс. Русалим), изначально значил «русский город».

Славяне же, согласно ведической традиции и «Книге Велеса», это потомки Славы и Богумира, изначально один из

северных русских родов, разъединившийся впоследствии на роды и племена, восточные: полян, древлян, дреговичей, северян, также вятичей, кривичей, радимичей; западные: чехов, словаков, карпов, ляхов, словаков и другие; затем и южнославянские роды: болгар, сербов, хорват и т. д.

Среди славян «Книга Велеса» выделяет также и роды Древней Русколани, собственно «русские роды», которые носили одно только это имя, ибо они являлись не только потомками Роси, но и патриарха Руса, одного из потомков Славы и Богумира. «Русы» в узком понимании, потомки патриарха Руса, жили по Волге и Дону, а также на Северном Кавказе. Они разделялись на несколько родов: белогоры, белояры, новояры. Русколанскими (русско-аланскими) родами являлись также потомки скифов и сармат — берендеи и иронцы (аланы).

И ныне более всего оснований для того, чтобы называть себя русами, есть у казаков, как российских, так и украинских. Само имя «казак», значит «белогор» (в совр. болгарском, а также в тюркских и угорских языках «каз», значит «гора», а «ак», значит «белый»). И это имя древнейшее, которое есть и в «Книге Велеса». Но главное, конечно, не имя, а то, что казаки до наших дней сохранили обычаи древнего вечевоего народоправства, «казачий круг», «волю казачью», также любовь к старине.

В чем суть идеи «единения» по «Книге Велеса»? Суть этого единения, в духовном единстве, которое дает изначальная ведическая традиция. Суть этого единения в единстве идеалов, в едином понимании того, как жить «по правде». В этом суть объединяющей национальной и сверх-национальной идеи, как ее видели в древнем славянском мире. И эта же идея, в ее развитии, может и должна быть востребована современной Россией.

Россия ныне обретает свою национальную идею. Ту идею, которая смогла бы сплотить все народы России, и дать толчок к развитию нашей страны. И я уверен, что для сего могут и должны быть востребованы проверенные веками ведические идеи, заложенные в «Книге Велеса» и в народной традиции.

Эти идеи во все времена спасали Русь. А любые инородные идеи — и византийско-христианские, и западнические, и коммунистические, и современные космополитические, и прочие — приживались на Руси лишь настолько, насколько они сами вбирали в себя наши древние родовые, ведические по происхождению. Так было, так есть, и так будет.

Ведические идеи потому и сильны, что они сообразны и с природой самого человека, и с окружающей человека природой. Это наша история, наши корни. Обруби корень — и древо засохнет. И не таким ли засыхающим деревом ныне становится русский народ, без которого нет жизни и самой России?

Кто-то может возразить, мол, речь идет о умершей традиции, забытой цивилизации, угасшей вере. Ведическая цивилизация оказалась побежденной, а значит, будто бы была слабой...

Но во-первых, это не так. Древняя традиция не была побеждена, она была оттеснена. И вновь пришедшая христианская вера первое тысячелетие своей истории на русской земле (от апостола Андрея и до князя Владимира) не только сосуществовала с ведической верой, но и являлась по существу ее ветвью. И лишь потом незаметно, спустя столетия, многое изменилось.

И те новые идеалы, которые сложились в результате нового уклада жизни, не были таким благом, как многие полагают, и не только в России.

Приведем пример Византийскую империю. Ее уже нет, и греко-византийская традиция едва ютится на части Балкан. Столица Византии, бывший Константинополь, перешла к исламской Турции. Теперь это Стамбул. Не значит ли это, что византийский извод христианства, слабее ислама? И если эта история будет продолжена, то не значит ли это, что и Москва, Третий Рим, а значит, и Второй Константинополь, также станет Вторым Стамбулом? К тому же недавно ислам оттеснил православие из Косова...

Нет, логика истории так не работает. И сила Руси была и есть не в том, что она унаследовала от падшей Византии, а в

том, что наши народные традиции крепко держатся корнями за нашу родную землю.

И любая страна, которая держится за свои родовые корни, остается сильной и процветающей. Тому пример дают и современные страны. Например, Индия, Япония. Да тот же Израиль.

Один из важных показателей жизни, особенно для нас, русских: рост народонаселения. У Индии, в этом отношении, нам есть чему поучиться. В Индии сейчас живет уже четверть землян. Маленькая страна Япония, но в ней сейчас японцев уже столько, сколько в России русских. Учиться, в том числе и у ислама (к примеру, институт многоженства, со своей традицией, законами, имел место быть и в Ведической Руси).

Удержим ли мы свои необъятные границы? Русские вымирают. Каждый год дает сокращение на миллионы. При таком снижении рождаемости к середине следующего века нас будет вполтину меньше, а к концу века не останется совсем. Наше место займут народы, исповедующие ислам или китайцы.

И дело здесь именно в идеалах, которые ныне приняты в обществе, в самом образе жизни и не в посленую очередь, в воспитании, обучении. Нужно отвечать на вызовы нового времени!

И для сего нужно создавать школы, где будет готовить людей с пробужденным сознанием, как это было в ведические времена. Сейчас, в новый информационный век это даже более актуально, чем в древности. Ибо ведическое воспитание дает людей именно интеллектуальных.

Особые способности в людях их нужно выявлять, поддерживать, а не губить. Нужно растить новое поколение талантливых людей, и начинать следует в самом деле с буквы, с воспитания школьников. Нужно у детей пробуждать сознание, и потом не дать им погибнуть в нашем непростом мире.

И ведическая традиция учит тому, как пробуждать сознание, как укорять мысль. Сама система ведического воспита-

ния ведет учеников со ступени на ступень по Стезе Правильно к Пробуждению. Высший учитель в ведической традиции именуется Пробужденным. Так в «Книге Велеса» именуется сам Великий Учитель Бус Белояр.

По сути нужно менять если и не все, то очень многое, и в культуре, и в самой жизни, если мы хотим построить новую и счастливую жизнь, стоящую на крепком нравственном основании.

В самом деле, если подумать: разве в XIX веке русские были богаче, чем сейчас? Разве тогда наша страна обладала таким промышленным потенциалом, облегчающим жизнь? Разве ныне не помогают нам новейшие технологии добывать пищу, одеваться, даже воспитывать детей? Так почему же, не смотря на все эти блага, народ вымирает?

Кое-кто думает, что дело тут как раз в этих благах, это грех цивилизации. Что нужно возвратиться к лучине, к патриархальности в этом смысле.

Но это не так! Ведические страны, та же Япония, показывает, что дело не в том, развивается ли страна по пути технического прогресса, а в том, сохранила ли она свои родовые корни. Дело только в этом. Суть в сознании людей, в воспитании.

В ведические времена славяне были самым многочисленным народом Европы. И нас тогда по этой причине не могли удержать границы той же Византийской империи. И потому мы заняли Балканы, и так заселили чуть не половину ее обезлюдивших земель. И поныне мы пользуемся все тем же наследством, хоть нас уже теснят со всех сторон иные народы.

Так каким же путем идти? Неужели силы тратить не на обретение корней, а на то, что уже показало свою не жизнеспособность?

Есть понимание этого и в современной России, и именно поэтому ныне у нас стоит не монархия, по образцу царской России, а значит, и древней византийской империи. Мы не возрождаем крепостное право, не жаждем новых помещиков, да и новых «хозяев жизни», т.н. «олигархов» не жалуем.

Нет, мы строим республику, народную демократию. А корни сего уклада жизни на Руси в древнем вечевом народоправстве, в устройстве вечевой Новгородской республики, а потом в традициях мирской и земской власти, и также в традициях «казацкого круга».

А это по сути наследие многовековой, тысячелетней ведической цивилизации. И полагаю, что в этом отношении нужно быть последовательными и не идти наощупь, а отстаивать этот идеал до конца.

Следовать Пути Прави для общества — это значит жить по Правде, по ведическим законам. Это значит поддерживать сословное устройство общества и вечевую власть. Сословное устройство общества, вечевая власть, основанная на законе, на «Русской Правде», — вот идеал общественного устройства по «Книге Велеса».

«В те времена, пока князей избирали, многие вожди и князи были. И всякое то княжение на вече утверждалось простыми мужиками. И так постановляли: «Землю пашем себе, а князь пусть, согласно решению, защищает людей». А хлеб, и еду, и все, что нужно для жизни, он от своих людей имел. Ныне же иные князи и подати берут, и сынам своим власть дают от отца к сыну и также от деда к правнуку». (Бус II, 4:9).

Эти строки были написаны в IX веке, когда вечевая власть на Руси постепенно сменялась абсолютной монархической властью.

Кстати, абсолютная монархия была на Руси недолго. Первые попытки установления ее были при Владимире Святославиче и Ярославе Мудром, потом — после долгих междоусобий — монархическая власть была установлена только при Алексее Михайловиче. Причем в Новгороде вече было упразднено лишь при Иване Грозном, а в казацких землях традиция веча («казацкого круга») не прервалась доселе.

Каково же было изначальное вечевое правление? «Книга Велеса» так говорит о древнейшем русском правлении.

«И вот в старые времена многие роды имели вождей, которых избирали старейшины на вече. И мы имели князя, который избирался на семь коло — от Коляды до Коляды (на семь лет). И всяким родом правил кудесник, и жертвы творил. И всякий род имел старого кудесника, который на Радогоще служил. И это было Правью» (Бус IV, 1:4).

Древнерусское общество было разделено на сословия. И у каждого человека, принадлежащего к определенному сословию, был свой путь, свое предназначение. В древности этот путь определяли волхвы-учителя. Определение истинного пути — важнейшая задача для каждого ребенка и молодого человека.

Истинный путь каждого человека меняется со временем. И если человек, исполнив свои обязанности перед близкими и перед обществом, встал на путь духовного служения и совершенствования, это не может не сказаться благотворно как на нем, так и на окружающих.

Но беда, если человек бросает свои обязанности ради служения, ибо он не только отягчает близких и общество, но и свою душу. Дальнейший его путь становится более тяжелым — так он неизбежно отходит от Прави. Это же относится и к обществу в целом.

Национальная идея в ведическом понимании это также и идея Правды, праведной жизни. Это идея следования Стезе Прави.

Идя по Пути Прави, человек поднимается к Всевышнему, к Пробуждению. Восходя к Всевышнему, человек проходит несколько ступеней.

Первая ступень — это служение близким и обществу. Человек может всю жизнь пребывать на этой ступени, даже не задумываясь о том, что, живя так, он идет по Стезе Прави.

Поднимаясь на вторую ступень, человек встает на путь Знания. Человек напрягает свой разум, стремясь постичь Истину. Он накапливает знания, задает вопросы и получает на них ответы. Его ум направлен на познание основных законов Бытия.

Если все было проделано правильно, то довольно скоро у ученика начнут открываться самые необычные способности. Известно же, что человек использует как правило только ничтожно малую долю своего мозга. Запас же возможностей сознания необычайно велик.

Следуя Стезе Прави и достигнув равновесия в сознании Яви и Нави, можно легко открыть дверь в подсознание, и тогда начинает работать абсолютная память. И в таком случае, скажем, изучение иностранного языка занимает не годы, а недели, если не дни. И это только один из самых наглядных результатов ведического вопиствия (лично мною самостоятельно изучено множество языков, как современных так и древних).

Развивать необходимо именно те способности, которые в самом деле вам помогают в работе и жизни, те способности, которые нужны для восхождения по Стезе Прави.

Но пути знания извилисты: то, что сегодня признается истинным, часто завтра вдруг объявляется ложным. Потому очень важно, чтобы человек обладал чистым сердцем и был ведом истинными учителями. И если на этом пути человек избежал соблазна пустого мудрствования, ложной гордости приобретенными умениями. Осознал, что не все можно познать за краткий срок жизни. Если человек осознал, что есть — Непознаваемое, Беспредельное, то, что за гранью нашего Мира. И понял, что у Мира есть Причина. То значит, этот человек был на верном пути и вплотную подошел к следующей ступени.

Пройдя сей путь, ученик далее восходит на следующую ступень.

Третья ступень — это ступень овладения знаниями духовными. Человек избирает духовного наставника и становится послушцем, то есть учеником. Он углубленно изучает Веды, в совершенстве овладевает иными духовными дисциплинами. Он избирает свой путь, стремясь овладеть тем или иным волшебным искусством. После прохождения этой ступени человек становится духовным учителем.

И у каждого из избранных путей есть свои ступени восхождения, свои степени овладения мастерством.

Высшая степень — четвертая. Взощедший на эту ступень становится учителем учителей. Пробужденным. Великим Побудителем Воли Человечества. Взощедшего на эту ступень в древности славяне называли — Побудом (Будаем).

Что же следует делать, чтобы следовать Стезе Прави?

Нужно строить новые города в традиционном старом русском стиле, не боясь при том творчески преосмысливать традицию. Нужно писать музыку, создавать картины, снимать фильмы, проникнутые русским национальным духом и русским гением.

И только так можно создать и укрепить национальную идею. А поскольку по своей природе русская идея всемирна, она может и должна завоевать мир. Подобно тому, как это уже сделали германо-скандинавская, кельтская культуры, основанные на Эдде и породившие целую вселенную культуры фэнтези. И делалось это не одиночками, а на основе многолетних государственных программ ряда европейских стран. Этому направлению выделялись даже отдельные строчки в госбюджетах.

И нам также для сего нужно в это направление культуры вкладывать средства и силы.

Именно тому, как следовать по Стезе Прави, и учит нас «Книга Велеса». Она уже сейчас она стоит на страже национальных интересов русского народа, как в России, так и за ее пределами.

На нее, как на важнейшее свидетельство о прародине славянских народов, находящейся в Семиречье и на Волге, опираются семиреченские казаки в Казахстане, русские в Татарстане. «Книга Велеса» повествует о более чем тысячелетней, великой и трагичной истории славян, казаков-руссколан на Северном Кавказе. И эта история востребована ныне русскими на Северном Кавказе, нередко испытывающими дискриминацию со стороны будто бы более коренного населения.

Важно для рождающейся российской идеологии и прославление «Книгою Велеса» древнего вечевоего правления, наследником которого является и современная демократическая власть. И это уже осознают многие политики в современной России.

Мне же как профессиональному литератору наиболее важно значение «Книги Велеса» для возрождения русской национальной культуры. Ведь «Книга Велеса» — это величайший литературный памятник, сокровищница языка, философии.

Она содержит великие сюжеты и мысли, которые всегда будут питать писателей, поэтов, художников, и я уверен, также и музыкантов, и кинематографистов и т.д.

И это течение духовной жизни не остановить. «Книга Велеса», а теперь и «Боянов гимн», и реставрированные предания «Книги Коляды», переводы из болгарской «Веды славян», занимают все большее место в современной российской культуре. Расходятся большими тиражами, становятся предметами жарких дискуссий, телепередач, радиопостановок.

Темы, затрагиваемые сими памятниками, ложатся в основу новых произведений русской литературы, создаются картины, театральные постановки, музыкальные произведения. Восторженно отзывались о славянской ведической литературе поэты Михаил Ножкин, Константин Кедров. Прославленный поэт Евгений Евтушенко включил мои реставрации и переводы древних текстов в свой 3-х томник «Русской поэзии».

Писательница Галина Романова создала на основе преданий «Книги Велеса» и песен из «Книги Коляды» романы из серии «Сварожичи». Я также выпустил роман «Волшебник из Асграда», основанный на легендах «Книги Велеса», также повесть сказку «Ярослав Буслаев и волшебники Китеж-града».

Обратился к темам «Книги Велеса» также писатель, музыкальный историк, заслуженный деятель искусств и телеведущий А.Н. Баташев в художественно-историческом

трактате «Баташ. Евразийский роман» (Магистеріум, 2001 г.), посвященном изучению корней своего древнего рода и содержащем уникальные исследования древностей русколанских, общеарийских, тюркских, подводящем итог многолетних архивных разысканий, глубоких философских размышлений, интересных и важных для отечественной и мировой культуры.

Работают над «Прославлением Великого Триглава» музыканты разных направлений. Делались записи с джаз-оркестром Гостелерадио, приступил к работе над этой темой и оркестр «Боян», ансамбль «Народная опера» под руководством Б. Базурова, а также десятки музыкальных коллективов России, выступающие на центральных площадках страны и мира.

Начал работать над темами «Книги Велеса» и известный художник, член правления Союза Художников России, Виктор Прус. Также и мной подготовлены выставки картин, иллюстраций к «Ведам Руси».

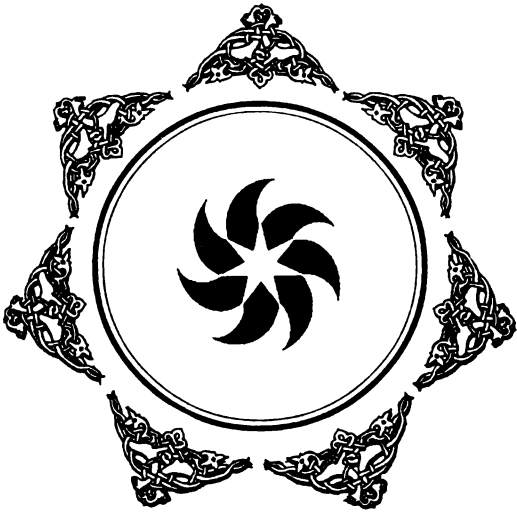
Высказанные в «Книге Велеса» мысли о Едином Боге Роде цитировалась волхвом Бояном в мультфильме «Князь Владимир», воскресившем лучшие традиции отечественной мультипликации.

И это только начало. Несмотря на продолжающееся противодействие, «Книга Велеса» и славянская ведическая литература, древняя культура, пробивает себе дорогу в современность.

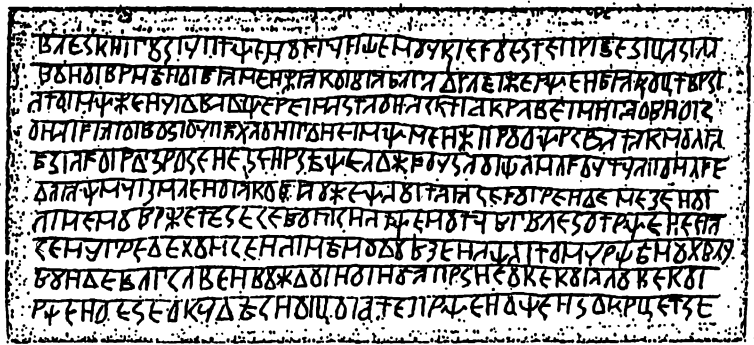
Приложение
Дощечки
«Книги Велеса»

Дошечки «Книги Велеса»

Здесь и далее часть «Книги Велеса» в оригиналах
и в прорисях Марии Чулум, 1997 г.

Дошечка II 16 аверс

С С У Г У С В Б С Т В Х Н А Ш И К Е П Р Е Ш И Н Д У Г И И А К В С С В А С И В С С И
У Л Е Ш Е Н А Д В И К Е Т А М А Р Ь Ц Е Х У М Ъ В И С Т И Н У Е Г И А И А Р Р А Д Е М Н А Ш Е М О Л Н Е А Ж Д
К Х У М А Т А И С Т В У Р Ц Е Х У М О Н И А У П Р Е Г А Н Е Н А Ш К Е П В И А Ж Д Е Х У М А Т К Н Е З И И Б Г А
У К Е Н Е Н А Т Е Н Г У К С Ъ К А Т У К Е И Т Е И К Н О К Р А Ц Е С Т У П И К С У С К У М А С В Л А Д А П А У Д Е К
И Т А М А И Д Е К Е С У Р Е С Т А Ш Е Ш Е Т Е П Р Е Г У Т П Р И Ш Е Д Б У Х Е Х Ц К Р E I I T O X H E P W
K X T A S B O I M I A X M A C Ц K X I M K Ж E I X E H A A S T A P Ш E I M A X M F A P Ь H I T E O B P A Ж E M
I T A K B X P E Ш E X M И Ж Ь К E H E H P I C I A P X M Ъ B H A S B A A S K Y M A X H H F Y D I A X M Ь П K E H E H
K A H X C E F X Ж A T W Y T Ь H A M T P I A X M Ъ A T A I A O X H D E Ж Ъ B I K X I X B K Ц X I X K Y
A W E I A X Y T Ь П X Ы A F O T E I P E W A Ш E T E X I F X K A H E T A K X X K E I H X P E Ш E T Ъ X Ц Y P E X A
K Ж A E S T I A O X I S B A I Y A X I O X H E T A B E H A C O B A H P A O A K X B I P W E T A M Y Z A X K X M P
A O B I T A E T X A X H E T E H A C E Ш E T Ь I A K B A K P A A S T Y H A I K X I I K I S Ъ K X I D E P P X W E I
K F X T Ь K H A C I Y A B S B A T A H I O A H E C M E W A T E S Z A Y A B A X Y C X E A S E I S T A P W W E I
T A K X X T B P I A W Ъ X Z E M E T X K I X C E I I A T A K X K I S Ъ K A O I W E A B S X A I Y A B A Y T A X P I A
Ж H E I H O Y I T A M X S B A C E Ш E T Ъ I T A K B B X O A C E I I X O X M X E Ш E T Ъ T E X F A B E I T A K X P I
A X X M Ь E H D E Ш E Ц I Y Ж E X H B I H Y B W E T E X X T Ь B A I S X M X I I M I A H E P W E
X H B O M X A I P I A W Ъ K I S Ъ K X T E I S I A B E H B I Y A B B A X E X C E S I B H A I A K X X A C E S
I B A P P E T E Ш E I X H B A T P A K X H A Ш E I X B B A I A K X S T P I K E A T M K W E X H A I E T Ь

Дошечка I 1 аверс.

ЖЕ ГИ Е Т Ъ К Р Ъ И Д А Е М А Н А Т Т Ъ С В Л П П Т Ъ Ц Л П А К К Ж Д Е Г Р М И Н О Р К И Д A П У Т H A H E H E P E Z
 Д А Е Ц К Е Л Б A P I A П У Т H A K Y B E T C X Y T П К Е H E K K З Y T B H A H E A C E T E Ц K E T Y T A B A I K A B K P
 A K H A П K E I A K X O Y M Ж C Y T K E H K П X B Ч Д E H H A X Y T E C E A Y C B P X E T A K X X Д E Ч A K E П A
 A Ц K E T I C E X H A I K A I П K E T Ъ M A T P C B A Д X B H H E T A I A K O B E Д A H A K E C E T H B O X T H Ц X I
 H A H E H E I П P E H A Д E T Ъ X П X M X П K E I C E M X K E B P Ж K E T Ъ H A B P Ж K E C E T E H A T T Ъ K E X Y C T Y M K E
 A T X Д E Y C K D E Ч E H A K A Л A П У M A A Y T E Ц K E A Y F P E Z I M P Ц T I T A K O E Z E M E X A C P K E Ч A
 T B O X A H E I П X T O Y A H Y P E Ц K E C E K A K A B A I K A K K Y H B M E Ж A C H O I П P E B Ч A T A П A
 E M B I H A H X T O A C C E F K E Y B A P X I C E H A I A T A I S D E B P X M H O M Y I A X H B X E M O I Z H
 E H A П Y I T A T A X H B K A B Y D H E Z E M E K A Л A H Ц T E H A T P X E X H B O M E H A I C K Y T E P K E P
 H Y C E X S P P E H A I I Z A T B E H A I K O X I I I П P E B I A D E B E C K E A I X B Y T B F A H A П A T E H A D E T E K E
 П X P E K A Y A H A I M I P H A I C E T O A H A I A T E H A H O I E Ц E Ж B E I F A X K П P A D E C H T E H A T I I
 C E T A P X I E X H B Z E M E H A П I E T A K X X Д E I M I A X H M B P A H T E C E A B P X X A K I A I A П Y T B O T P E X
 H Y E C B I A T A I X K Y D E C B I A T A I I A X Y T B A H A I П A I S B A T O T K E P E H A K X I A O B I A P Y C E I A P B
 I K P A H I A T Y P E I B C K E H A B A I K A I M A A I I I D A I A T B T K E C B A T A T A I A K X X Д E H Y X B I A I A
 Ц K E T B X T P A A Y A X C E A I X T H E Ц K E H C B T I I K K M Z E M E M I P E P E H A Д E T Ъ X H H A I A X H I
 T A D A H A A X H X I

Дощечка I 3 аверс

T E Ц E T E P P A T I E H A П K E П A E M K H X T A E M K H X P A D I X P A D I I F A K T E C E X S E F K H A Z E M K E
 H A П K E I A K B A H A A E X A E H A I I I K X I X A E I H A M X C E F X S B H E P Y S I Ц E C A B B C E F Z E H A H I
 A T A I E B X I H A П K E I П A E C H X I I I T P A Ц A T A П X Z P I П I A X S A B B X Y X K X C E F X C E X H B H A
 Z E M K E I A X X H B П P S T E A X P A H E C B X A T A Ц K E M A X H B E A P O I X H M B O X S H P T E C E M B S I A X
 П P E A B I M A P H O P I A I P I K K A T A F I A X H E I M A H B B E H E T E T B E T Y I A K I E C E П A H K H Z E M K E I H E
 H O T X Y I E T X A I E K T O A E H K E I F Z E F I A Ц I T A H X A P K E Ц Y T B X T E C O I E C E P Y S I Ц T B A P
 E T Y A E Ц I T E M B I A K B A I A E C E Z E M K E A X P A H K E C B A I H K E C E Ц K E I Y A X H A B I A T E
 Ц A S E П O X X I K H E Z E I S F P A Ц Y T Ц E M H O T A B Y T Ц E I K H E Z I A X C E F I A I B S B A K X K
 I A K B E T A K X S T A I A П E Z E M K E P A I A П Y T E I C E F B T O K H E Z I E C E H A D E T E X P Ц K E H A I
 A F I A T E A I Y D E A X I A T F I I A A B B C E H K Y П X Ж I T E X O X A I Y A E C B A A H K E C E I M I A X H
 B I H A I K H E Z I K E П X A I Y A E F P I A Ц Y T B I X S X I H I B A A O F Y A I A Ц Y T B X A X C E A X S X I
 H E T A X B B A E A X T P A B H Y Ц A

Дощечка I 3 реверс

ЗЕ ЖЕ РТВА НАШІА ІЕ МЕДСУРЕ ХОДВЕНТЕ СЪМЪИ І ЦАКЕ УДИЛНІА ІНЪ СУРІСТАВЪНЪ
 ТРІКОНІ ПЪТІКЪ СКАРНЪ БЪМНУ ЦІАХОДЕНІА ІАГЕНДОСЪЕТЪ НАЩЕ ЖІТІА ГЪМ ПРАВІКЕ
 ІАКЪ ДЕСЪУТЕ НАЩЕ ПРАХЪ ІЕ ХЪСЪ ХОДІАДЕ ХЪМЪ ОУДАХЪ БІА ІСТАХЪ МЪ СІА ВНІХ СІА
 ВЕНТЕ ГЪСЕНІАЩЕ НІКЪ АІАХЪ ОІ ПРЪСІАХЪ МЪ НІМЪ АІАХЪ МЪ БІА ІАГІСІА СЪ ГЪ ГЪЖЕ Р
 КЪХУТЬ НАМЪ ХЪ ОІТЕ ДЪ РУСЕ А НІКЪ АІАХЪ ДЕ ОУВАЖЕ
 НАТЕРСІА СІА ВЪ ПІАЩЕЕТЪ НЪ СІ ПІВЪТЕ ОУІТЕЖ НЪ СІА НІА ВЪ СІ ІХМУ ВЪ РІХЪ МЪ І
 АХЪ СІА ВІЕ ОУПІАЦІКЕ ОУІШ НІКЕ ОУСІА РЪЗЕ ПЪ РЪСІА ІЕ ІЕ ТІАЩЕТЕ ОУ ОУ НЪ І
 СЪ ГЪ КЪ НЕНЪЗЕ НІАЩЕ ІА ГІАЩЕ ХЪ МЪ ДА ГЕНДОСЪ ІЕ ХЪ НЪ І ПЕШТЕ СЕ І
 ДА ПРЕНДОСІА РЪЗІА КЪ МЪ ІАЩІА КЪ РЪМЕТЪЩЕТЕ НІЕ ГЕНДОСЪ ІАКЪ ОУ ВЪ РІАТЕ ІІ СІА М
 ХЪ ОІТЪ СІА ПЪЗІА ІАКЕ ІАКЪ СІМЪ МЪ АІАХЪ МЪ СІА ВЪ ІА НІКЪ АІАХЪ ДЕ ПРЪСІАЩЕ ОІ НЪ
 КЪ АІЕ НІ ПЪТРЕ ГЪ ВЪ АІАХЪ МЪ ХІ ОУТІКЕ НІА ХІ ГЪ НІА СЕ ГЪЗІАЩЕТЕ ОУ ЧЕНІА ІІ РЕТЪ ОУ Х
 ГІАКЪ ІА ХЪ ОІАЩЕТЕ ОУ СІА ЦЕНІА ГІАЩЕ І СІА ІАХУ ОУ ПЕРУНЪ КЪ ОУ СЕ КЪ
 ЩЕНІ СІА ІЗРІА ІА МЪ ОУ ІЕ ІАКЪ ПЕРУНЪ КЪ КЪ ОУ АЩЕ МЪ ОУ ІА НІА ВЪ РІА І КЪ
 ВІАЦЕ РЕЩЕ ТЪ МЪ СЕ СІРІЕ І ОІА НІЕ ОУ ІМІАХЪ МЪ НІА ВЪ КЕ ТЪ ІА ІНІЕ СІМЪ ОУЩЕ СЕ НІ ГЪ ВІА
 ІЕ ХІАКЪ ОУ ЗНІЦУ ІА ХЪ ОУ ПУАКЕ І КЪ МЪ ТІА ІЕ Х ГЕНДОСЪ УКЕ ІА НІА ОУ ПЕРУТЕ ГІА ІАКЕ ІАК
 ОУ СЕ МЪ ГІА ГІА ОІЗВЪКЕ МІ ГЕНДОСЪ ІАЩЕ ОУТЪ ОУ ІАКЪ ПРІА СЕ ТЪ ОУ МЪ АІАХЪ ОУ ДРЕНІА І
 СІМ ПРАДЕ СІА ОУ ПЪХ СІАЩЕ ОУТЪ ОУ СІА ІАКЕ СІА ІА МЪ РЕЦЕНЪ ОУ ГЕНДОСЪ ОУ НІА ІАКЪ ОУ СІА
 АЩЕ ПІА РЪ СЕ ТЪ ІІ СІА ВІНІКЕ СЕ ГЪ РІЕ КЪ ІА ПЕРУНЪ КЪ ОУ ВІАЩЕТЕ МЪ ОУ ІА РЕТІА РЕЩЕ ІА СЕ
 ПРЪ ОУ НДОСЪ ТЕ ЧІАЩЕ ЧІА ТАКЪ ОУ А ГІАЩЕ НАЩЕ ГЪ РІА ІА ЖІТІА ВЪ ОУ ІВІТЕЖЕНІ СІА МНЪ
 ПІА ВІКЪ ІА НІА ОУ ІА ОУ НЪ СЕ ВІКЕ РІАХЪ МЪ ОУ ГЕ ТІА КЪ

Дощечка I 5 аверс

КІ СЕ К НА ІА ОУ ДЕ СЪ ДЕ ГІА ЦІА СЕ НА ПРАДЕНІ СІЕ НА ОУ ВІКЕ ІА ТЪ СЕ ОУ НІА СЪЩЕ СЕ ОУ АІАХЪ А
 ТЪ КЪЩЕ НА ОУ НІА ПЪТІА ЦІАЩЕ ІЕ СЕ ІМІАХЪ МЪ ЗНАКЪ ТЪ КЕ АІАХЪ БЕН ОУ СІЕ ІНІЕ МЪ ОУ ОУ
 СЕ ХЪ МЪ ДІА ВЪ ДАТЕ ОУ ВІА СЕ ПЪ ГІА СІА ГЪ СІАЩЕ І СЕ ІМІАХЪ МЪ СІА ІА ІІ СІА ВІКЕ НІ ОУ
 КЕ А ВІАЩЕ А СЕ ОУ ТЕ ТЪ А КЪ ОУ ІМНЪ ОУ ІЕ ІАКЪ СІМЪ І СІМЪ ПЕРУ СІАЦЕ А ВІАЩЕ НІ СЕ ОУ ТЕ
 ОУ НІА КЪ МЪ ІЕ ВЪ ЖДЕНІА КРЕ ВЪ НАЩЕ ТІА МЪ ОУ ІЕ СЕ МЪ НАЩЕ І СЕ ВЪ РІА ЗІА ВІАЩЕ
 СЕ ОУ НІА СЕ НІ СІА РІАЩЕ ТЪ СЕ І СЕ СІА РІАЩЕ ІЕ МАРНА ГЪ ОУ ТЕ ІАКЪ ОУ ОУ ВЕ ГІА ЦІА
 ОУ СІА РЕ ЦІА СЕ ОУЩЕ ХНАЩЕ ІЕ Х
 РЕЩЕ ОУ ХЪ МЪ ІЕ ЦЕ СІА ОУ ВІА ТЪ КЕ НА ЗІА МЕНТЕ А ГІА ХЪ МЪ НІЕ ІЕ ОУ НІА ОУ ОУ ТІК СІА ВІЕНЕ
 СІА РІАТЕТЕ А РІЦЕ ОУ ХЪ МЪ ПРІАТРЕ МНАЩЕ МЪ ТАКЪ ОУ ДЕ СЕ СІА ІА ГЪ КЪ СІА ІЕ ГЕНДОСЪ
 НА ВІІ ПУ ОУ ВІНТЕ СЕТЕ ВЪЗЕ ВІАЩЕ ОУ КЪ ОУ ЦЕ ІАЖЕ ХЩЕ ЦЕТЕ СЕ МЪ ВІАЩЕ ТАКЪ ОУ ДЕ
 ВІЗЕТЕ МЪ ОУ ОУ ОУ СІЕ ПІА НІКЪ АІЕ ПЪ АІАКЪ А НЪ ОУ ОУ ОУ СІЕ СЕ ВІА НІЕ ПЪ ОУ СІА
 СЕ СІА ОУ ВІА СІА ГЪ ДЕТЕ СІА ІНІЕ СІА ГЪ ОУ ВЕ А СІА ІА ІА ВІА ПЕРЕ ГЕНДОСЪ ТЕ НІЕ ВІА
 ОУ ОУ ОУ ЦЕ НІЕ ІМІАХЪ МЪ АНІЕ ЦЕ РЕ ВЕ А ІАЩЕ НА СІА ІЕТЕ ІЕ ХІАКЕ МЪ СЕ ГІА ПЪ ОУ ДЕН
 НА ОУ ГНЪ А КЪ РІА ВІЕНАЩЕ СІА КЪ ТІЕ ТРІАЩЕТЕ ТЪ ГЪ ТІАКЪ ОУ ДЕ І СЕ ІАКЪ ОУ ДЕ МЪ І
 І СЕ А КЪ ІНІЕ ЦІАЩЕ ХІА РІА ОУ ХІЕ ОУ ДЕРЪ ОУ ДЕ ХЪ МЪ ОУ ДЕ ПЪ А ОУ ДЕНІЕ ГЪ РІАКЕ А ГЕ ОУ
 ХЪ МЪ СІА ІА НІА ВІАЩЕ ВЪЗЕ НАЩЕ ІЕ

Дощечка I 7 аверс

лтхгхдхххктлшшма лкхустлгтут гелте дхгфлххмкрпгнлшк
 лгстынлжжк зблнлчутьлнлшк нлтрлзвкргнштх дата свлсегх
 лккхлзекркенхнлпрглххдлшк лтлгуоеллшк зблшк дхгфрпг
 лтхлркх дхрелмепргсегенлркх нелмлххмслелте дхнх
 стхтвдлгелад вхушк нелрлзшм лххмктлнлшк хшгшгшк лшкнхшнх
 слте хдвреллсегх лкшмшлшлхл свлпхсланк лнл лхдхл лдсзлгргелнх
 нлгелте дладелнлгрлцб дл шел ххгргл дл л дл жерел гхзшлзхелел
 хнлгхделел сллгтлркх вл лркх лск нхслел рхшшкел гхтвхвлрелнзбл
 лмшнлнелтлгхгмхтб рхскупхшрпшнлм лзлел двлншк пхгелнелмел
 нелркел нхслел рхшшк лтхгфлшк лдс хлтрлшкел дхстлгкел гелгелтелнл
 кхк гхтхмудх влрелел шлск ннелстлрелпхгргелншк ххдлшк нелстл
 тлмхпхнелснелххмшлххдхеллшкел тлрлшурел нлшкел пхделрлвк
 зелелнл лтлмхдхлххмктл лркхл гхлел лзлхшлел

Дощечка I 8/1 аверс

нхсллрхшшкел дхлелтелел лкхмхстлршшкел нхгелел кшгхелнзхнл дхшк
 лпргшкел нлршкел скл кшдх нхлел л кшзгелел прхслел шл лтл вл лк бкл
 свлрх дх лшлцл рхшшк лк влрелн лшкел шселел дх рхстржшел нлрхстргншн
 лркх грлцел вх дх свлзхмел жнел лнел гхтвхнел шл лшл свлшкел пшел дх
 кршурл дх крхл дхл вшлрк свлстлпхтхнел нлсхуслшкел свхел лхделел
 рхшшел нл лркхл нелел вркх дх свшкел лркх прхшл дх шл вхслпштел лпхшкел
 ншл свлрелел лстлнл пххх дх бшкшл хх дх лхл шлел л кшшкел ернхдрел
 влб гх ллнл ршкел хшл лстл влтел дх нлслпшкел хпхх дх лхшкел свл
 лркх гх рхкх лнхкел пх дх мх дх ншкел дх гх дх лел гх ншл лзвжкел лтх дх
 бкшкел рхкел твхрлшкел лхншурел лгх дх свелстл шлшкел сл лдел стл вхн
 дх свелрелнзел лркх гх вххм свелрелнзкел дх вхел нл вх дх нелстл лдршл
 гх дх лтл гх дх прелел дх нхл гх дх лселнх лхшкел лмхтл влрелн дх
 стл лх ллшкел сл лселнх лхшкел дх тл влрелн дх гх желел нел флшл лххл лтх л
 лтл фл ллшкел нлзх вшкел сл лмх дх хшшкел релел нх ллмрхл

Дощечка I 8/1 реверс

ТУГХКЛКННЗРПНІДЕАКАМЖНІПНІЖЕТЬНАУГРЛНСТВХІСВА
 АТУУВБІАЩЕХМДАХСЕРАЩІАІАКУРУЦКНИЖПРЫЦІАКХВЖКВЪСТНУТЬ
 ХФЗЕХНАЩКХАРЕКХШУТЬЗАЛІАНЕВЫЛКІАТХГФСЕКМХМІМЬНЖЛВЫ
 АСЛВУХДЕУКАЖДЕХМІХВАНАЖЕЛЪЗВАІХВАІОДХХМСТЕССТАЛНАКЕУТУ
 ГХВБАНЕДЕВАХСТАЩЕСІАКІАКІНАШЕТЕСАВУТУУАКАНЬЕСКАКАШУЩЕ
 ХСТАНЕССАРЕЦЕІШЫНАХРХСІТІГТХНЕУГІУТЬЕІКХНЩКНЕГХТВЫЛПОНУЗ
 ВПРЫЦІГХВРАЖДЕНХВАІНАПХКЕНТЬВАТІГХТХРХСВЫПРАКСУТЬАПХ
 ХЛБЪДАІАШУТЬНИЖПРЫЦІАККЕВРЕРАСЕНЗАХІНАДАТУЩЕТУГХСЛВУ
 ХРАККЛЕКАШУТЬНАХВАІСЕВАІАКХРХШІСУТЬВХАНЕСХІАНЖПХСТУПЪ

Дощечка I 8/2 аверс

ХТКХІАКХВІГФЗІАХУТЬХНІСЕНЕМІАХМНХАІПТЦКІРААХМХТВАХПРЕ
 СІУАНКЕАРАДНІЦІІДЕЖЕВДАЖІВАІТЕЦКІТАНХВХІГАКІВАЩІХЦНЕ
 НЕХХДАІАЩЕТЬТЕАКХАДХРЕХУЩАХВХСПХМНХМІТАХКЕСЕЗВАЖРВ
 СЦЫІАКВАЖЕНЕРАДЕХХНХГЗТЕПЕНЕСЬЛХВХСХНЕАЖЖЕТЫКРАСЕ
 НЕПІЩІАРЕКАГАЛХАХІТЦАІАТХВЗДЕВАМЕЖДЕНІРАСПРЕЗАГДАУІТХ
 НЖЖІХХМАГІАСТЕПХТХДАІАТХІАВЦЕПРАВІХНЬХХАРАДАІІКНІАЖІ
 СЕКНІАЗГІАГРВАЕНЫІАКХВХІЖДЕСТЕРЕСАЛАНЕУГКНГІМХРСТІАПРЕІА
 ІМХНАЗЖЕНТЬТОУІТАМХРІАХХМЬЖАТІАІСКХДЕКХМНОТАСЕТЕСКХ
 ГІАВХСТЕНПХХСЕРТХГЕДЕСНХІІАКВАПРЕЦКХІАНЕСАНЕЩІАПОХХВІПР
 ЕНДАІЦАГРАХІІЗАБІАХНАНХІХТЕНІЩАКІСАІАХХМПРХЦЕДАПХАНЩК
 АТАМХГХІХМДАСТХІАКНІАТАМХСНЕКЕСЕХУТЕХАЩАСТЕКХАХ
 НХНБІААНЕСЕМІАХХМІНАКНІАЖЕГРВАЖЕНІПРАВНУТЕХДАІАДІАЖЕВІ
 ТХКЕРЕЩЕІАІАЩЕТЕХАПХУАНЕНАГРЕЦІКХНЕПРЕЦІГХМЕЖАДУСАЛАНЕКУПАК
 МЕСЕРЕТНХАТТЪХІМІАІОХНІВХСТЕНПХХХСКХУТЬНАЩУАХХЩАГЕАТ
 СХНАЗІАДРЕІТХІМІАХХМНАІСТРЕКХНХІЕДАМХРІАЛГХНКТЕДАСВА
 КРАТКІАКХЖДЕТУСКІАЖЕНКЕСЕРУСЬКАКРЕВХТАЖЕНЕСНАІАЩКЩ
 СТЕДАТХАКІТАПІАЩККРЕВЪНАЩІУНАННІНАДЕЖЕКІМАГЕНТЕНУ
 ФРАНАХХМВСІААНЕІАКХВХУТМКНХМ

Дощечка I 8 реверс

< ГХЪРЪЕРДГЪЕНЩЕЪТУУХЪИУЪЗУУУЪГЕСЕНЪТЪПЪЛШЕНЪСТЪВЪТЪИМЪХЪМ
 < ГЪУРЪВЪИХЪРЪНЪШЪКЪТЪИЪЕНЪХЪРЪНЪГЪЪМЪСТАВЪКЪХЪМЪИГЪЛЪИХЪМЪСТЪКЪНЪ
 < ДУГЪИЪЗЪКЪСЪИЪШЪКЪТЪПЪДЪРЪУГЪУСТЪКЪНЪУПЪМЪХЪРЪНЪХЪМЪГЪЪЖЪНЪШЪКЪПЪДЪГЪИ
 ИМЪХЪМЪМЪНЪЗЪКЪХЪРЪНЪКЪНЪВЪУПЪРЪУНЪВЪИХЪВЪИРЪКЪЦЪИМЪЛЪХЪМЪХЪКЪИЪ
 ПЪРЪДЪКЪПЪГЪХЪЛЪИЪСЪИЪКЪСЪМЪПЪХЪМЪНЪВЪИЪИМЪДЪУЪКЪТЪИЪХЪРЪНЪКЪСЪУРЪНЪЖЪНЪ
 МЪРЪКЪСЪУРЪКЪТЪКЪМЪСЪИЪНЪКЪМЪСЪЕЪВЪАЪЛЪХЪУРЪЗЪЫЪКЪНЪНЪИЪИЪЛЪКЪЖЪДЪХЪНЪСЪУРЪНЪСЪ
 ТЪКЪГЪНЪИЪИЪВЪРЪЗЪНЪИЪГЪЪИЪНЪШЪКЪДЪПЪРЪЛЪТЪЩЕЪНЪИЪВЪЛЪИЪХЪУТЪСЪИЪИЪУТЪ< ГЪ
 РЪУСТЪИЪИЪКЪИЪМЪУТЪСЪИЪИЪИЪДЪСЪЪЗЪТЪЕНЪВЪРЪЗЪВЪИТЪЕНЪЖЪСЪТЪИЪСЪГЪИМЪЛЪХЪМЪУРЪВЪ
 < ИЪКЪХЪЖЪДЪСЪТЪРЪНЪКЪЖЪИЪЖЪИЪДЪСЪВЪИЪШЪКЪПЪЛЪКЪСЪХЪСЪУРЪКЪСЪДЪИЪГЪНЪСЪВЪИЪНЪКЪУ
 < ЕТЪРЪКЪЖЪДЪРЪУСЪЦЪИМЪЛЪХЪМЪУРЪВЪИЪНЪРЪУСЪЦЕНЪТЪКЪСЪИЪИЪНЪГЪРЪЖЪКЪХЪМЪХЪТЪ
 МЪИТЪШЪИХЪМЪСЪЕНЪХЪРЪНЪКЪСЪЛЪВЪИЪТЪГЪЪЗЪИЪКЪВЪЕНЪПЪРЪКЪМЪУТЪЖЪЛЪРЪТЪНЪШЪКЪ
 < ГЪУРЪЗЪДЪЕНЪИЪСЪУТЪСЪНЪШЪКЪКЪНЪСЪТЪЕЪКЪПЪШЪИЪЛЪМЪТЪИЪРЪСЪВЪЛЪВЪУЖЪШЪКЪИЪ
 НЪИМЪЛЪИЪНЪЛЪСЪЪТЪХЪМЪДЪЦЪВЪУСЪЛЪВЪУШЪШЪКЪИЪТЪХЪИЪИМЪЛЪХЪМЪСЪЪЗЪСЪТЪСЪТЪЕ
 НЪРЪТЪТЪИЪИЪСЪШЪКЪИЪСЪВЪНЪГЪРЪТЪСЪЕНЪНЪШЪИЪХЪДЪВЪРЪЗЪКЪНЪДЪТЪЩЕЪНЪУСЪЕЪРЪТЪРЪКЪ
 < НЪЦЪТЪРЪКЪСЪТЪХЪРЪНЪКЪМЪСЪВЪЕНЪИЪИЪНЪШЪИЪДЪНЪКЪСЪЖЪНЪИЪНЪШЪИЪЕНЪКЪКЪХЪУТЪИЪКЪ
 < ЫЪКЪЕЪЛЪГЪВЪИЪХЪУТЪРЪТЪИХЪМЪБЪЛЪЗЪУМЪКЪТЪХЪНЪШЪКЪИЪСЪМЪИЪКЪВЪСЪВЪУЛЪМЪИЪТЪКЪРЪ
 ДЪХЪНЪИЪИЪСЪМЪИЪХЪМЪСЪЦЪЕЪСЪЕЪГЪРЪНЪКЪИЪСЪШЪСЪМЪРЪЗЪТЪЕЪВЪРЪЗЪКЪНЪШЪКЪ
 < ЕТЪХЪКЪУПЪЛЪБЪГЪЕНЪДЪЕЪТЪДЪХЪИЪИЪКЪШЪЕЪТЪНЪИЪИЪКЪИМЪЛЪХЪМЪСЪТЪАТЪГЪРЪДЪ
 ИЪИЪСЪТЪИЪТЪЕЪКЪСЪИЪИЪУШЪКЪНЪШЪКЪИЪТЪВЪРЪГЪНЪКЪХЪМЪДЪСЪТЪИЪИЪКЪСЪЕЪГЪХЪИЪСЪЕН
 ГЪРЪЕНЪДЪПЪХЪИЪИЪНЪСЪЗЪЛЪХЪРЪИЪНЪШЪВЪСЪДЪУШЪБЪДЪПЪРЪЗЪУРЪИЪИЪТЪМЪХЪСЪЕНЪСЪТЪХЪМЪБ
 ГЪИЪДЪСЪВЪЛЪРЪЗЪКЪИЪКЪИЪКЪСЪДЪСЪСЪКЪШЪСЪДЪШЪКЪХЪВЪЛЪХЪМЪГЪЪЗЪЕНЪШЪИЪСЪТЪРЪНЪКЪИЪ
 КЪХЪИЪРЪНЪИЪДЪЖЪИЪСЪГЪКЪУПЪЛЪИЪЦЪЖЪШЪЕНЪИЪИЪЛЪКЪДЪСЪТЪИЪХЪМЪСЪСЪДЪХЪНЪШЪКЪ
 ИЪСЪНЪДЪИЪСЪХЪМЪСЪСЪЛЪВЪДЪУСЪВЪУГЪКЪСЪСЪЕНЪИЪИЪТЪКЪЖЪДЪСЪХЪЦЪИЪКЪПЪРЪШЪАТЪСЪЕНЪИЪ

Дощечка I 21

ЛЪЩЕЪГЪТЪСЪЕНЪРЪКЪЕНЪСЪСЪИЪКЪЖЪДЪСЪВЪЛЪСЪУРЪДЪСЪРЪЗЪУГЪХЪТЪИЪНЪУУТЪВЪЖЪИЪШЪКЪ
 СЪУРЪИЪНЪУУТЪГЪСЪСЪЕЪВЪХЪИЪЖЪЕНЪСЪУТЪЫЪКЪИЪКЪИЪКЪВЪИМЪЛЪХЪМЪСЪМЪСЪДЪРЪЛЪДЪГЪЦЪКЪУГЪЗЪКЪХ
 < ЕЪРЪЛЪДЪВЪТЪИЪПЪИЪИЪСЪИЪЦЪСЪЫЪИЪСЪЫЪГЪШЪАЪДЪСЪВЪРЪЗЪЛЪЗЪИЪКЪСЪМЪЛЪСЪВЪУФЪЗЪКЪМ
 < СЪТЪВЪРЪШЪЩЕЪКЪВЪСЪУРЪГЪИЪЦЪСЪФЪИЪСЪМЪСЪНЪЖЪСЪЪИЪКЪНЪБЪГЪЗЪКЪХЪЫЪСЪМЪИЪКЪНЪТЪДЪГЪТЪ
 < ЛЪДЪДЪНЪПЪИЪХЪЗЪИЪШЪЛЪЦЪСЪМЪУВЪВЪРЪЗЪТЪМЪСЪДЪИЪВЪДЪУЪЛЪУСЪИЪРЪКЪСЪСЪУМЪСЪСЪЕТЪХ
 < СЪКЪУТЪВЪРЪСЪИЪШЪЛЪЦЪСЪХЪИЪИЪГЪРЪНЪДЪСЪТЪИЪСЪНЪПЪРЪТЪВЪРЪШЪЩЕЪТЪДЪСЪУРЪИЪЦЪИЪХЪУПЪИМЪ
 < ВЪСЪМЪВЪУГЪЪЗЪКЪУИЪТЪДЪГЪТЪДЪГЪИЪЦЪСЪВЪЕНЪЦЪСЪДЪКЪКЪЛЪМЪСЪНЪЖЪФЪИЪШЪДЪТЪСЪТЪКЪВЪСЪЫЪ
 < ШЪЪЖЪИЪЦЪСЪНЪРЪКЪЕНЪСЪЦЪИЪГЪЛЪГЪМЪИЪРЪУЪТЪИЪСЪДЪРЪЗЪХЪСЪВЪРЪЖЪИЪЦЪУШЪЕНЪУЪИЪКЪУЖЪДЪ
 < СЪТЪВЪИЪЦЪКЪВЪСЪУРЪДЪУИЪЖЪСЪВЪРЪЦЪЕНЪЛЪСЪСЪУРЪИЪИЪИЪИЪТЪЕЪГЪСЪСЪПЪХЪЛЪДЪГЪШЪКЪНЪШЪИЪ
 < СЪФЪТЪИЪКЪИМЪСЪВЪСЪНЪКЪСЪЕНЪИЪИЪИЪКЪЖЪПЪЖЪНЪКЪСЪУТЪВЪРЪИХЪМЪЛЪСЪУРЪЛЪДЪГЪЦЪКЪХЪМЪСЪИ
 < ДЪИЪИЪКЪСЪСЪГЪИЪНЪДЪЫЪИЪКЪЖЪДЪКЪШЪИЪКЪУДЪВЪРЪКЪСЪВЪКЪСЪВЪТЪЛЪДЪРЪЗЪВЪЛЪРЪКЪФЪСЪУМЪНЪ
 < СЪГЪТЪБЪКЪЦЪИЪНЪСЪЪЗЪСЪИЪИЪХЪДЪИЪСЪРЪДЪГЪЦЪЫЪИЪСЪУФЪЫЪГЪЖЪТЪЛЪКЪЖЪСЪДЪИМЪИЪЩЕЪХЪМ
 < ИЪЫЪКЪЦЪСЪТЪЕЪДЪЗЪИЪВЪЗЪИЪКЪВЪЛЪЦЪЫЪГЪМЪСЪШЪЕНЪШЪИЪИЪНЪАЪСЪУТЪВЪРЪЗЪКЪСЪИЪИЪИЪЛЪСЪИМЪ
 < СЪИЪУЪФЪЖЪДЪЕНЪСЪКЪУПЪРЪЖЪСЪЦЪЕЪТЪВЪЗЪЕНЪШЪИЪИЪИЪДЪСЪТЪПЪЛЪСЪТЪТЪДЪГЪЪГЪМЪИЪРЪСЪУРЪКЪШЪЕНЪ
 < ТЪЪСЪТЪИЪРЪКЪМЪИЪКЪЖЪДЪТЪИЪСЪМЪУПЪРЪЦЪСЪСЪЫЪИЪСЪХЪГЪИЪИЪТЪЛЪДЪИЪГЪИЪЩЕЪТЪИЪКЪЖЪДЪГЪЖЪ
 < РЪКЪЫЪЩЕЪИМЪСЪИЪХЪЛЪСЪЕЪГЪТЪХЪУСЪТЪЛЪВЪСЪРЪДЪИЪЛЪСЪСЪЕЪСЪИЪКЪЖЪДЪБЪЗЪИЪСЪПЪИЪИЪИЪ
 < РЪДЪЛЪСЪМЪСЪХЪМЪСЪРЪДЪКЪХЪТЪКЪХЪРЪДЪИЪТЪКЪЖЪЫЪСЪВЪРЪИЪСЪЦЪЫЪИЪРЪХЪЛЪСЪУТЪСЪСЪИЪИЪ
 < ЛЪИЪНЪХЪСЪНЪКЪРЪИЪСЪИЪУТЪЛЪКЪЖЪЫЪИЪИЪИЪСЪГЪХЪУРЪДЪХЪРЪДЪЛЪКЪИЪКЪЖЪСЪСЪУЦЪВЪРЪДЪУ
 < ЛЪТЪИЪГЪРЪДЪИЪСЪТЪВЪАТЪСЪКЪИЪСЪДЪКЪНЪИЪЪЗЪСЪКЪИЪСЪТЪ

Дощечка I 22

<ГТХ НБ БЫЛРЪ ІДЕ ХДХ СТРЪ РЪЛІЖДЕ ГІАША ДТАКВА РЪКЕШЕ АКС ІДЕ ДЪ ПЫЛАНЕ
 ІТАМ ПІАІШКТЕ ХСТУ ПЕХ ДКСНТЕ БКЦО ПТАРЪ КС ТІАЖДЕ РЪКЕ ІЗ ГІАШЕ ПІКНЕ ЗЪ І
 СВІІТІА ІА ДРЪ ДХ КЪ ВІІ ПРЪ ДІА ДЪ ГЪ ТЦА ДТІКЕ КЪ ІЖА ІЕ МУКНЕ ЗЪ І СВІІТІА КНЕ ЗЪ І
 ІЗДІКШЕ КНЕ ЗЪ СТАРЪ ША ІТІА КЕ БУТЕ ЦЪ ПІА ІТА КЪ ВЪ ЖІВЕТЕ ВЪ ЗЕМЕ
 ТЕІА ДЪ ДІА ВІАІЗЕ ПІА ДЪ ША НЪ ДІА ІТА КЕ ІЗ ГІА ІА ДЪ ІІ СЕ ГРЪ ЦЪ ДІА ІА ІА ШЫ ІА ЗЪ
 МЕТІА ІА ІКЕ ДНШЕ СЪ ПЪ НЫ ІА ДЕ ГЪ ДРЪ КЕ СЕ ГЪ ТЕ РЪКЕ ІЗ МЕШЕ СІА ІА НІА ІА ІЗЪ НЪ
 ДІКІ ІА ДТІА ШЕ ДН ДІА ДЪ СВІА ГРЕ ЗЪ МЪ РЪКТЕ СЕ ГЪ ГЪ РЕ ЦЪ КЪ ІА ІА ІА ПЪ ВЕ ДЪ ШІА
 РЪКЕ СВІА ДЪ ІА ЗЪ НЪ ГРЪ ІА КЪ ЦЪ РЪКЕ НІА ІА ГІА СЪ ШЕ ІА МЪ ВЪ ІА ІА ІА ГІА ШУТЬ ВЪ РЪ НЪ І
 ДІА ДЪ МЕН ЖЕ СЪ КЪ ІА ЖЕ ВЪ ЖА ДЕН ЖЕ СЕ ДЪ ПЪ ІА КЕ ПІА ІА ШЕ ДЪ ШЕ СЪ ІА ХЪ ГІА РІА ХЪ УТЬ
 ВЪ НЪ ІА ВЪ ІА ШЕ НЪ ІА ВЪ ІА КЪ ГІА ХЪ УТЬ СТА РЪ ПЪ ІА ІА ІА ІА ІА МЪ ДЪ ІА КЕ СЕ ДЪ ШЕ СЪ І
 ПІА ЦЪ ІА ІА ШЕ СЪ ІА РЪ ШТЕ НЕ ТРІА ІА ІА МЪ ЗЪ НЪ Ш ПЪ ІА ІА ІА ХЪ МІА КЪ ГЪ ЗЪ ПЪ РЪ ДІА ІА
 РЪКЪ КЪ ІА ІА МЪ ЖА ДЕ СЕ Н ГІА ШЕ ТЪ МЪ ТКА ДЕ ЦЪ КЕ СВІА ІА ІА КЪ ВЪ ІА ВЪ ІА ЗЪ КЪ ША КЪ ВЪ
 СЪ КЪ МЪ ПЪ ТЪ У ІА КЪ МЪ ПТЕ СІА ШЕ ТЪ РЪКЕ У НЪ ВЪ ІА РЪ ГІА ШЕ ТЪ ТІА МЪ ДЪ ДН КЕ СЕ І
 ЗЪ МЕТІА ПЪ РЪ ГЕНА Д НЪ ШІА ІА МЕШЕ КЪ ВЪ ВЪ ЗЪ НЪ ШЕ НЪ ШУ ІА ІА КЪ ЖА Д СІА ІА КЕ РЪ
 КСТА Д КНЕ ЗЪ СТАРЪ ШЕ НЪ ШК ІА ДЪ ВІА СТЬ МУ ІА КЪ ЖА Д НЕ ХЪ ШЕ ДЪ ЗЪ МЕНЕ РЪ ВЪ БЪ Х
 ДІА ТЕ НІА ЖЕ ГЪ РЪ ЦЕ ГРІА ТЕ ІА КЕ НЪ ГІА ІА КЕ ГРЕ ЗЪ МЪ РЪКТЕ ПРЪ СВІА ТЪ ІА МІА ХЪ МЪ У
 КЪ ІА ЦІА У НЪ ДЕНЪ НЪ ШІА ІА КЪ ЖА Д ПРЪ ДЦЪ НЪ ШІА Д М РЕШЕ СЪ КЪ МЪ ТЫ ІА КЕ ВЪ ІА ШЪ
 ВЪ ІА ЗЪ НЪ ШІА ЖЕ СЕ ГЪ ДІА ДН КЕ СЕ ІА КЕ МЪ ДЪ У КЪ ІА ЦІА У ІА КЪ ЖА Д НІА КІІ ТЪ ГЕ РЕТЬ
 <ГТХ ГЕРМАНЬ РЪХ ІА ДЕ Х ПЪ ДІА НЪ ЦЕ ДЪ НЪ ДІА ІА МЕ ХЪ МЪ СЕ Н ГРІА НЪ ТЕ ЖЪ МЪ ІА СВІА
 ІА КЪ ІА ТЕ НЪ ШЕ СЕ ГЪ ГЪ ДЪ ШІА ІА ЗЪ МЫ КЕ НЪ ШІА ІА ТУ ГІА ДЪ РЪКЕ СЕ ХЪ МЪ СЫ ІА ХЪ М
 КЪ ШЕ СВІА ІА КРЪ СЪ У ПЪ ІА ІА ІА ХЪ М ІА ТЪ КЕ СЕ ДЪ НЪ І

Дощечка I 23 аверс

<ГХ ВЪ РЪ ШЕ ТЪ ПЪ ІА ЦІА МЪ ТЕРЪ СЪ ІА Д НЪ І
 ІА СІА ВУ РІЕ ШЕ ТЪ НЪ ІА ІА ХЪ МЪ ГЪ СЪ МЕ ХТУ МЕШЕ НЪ ШІА ІА ІА ДЕ ХЪ МЪ ДЪ СЪ ВЕНЪ ІА Д
 ПЪ ІА ІА ДРЪ ЗЪ КЕ ХЪ МЪ БЪ РЪ ІА ПЪ НЪ ЦІА ІА ДЪ ВЪ ЗЪ РЪ ШЕ МЪ ВЪ ЗЪ ПЪ ІА У ДЕН ДІА ТЪ ШЕ ХЪ МЪ
 НЪ ВЪ РЪ ЗЪ СЪ ХЪ Д НІА ІА РЪ БЪ ХЪ МЪ ПЪ ВЪ СЕ НЪ ДЪ ІА РЪ ШТЕ ПРМІА ЦІА ІА КЪ ЖЪ БЪ ЦЕ НЪ ШК ПЪ ПЪ РЪ
 НЪ СЪ ІА НЪ ІА ДЪ ІА ЖЪ ГЪ ВЪ ІА ЦЪ КЕ СЕ ГЪ ДЪ СВІА РЪ ЦЪ БУ КЪ ЖЕ НЪ МЪ КЪ МЪ ГРЕН СТЕ ГЪ ГІА СВІА
 ІА ДЪ ГЕРМАНЬ РЪХ ДЕ ІА ДЕ ДЪ ПЪ ІА У НЪ ЦЕ ІА КЕ ІА НЪ ШТЕ ГЪ ПЪ ІА У ДЕНЕ ІА КЪ МЪ ДЪ РЕМЕ ХЪ М
 ЗЪ МЕНЪ ШІА ДЪ КЪ У ПІА ЦЕ ІА КЕ ДІА ІА ХЪ МЪ СЪ ІА НЪ ГЪ ЦЕ НЪ ЖЕ НЕ ГЪ ШЕ ТЪ СЪ ДІА ІА КЕ СВІА ІА
 СЕ ГЪ ІА ДЕ ТЪ СТУ ПЪ ІА НЪ ШІА ВЕ ІА ЦЕ МЪ ЖА Д СТВЪ ІА РЪ ДЪ У ІА КЕ ХЪ ІА КЕ ІА МІА ХЪ М ГІА ШЕ
 ТЪ СЪ МЪ ДІА НЪ ГЕ ГЪ ЖА Д ХЪ МЪ ПЪ МЪ У ЦЕ ТЪ ГЪ ТІА КЕ У МЪ КЪ ЦЕ НЪ ШІА ІА ДЪ КЪ НЪ ЦЕ МЕШЕ ІА
 ТЪ КЪ МЪ СЕ ШЕ ХЪ МЪ ВЪ ЗЪ СЕ ВЪ РЪ ШЕ ТЪ ПЪ ІА ЦІА МЪ ТЕРЪ СЪ ІА НЪ ДЪ ГЪ ІА ХЪ МЪ СЕ МЪ ІА ВЪ ДЕНЪ ІА
 МЕШЕ СЪ ВЪ ІА НЪ ЗЪ ХЪ ІА СЕ СВЪ ІА ІА ІА ІА СЕ ГЕ КЪ РЪ ІА ІА КЕ НЪ А ДЪ ЗЪ МЕНЕ ПЪ РЪ ХЪ ДТЪ РЪ ДЪ
 СВЪ РЪ ЗЪ СЕ ГЪ ВЪ ЗЪ ХЪ ДЪ ЗЪ МЕНЕ СЕ ГЕ КЪ ХЪ НЫ ІА КЪ СТВЪ ІА ШЕ СЕ ЗЪ НЪ ІА ІА ДЪ РЪ ЗЪ ХЪ МЪ
 У ТЪ ВЪ РЪ ЖЕ ХЪ М ІА КЪ КРЪ ШЕ ТЪ СЕ ГЪ КРЪ НЪ ТЪ ІА КЕ ІА ДЪ СЕ РЪ ІА НЪ ШІА ІА ТЪ ІА МІА ХЪ М
 ВЪ ДЕ ТЕ ІА КЪ СЪ РЪ ПІА ШЕ ДЪ СЕ ШК ПРЕНА Д ХЪ МЪ ІА МЪ ДЪ РЪ ЖЕ ШЕ ХЪ МЪ ПЪ ІА ТЪ ВЪ
 ІА НЪ ДЪ ГЪ ЗЪ ХЪ СТВЪ РЪ ЖА Д НЪ ІА ГЪ ДЕ ТЪ НЪ МЪ ІА КЪ ВЪ ДЪ ІА ЖЪ ІА ВЪ ПЪ ІА КЪ ДЕ ДЪ ША СЕ
 ТРЪ ІА КЕ ВЪ ІА КЪ ВЪ ІА КЕ СЕ ДЪ СІА ІА КЕ ЖА Д Е У НЪ РЪ ДЪ ЗЪ МЕНЕ СВІА

Дощечка I 23 реверс

& ПЛШЕТЕ & ВЪИХ КАРНИИУ < ПРАДМАИХ ГЪЗХ МОРСТІЕХ РЪШТИЕХ ИТАМЪ ГИ
 КАНЪЗІА КЪ ВІКЪ РШКЕЛАНЪ ГІКЪ РЪТЪЦЪТЕ & ДЪ РУКЪ < ІТЪ < ДУДІ < ПШЕТЪ РАТЪ
 І КЪ МЪНЪ СЪТЪ ПІАІАЕ НА НЪ І ВІТЕЖЪ І ЕЛЪ ЛНЪ СТЕ ПІАКЪ ШЕ СЪ < ДУ ПУ І ЕХ І
 ПРЪСІАЦЪ І Е ДАНЪ ПІАТЪТЕ І ПІА ДАНЪ СЪ НЪ ДУДІ < АНА & ДЪ ВНЕ ХЪ ПРАЗІ ВІНЪ ІТЪ
 ЕЛАНЪ СТЕ ВІАІАЕ ІА КЪ РУШТЕ ПІА ШУТЕ МНЪ ТІА ІА ІА ШЕ НАНЪ СЪ ВЪЗТЕ СЪ І ВЪ ІТЪ
 ЕТЕ КЪ І СЪ ГЪ ПІА ДЕТЪ ВЪ І СЪ ВУ ХЪ РЕНЪЗЕ І ГРАТЕ КЪ СЪ ІА ДЪ ВЕНЪ ІТЪ < РЕ КЪ СІА
 РУШТІ МНЪ СЪТЪ ВЪ ПРАЗЕ ШЕ СЪ НА ДЛА РЕТЪ ІА КЪ РУШТІ КЪ СЪ КЪ ХЪ ШІА І СЪ ДУ ПІА ЦЪ
 І ШТЕ МІА ДНЪ МІА ЕЛАНЪ ШТЕ СЪ НЪ ВРЪ ШЕ НА ДНЪ І РЪЗІТЪ ШЕ КЪ ХЪ КЪ ПІА ТЪ МЪ КЪ СЪ ТЪ
 ЗРІА ШЕ РУШТІ КЪ ШТЕ ЦЪ ДЪ СТЕ ПІКЪ ІТАМЪ СЪ РШЕ КЪ ІА МЪ І ВЪ КЪ ДЪ ВЪ ІТЕ СЪ ІІ ДЪ ШІА
 КЪ ПЕТЪ НА ДНЪ І ПЪ ВРЪ ШЕ І ЕХЪ СЪ ГЪ І ДЕРЗІА ШЕ ДНЪ КЪ РУЦЪ ІХЪ ДУ КЪ РЫ ШЕ
 ПІА І СЪ ДЪ ЖЕ ШУТЪ ВІТЕЖЕ СЪ ГЪ ПІА ШУТЪ ВЪ ПРАЗІ І ТА КЪ РЕ КЪ ТЪ ІА КЪ ДЪ ВЪ РЕ СЪ ТЪ
 І КЪ МЪ НЪ І ГЕ ДЪ ЛНЪ СЪ МЪ СЪ КЪ РЪ КЪ ТЪ ВІА ДЪ ШЕ ІА КЪ КЪ РЪ СЪ СЪ УТЕ ДНЪ І ПІЕ НЪ
 ДЪ ХЪ МЪ СЪ ТРІА ГЪ МЪ ІА ХЪ МЪ ВІА ЦЪ АНА І ЕІ СЪ ГЪ ТРІА ГЪ НА ШЕ СЪ СІА ЖЪ УТЕ НЪ
 І ПРЪ СЪ КЪ ШІА ШУТЕ НА КЪ МЪ НЪ ВЪ ПРАЗІ КЪ ПЪ РЪ ЖЕНТЕ ТЪ ВЪ РІА ІІ ПЪ ДУ ЗРІА ШЕ ХЪ МЪ
 ІА КЪ ГЪ ІА ВІА ДІА ШУТЪ ШТЕ І СЪ УЗРЕ ХЪ МЪ ІА КЪ МЪ ТЪ СЪ СЪ УТЕ І ДУ ПІА НЪ І ГЪ ЗЕМІА ІА МЪ
 ПІА ІНЪ КЪ РЪ ШЕ ШЕ СЪ І ВІА ДЕТЪ МЕРЪ ТЪ А СЪ СІА МЪ ХЪ ІА ІА КЪ ВІА ІА КЪ РЪ ТЪ ПЪ РЪ УНІА Н
 АНЪ СЪ ВЪ РЪ ШІА І РЪ ЗІТЪ ШЕ ТЪ ДУ І СЪ СЪ ВЪ РЪ ЗІЦЪ І ДЪ ШУЕ ТЪ А ТЪ КЪ ШУТЪ І ДЪ ЖЪ
 ПІА ІНЪ СЪ ПЪ ГІ Е ДЪ НА ШІУ ВЪ РЕНЪ ЦЪ КЪ СЪ ВЕ І ЕХЪ РЪ ДУ СЪ ЛА ВЪ НЪ ДУ ШЪ ЦЪ КЪ СЪ ВЪ ДЪ
 РЪ ІА ШІ Е МЪ І ДЪ ДНЪ СЪ НА ПІА КЪ ВЪ НЪ ЖЕТЕ ВЪ ПРАЗЪ СЪ ВІ КЪ МЪ ГЪ УШЕ МЪ

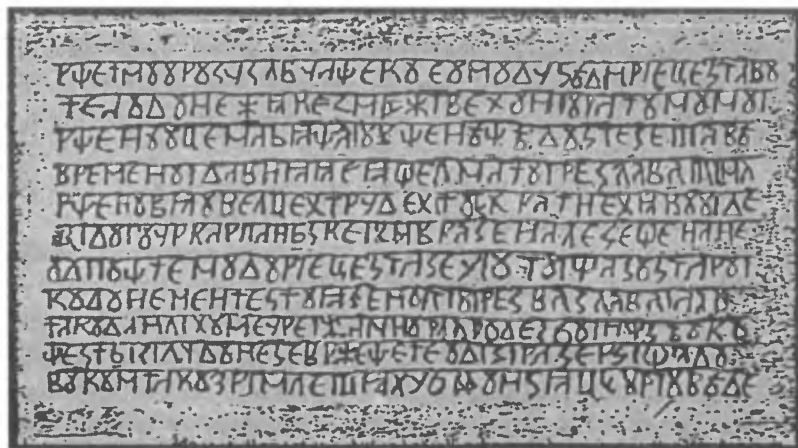
Дощечка I 25 аверс

& РЦЪ ДРЕУ СЪ ВЪ РРЪ НА ШЕ ІА КЪ СЪ МЪ І СЪ ТЪ ВЪ РЕ КЪ ТЪ ВЪ РІУ ВЪ ІА ДЪ ПЕРЪ ТЪ МІА ІА
 І РЪ ДЪ РЕ ШЕ НЪ І ЖЕ СЪ СЪ ІНЪ І СЪ ТЪ ВЪ РЕ ГЪ І СЪ ТЪ ВІТЕ СЪ ІА КЪ СЪ ІНЪ І СЪ ТЪ ВЪ РЕ ГЪ ВЪ І
 І РЪ ДЕТЪ ІА КЪ ДІ СЪ ТЪ І МЪ ТІА ІА ДЪ ЖЪ СЪ ГЪ ДЪ СЪ ІІ ВЪ ШЕ ТЪ МЪ ДЪ СЪ ТЪ РЕ ПІА СЪ УХЪ ШЕ СЪ
 СЪ ІТЪ І СЪ БІА МЪ РЕ ШЕ СЪ СЪ І МІА ІА ШЕ СЪ ТЪ ІА КЪ ДІ СЪ ІА ТЪ І КЪ КЪ РЕ ШЕ СЪ І ШЕ ТЪ ВЪ РІА
 ШЕ СЪ І НА РЪ ДЪ ВІА КЪ ВЪ ВЪ ТЪ ЖЪ НЪ СЪ ВЪ СЪ ВЕ ТЪ І ПЪ ТЪ ЦЪ ШЕ СЪ РЪ ДІА ІА ІА СЪ ТЪ ІА ГЪ НЪ
 УШЕ СЪ ІА ІІ ІЗЪ КЪ МЪ НЪ СЪ ПІА ДІА ТЪ ВЪ РІА СЪ ГЪ ЗЪ КЪ МЪ НІА ПЪ ВЪ НЪ І СЪ ВЪ КЪ ДІА КЪ ІА ТЪ СЪ
 ДНІА ІА МІА КЪ ДЪ СЪ ІІ ЦЪ ІЖЪ ВЪ ІА КЪ ГЕ НЪ ДЪ ШЕ СЪ ПІА ДЕТЪ ІА КЪ КЪ ДЪ СЪ ІІ КІ РЪ ГЪ
 ТЪ ВЪ РІА СЪ КЪ Е НЪ ТЪ ВЪ ІА КЪ ІА ШЕ НА КЪ НЕТЪ І КЪ МЪ СЪ ПЪ ДЪ РЪ СЪ ІТА КЪ СЪ ІА ДЪ СЪ І МІА ІА
 І МЪ НЪ ГІА І ШТЕ КЪ СЪ ІА ДЪ СЪ ІА ІА МЪ КЪ СЪ ВЪ ІІ ПЪ ДЪ РЪ СЪ НЪ СЪ ДЪ РЕНЪ СЪ ІА ТЪ КЪ МІ Е НЪ
 І ШЪ МЪ КЪ НЪ ПЪ РЪ ДЪ ШЕ СЪ ВЪ І ВЪ ЗІ КЪ МЪ ШЪ ТЪ ІА КЪ ІА КЪ ІТЪ СЪ ГЪ ЗІ ВІА МЪ РЕ ШУТЪ
 І ЦЪ ДЪ РЕ ВІКЪ ЗЪ ВІКЪ СЪ ІІ У ГЪ ПЕ СЪ ВЕ ТЪ ЗЪ ЖЕ НА І ЖЕ ВЪ ТЪ НІА ІІ У ГЪ ПЕ ДЪ РЪ СЪ ВЪ
 І ГЪ ПЕ МІ РЪ КЪ МЪ ЗЪ ДЪ РЪ ДІ І ПЪ ШТЕ СЪ ТЪ ГІ КЪ ГЪ І СЪ СЪ ДЪ НЪ ІА ДЪ СЪ НЪ КЪ НЪ ЖЪ НА
 ШЕ ІА КЪ МЪ СЪ ІА ВЪ ДЪ РЪ СЪ ІА ВЪ І КЪ МЪ НЪ ГЪ РЪ НЪ ШІ ПЪ РЪ ІА СЪ ВЪ НА КЪ ІЗЪ ГЪ ІА ШЕ
 НІ НЪ І ДЪ ВЕ ШЕ І ДЪ І ДУ ШЕ НІ ДЪ ВЕ ШЕ КЪ ІА ГЪ ВЪ ІА ІА ДЪ І НЪ ХЪ ТЪ ІА ШЕ СЪ КЪ СЪ ГЪ ТЪ
 < КЪ НЪ СЪ ВІА ШЕ ТРЪ ДІ ШЕ СЪ І СЪ КЪ ШЕ КЪ ГЪ ВЪ СІА КЪ МЪ ДЪ РІТЪ ІА І МЪ РЪ ПЪ ІНЪ
 ГІА ШЕ ІНІ КЪ ЖЕ ДЪ КЪ ТЪ ВЪ РІА СЪ МЪ ШЪ ТЪ А ПЪ КЪ РЪ ХЪ І ПЪ МЕНТЕ НА ШЕ СЪ ДУ ДЪ ЖЪ СЪ
 ТЪ ІА КЪ ДЪ СЪ І МІА ХЪ МЪ СЪ ІА ВЪ СЪ ВЪ А КЪ ТРІА ЖЪ ТРІ ВЪ КЪ І ПЪ ТЪ ШЕ СЪ СЪ ПЪ МЕН
 ТЪ КЪ НА СЪ ІНЪ І НА ШЕ І НЪ КІ НЕСЪ МЕНЪ ТЪ ЗЪ ПЪ ХЪ МІА ШЕ СЪ ІА КЪ ПЪ РЪ КЪ НЪ ГЕ
 НА СЪ ГЪ ЗЪ КЪ НА ШЕ СЪ ПЪ ІА ВЪ ЖЪ СЪ ІА ДЪ ІІ НЪ СЪ ГЪ ХЪ І ГЪ НУТЪ ДЪ ВІКЪ КЪ І

Дощечка I 25 реверс

Кадр из фильма «Тайны “Книги Велеса”»

Дощечка II 16 реверс (реставрация А. Асова)

БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

1. Сами дощечки. Могут находиться в библиотеке Ватикана. Также в трофейных архивах организации Аннэнербе, в г. Москва (Архив историко-документальных коллекций, филиал в Химках), а также в Польше и США (мормонское древлехранилище).

2. Рукописная копия 1924–1941 гг. Ю.П. Миролюбова (разбросана по архивам г. Аахена, г. Сан-Франциско и г. Балтимора). Большая часть находится наследника протоиерея о. Стефана (Ляшевского) издателя журнала «Нива» (США). Многое есть и в Германии (с сего мною сняты копии): J. Miroluboff, Heinrichsalle 35, Aachen, West Germany. Также у дочери А. Куренкова Любы (в 2000 году ей исполнилось 77 лет).

3. Машинописная копия, переданная А. Куру (Куренкову в Пало Альто). 1953–1959 гг.

4. Машинописная копия, переданная С. Ляшевскому в Балтимор. 1953–1959 гг.

5. Машинописная копия, переданная В.Е. Лазаревичу.

6. Машинописная копия, переданная Бутову (есть у А.И. Асова и в архиве ИМЛИ).

7. Шесть фотокопий дощечек. Музей Русского Искусства, Сан-Франциско.

Первые копии (в настоящее время эти издания являются первоисточниками).

1. «Жар-птица». (В этом ротапринтном журнале статьи А. Кура и Ю.П. Миролюбова и тексты «Велесовой книги».) Сан-Франциско. 1953–1959 гг. Большая часть номеров сего журнала есть в бывшем спецхране библиотеки ИНИОН. Также страницы сего журнала, относящиеся к «Книге Велеса», были скопированы и размножены Н. Скрипником и С. Лесным (часть в 1960 году была отослана в АН СССР для экспертизы, где и пропала). Часть номеров, отсутствующих в российских библиотеках, есть в личном архиве А.И. Асова.

2. *Лесной С.* «Влесова книга» — языческая летопись до-Олеговской Руси: (История находки, текст и комментарий). Виннипег, 1966. В книге воспроизведено 8 дощечек по изданию и с переводом А. Кура.

4. *Ребиндер Б.* Влесова книга. Франция, Руайя, 1987 г. (Ксерокопия с машинописи).

5. *Ребиндер Б.* Фонд Ребиндера, переданный в Отдел Рукописей РГБ в 1986 г. (До сего времени не в картотеке).

6. *Скрипник Н.Ф.* Влес книга: Літопис дохристияньскої Русі-України. Вип. 1–7. Лондон; Гага, 1972, 1975. (Размноженные ротапринтом копии рукописей и архивные материалы).

7. *Соколов П.* Копия «Книги Велеса», перевод и комментарии оной. Рукопись, присланная из Австралии.. (Отдел рукописей РГБ, поступление до 1995 г.). Он работал с архивами С. Ляшевского и А. Кура.

8. Копия «Книги Велеса» Ляшевского-Бутова и переписка Ю.П. Миролубова, А. Кура и пр. Архив ИМЛИ. (Поступление 1994). Также скопирована мной.

9. Копия оборотной стороны дощечки из архива С. Ляшевского, издана В. Штепой в журнале «Fakts», № 2 (VI, 1988).

10. Копии «Книги Велеса» в изданиях В.Е. Лазаревича и А. Кирпича (были у Ляшевского, Скрипника и ряда др. эмигрантов).

11. Первое полное издание А. Асова фонетически прочитанной копии всех текстов дощечек: «Книга Велеса», СПб., 2000.

Другие архивные материалы, относящиеся к «Книге Велеса»:

1. Черновик статьи А.В. Соловьева о «дощечках Изенбека». Архив РАН (Москва), Фонд Пашуто № 1890, Дело № 36.

2. Копии «дощечек» Ю.П. Миролубова, издания А. Кура, Б. Ребиндера, Н. Скрипника, С. Лесного, С. Ляшевского, их переписка, издания «Жар-Птицы», копии из архива Ж. Миролубовой, большинство изданий о «Книге Велеса», статей всех лет и всех стран, и многое-многое другое. Личный фонд А.И. Асова.

Архивы о «Велесовой книге» в Сан-Франциско (Музей Русской культуры»). Копии в Госархиве РФ, Москва. Фонд 10143. Оп. 80 и др.

1. Бумаги Ю.П. Миролубова. В 8-й коробке, материалы о Федоре Изенбеке, картины, документы и пр. В 9-й коробке, папка под заголовком «Влесова книга».

2. Бумаги Павла Тимофеевича Филиппева. В 15 коробке шесть негативов рисунков из «Велесовой книги».

3. Коллекция №69. Александр Александрович Кур, Дощки Изенбека и другие материалы, относящиеся к ним. Письма, документы (23 страницы).

4. Журнал «Жар-птица», 1952–1953 гг. Новое в нашей истории, дощечки, газеты, статьи. (49 страниц).

ИЗДАНИЯ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

Издания А.И. Асова:

1. Русские Веды // Песни птицы Гамаюн, Велесова книга. — М.: Наука и религия, 1992. — 366 С.

2. Мифы древних славян. (Здесь переиздание перевода «Велесовой книги» из «Русских Вед»). — Саратов: Надежда, 1993. — 320 с.

3–4. Велесова книга. — М.: Менеджер, 1994. — 318 с., тираж 10 000. Переиздание с исправлениями: 1995.

5. *Лесной С.* Откуда ты, Русь? (Здесь переиздание перевода «Велесовой книги» из «Русских Вед», авторское право мне возвращено по суду). — Ростов-на-Дону: Донское слово, Квадрат, 1995. — 350 с.

6. Книга Велеса. — М.: Наука и религия, 1997. — 288 с.

7–8. *Асов А.И.* Славянские боги и рождение Руси. — М.: Вече, 1999. — 544 с. (Четыре издания тиражом 50 000).

9. Книга Велеса. — СПб.: Политехника. 2000. — 480 с.

10–15. Свято-русские Веды. Книга Велеса. — М: ФАИР-ПРЕСС. 2001–2006. (Общий тираж около 400 000)

16. *Velesova kniha: svatoruske vedy. / sepsal mudrc Jagajlo Gan z rodu Stargorodskych, v Novgorode Velikem, v Surozi a Kyjeve v IX. století ; preklad a vysvetlivky A.I. Asov.; [preklad z rustiny Velemira Zelezna].* — Vyd. 1. Praha: Dobra, 2002. — 551 s. : il

Значимые издания памятника на иностранных языках:

11. «Влесова книга». Легенди. Міти. Думи. Скрижалі буття українського народу // Переклад, підготовка автентичного тексту Б. Яценка // Індоевропа, кн. 1–4. — Київ: Велесич, 1995. — 320 с.

12. Велесова књига // 1 Део. Превод и коментари Радивоје Пешић. — Београд: Пешић и синови. 1997. 200 с.

13. «The book of Vles. (Vles knyga). Hystorical manuscript from Eastern Europe // Transl. from Old Slavonic by V. Kachur. — Columbus (Ohio), 1975. — 170 s.

Издания, посвященные «Книге Велеса», с переводами текстов:

14. «Велесова книга». Перевод Геннадия Карпущина (без оригинального текста) // Сибирские огни. — Новосибирск, 1995, № 1–6. С. 39–152.

15. Карпенко Микола. «Велесова книга». Переспіви // Передм. Б. Яценко, В. Шапиро. — Київ: Український Центр духовной культуры, 1998.

КНИГИ О ТРАДИЦИИ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

Издания первых исследователей из эмиграции:

Ю.П. Миролюбов:

1. *Миролюбов Ю.П.* Собрание сочинений. 22 тома (брошюры). — Германия, Мюнхен; также Испания, Мадрид. 1974–1991 гг.

С. Лесной:

1. *Лесной С.* История русов в неизвращенном виде. — Париж. Вып. 1 1953; вып. 2 1954; вып. 3; вып. 4, 1955; вып. 5. 1955; вып. 6, 1957; вып. 7, 1958; вып. 8, 1959; вып. 9, 1959; вып. 10, 1960.

2. *Лесной С.* Тезисы доклада на V Международном съезде славистов. Славянска филология. Т.4. Доклады, съобщения и статьи по литературознание. — София, 1963.

3. *Лесной С.* Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси. — Виннипег, 1964.

4. *Лесной С.* «Влесова книга» — языческая летопись до-олеговской Руси. — Виннипег, 1966.

5. *Лесной С.* Пересмотр основ истории славян. — Мельбурн, 1956. (Продолжение Виннипег, 1972).

6. *Лесной С.* Были ли древние русы идолопоклонниками и приносили ли они человеческие жертвы? // *Жар-птица*, — Сан-Франциско, 1959, № 3. С. 15.

7. Личное дело С. Лесного (С.Я. Парамонова. Commonwealth of Australia: Commonwealth Scientific and Industrial Research Organization: Serge I. Paramonov, CSIRO Archive (Fyshwick, A.O.T) H3/1220, PH/PAR/4 (CEASED).

8. *Lesnoi Sergei.* A Biographical Dictionary of the Soviet Union 1917–1988. — London; Edinburg; Munioh; New York; Singapore; Sydney; Toronto; Wellington: Saur, 1989. — P. 234.

С.Н. Ляшевский:

1. *Ляшевский С.Н.* История христианства в Земле Русской. Очерки по Преистории Руси. — Балтимор. 1968.

2. *Ляшевский С.Н.* Доисторическая Русь. — Балтимор, 1977.

Украинские эмигранты:

1. *Шаян В.* Наивийше світло; студия про Сварога и Хорса. — Лондон, Орден, 1969.

2. *Шаян В.* Віра предків наших. — Т. 1. — Гамільтон (Канада): Видавничий комітет при Святині Дажбожій в Гамільтоні. — Онтарио, 1987. — 893 с.

3. *Шкаврїтко М.* Найістаріший літопис Руси-України // Календар канадійського фермера. 1970.

4. Издания М. Скрипника в журнале «Вільній Світ», США (1971–1974).

5. *Скрипник М.* Статті // До Джерел. Изд-во «МЛИН», Гага, 1971, переиздание 1975.

Исследования в России и на Украине.

1. *Бегунов Ю.К.* Тайные силы в истории России. — СПб., 1995.

2. *Драчук В.* Дорогами тысячелетий (здесь один из первых спокойных обзоров проблемы). — М., 1976.

3. *Грицков В.В.* Сказания русов. Часть 1. Влесова книга. — М.: «Издательский центр РИО», 1992. — 34 с.

4. *Цыбулькин В.В.* Быль «Влесовой книги». — Харьков, 1998. — 130 с.

5. *Шилов Ю.* Истина «Велесовой книги». — Київ.: Трійця, 2000. — 32 с.

Украинские издания сторонников подлинности:

1. *Лозко Г.* Українське язичництво. — Київ, 1994. — 96 с.

2. *Плачинда С.П.* Словник давньоукраїнської міфології. — Київ. 1993.

3. *Ребіндер Б.* Влесова книга: життя та релігія слов'ян. — Київ, 1993.

4. *Слабошпицький М.Ф.* З голосу ношої Клію: Події і люди української історії. — Київ, 1993.

5. *Федоренко Димитро.* «Велесова книга» — найдревніший літопис України. — Київ: Видевництво «Бібліотека українця», 1999.

КНИГИ И СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ «БОЯНОВУ ГИМНУ»

Издания «Боянова Гимна»

1–3. *Асов А.И.* Славянские руны и «Боянов гимн». Вече: 2001 и другие.

4–6. Руны славян и «Боянов гимн». ФАИР-ПРЕСС: М., 2006, и другие издания.

Текст «Боянова Гимна»

1. Рукопись с текстом «Боянова гимна». Копия, выполненная рукой А.И. Сулакадзева, из архива Г.Р. Державина в Российской национальной библиотеке (Публичная б-ка им. Салтыкова-Щердина). Отдел рукописей. Фонд 247, ед. хр. 39, лист 172.

2. Восемь строк «Боянова гимна». Г.Р. Державин. О лирической поэзии // Чтения в Беседе любителей русского слова. Книга 6, СПб., 1812. С. 5–7.

3. Переиздание восьми строк «Боянова гимна». Державин Г.Р. Сочинения Державина. (Большое академическое издание). Т. VII, СПб., 1872. С. 586–587.

4. Пересказ подстрочника «Боянова гимна» А.И. Сулакадзева. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. II, 2-е изд. СПб., 1827. С. 59. А также в книге «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинения митрополита Евгения. Изд-во Москвитянова. Т. 1., М., 1845. С. 59.

Новые издания

5. Первое полное издание текста и перевода «Боянова гимна». Подборка статей А. Асова в журнале «Наука и религия», № 4, 1995.

6–9. Переиздания. 2-е переиздание перевода «Боянова гимна» в книге «Книга Велеса» (М., 1997. С. 214). 3-е переиздание в книге «Мифы и легенды древних славян» (М., 1998. С. 297). 4-е — в книге «Славянские боги и Рождение Руси» (М., 1999. С. 484). 5-е — в книге «Книга Велеса» (СПб., 1999. С. 120) и др.

10. Перепечатка издания Г.Р. Державина и комментариев к 8 строкам гимна. В.В. Грицков. Русские письма. Ч. 2. М., 1994.

11. Псевдопереводы В.В. Грицкова и издания оригинального текста: «Ладожский документ — свидетель древней истории» (Мифы и магия индоевропейцев. М., 1995). Также в брошюре «Руны Сулакадзева» (вып. 17, 1996).

12. Переиздание 8-ми строк «Боянова гимна» из книги Г.Р. Державина и первой страницы «Боянова гимна» из его архива, но уже под названием «Ладожский документ» в книге Анны Кайи «Руны» (М., 1998).

Отзывы о «Бояновом гимне»

13. *Болховитинов Е.* Письма к Городчанинову // Журнал министерства народного просвещения. Т. XCIV, отд. VII. 1857. С. 14–15.

14. *Болховитинов Е.* Письмо к Г.Р. Державину. Опубликовано в академическом Собрании сочинений Г.Р. Державина. СПб., 1872.

15. *Болховитинов Е.* Из жизнеописания св. Мефодия. Опубликовано А.Н. Пыпиным в книге «Подделки рукописей и народных песен». СПб., 1898.

16. *Карамзин Н.М.* Письма к П.А. Вяземскому // Русский архив, 1866. С. 31, 234.

Новые отзывы

17. *Асов А.И.* Судьба «Боянова гимна» // Наука и религия, № 4, 1995. С. 12.
18. *Асов А.И.* Тризна по князю Бусу // Наука и религия, 1995, № 10. С. 40.
19. *Асов А.И.* Титулярный советник А.И. Сулакадзев // Наука и религия, 1995, № 11. С. 32.
20. *Асов А.И.* Тайна библиотеки Анны Ярославны // Наука и религия. 1995, № 10. С. 14.
21. *Асов А.И.* Куда девались русские манускрипты из библиотеки французской королевы // Чудеса и приключения. 1996, № 3. С. 34.
22. *Асов А.И.* Открытие «Боянова гимна» // Континент, (август 1997), № 33 (345).
23. *Грицков В.В.* «Гимн Бояна» — древнеславянский рунический текст // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 1. М., 1995.
24. *Грицков В.В.* Тайна библиотеки королевы Анны // Континент, 1995, № 20. С. 13.
25. О «Бояновом гимне» говорится в работе Ю.М. Лотмана «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX вв. // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962. С. 403. Переиздание: в книге «О русской литературе. Статьи и исследования» (СПб., 1997).

КНИГИ И СТАТЬИ О «ВЕДЕ СЛАВЯН»

I. «Веда славян»

1. Веда словена // Български народни песни отъ предисторично и предхристианско доба. Открыль въ Тракия и Македония и издалъ Стефанъ И. Верковичъ. Кн. 1. — Београд, 1874.
2. Веда славянъ // Обрядныя пѣсни языческаго времени, сохранившіяся устнымъ преданіемъ у македонскихъ и фракійскихъ Болгарь-Помаков. // Собралъ и издалъ Стефанъ Ил. Верковичъ. — СПб., 1881.
3. Славянские Веды // Перевод А.И. Асова. — М: ФАИР-ПРЕСС, 2003.

II. Другие книги Верковича

1. Народные былины македонских болгар // Собрал и издал Стефан Ильич Веркович. — Белград, 1860.
2. Древняя болгарская песнь об Орфее // Текст с переводом С.И. Верковича. — СПб., б.г. (В РГБ приплетено к статье о С.И. Верковиче с отзывом П.П. Бессонова о Родопских песнях).

Комментарии

1. Асов А.И. Песни древних помаков // Континет, №5 (265) (февраль 1996).
2. Асов А.И. «Веда славян» — путь длинной в полтора века // Атланты, арии, славяне. — М.: Алетейя, 1999; М.: Фаир-Гранд, 2000.
3. Асов А.И. «Веда славян» доказывает подлинность «Книги Велеса» // Наука и религия. 2001, №2.
4. Асов А.И. Статьи о «Веде славян» в сб. «Книга Велеса»: история создания, странствий в веках, борьбы в защиту ее подлинности. (Рукопись).
5. Арnaudов М. Веркович и «Веда Славена» // Сборник НУ, кн. 52, 1968.
6. Белякова Г.С. О «Велесовой книге» и славянских древностях // Альманах «Русская старина», Вып. 1-й. М., 1990.
7. Богданов И. «Веркович и «Веда славян». — София, 1992.
8. Леже Л.П. Славянская мифология // Перевод с фр. Шляпкина. (Есть отзыв о «Веде славян»). — Воронеж 1908.
9. Москов М. «Веда Словена» и Иван Гологанов // «Общ. подем.». Кн. 5. 1918.
10. Митрополит Теодосий. Иван Гологанов и «Веда Словена» // «Общ. подем.», кн. 13, 14. 1918.
11. Стоилов А. Българска книжовинити от Македония // Т. 1. (1704 — 1878). С. 84–85. — София, 1922.
12. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина // Т. 1, с. 60–61. — София, 1987.
13. Шишманов И. Френска наука и «Веда Словена» // Сб. в памет на Луи Леже. — София, 1925.
14. Документи на Българско възраждане от архива на Стефан Ил. Веркович (1860 — 1893). — София, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. «Чтобы свеча не угасла» 7

СОЗДАНИЕ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

Кто творец «Книги Велеса»? 17

Глава I. ТВОРЕЦ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

ВОЛХВ ЯГАЙЛА ГАН

Имя творца дощечек 19

Происхождение рода Ягайлы 22

Первые дела и предсказания 26

Ягайла во времена Бравлина 29

Время Гостомысла и Рюрика 31

Последние годы 35

Глава II. КАК БЫЛО НАЙДЕНО

ИМЯ АВТОРА «КНИГИ ВЕЛЕСА»

Первое упоминание имени 38

Имя творца «Книги Велеса» дано в дощечках... 40

Первые споры о происхождении дощечек 42

Первые суждения о происхождении дощечек

в советской печати 46

Открытие о. Стефана (Ляшевского) 53

ДОЛГИЕ СТРАНСТВИЯ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

Глава I. СУДЬБА РУНИЧЕСКОЙ

БИБЛИОТЕКИ НОВГОРОДСКИХ ВОЛХВОВ

Как дощечки «Книги Велеса»

попали во Францию 65

От Анны Ярославны до первых масонов

аббатства Сен-Жермен 71

От Сен-Жермена до графов Строгановых 74

Глава II. ТАЙНЫ РОДА СТРОГАНОВЫХ И... РУНЫ СЛАВЯН

Истоки рода Строгановых	80
Вечевые иделалы Строгановых и их руническая библиотека	83
Покорение Сибири и «идея прародины» согласно архивам Строгановых	86
Строгановская республика и строительство Великой России	90

Глава III. «ЗИЖДИТЕЛИ» РОССИИ И РУНЫ СЛАВЯН

Тайный круг «зиждителей»	92
Наследник дела и славы отцов	92
Якобинец Павел Строганов	100
Строгановы и... руны славян	107

Глава IV. РОССИЙСКИЕ МЫТАРСТВА СЛАВЯНСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Явление рунической библиотеки.....	110
Тайная Русская Академия и «Белая община»...	116

Глава V. ПОСЛЕДНЕЕ ХРАНИЛИЩЕ «КНИГИ ВЕЛЕСА» В РОССИИ

Как дощечки попали в Великий Бурлук	122
Расследование по делу «Книги Велеса» в Великом Бурлуке	128

СУДЬБА «КНИГИ ВЕЛЕСА» В XX ВЕКЕ

Глава I. ПОСЛЕДНЕЕ СТРАНСТВИЕ «ДОЩЕЧЕК ИЗЕНБЕКА»

Обретение «Скрижалей»	137
Легенды и факты о странствии Ф.А. Изенбека и дощечек	142
Показания о находке «Дощечек Изенбека»	152
Независимые свидетельства	152

Глава II. ЯВЛЕНИЕ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

- Как «Книга Велеса» вырвалась из плена веков 167
 Как гибли дощечки 178
 Где искать дощечки «Книги Велеса»? 198

Глава III. СУДЬБА «КНИГИ ВЕЛЕСА»

ПОСЛЕ ПРОПАЖИ ДОЩЕЧЕК

- Колоссальнейшая историческая сенсация 208
 Как были опубликованы первые
 «дощечки» в «Жар-птице» 221
 Открытие «берестяных грамот»
 и дощечки «Книги Велеса» 231
 Изучение и публикации «дощечек» после
 переезда Ю.П. Миролубова в США 236

ПРИЗНАНИЕ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

Глава I. БОРЬБА ЗА «КНИГУ ВЕЛЕСА»

- История находки и издания
 «Книги Велеса» по О.В. Творогову 267
 Строгие доказательства подлинности
 «Книги Велеса» по Л.П. Жуковской 291

Глава II. НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ, УДОСТОВЕРЯЮЩИЕ «КНИГУ ВЕЛЕСА»

- Открытие «Боянова гимна» подтверждает
 подлинность «Книги Велеса» 321
 Открытие «Веды славян» доказывает
 подлинность «Книги Велеса» 328

Глава III. ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

- «Велесоведение» в России и славянских странах 339
 «Велесова книга» и будущее России 371

Приложение. Дощечки «Книги Велеса» 383

Библиография 404

АВТОР:

Александр Игоревич Асов,
член-корреспондент Международной Кирилло-Мефодиевской академии
славянского просвещения, член Союза писателей России,
член Союза журналистов Москвы, литературовед

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Доктор филологических наук России и Болгарии Ю.К. Бегунов;
председатель Ученого совета МСУ
кандидат исторических наук В.А. Студентов

Научно-популярная версия монографии, рекомендованной
к изданию решением Ученого совета Международного славянского
университета им. Г.Р. Державина (4.07. 2000, г. Москва)

Асов А.И.

**А90 Тайны «Книги Велеса» / А.И. Асов. — М.: Вече, 2008. —
416 с. (Тайны Земли Русской).**

ISBN 978-5-9533-3156-2

«Велесова книга» — уникальный и бесценный памятник письменности славян, важнейший источник сведений о языке, культуре, вере предков всех славянских народов. А.И. Асов, переводчик и исследователь древнеславянских памятников письменности, рассказывает о создании «Книги Велеса», о странствиях древнеславянских ведических манускриптов, их изучении, и о том, как эти документы были вновь обретены в XX веке, выжив среди войн и революций. Подробно изложена история первых изданий «Книги Велеса», борьбы в защиту ее подлинности.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-3156-2

© Асов А.И., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Научно-популярное издание

Тайны Земли Русской

Асов Александр Игоревич

ТАЙНЫ «КНИГИ ВЕЛЕСА»

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Корректор *Л.В. Суркова*

Верстка *А.И. Асов*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.02.2008. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 13,0. Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 7598.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

«Велесова книга» — уникальный и бесценный памятник письменности славян, важнейший источник сведений о языке, культуре, вере предков всех славянских народов. А.И. Асов, переводчик и исследователь древнеславянских памятников письменности, рассказывает о создании «Книги Велеса», о странствиях древнеславянских ведических манускриптов, их изучении и о том, как эти документы были вновь обретены в XX веке, выжив среди войн и революций. Подробно изложена история первых изданий «Книги Велеса», борьбы в защиту ее подлинности.

ВЕ ТЗР НЕ
И Велесе
Гетар
1997121
331

ISBN 978-5-9533-3156-2

9 785953 331562

